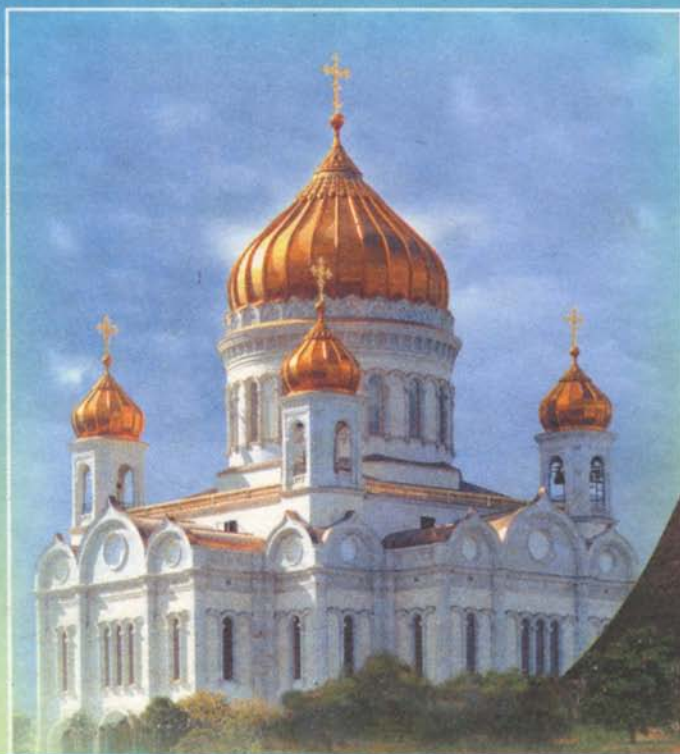

УВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА XX век

2

ВЛАДОС

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА XX век

В двух томах

Под редакцией

доктора исторических наук, профессора

А.Ф. Киселева;

доктора исторических наук, профессора

Э.М. Щагина

Издание второе, исправленное и дополненное

Том 2

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений
обучающихся по специальности «История»*

Москва

2002

*Межвузовская научная программа
«Русский язык, культура, история»*

Рецензенты:

кафедра истории России XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(зав. кафедрой акад. Ю.С. Кукушкин);
д-р ист. наук, чл.-кор. РАО Ю.В. Журов

Авторский коллектив:

Гл. 10, § 1, 3 – *А.Ф. Киселев*, § 2 – *Э.М. Шагин*,
§ 4 – *В.П. Попов*; Гл. 11, 12 – *В.П. Попов*;
Гл. 13, § 1, 2, 5 – *С.И. Дёгтев*;
§ 3, 4 – *С.И. Дёгтев*, *А.С. Сенявский*;
Гл. 14, 15 – *В.В. Кудрявцев*

Новейшая история Отечества: XX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – Т. 2. – 448 с.

ISBN 5-691-00902-8.

ISBN 5-691-00904-4(II).

Учебник составлен с привлечением новых, ранее не использовавшихся источников. Авторский коллектив переосмысливает исторический опыт российского народа за последнее столетие, насыщенное драматическими, трагическими и великими событиями. Материал изложен в проблемном ключе, ориентирующем на объективность оценки явлений прошлого и настоящего России.

Предназначен студентам исторических факультетов гуманитарных высших учебных заведений.

ББК 63.3(2)6я73

- © Коллектив авторов, 2002
- © «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2002
- © Серийное оформление обложки. «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2002

ISBN 5-691-00902-8

ISBN 5-691-00904-4(II)

**Завершение
формирования
советско-авторитарного
общества
(Часть 2)**

§ 1. Модернизация промышленности

Поиски
модели разви-
тия страны

Нэп был соткан из противоречий. Немалая их доля носила политический характер, ибо «частичное возрождение капитализма» осуществлялось партией, становление которой происходило не на путях компромисса с капиталом, а в жесткой и беспощадной борьбе с ним. Значительная часть коммунистов, а также некоторые слои населения воспринимали нэп как возвращение к частной собственности, а вместе с ней – к социальной несправедливости, неравенству, к классовым распрям. Практически не приняла новый курс «рабочая оппозиция», имевшая достаточно широкую опору в партии и рабочем классе. Шляпников и Медведев открыто заявляли, что нэп несовместим с принципами диктатуры пролетариата и противоречит духу и букве партийной программы. Они считали, что плодами победы рабочего класса воспользовались крестьянство, буржуазия и городское мещанство, тогда как пролетарии вновь превратились в эксплуатируемые слои общества. Против нэпа выступала «Рабочая группа» во главе с Мясниковым, расшифровывая эту аббревиатуру как «новая эксплуатация пролетариата». Об антинэповских настроениях в парторганизациях Москвы писал в ЦК секретарь МК РКП(б) Заславский.

Партийное руководство не могло сбрасывать со счетов и прогнозы русской эмиграции о развитии советского государства на путях нэпа. В начале 1920-х годов появилось «сменовеховство», идеологи которого, в частности Н. Устрялов, призвали эмиграцию помириться с Советской властью и отказаться от активной борьбы с ней, ибо «революционная Россия превращается по своему социальному существу в «буржуазную», собственническую страну». Неминуемо на авансцену истории, писал Н. Устрялов, выступит Россия крестьянская, и советское правительство, дабы остаться у власти, будет эволюционировать, перерождаясь «в правительство по существу своему крестьянское». Подобные утверждения перекликались с оценка-

ми нэпа внутри правящей партии, в которой значительные слои коммунистов связывали возможность реставрации капитализма с частнособственнической психологией крестьянства, способного при благоприятных условиях стать массовой опорой контрреволюции. Многие партийцы полагали, что нэп не продвигал вперед, а отбрасывал назад, консервируя рутину и отсталость страны.

Если партийным верхам удалось сравнительно быстро и безболезненно удалить из активной политической жизни лидеров «рабочей оппозиции», то с оппозициями, оформлявшимися уже в рамках нэповского курса, дело обстояло куда сложнее. В среде партийной элиты разворачиваются острые дискуссии по ключевым проблемам социально-экономического и политического развития страны, которые стали в значительной степени своеобразной идеологической завесой борьбы за власть, характерной для внутрипартийной жизни 1920-х годов.

Троцкий, одним из первых в партии предлагавший перейти от продразверстки к продналогу, уже в июле 1921 г. заявил об иррациональности нэповского курса. Преображенский, соавтор Бухарина по печально известной «Азбуке коммунизма», обратился в Политбюро с письмом, в котором предлагал определиться с «сущностью переходного периода». Бухарин предлагал считать нэп длительным процессом «врастания в социализм», в то время как значительная часть коммунистов рассматривала нэп лишь в качестве средства удержания власти до начала мировой революции. Разные политические силы в РКП(б) вкладывали в новую экономическую политику различный смысл, и политические схватки были неизбежны. Тем более, что признанный вождь партии — Ленин — из-за неизлечимой болезни сходил с политической арены и уже не мог предотвратить грядущий раскол в партийных верхах.

Первым атаковал Политбюро Троцкий. В условиях кризиса 1923 г. («ножницы цен») он обвинил «диктатуру партаппарата» в бессистемности хозяйственных решений и в насаждении в РКП(б) порядков, не совместимых с партийной демократией. Для партийных масс было откровением, что такой ярый сторонник административных рычагов управления и железной дисциплины, как Троцкий, вдруг превратился в главного демократа РКП(б). Однако, выступая за демократию в партии, Троцкий настаивал на «диктатуре

промышленности» в народном хозяйстве, что в конечном итоге не укладывалось в рамки принятого на X съезде РКП (б) курса на равноправный хозяйственный союз рабочего класса с крестьянством. Одновременно с Троцким в Политбюро с письмом обратились 46 видных членов партии («Заявление 46-ти», подписанное Преображенским, Серебряковым, Бубновым, Пятаковым и др.), в котором «фракцию большинства в Политбюро» обвиняли в непоследовательной политике, приведшей к острому экономическому кризису в стране. Политбюро проявило терпимость к оппонентам, приняв в декабре 1923 г. резолюцию, учитывавшую предложения оппозиции по оздоровлению внутривластной жизни.

Троцкий, расценив уступку Политбюро как свою победу, в декабре 1923 г. опубликовал в «Правде» четыре статьи под общим заглавием «Новый курс». Критика партаппарата, а по существу, старой партийной гвардии по политическим и экономическим вопросам, была продолжена. Троцкий обращается к молодежи как силе, способной вдохнуть новую жизнь в партию, которая уже начала бюрократически и идейно перерождаться.

Сложившийся на основе борьбы с Троцким триумвират — Сталин—Зиновьев—Каменев — сумел на XIII партконференции (январь 1924 г.) провести резолюцию, характеризовавшую взгляды Троцкого и его сторонников как «прямой отход от ленинизма» и как «мелкобуржуазный уклон в партии». В мае 1924 г. решение партконференции поддержал XIII съезд РКП(б). Судьба Троцкого была предрешена. Вскоре он лишается руководящих постов в партии и армии, но продолжает оставаться авторитетным лидером, способным претендовать на ведущие роли в партии и государстве.

Внутрипартийные дискуссии вступают в новую фазу. Если борьба с Троцким шла под флагом защиты чистоты ленинизма от посягательств «мелкобуржуазного оппортунизма и ревизионизма», то теперь дискуссии разворачиваются по широкому спектру проблем перспектив политического и социально-экономического развития страны.

К концу 1924 г. партийное руководство делает вывод о завершении восстановительного периода, когда советская экономика впервые дала объемы продукции, сопоставимые с до-революционными. Отныне промышленное производство не могло расти исключительно за счет пуска прежде стоявших

предприятий. Становилось очевидным, что промышленный потенциал, оставшийся в наследство от старой России, не обеспечивал приемлемых темпов экономического развития, так как основные производственные фонды фабрик и заводов морально устарели и безнадежно отставали от современных требований.

Свою роль играли и внешнеполитические факторы. В середине 1920-х годов ухудшились взаимоотношения СССР с Великобританией и Китаем. В августе 1924 г. был принят «план Дауэса», и в Германию широким потоком пошли иностранные, в основном американские, кредиты. Советское правительство неоднократно подчеркивало, что страна находится во враждебном империалистическом окружении и живет под постоянной угрозой войны. Аграрная страна не имела шансов выстоять в случае военного противоборства с индустриально развитыми державами. Необходимость модернизации промышленности становилась все более очевидной.

Наконец, предстояло решать и проблемы размещения экономического потенциала, который в основном сосредоточивался в европейской части страны. Причем только в Центральном промышленном районе, занимавшем всего 3 % территории республики, концентрировалось 30 % промышленного потенциала и около 40 % квалифицированной рабочей силы. Этот район давал 25 % национального дохода. Требовалось новое размещение производственных мощностей. Изменения международной обстановки, особенно стабилизация капитализма в Европе и Америке, сделавшая иллюзорными надежды на мировую революцию, заставляют Сталина активно включиться в разработку новой партийной идеологии. На сложные, злободневные вопросы времени («Как должна отразиться временная стабилизация капитализма на судьбах социализма в нашей стране? Не есть ли эта стабилизация конец или начало конца социалистического строительства в нашей стране?») он отвечает, что для партии уже нет необходимости ожидать пришествия мировой революции, а следует, не теряя времени, приступать к социалистическому строительству в СССР. Сталин отказывается от концепции мировой революции и мирового социализма, а проблему «строительства социализма в одной стране» переводит из плоскости абстрактно-теоретической в область «партийной практики», считая, что «либо мы рассматриваем нашу страну как базу

пролетарской революции, либо мы базой революции не считаем нашу страну... — и тогда, в случае оттяжки победы социализма в других странах, должны мириться с тем, что капиталистические элементы нашего народного хозяйства возьмут верх, Советская власть разложится, партия переродится». За нэпом экономическим, по логике Сталина, неизбежно последует нэп политический и реставрация буржуазных порядков.

Осенью 1925 г. против сталинской теории «социализма в одной стране» выступил Зиновьев. В книге «Ленинизм» он подверг критике «национально-ограниченные» взгляды Сталина, связав возможности социалистического строительства в СССР только с победой революций в Европе и США. При этом Зиновьев сделал шаг навстречу Троцкому, поддержав его выводы о невозможности победы социализма в СССР без мировой революции. В адрес ЦК накануне его октябрьского 1925 г. Пленума поступило «Заявление четырех» (Зиновьева, Каменева, Сокольников, Крупской), в котором предлагалось начать открытую дискуссию в партии по спорным вопросам. Вскоре оформилась так называемая «новая оппозиция».

Основные события развернулись на XIV съезде партии (декабрь 1925 г.), где «новая оппозиция» попыталась дать бой Сталину и Бухарину. Зиновьев выступил на съезде с докладом от оппозиции, в котором критиковал сталинские идеи о возможности победы социализма в СССР, а Бухарина за недооценку опасности усиления капиталистических элементов в условиях нэпа. Главным для оппозиции было смещение Сталина с поста генсека. Каменев заявил, что «Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба», предложив отказаться от идеи вождя. Аналогичную позицию занял и Сокольников. Удар был направлен и против Бухарина, энергично поддерживавшего Сталина. Требование «новой оппозиции» смещения Сталина с поста генсека аргументировалось тем, что он попал «в плен» к Бухарину. Троцкий на съезде не выступал.

Сталину удалось изолировать на съезде оплот оппозиции — делегацию от Ленинградской парторганизации и провести свои решения. XIV съезд ВКП(б) вошел в историю как съезд индустриализации, хотя о ней в его постановлениях говорилось лишь в самых общих чертах. Тем не менее съезд принял исключительно важное решение взять курс на достижение

экономической самостоятельности Советского Союза. В области развития народного хозяйства съезд ставил задачи: «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования».

Произошли изменения в составе руководящих органов партии: в Политбюро вошли надежные соратники Сталина. В январе 1926 г. Зиновьев был смещен с поста руководителя ленинградской парторганизации, которую возглавил Киров. Сталинская группа окончательно укрепила свои позиции руководящего партийного ядра.

После XIV съезда ВКП(б) уже не нужно было убеждать партию в необходимости индустриального рывка. Эту задачу ставила сама история, и решение ее отвечало национальным интересам страны. Споры развернулись вокруг методов, темпов и источников накопления для индустриального обновления СССР. Обозначились два лагеря: левые во главе с Троцким звали к сверхиндустриализации, правые под руководством Бухарина ратовали за более мягкие преобразования. Последовательный троцкист Преображенский в книге «Новая экономика» утверждал, что в условиях враждебного международного окружения и экономической отсталости страны средства, необходимые для индустриализации, могут быть получены только за счет их «перекачки» из сельского хозяйства в промышленность с помощью соответствующего налогообложения крестьянства и неэквивалентного товарообмена между городом и деревней. Примерно тех же позиций придерживался и Троцкий, считавший, что нужно обложить крестьянство «индустриальной данью».

Бухарин полагал, что такая политика разрушит «союз рабочих и крестьян». По Бухарину, напротив, вначале следовало обеспечить хозяйственные потребности крестьянства и развивать рыночную экономику. Крылатым стало его обращение к крестьянам (апрель 1925 г.) — «обогащаться, не боясь никаких репрессий». Бухарин предлагал двигаться к социалистической экономике «черепашьими шагами», постепенно создавая соответствующие предпосылки для индустриализации.

В апреле 1926 г. Пленум ЦК ВКП(б) рассмотрел проблемы хозяйственной политики, уделив особое внимание источникам накопления средств для индустриализации. Рыков, основной докладчик от ЦК, проводил мысль о том, что успехи индустриальной политики зависят от накоплений внутри промышленности. Крестьянство окажет рабочим помощь — и деревня выступит в качестве одного из главных источников для ускоренного развития промышленности, но с нее нельзя брать, по утверждению Рыкова, столько, сколько брали до революции.

Весной 1926 г. оформилась объединенная троцкистско-зиновьевская оппозиция. От нее на Пленуме выступал Троцкий, обвинивший Рыкова в недооценке необходимости ускоренной индустриализации и возможностей деревни как основного источника накоплений для промышленности. В этом же духе высказывались Зиновьев, Каменев, Пятаков и др. Однако большинство членов Пленума во главе со Сталиным поддерживали Рыкова. Сталин предельно ясно заявил, что «индустрия должна базироваться на постепенном подъеме благосостояния деревни» и отстаивал тезис о «минимальном темпе развития индустрии, который необходим для победы социалистического строительства». Он настаивал на первоочередном развитии ключевых отраслей промышленности, способных обеспечить технологический прорыв во всех областях экономики. Казалось, несмотря на все трудности, партия находит верный путь социально-экономического развития страны.

**Первый пяти-
летний план
1928–1933 гг.** Осенью 1926 г. XV партконференция записала в своих решениях: «Имея в виду необходимость форсировать постановку в нашей стране производства орудий производства с целью уничтожения зависимости от капиталистических стран в этой решающей для индустриализации области, конференция ставит перед государственными и хозяйственными органами задачу всемерного развития машиностроения». Тем самым было определено ключевое звено в индустриализации и брался курс на высокие темпы ее осуществления.

В резолюциях конференции определялись и источники накопления для индустриализации: вложение «в индустрию новых масс прибавочного продукта, создаваемого внутри самой промышленности», использование через госбюджет доходов других отраслей народного хозяйства, привлечение сбе-

режений населения через кооперацию, сберкассы, кредиты, государственные займы и др. Причем делегаты конференции категорически осудили «взгляды оппозиции о необходимости проведения индустриализации путем такого обложения деревни и такой политики цен, которые неизбежно привели бы к приостановке развития сельского хозяйства...»

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) принял директивы по составлению первого пятилетнего плана. В этом документе, не содержащем конкретных плановых заданий, формулировались принципы планирования, базировавшиеся на строгом соблюдении пропорций между накоплением и потреблением, промышленностью и сельским хозяйством, тяжелой и легкой промышленностью, ресурсами и др. Съезд исходил из верной установки на сбалансированное развитие народного хозяйства.

Госплан и ВСНХ на основе директив съезда приступили к разработке контрольных заданий первой пятилетки. Причем у руководителей Госплана (Кржижановский) и ВСНХ (Куйбышев) были различные подходы к индустриализации. Кржижановский выступал за поэтапное реформирование народного хозяйства, предусматривающее на первом этапе развитие добывающей промышленности и на трех последующих – реконструкцию транспорта, энергетики, рациональное размещение производительных сил и последовательный подъем товарности сельского хозяйства. ВСНХ во главе с Куйбышевым трактовал индустриализацию как ускоренное развитие промышленности и прежде всего производства средств производства. В конечном итоге упор был сделан на отказ от импорта сложной техники и развитие собственных, передовых в ту пору отраслей: машиностроения, энергетики, химической промышленности, металлургии, способных индустриально поднять всю промышленность и сельское хозяйство.

По предложению председателя Госплана СССР Кржижановского разрабатывались два варианта пятилетнего плана – отправной (минимальный) и оптимальный. Задания оптимального варианта были примерно на 20 % выше отправного. ЦК ВКП(б) за основу взял оптимальный вариант плана, который в мае 1929 г. V Всесоюзный съезд Советов принял как закон.

При оценке первого пятилетнего плана историки единодушно отмечают взвешенность его заданий, которые, несмотря на их масштабность, были вполне реальны для выполнения. Пла-

ном предусматривалось увеличить за пятилетие выпуск промышленной продукции на 180 %, производство средств производства — на 230, сельскохозяйственной продукции — на 55, национального дохода — на 103 %. Речь шла об исключительно быстром прогрессе, не имеющем аналогов в мировой истории. Устанавливались и некоторые абсолютные показатели. Так, производство чугуна должно было вырасти до 10 млн. т., электроэнергии до 22 млрд. кВт. Предусматривался и достаточно существенный прирост сельскохозяйственного производства, а также предметов потребления. Производительность труда в промышленности должна была вырасти на 110 %, реальная зарплата — на 71, доходы крестьян — на 67 %. План должен был осуществляться в условиях нэпа на основе хозрасчета предприятий и с опорой на рыночные методы стимулирования развития производства.

В декабре 1929 г. на съезде ударников Сталин выдвинул лозунг «Пятилетку — в четыре года!». Одновременно пересматриваются плановые задания в сторону их увеличения. Ставилась задача ежегодно удваивать капиталовложения и увеличивать производство продукции на 30 %. Страна была обязана выпускать вдвое больше, чем планировалось вначале, цветных и черных металлов, автомобилей, сельскохозяйственных машин, чугуна и др. Запроектированные мощности гигантов первой пятилетки — Кузнецка и Магнитогорска — повышаются в четыре раза. Берется курс на «большой скачок» в развитии промышленности, который во многом был связан с нетерпением партийного руководства, а также широких слоев населения разом покончить с острыми социально-экономическими проблемами и обеспечить победу социализма в СССР революционными методами коренной ломки сложившегося хозяйственного уклада и народнохозяйственных пропорций. Свою роль сыграло ложное убеждение, имеющее глубокие корни в большевизме, что в экономике можно действовать так же, как и в политике, — организовать и вдохновить массы высокими идеями и бросить их в решительный бой за осуществление светлых идеалов.

В конце 1920-х годов левый курс имел существенные шансы на успех. «Подросло новое поколение, кровно связанное с новыми условиями жизни, — писал Н. Устрялов, — первое поколение революции. Государство стало сильнее за эти годы, сильнее и политически, и экономически. Ему уже есть, что

предъявить. Есть промышленность, есть кооперация, есть более или менее налаженный административный аппарат. Все это — чрезвычайно важные факторы.»

Последняя организованная оппозиция в партии — «правый уклон» во главе с Бухариным — была разгромлена, и единство партийных рядов могло обеспечить политически и организационно успех нового курса свертывания нэпа и переход к централизованному управлению народным хозяйством. Сталин хорошо знал, что основная масса коммунистов психологически готова к очередному штурму капитализма и поддержит руководство при переходе к форсированию строительства социализма. Так, на XIV съезде партии Сталин, выступая с политическим отчетом ЦК, говорил: «Если задать вопрос коммунистам, к чему готова партия, — к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняками, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака».

Ставка на индустриальный рывок тесно связана с курсом на сплошную коллективизацию сельского хозяйства, которая подчиняла этот обширный сектор экономики государству и создавала благоприятные условия для перекачки финансовых, сырьевых и трудовых ресурсов из аграрной в промышленную сферу.

Говоря о причинах поворота к индустриальному скачку, следует иметь в виду и внешнеполитические аспекты. Во второй половине 1929 г. западные страны из периода стабилизации вступают в полосу тяжелейшего кризиса и в советском руководстве вновь появляются надежды и крепнет убежденность в приближающемся крахе буржуазного мира. В этих условиях, как считали в Кремле, наступил благоприятный момент для индустриального рывка в передовые державы, тем самым исторический спор с капитализмом мог решиться в пользу социализма. Поэтому не случайно, что, обосновывая поворот к форсированной индустриализации, Сталин особо подчеркивал: «...задержать темпы — значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Такой призыв многим представлялся единственно верным решением и нашел отклик в широких слоях населения.

Страну буквально охватила индустриальная лихорадка. В водоворот промышленного строительства были втянуты миллионы людей, в большинстве своем с энтузиазмом обустривавшие свое Отечество. В результате самоотверженного труда советского народа за годы первой пятилетки было введено в действие 1500 новых промышленных предприятий. На востоке страны появилась новая угольно-металлургическая база — Урало-Кузбасс с главными центрами в Магнитогорске и Кузнецке. В Мариуполе, Сталинграде, Москве, Никополе и Первоуральске были построены заводы по выплавке качественных металлов и прокатке труб. Крупные автомобильные заводы появились в Горьком и Москве, тракторные — в Сталинграде, Харькове и Челябинске, сельскохозяйственного машиностроения — в Ростове-на-Дону и Запорожье, тяжелого машиностроения — в Горловке, Краматорске, Свердловске (Уралмаш). Были воздвигнуты химические комбинаты в Березняках, Соликамске, Бобриках и др., наряду с крупнейшими электростанциями (Днепрогэс) был сооружен ряд крупных тепловых электростанций. Индустриализация союзных республик, в прошлом национальных окраин России, шла в основном за счет высоко развитых районов РСФСР. Дотации из общесоюзного бюджета намного превышали собственные накопления многих союзных и автономных республик.

Машиностроение добилось серьезных успехов. Появились целые отрасли, каких не было в дореволюционной России: авиационная, тракторная, электроэнергетическая, химическая промышленность и др. Станочный парк в промышленности обновился более чем наполовину. СССР из страны, ввозящей промышленное оборудование, превращался в страну, производящую оборудование.

Советский союз испытывал дефицит в инженерно-технических кадрах. К началу первой пятилетки в промышленности работало всего 24,2 тыс. инженеров и техников, что составляло менее 1 % к общему числу рабочих. В целях разрешения проблемы квалифицированных кадров была перестроена и расширена сеть технических вузов, увеличены фонды их финансирования, открыты промышленные академии, заводы-вузы, развернуты вечерние отделения в институтах, одновременно увеличено число рабфаков. В практику вошло направление на учебу передовых рабочих по путевкам партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. В резуль-

тате в первую пятилетку страна получила 128,5 тыс. специалистов с высшим и средним образованием, причем 45 % пополнения составляли вчерашние рабочие.

Достижения впечатляющие, но не менее впечатляющими были и провалы «большого скачка» в индустриализации. Запланированные задания «первой пятилетки» по существу были сорваны, и реальные результаты далеко отставали не только от контрольных цифр завышенного, но и первоначального «оптимального» плана.

Темпы развития индустрии упали с 23,7% в 1928–1929 гг. до 5 в 1933 г., а нехватка средств привела к прекращению ассигнований 613 из 1659 основных строящихся объектов тяжелой промышленности. Была провалена программа развития черной металлургии: вместо предусмотренных пятилетним планом ввода 60 доменных печей в строй вошло 32, из предусмотренных к пуску 57 прокатных станов фактически введено в эксплуатацию 13, из намеченных планом пуска 70 мартеновских печей – 38. В связи с эмиссией усилились инфляционные процессы. Нарастала социальная напряженность в городах, куда устремились миллионы согнанных коллективизацией с родных мест сельских жителей. Дешевый труд вчерашних крестьян широко использовался на стройках пятилетки, многие объекты которой сооружались вручную, и промышленный рост шел не путем повышения производительности труда, а за счет привлечения новых рабочих рук.

Вновь построенные предприятия долго и с большим трудом выходили на запроектированные мощности. В силу низкой квалификации новых рабочих медленно осваивалась техника. Дорогостоящие импортные машины приходили в негодность или долго не могли дать соответствующих стандарту норм производительности. Начальник Главцветметзолото А. Серебровский писал в марте Г. Орджоникидзе об обследовании работы Калатинского и Красноуральского медных комбинатов: «Когда пустили 1 января этот завод, его новенькое, с иглочки, оборудование было в порядке. За два месяца его покалечили, поломали и свое неумение работать свалили на Кушвинскую станцию; которая давала ток с перебоями. Многие руководители хорошо проявляли себя при строительстве заводов, но слабо справлялись с организацией эксплуатации новых предприятий.» Высок был процент брака: на отдельных предприятиях Москвы он колебался от 25 до 65 %.

От темпов индустриализации отставала система коммуникаций – узким местом оставались железнодорожный, морской и речной транспорт. Из предусмотренных планом строительства новых транспортных путей была реализована только треть, а радикальная модернизация транспорта так и не началась. В народном хозяйстве складывались серьезные диспропорции: легкая промышленность была принесена в жертву тяжелой индустрии и стала серьезно отставать от нее; сельскохозяйственное производство претерпевало не подъем, а упадок. Именно в годы «большого скачка» сформировались глубокие народнохозяйственные диспропорции, которые на десятилетия вперед будут характерны для всего развития экономики и общества в СССР.

Победоносный тон центральной и местной прессы об успехах сталинской индустриализации входил в резкое противоречие с реальными проявлениями острого социально-экономического кризиса, разразившегося в стране в 1931–1932 гг. В ВКП(б) звучали голоса о порочности политики Сталина. Так, М. Рютин писал в обращении «Ко всем членам ВКП(б)»: «Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение реальной заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляция, рост цен и падение стоимости червонца, авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора... привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревне, так и в городах...»

Историки сходятся во мнении, что провалы в выполнении первой пятилетки заставили сталинское руководство объявить о ее досрочном выполнении (за четыре года и три месяца) с тем, чтобы внести коррективы в планирование.

В годы второй и третьей пятилеток	На январском 1933 г. Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин заявил, что теперь нет необходимости «подхлестывать и подгонять страну» и следует снизить темпы промышленного строительства.

В январе-феврале 1934 г. XVII съезд ВКП(б) утвердил второй пятилетний план развития народного хозяйства на 1933–1937 гг. В нем среднегодовые темпы прироста промышленной продукции снижались до 16,5 % (против 30 % в первой пятилетке). Были учтены просчеты в развитии легкой промышленности, которая теперь по среднегодовому росту производства (18,5 %) должна была опережать тяжелую индустрию (14,5 %). Капитало-

вложения в легкую промышленность увеличивались в несколько раз. Кроме того, предполагалось расширить выпуск продукции народного потребления и на предприятиях тяжелой индустрии.

В промышленности планировалось повысить производительность труда на 63 %, снизить себестоимость продукции на 26 % и выполнить громадную строительную программу. Предстояло создать новые опорные базы индустриализации на Урале, Западной и Восточной Сибири, Башкирии, Казахстане, Средней Азии. В эти районы направлялось около половины всех капиталовложений на новое строительство в тяжелой промышленности.

Планом предусматривалось приближение легкой и пищевой промышленности к источникам сырья. Большая часть новых текстильных предприятий размещалась в Средней Азии, Сибири и Закавказье.

Основное внимание ВКП(б) по-прежнему сосредоточивала на решающих участках технической реконструкции: энергетике и машиностроении, черной и цветной металлургии, топливной промышленности и транспорте.

Наряду со снижением темпов прироста промышленной продукции и капиталовложений для второй пятилетки характерно частичное возрождение принципов нэпа, попыток опереться на хозяйственный расчет, расширить самостоятельность предприятий и разбудить инициативу хозяйственных руководителей, оживить материальное стимулирование труда и расстаться с уравниловкой. Окончательно как «левацкие» были осуждены совсем недавно популярные идеи отмирания денег и перехода к прямому продуктообмену. Теперь, напротив, основными задачами считали укрепление рубля, рост роли кредитов, необходимость оздоровления финансов и др.

Все это позволило находившемуся в эмиграции Троцкому говорить даже о «сталинском неонэпе» (понятие «неонэп» было введено в оборот известным теоретиком сменовеховства Н. Устряловым).

Немало экономических экспериментов проводилось в системе Наркомата тяжелой промышленности, которым руководил Орджоникидзе.

Георгий (Серго) Константинович Орджоникидзе (1886–1937). Родился в Грузии. Из дворян. Получил образование фельдшера. С 1903 г. – большевик. Вел революционную работу в Грузии и Азербайджане. В

1909–1911 гг. занимался поставкой оружия иранским революционерам. С 1912 г. – член ЦК РСДРП(б). Неоднократно подвергался репрессиям.

В марте-мае 1917 г. – член ревкома, комиссар Комитета Общественной безопасности Якутска. В июне 1917 г. прибыл в Петроград, выполнял ряд ответственных поручений партии (в частности, был связным между ЦК и Лениным, находившимся в подполье). Активный участник Октябрьского вооруженного восстания, подавления мятежа Керенского-Краснова. С декабря 1917 г. временный чрезвычайный комиссар на Украине, с весны 1918 г. – временный чрезвычайный комиссар юга России. Сыграл большую роль в борьбе с Деникиным и в установлении советской власти на Северном Кавказе и в Закавказье. С 1920 по 1926 г. – председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б), 1-й секретарь Закавказского крайкома партии. В 1926–1930 гг. председатель Центральной Контрольной Комиссии и нарком Рабоче-Крестьянской Инспекции, активный участник борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией и «правыми». В 1930 г. становится членом Политбюро ЦК РКП(б) и возглавляет Высший Совет Народного Хозяйства, с 1932 г. – нарком тяжелой промышленности. С деятельностью Орджоникидзе на этих постах связаны значительные достижения (рост производительности труда, усиление интенсификации производства, возникновение новых отраслей промышленности, подготовка квалифицированных кадров). Он поддержал начинание представителей Макеевского металлургического завода, давших на совещании металлургов в декабре 1934 г. обещание перейти на работу без государственных дотаций. Спустя три месяца макеевцы с обязательствами справились.

Орджоникидзе распространил опыт Макеевского завода на всю тяжелую промышленность, в которой к концу 1936 г. значительно снизилось потребление государственных дотаций, и увеличилось финансирование развития заводов из собственных средств более чем в два раза. Отличаясь жестким характером и предпочитая суровые административные методы руководства, Орджоникидзе, тем не менее, пытался сбить волну террора, обрушившуюся на его наркомат, из-за чего ухудшились его отношения с НКВД (арестовавшим его брата) и со Сталиным. Впав в тяжелую депрессию, вероятнее всего, покончил жизнь самоубийством, хотя в литературе бытует и версия о его убийстве.

Однако в 1938 г. тяжелая промышленность вновь попала в разряд убыточных и смогла сводить концы с концами только после повышения цен на ее продукцию.

После того как Сталин резко осудил уравниловку в оплате труда, была изменена политика в области зарплаты. В 1935 г. в промышленности, в сельском хозяйстве, в строительстве и на транспорте широко внедрялась прогрессивная сдельная оплата труда, резко повысившая личную материальную заинтересованность работников в росте производительности тру-

да. Широко практиковалась сдельно-премиальная оплата за выполнение и перевыполнение количественных и качественных заданий. Вводилась большая дифференциация в оплате — в зависимости от условий работы, степени ее трудности, квалификации, знаний и стажа работников. Тем самым создавались конкретные стимулы не только для ударников труда, но и вообще для каждого работника, желающего повысить свою квалификацию, сноровку и умение. «На всех участках народного хозяйства, — говорилось в справке сектора труда Госплана СССР (1935 г.), — где применялась прогрессивно-сдельная оплата труда, мы получили громадный хозяйственный эффект, выразившийся прежде всего в огромном росте производительности труда... Особенно большой эффект дала прогрессивно-сдельная оплата труда в отраслях тяжелой индустрии, черной и цветной металлургии, каменноугольной, машиностроения и химии.»

Яркой страницей в истории индустриализации стало стахановское движение, охватившее широкие слои рабочих. Имя движению дал шахтер Алексей Стаханов, установивший в ночь с 31 августа на 1 сентября 1935 г. рекорд, в 14 раз перекрывший норму за смену. Успехи Стаханова получили всесоюзную известность, и поддержанное партийными органами движение быстро распространилось на все отрасли промышленности. По сути, национальными героями, наряду со Стахановым, стали шахтер Н. Изотов, кузнец А. Бусыгин, машинист А. Кривонос, металлург А. Мазай, текстильщицы Евдокия и Мария Виноградовы и многие другие. Стахановцы появились практически на каждом предприятии. На распространение стахановского движения, сыгравшего важную роль в развитии промышленности, оказало влияние материальное стимулирование повышения норм выработки. Стахановцы, показавшие высокие трудовые результаты, оплачивались на порядок выше, чем средние рабочие. Важное значение имел и социальный фактор: стать стахановцем — значило попасть в элиту рабочего класса, получить известность, признание, возможность продвинуться в жизни. Среди мотивов высокопроизводительного труда рабочих следует отметить и патриотизм — стремление рабочих всеми силами помочь Отечеству встать в один ряд с индустриально развитыми странами и доказать, что советский рабочий ни в чем не уступает европейскому или американскому.

В годы индустриализации изменился состав рабочего класса. Если в 1926–1929 гг. численность рабочих пополнилась выходцами из деревень на 45 %, а служащих – почти на 7 %, то в годы первой пятилетки из 12,5 млн. нового пополнения рабочих и служащих 8,5 млн. составляли крестьяне. Им требовалось время, чтобы освоить фабрично-заводской труд и новую технику. Новые заводы строили в сжатые сроки, но запускали их на проектную мощность с большим трудом. Хрестоматийным стал пример с пуском тракторного завода в Сталинграде. Быстро построили корпуса завода, а вот выйти на полные мощности смогли лишь через два года, поначалу выдавая с конвейера один-два трактора за смену вместо 144 по плану.

Промышленность остро нуждалась в квалифицированных кадрах. Среди работников крупной промышленности удельный вес рабочих в возрасте до 23 лет достигал 37,4 %. Им еще только предстояло получить соответствующую квалификацию. «Кадры, овладевшие техникой, решают все!» – эти слова Сталина стали лозунгом, под которым шла профессионально-техническая подготовка рабочих. Осенью 1933 г. школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) были реорганизованы в профессиональные учебные заведения для подготовки рабочих массовых специальностей. Для учащихся, овладевавших сложными профессиями, срок обучения был увеличен до двух, а затем и трех лет. За годы второй пятилетки обучение в школах ФЗУ прошло 1,4 млн. рабочих, втрое больше, чем в первой пятилетке. При фабриках и заводах открывались курсы повышения квалификации, создавались условия, стимулирующие учебу трудящихся «без отрыва от производства» в вечерних школах и вузах.

Была введена обязательная государственная проверка знаний рабочих, обучавшихся техминимуму в кружках и на курсах. В 1937–1938 гг. гостехэкзамены сдали свыше 4 млн. чел., среди которых 2 млн. 800 тыс. – рабочие промышленности и строительства. Вспоминая об энтузиазме, с которым относились рабочие к учебе, крупнейший советский металлург, академик И. Бардин писал: «Десятки тысяч людей впитывали в себя знания как мудрость, как откровение, внезапно открывшие им глаза на мир...» Вчерашние крестьяне, в большинстве неграмотные, попав в город и получив возможность учиться, смотрели на знания как средство, дающее им силу и

прокладывающее путь к «жизни, полной смысла, борьбы и интереса».

Хотя задания второй пятилетки, особенно в части роста народного благосостояния, развития легкой и целого ряда отраслей тяжелой промышленности, не были выполнены, но ее общие итоги оказались более успешными, чем показатели первой пятилетки.

Производительность труда увеличилась вдвое против 41 % за первую пятилетку. Импорт станков для машиностроительной промышленности сократился в общем объеме потребностей в станках с 66 % в 1928 г. до 14 % в 1935 г. В целом импорт техники в годы второй пятилетки уменьшился более чем в 10 раз в сравнении с первой пятилеткой, что позволило снизить задолженность по иностранным кредитам с 6300 млн. руб. в 1931 г. до 4000 млн. руб. в 1936 г. С 1934 г. СССР уже имел активный торговый баланс. Страна обрела экономическую независимость и самостоятельность. С новых предприятий было получено более 80 % всей продукции промышленности. Почти удвоилась добыча каменного угля, добыча нефти возросла приблизительно в 1,4 раза, производство проката увеличилось более чем в 3 раза. Высокими темпами роста отличались выплавка электростали и производственного проката, цветных металлов, химическое производство и др.

В середине 30-х годов формируется советский военно-промышленный комплекс. 8 декабря 1936 г. постановлением ЦИК СССР был образован Народный комиссариат оборонной промышленности. Новому наркомату подчинялись 47 авиационных, 15 артиллерийских, 3 оружейных, 9 оптико-механических, 7 трубочно-взрывательных, 10 танковых, 10 судостроительных заводов, 23 военно-химических предприятия, 3 завода по производству минного, торпедного и бомбового вооружения, 8 предприятий точного машиностроения и др. Кроме того, в составе наркомата сформировались 57 военно-промышленных, научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций, 65 высших и средних специальных учебных заведений. Это был, по существу, гигантский концерн, включавший в себя все виды машиностроительной промышленности и металлообработки, многие виды химической промышленности и целый ряд вспомогательных производств.

Вместе с тем сталинского неонэпа не получилось. Верх взяла ориентация на максимальную централизацию и укрепление плано-распределительного механизма управления. Этому способствовали многочисленные факторы: растущая нехватка ресурсов и материальных средств, когда их приходилось распределять по предприятиям в соответствии с приоритетами; концентрация средств и сил на ударных объектах в ущерб другим, система политического руководства, сложившаяся на директивно-приказных принципах, государство как единственный собственник основных производственных и иных фондов и др.

Самостоятельность предприятий была минимальной: все основные показатели их деятельности — от штатов и фонда оплаты труда до определения поставщиков и клиентов — спускались сверху. Все фабрики и заводы находились в строгом подчинении соответствующих наркоматов в лице их главков. Понятие планирования расширилось до того, что стало включать в себя как составление перспективных программ, так и элементы текущего управления. Планом стала не только пятилетка, но и те задания, которые получало на протяжении года каждое предприятие.

В марте 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) одобрил третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942). В нем ставились задачи: увеличить объем промышленной продукции почти в 2 раза, создать крупные государственные резервы и мобилизационные запасы, прежде всего по топливу и оборонной продукции; в 1,5 раза увеличить народное потребление, увеличить в 1,5 раза производство продукции сельского хозяйства. Основную экономическую задачу ВКП(б) видела в том, чтобы «догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени». План третьей пятилетки вновь подтверждал, что абсолютный приоритет принадлежит тяжелой индустрии.

Страна с огромным трудом справлялась с заданиями третьей пятилетки. Сказались репрессии 1937–1938 гг. Невосполнимый ущерб был нанесен хозяйственным кадрам. Давали о себе знать и необходимость в преддверии войны формировать стратегические запасы и увеличивать расходы бюджета на оборону, бюрократическая неразворотливость си-

стемы управления, мелочная регламентация деятельности предприятий и др. С 1938 по 1940 г. выпуск промышленной продукции увеличился на 45 % при запланированном на всю пятилетку росте на 92 %. М. Сабуров в справке Госплана СССР (апрель 1941 г.) сообщал в правительство, что срыв в течение первых двух лет пятилетки выполнения плана черной металлургией и топливной промышленностью стал причиной «невыполнения плана по машиностроению, в значительной мере по капитальному строительству и производству металлических изделий широкого потребления». Узким местом остался железнодорожный транспорт, не обеспечивший в полном объеме необходимые для развития ряда отраслей перевозки. Сказывалось и отставание от растущих потребностей народного хозяйства энергетического машиностроения. Не справлялась с заданиями пятилетки нефтяная промышленность: резко снизился по сравнению с 1937 г. общий метраж буровых работ по проходке нефтяных скважин.

На ход пятилетки огромное влияние оказала начавшаяся в сентябре 1939 г. мировая война. Стране пришлось вести ускоренную подготовку к неминуемо надвигающимся испытаниям войной. Доля расходов на оборону в государственном бюджете выросла с 12,7 % за вторую пятилетку до 25,4 % в третьей пятилетке. С 1937 по 1941 г. численность Вооруженных сил СССР увеличилась с 1433 тыс. до 5 млн. военнослужащих. Производство вооружений ускорилось и расширилось.

Несмотря на самоотверженность ученых, конструкторов, инженеров и рабочих в укреплении обороноспособности страны, перевооружить армию планировалось только к 1942 г. Время было катастрофически упущено в предыдущий период, с 1935 по 1938 г., когда техническое переоснащение Вооруженных Сил СССР серьезно отставало от гонки вооружений в других странах, особенно Германии. Расформировали даже мотомеханизированные корпуса, что сказалось на производстве танков. Советские ученые первыми в мире создали радарные установки, но их производство ограничилось лишь экспериментальными образцами — и в годы войны радары пришлось закупать в Англии. Репрессии существенно затормозили исследования в области военной техники: Туполев, Королев и многие другие выдающиеся конструкторы в тюрьме проектировали новые виды вооружений. Типичной была

судьба талантливого конструктора Таубина — автора лучшего в то время проекта мощной авиационной пушки, попавшего в разряд «вредителей» и погибшего в лагерях. После ареста Таубина все варианты пушек его конструкторского бюро были отвергнуты. Сам конструктор, вспоминал нарком вооружений Б. Ванников, «мог бы принести неоценимую пользу обороне страны... Тогдашние же руководители наркомата вооружений, в том числе и я, занимая правильную позицию, не проявляли, однако, твердости и принципиальности до конца, выполняли требования, которые считали вредными для государства. И в этом сказывались не только дисциплинированность, но и стремление избежать репрессий».

В годы третьей пятилетки особое внимание уделялось развитию оборонной промышленности на востоке страны. Ускоренное строительство оборонных заводов-дублеров шло в Поволжье, на Урале и в Сибири. Новостройками пытались компенсировать возможные потери оборонного потенциала, расположенного большей частью в Северо-Западном и Центральном районах РСФСР, а также на Украине. Это оказались своевременные и нужные обороне страны меры.

Для третьей пятилетки характерен возврат к элементам милитаризации труда. Под угрозой заключения в тюрьму рабочие и служащие не имели права переходить с одного предприятия на другое без разрешения дирекции. Наркоматы получили право по своему усмотрению перемещать инженеров и рабочих с предприятия на предприятие, в том числе и в другие районы страны. В июне 1940 г. рабочий день был продлен с 7 до 8 час., а рабочая неделя вновь стала семидневной. За трехкратное опоздание на работу в течение месяца работники подвергались уголовному наказанию. Учреждалась система трудовых резервов. Ежегодно проводилась мобилизация молодежи (до 1 млн.) для обучения в ремесленных училищах, выпускники которых обязаны были отработать 4 года по распределению.

Несмотря на все издержки и трудности, просчеты и провалы в политике правящей партии, индустриализация стала реальностью. Исторические свершения стали возможными благодаря жертвенному и героическому труду советского народа. За годы первых пятилеток возник целый ряд новых отраслей: тяжелое машиностроение, производство новых

станков и инструментов, автомобильная, тракторная промышленность, танкостроение, авиастроение, электроэнергетика, производство высоколегированных сталей и многое другое. Полной технической реконструкции подверглись энергетика, черная и цветная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность, транспорт и др. Внедрялись новые высокопроизводительные технологии. Для промышленности были подготовлены квалифицированные кадры, расширена сеть вузов и профтехучилищ, научно-исследовательских учреждений.

Изменилась экономическая география СССР – в Поволжье, Казахстане, Сибири появились новые промышленные районы. Широкий размах получило исследование природных ресурсов северных и восточных районов, освоение Заполярья, Северного морского пути, прокладывание новых трасс. Герои Заполярья и Арктики становились всенародными любимцами. Страна стремительно превращалась в индустриальную державу, хотя и не достигла уровня экономического развития Германии или Великобритании, не говоря уже о США. Произошли серьезные демографические подвижки. Быстрыми темпами росло городское население. Общая численность городского населения по переписи в 1937 г. составила 43,7 млн. чел. против 26,3 млн. по переписи 1926 г. (166,1 %). Удельный вес городского населения в общей численности населения страны вырос до 31,2 % против 17,9 % в 1926 г. Вместе с ростом числа городов происходило их укрупнение. В 1926 г. насчитывалось 86 городов с населением свыше 50 тыс. каждый, а в 1937 г. таких городов стало 159.

В период с 1926 по 1937 г. особенно быстрыми темпами (от 30 до 40 %) росло население областей: Московской, Ленинградской, Донецкой, Свердловской, Горьковской и ряда других индустриально развивающихся районов. За этот период сокращалось население сельскохозяйственных районов Украины, Казахстана, Курской, Саратовской, Куйбышевской, Воронежской и Сталинградской областей, АССР немцев Поволжья, русских районов Северо-Кавказского края, Азово-Черноморского края и др. Последнее связано не только с урбанизационными процессами, как следствием индустриализации, но и людскими потерями от репрессий, а также голода 1932–1933 гг., поразившего эти районы страны.

Форсированное индустриальное развитие негативно сказалось на социальной сфере. Тяжелую цену за индустриальный рывок заплатило крестьянство. Деревня стала основным источником накопления для промышленности и из нее перекачивались средства, необходимые для индустрии. Так, центнер муки продавался населению по цене 216 руб., а колхозу оплачивался по цене 10 руб. 10 коп. За 1 кг говядины колхозу платили от 21 до 55 коп., а в розничной продаже она стоила 7 руб. 60 коп., за 1 л молока государство платило 9–14 коп., а продавало за 1–1,5 руб. Только Заготзерно в 1935 г. внесло в госбюджет свыше 20 млрд. руб. из общей массы налоговых поступлений в 52 млрд. Индустриальная дань оборачивалась для крестьянства снижением уровня жизни, нерентабельностью колхозов, а для страны – замедлением темпов сельскохозяйственного производства и формированием диспропорций между развитием индустрии и аграрного сектора, города и села.

Бремя индустриализации легло и на население городов. С 1929 по 1935 г. горожане снабжались по карточкам. Причем в централизованном снабжении приоритеты отдавались крупным городам – Москве, Ленинграду, Киеву, Минску и другим промышленным гигантам. Фактические нормы снабжения продовольствием были существенно ниже предусмотренных постановлением правительства. Так, ивановские текстильщики получали по карточкам по 1 кг крупы, 500 г мяса, 1,5 кг рыбы, 800 г сахара в месяц. Снабжение учителей, врачей, студентов было еще хуже. Этим категориям населения не гарантировался даже хлебный паек.

Войны и революции приучили население бывшей Российской империи к нищете, и когда в конце 1920-х годов советское руководство обратилось к народу с призывом напрячь все силы, чтобы превратить страну в передовую державу и навсегда расстаться с нуждой, захолустным прозябанием, неграмотностью, ручным трудом, – миллионы людей с энтузиазмом включились в созидательный труд. Как бы там ни было, поколение советских людей 1930-х годов достойно ответило на вызов межвоенной эпохи и в удивительно сжатые сроки индустриально обновило страну, стоящую на пороге тяжелейших испытаний Великой Отечественной войны.

§ 2. «Революция сверху» в советской деревне

**Деревня
накануне «вели-
кого перелома».
Хлебозаготовки
и чрезвычайные
меры
1928–1929 гг.**

Новая экономическая политика, хотя и проводилась в жизнь большевиками весьма непоследовательно, позволила российскому крестьянству в сравнительно сжатые сроки восстановить подорванные двумя войнами (первой мировой и особенно гражданской), а также революционными потрясениями 1917 г. производительные силы отечественной деревни. Судить о том, как шел процесс восстановления аграрного сектора экономики в условиях нэпа, можно по следующим данным об объеме продукции сельского хозяйства, исчисленной в довоенных ценах (1913 г. принят за 100 %).

Хозяйственный год	Продукция сельского хозяйства, в % к 1913 г.	Темпы роста этой продукции, в % к предыдущему году
1921/22	46,8	—
1922/23	63,9	186,6
1923/24	68,4	106,9
1924/25	79,5	116,2
1925/26	94,5	119,2
1926/27	98,7	104,1

Как видим, восстановительный процесс в аграрной сфере в годы нэпа шел безостановочно, но крайне неравномерно: стартовый и очередные рывки 1924/25 и 1925/26 хозяйственных годов (тогда они охватывали время с октября одного года по 30 сентября следующего) сменялись периодами замедленного роста, приходящимися на третий и последний годы нэпа. Это было связано с кризисом сбыта 1923 г. и резким перераспределением национального дохода в интересах индустриализации страны на основе решений XIV съезда РКП(б). Для того, чтобы вплотную подойти к уровню сельскохозяйственного производства довоенного времени, стране потребовалось примерно пять лет, что свидетельствует – российское крестьянство успешно использовало скромные возможности нэпа. «Пусть неравноправное, но все же сотрудничество государства и частного хозяйства», по выражению Б. Брудкуса, лежащее в основе этой политики, состоялось. Крестьянство (почти как

барон Мюнхгаузен) вытащило себя из болота за волосы, попутно вытянув из трясины глубочайшего кризиса и все народное хозяйство. Оно платило полновесными продуктами питания и сырьем для отечественной промышленности за обесцененные бумажные деньги, приняв на себя основную тяжесть финансовой реформы 1924 г.

Крестьянское хозяйство в который раз доказало способность наращивать трудовые усилия, максимально сокращая собственные потребности для воссоздания элементарных основ экономического быта страны. Теперь не половина бремени госбюджета, как в дореволюционное время, а три четверти его легло на плечи мужика, потерявшего на неэквивалентном обмене с городом 645 млн. руб.

Хотя темпы подъема сельского хозяйства в 1922–1925 гг. и выглядели в целом впечатляющими, было бы глубоко ошибочным представлять российскую деревню этого времени как некую «крестьянскую страну Муравию», «крестьянскую Атлантиду», где царили всеобщее равенство, благоденствие, трудовое сотрудничество и где лишь отпетый лодырь и горький пьяница нарушали «мирское» единение и согласие. А именно такой пытались изобразить жизнь советской деревни двадцатых годов некоторые историки и публицисты, писавшие о нэпе 7–10 лет тому назад.

Чтобы предметно оттенить противоречивость социально-экономических процессов, происходивших в отечественной деревне в интересующее нас время, сопоставим его с развитием крестьянской экономики в предреволюционное десятилетие. Общим для потребительского рынка являлось преобладание натурально-потребительского типа крестьянских хозяйств и сильное воздействие на них государства, но принципиально различались условия, в которых эти хозяйства действовали. В предреволюционное время сельское хозяйство развивалось в обстановке смешанной и по-настоящему многоукладной рыночной капиталистической экономики, когда его производство росло большими темпами, чем численность не только деревенского, но и всего населения России. В двадцатые же годы крестьянскому хозяйству приходилось существовать в рамках переходной административно-рыночной, планово-товарной системы – формально тоже многоукладной, а фактически двухсекторной экономики, при которой сельскохозяйственное производство не поднялось до прежнего уров-

ня, а темпы его роста отставали от темпов роста как деревенского, так и всего населения страны.

Различия эти определялись тем, что новые условия существования оказались для крестьянского хозяйства сопряженными с большими потерями, нежели обретенными. Средняя прибавка в результате передачи крестьянам частновладельческой земли равнялась, по расчетам Н. Кондратьева, 0,5 дес. на хозяйство и не могла восполнить падение обеспеченности его капиталами, которые в 1925/26 г. составили 83 % от уровня 1913 г., а по стоимости рабочего скота 66 %. В связи с тем, что население в стране росло быстрее, нежели валовые сборы зерна, производство зерна в 1928/29 г. на душу населения сократилось с 584 кг в довоенное время до 484,4 кг.

Но особенно остро ощущалось падение товарности сельского хозяйства. До войны половина зерна собиралась в помещичьих и кулацких хозяйствах, которые давали 71 % товарного, в том числе экспортного зерна. Осереднячивание деревни, происходившее в пореволюционную пору, способствовало тому, что вместо 16 млн. довоенных крестьянских хозяйств в 1923 г. насчитывалось 25–26 млн. хозяйств. Прежде они (без кулаков и помещиков) производили 50 % всего зерна, а потребляли 60 %, а теперь (без кулаков) соответственно 85 и 70 %. В 1927/28 г. государство заготовило 630 млн. пуд. зерна против довоенных 1300,6 млн. Но если количества зерна в распоряжении государства теперь было меньше почти вдвое, то экспорт его пришлось сократить в 20 раз. «Съедая большую часть своего урожая хлеба, ...крестьяне, сами того не понимая, затягивали петлю на шее режима и затягивали все туже, так как ситуация развивалась от плохой к еще худшей», — так справедливо оценивает это явление, оборачивающееся настоящим бедствием для экономики страны, М. Левин в своей книге «Российские крестьяне и Советская власть. Исследование коллективизации», опубликованной на французском и английском языках.

Натурализация крестьянского хозяйства являлась глубинной основой хлебозаготовительных кризисов, постоянно угрожавших в ту пору стране. Хлебозаготовительные трудности усугублялись низкими сельскохозяйственными, особенно хлебными, ценами. До первой мировой войны сельскохозяйственный рубль был равен 90 коп., а в середине 20-х годов — около 50. К тому же производителю хлеба доставалась лишь

половина цены; остальное поглощалось разбухавшими накладными расходами Внешторга, государственных и кооперативных органов, причастных к делу заготовки и реализации хлеба на внутреннем и внешнем рынке. Значительные потери нес крестьянин и в связи с ухудшением качества приобретаемых в обмен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты товаров, исчезновением импорта и постоянным товарным голодом в деревне, которая, по авторитетному мнению А. Челинцева, недополучала более 70 % промтоваров.

Такова была плата российского крестьянства за сравнительно успешное решение страной задач восстановительного периода на путях новой экономической политики.

Новые несравненно более масштабные задачи преодоления хозяйственной отсталости и обеспечения экономической независимости страны потребовали от отечественной деревни небывалых жертв и лишений. Такой оборот событий не был неожиданным. В общих чертах еще в 1924 г. его предвидел Е. Преображенский, который понимал, что самая сложная проблема возникает в конце восстановительного периода, в связи с решением вопроса о накоплениях, их источниках. Не строя никаких иллюзий относительно эффективности государственного сектора, а также возможности и целесообразности притока иностранного капитала (а именно, на последний делали тогда ставку многие: и большевики Л. Красин, М. Литвинов, и их единомышленники из плеяды выдающихся русских экономистов Н. Кондратьев и А. Чаянов), Преображенский рассчитывал главным образом на перекачку средств из «несоциалистического» сектора, представленного крестьянским хозяйством, на эксплуатацию внутренних колоний, на изъятие максимума средств из деревни.

Забегая несколько вперед, следует отметить, что уже в год «великого перелома» стало ясно, что на путях отказа от непа гораздо легче и проще решить проблему накопления. В статье «Год великого перелома» И. Сталин торжествующе приводил данные о росте капитальных вложений в крупную промышленность с 1,6 млрд. руб. в 1928 г. до 3,4 млрд. в 1929 г., т.е. в два с лишним раза. Даже с учетом значительного скрытого роста цен результат казался поразительным. Секрет же этого достижения был прост: его во многом обеспечило преимущественно внеэкономическое, по существу, бесплатное изъятие хлеба и других продуктов у крестьян, а также

увеличение в 1,5 раза за год вывоза древесины за счет использования на лесозаготовках дарового труда репрессированных и бежавших от непосильных поборов крестьян.

В нэповскую пору насильственные меры изъятия продовольствия у крестьян стали широко применяться впервые в условиях хлебазаготовительного кризиса зимы 1927/28 г. Формально объектом таких мер объявлялись кулаки, задерживающие в целях повышения цен на хлеб продажу его государству. Была дана директива привлекать их к судебной ответственности по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей лишение свободы до 3-х лет с конфискацией всего или части имущества. Как во времена пресловутого «военного коммунизма», чтобы заинтересовать бедноту в борьбе с держателями больших излишков, рекомендовалось 25 % конфискованного хлеба распределять среди нее по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита.

Позиции кулаков подрывались также усилением налогового обложения, изъятием земельных излишков, принудительным выкупом тракторов, сложных машин и другими мерами.

Под влиянием такой политики в кулацких хозяйствах начались свертывание производства, распродажа скота и инвентаря, особенно машин, в их семьях усилилось стремление к переселению в города и другие районы. По данным ЦСУ СССР, число кулацких хозяйств по РСФСР сократилось в 1927 г. с 3,9 до 2,2 %, в 1929 г. по Украине – с 3,8 до 1,4 %.

Однако применение чрезвычайных мер не ограничивалось только хозяйствами кулаков и зажиточных крестьян, оно все сильнее ударяло по среднему крестьянству, а порой и беднякам. Под давлением непосильных заданий по хлебазаготовкам и нажимом специально командированных в зерновые районы секретарей и членов ЦК ВКП(б) – И. Сталина, В. Молотова, А. Микояна и других местные партийные и государственные органы становились на путь повальных обысков и арестов, у крестьян часто изымали не только запасы, но семенное зерно и даже предметы домашнего скарба. В. Яковенко, в первые годы нэпа являвшийся наркомом земледелия РСФСР, посетив летом 1928 г. деревни родного ему Канского округа Сибири, писал Сталину, что в результате применения чрезвычайных мер «крестьяне ...ходят точно с перебитой спи-

ной. У мужиков преобладает мнение, что Советская власть не хочет, чтобы мужик сносно жил». Еще более яркую зарисовку положения дел в донских станицах дал М. Шолохов в письме, отправленном 18 июня из Вешенской в Москву. В нем писатель сообщал, что оказался «втянутым в водоворот хлебозаготовок» и рассказывал: «...Вы бы поглядели, что творится у нас и в соседнем Нижневолжском крае. Жмут на кулака, а середняк уже раздавлен. Беднота голодает, имущество, вплоть до самоваров и полостей, продают в Хоперском округе у самого истого середняка, зачастую даже малоимущего. Народ звереет, настроение подавленное, на будущий год посевной клин катастрофически уменьшится. И как следствие умело проведенного нажима на кулака является факт (чудовищный факт!) появления на территории соседнего округа оформившихся политических банд... А что творилось в апреле, в мае! Конфискованный скот гиб на станичных базах, кобылы жеребились, и жеребят пожирали свиньи (скот весь был на одних базах), и все это на глазах у тех, кто ночи недосыпал, ходил и глядел за кобылицами... После этого и давайте говорить о союзе с середняком. Ведь все это проделывалось в отношении середняка».

Письмо было переслано в ЦК, стало известно Сталину. Аналогичная информация поступала к нему и из многих других районов и источников. Во время заготовок из урожая 1929 г. вакханалия насилия получила еще большее распространение. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 17 июня разослал на места директиву «О мерах по ликвидации кулацкого саботажа хлебозаготовок», в которой предлагал проводить через собрания бедноты и сходы «постановления о выселении из станиц и лишении земельного пая тех кулаков, кои не выполнили раскладки и у коих будут найдены хлебные излишки, спрятанные... или розданные для хранения в другие хозяйства». Отчитываясь о проведении этой кампании, секретарь крайкома А. Андреев в конце года писал Сталину, что на завершение хлебозаготовок в крае были брошены все силы – более 5 тыс. работников краевого и окружного масштаба, оштрафованы и в значительной степени проданы 30–35 тыс. хозяйств, отдано под суд почти 20 тыс. чел., расстреляно около 600. Такой же произвол творился в Сибири, Нижне- и Средневолжском краях, на Украине, Дальнем Востоке, в республиках Средней Азии.

Все это позволяет рассматривать хлебозаготовительную чрезвычайщину 1928 г. и, особенно 1929 г. как прелюдию к развертыванию сплошной коллективизации и массового раскулачивания, а также как своеобразную разведку «боем», которую большевистский режим провел прежде, чем решиться на генеральное сражение в борьбе за «новую деревню». Наблюдательные современники-очевидцы тогда же подметили тесную взаимосвязь между названными «ударными» хозяйственно-политическими кампаниями в деревне. Особенностью кампании по коллективизации было то, «что она являлась прямым продолжением кампании по хлебозаготовкам, — подчеркивал в своей рукописи «Сибирь накануне сева» Г. Ушаков (ученик и последователь А. Чаянова), наблюдавший за тем, как начиналась и шла «революция сверху» в западносибирской и уральской деревне. — Почему-то это обстоятельство в должной мере не учитывают. Люди, посланные в районы на хлебозаготовки, механически переключались на ударную работу по коллективизации. Вместе с людьми механически переключались на новую работу и методы хлебозаготовительной кампании. Таким образом вздваивались ошибки и перегибы уже имеющиеся и создавалась почва для новых». Генетическое родство и того и другого явлений, приписанных их «крестным отцом» исключительно провинциальным головоотяпам, схвачено здесь абсолютно верно. К этому следует добавить, — разведка боем, проводимая в течение двух лет кряду, позволила Сталину и его окружению, во-первых, убедиться в том, что деревня, в которой политика классового подхода углубила социально-политическое размежевание, уже не способна так же дружно, как это имело место в конце 1920 — начале 1921 г., противостоять радикальной ломке традиционных основ ее хозяйственной жизни и быта, а, во-вторых, проверить готовность своих сил — партийно-государственного аппарата, ОГПУ, Красной Армии и молодой советской общественности, погасить разрозненные вспышки крестьянского недовольства действиями власти и ее отдельных агентов. В то же время И. Сталину удалось успешно завершить борьбу с прежними политическими противниками в рядах партии — Л. Троцким, Л. Каменевым, Г. Зиновьевым и их сторонниками, а затем успеть выявить и новых в лице так называемого правого уклона, создав определенные предпосылки для их последующего идейно-организационного разгрома.

Новый курс социально-экономической политики Советской власти — так несколько позже охарактеризовал действия большевистского правительства, связанные с осуществлением индустриализации страны и постепенным отходом на этой основе от принципов нэпа, выдающийся отечественный экономист Н. Кондратьев. Данный курс выражался, с одной стороны, в том, что были определены форсированные темпы развития промышленности, а с другой, в том, что саморазвитие индустрии происходило непропорционально, с обеспечением явных приоритетов производству средств производства в ущерб производству средств потребления. В поисках средств на необходимые капиталовложения государство встало на путь перераспределения национального дохода страны посредством перекачки значительной его части из деревни в город, из сельского хозяйства в промышленность.

Однако мелкое крестьянское хозяйство, на котором базировался аграрный сектор российской экономики, ограничивало возможности такой перекачки. Это обстоятельство, а также задачи создания социально-однородного и политически монолитного общества, предопределили объективную необходимость столь же ускоренного обобществления крестьянского сельского хозяйства страны. Того же требовали и интересы укрепления обороноспособности страны, особенно если учесть реально растущую угрозу войны. Эти соображения были отражены в докладе сектора обороны Госплана СССР Совету труда и обороны страны, посвященном вопросам учета интересов обороны в первом пятилетнем плане. Намечаемое планом существенное увеличение доли обобществленных крестьянских хозяйств было признано в этом документе социально-экономическим мероприятием, которое всецело отвечало интересам обороны страны. «Не приходится сомневаться, — подчеркивалось в докладе, — что в условиях войны, когда особенно важно сохранение возможностей регулирования, обобществленный сектор будет иметь исключительное значение. Столь же важно наличие крупных производственных единиц, легче поддающихся плановому воздействию, чем многочисленная масса мелких, распыленных крестьянских хозяйств».

Курс на осуществление перехода распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства наметил XV

съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1927 г. Одновременно он выдвинул задачу «развивать дальше наступление на кулачество», принять «ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму».

Политика наступления на кулачество выразилась в произвольном применении усиленного индивидуального обложения зажиточного крестьянства сельскохозяйственным налогом, а затем и системы твердых заданий по хлебозаготовкам (при невыполнении эти задания увеличивались в несколько раз), принудительном выкупе тракторов и сложных машин, изъятии земельных излишков, резком сокращении, а вскоре и прекращении кредитования и снабжения этого слоя деревни средствами производства.

Печальную память оставила по себе эта политика в отечественной деревне главным образом потому, что в накаленной обстановке тех лет ярлык кулака — «буржуя» нередко наклеивался на состоятельного, крепкого, пусть и «прижимистого» хозяина-труженика, способного при нормальных условиях накормить не только себя, но и всю страну.

Во многом произвольное нагнетание борьбы с кулачеством резко возросло с выходом в свет летом 1929 г. постановления «О нецелесообразности приема кулака в состав колхозов и необходимости систематической работы по очистке колхозов от кулацких элементов, пытающихся разлагать колхозы изнутри». Этим решением и без того уже подвергнутые экономическому и политическому ostrакизму многие зажиточные семьи были поставлены буквально в безвыходное положение, лишались будущего. При активной поддержке сельчан вроде Игнашки Сопронова, чей собирательный образ талантливо воссоздал на страницах романа «Кануны» Василий Белов, была развязана кампания чистки колхозов от кулаков, причем само вступление последних в колхозы рассматривалось как уголовное деяние, а созданные с их участием колхозы квалифицировались как лжеколхозы. В сентябре 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР дополнили Уголовный кодекс республики статьями, в которых уголовно наказуемыми деяниями объявлялись как образование таких колхозов, так и содействие в их организации и деятельности. А Колхозцентр вскоре определил признаки лжеколхозов, среди которых оказались и такие, как распределение доходов не только по труду,

но и по внесенному имуществу, что было присуще первичным формам коллективных хозяйств, поскольку они отражали интересы средних слоев крестьянства.

Но сколь бы ни была значима политика наступления на кулачество, все же основной вектор нового партийно-государственного курса в деревне, как показали дальнейшие события, отражали те решения XV съезда ВКП(б), в которых говорилось о переводе мелкого крестьянского хозяйства на рельсы крупного производства.

На их основе весной 1928 г. Наркомзем и Колхозцентр РСФСР составили проект пятилетнего плана коллективизации крестьянских хозяйств, согласно которому к концу пятилетки, т.е. к 1933 г., предусматривалось вовлечь в колхозы 1,1 млн. хозяйств (4 % от их общего количества в республике). Летом того же года Союз союзов сельскохозяйственной кооперации эту цифру увеличил до 3 млн. хозяйств (12 %). А в утвержденном весной 1929 г. пятилетнем плане намечалось коллективизировать уже 4–4,5 млн. хозяйств, т.е. 16–18 % их общего числа.

Как можно объяснить тот факт, что в течение года цифры плана менялись несколько раз, а их окончательный вариант в четыре раза превышал первоначальный?

Во-первых, это связано с тем, что темпы колхозного движения практически оказались более быстрыми, чем вначале предполагалось: к июню 1929 г. в колхозах насчитывалось уже более миллиона крестьянских хозяйств или примерно столько, сколько первоначально планировалось на конец пятилетки.

Во-вторых, руководители партии и государства надеялись ускоренным строительством колхозов и совхозов форсировать решение хлебной проблемы, которая особенно обострилась в 1928–1929 гг.

Со второй половины 1929 г. масштабы и темпы колхозного строительства заметно возросли. Если к лету 1929 г. в колхозах значился примерно 1 млн. крестьянских хозяйств, то к октябрю того же года – 1,9 млн.; уровень же коллективизации поднялся с 3,9 до 7,6 %. Особенно быстро росло число колхозов и крестьянских хозяйств в них в основных зерновых районах – Северном Кавказе, Нижне- и Средне-Волжском краях. Здесь число колхозников за 4 месяца 1929 г. (июнь–сентябрь) увеличилось в 2–3 раза.

В конце июля 1929 г. Чкаловский район Средне-Волжского края выступил с инициативой объявления его районом сплошной коллективизации. К сентябрю здесь было создано 500 колхозов (461 товарищество по совместной обработке земли, 34 артели и 5 коммун), которые включали 6441 хозяйство (около 64 % общего их числа), обобществляли 131 тыс. га земельных угодий (из 220 тыс. га).

Аналогичное движение возникло и в некоторых других районах республики.

Чтобы поддержать это движение, отдел ЦК ВКП(б) по работе в деревне созвал в августе того же года совещание, на котором рассматривался вопрос о коллективизации целых районов. Идея сплошной коллективизации зерновых районов стала проводиться в жизнь.

В осенние месяцы 1929 г. при краевых, областных и окружных комитетах партии создаются комиссии содействия коллективизации. Деятельность партийно-государственных и хозяйственных организаций и учреждений деревни, политическая работа в массах все в большей мере подчинялись задаче строительства колхозов. С каждым днем усиливалась пропаганда этого дела в печати.

Вслед за Средне-Волжским краем районы сплошной коллективизации стали появляться и в других краях и областях. На Северном Кавказе приступили к сплошной коллективизации почти одновременно семь районов, на Нижней Волге — пять, в Центрально-Черноземной области — тоже пять, в Уральской области — три. Постепенно аналогичное движение распространяется и на отдельные районы потребляющей полосы. Всего в августе 1929 г. на территории РСФСР насчитывалось 24 района, где проводилась сплошная коллективизация. В некоторых из них в колхозах значилось до 50 % крестьянских дворов, но в большинстве охват колхозами не превышал 15–20 % дворов.

Тогда же на Нижней Волге возник ставший символическим для всей так называемой «революции сверху» почин осуществить сплошную коллективизацию в масштабе целого округа — Хоперского. В конце августа 1929 г. окружной комитет партии решил завершить сплошную коллективизацию в течение пятилетки. Ровно через неделю Колхозцентр республики, рассмотрев представленные Хоперским округом материалы о темпах и условиях развития коллективного дви-

жения, счел необходимым «проведение сплошной коллективизации всего округа (осуществить) в течение текущей пятилетки». Спустя два дня правление этого органа создало комиссию для разработки конкретного плана коллективизации, которую возглавил инструктор Колхозцентра Баранов. Почин партаппаратчиков Хопра одобрило бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), а Совнарком РСФСР объявил округ опытно-показательным по коллективизации. С 15 сентября в округе проходил месячник по коллективизации. Как и водится, в этот «маяк» было направлено около 400 работников партийных, советских, профсоюзных и кооперативных органов в качестве «толкачей» (так их окрестит позже народная молва).

Итогом их усилий было то, что уже к октябрю 27 тыс. дворов (в большинстве своем бедняцко-батрацких) значились в колхозах.

Подобные квази-успехи были достигнуты в основном методами администрирования и насилия. Это вынужден был признать Баранов в письме, оглашенном на ноябрьском 1929 г. Пленуме ЦК ВКП(б): «Местными органами проводится система ударности и кампанейства, — подчеркивалось в названном документе. — Вся работа по организации проходила под лозунгом: Кто больше». На местах директивы округа иногда преломлялись в лозунг: «Кто не идет в колхоз, тот враг Советской власти. Широкой массовой работы не проводилось... Имели место случаи широкого обещания тракторов и кредитов: «Все дадут — идите в колхоз»... Совокупность этих причин дает формально пока 60 %, а может быть, пока пишу письмо, и 70 % коллективизации. Качественную сторону колхозов мы не изучили... Таким образом, получается сильнейший разрыв между количественным ростом и качественной организацией крупных производств. Если сейчас же не принять мер к укреплению колхозов, дело может себя скомпрометировать. Колхозы начнут разваливаться».

Таким образом, Хоперский полигон сплошной коллективизации воочию продемонстрировал основные недуги деревенской «революции сверху», которые после распространения во всесоюзном масштабе получают из уст Сталина наименование «перегибов» генеральной линии, отнесенных им исключительно в пассив потерявших голову местных партийных, советских и иных активистов.

Хоперский эксперимент для той поры не являлся чем-то из ряда вон выходящим. Аналогичные тенденции, может быть только в менее концентрированном виде, наблюдались и у «первопроходцев» массовой коллективизации в других, прежде всего, зерновых регионах страны. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) еще 19 июня 1929 г. одобрил предложение Северо-Осетинского облисполкома о вовлечении в колхозы к 1931–1932 гг. всех крестьянских хозяйств. К 10 октября в колхозах области числилось уже более трети хозяйств. Средневожский облисполком констатировал, что вместо намеченных планом 5,5 % к 1 октября уровень коллективизации в области месяцем раньше достиг 7,5 %. На Украине к октябрю в колхозах было 10,4 % дворов против 5,6 % в июне. А в степной части эти показатели были в 1,5 раза выше. Несомненно, здесь, как и в Хоперском округе, колхозы зачастую создавались административным путем. «У нас на Украине... были истории, – говорил об этом времени секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор, – когда организовывали совхозы, а крестьяне под трактор ложились и не давали пахать землю..., когда переходили в коллектив целые села, а потом они быстро разваливались, и нас выгоняли оттуда с барабанным боем. Мы имели сплошную коллективизацию на территории десятков сел, а потом оказывалось, что все это дутое, искусственно созданное, и население в этом не участвует и ничего не знает».

Эти и другие факты некоторые исследователи (Н. Ивницкий, И. Зеленин и др.) стали характеризовать как гонку коллективизации, которая уже осенью 1929 г. охватила вместе с зерновыми потребляющие и национальные районы, гонку, подстегиваемую стремлением Сталина и его ближайшего окружения ускоренными темпами решить не только задачу обобществления крестьянского хозяйства, но и остро стоявшую зерновую проблему. Тут не все так просто. Во-первых, гонка коллективизации развернулась несколько позже, а, во-вторых, ее начальная география названными историками излишне расширена. Наконец, нет подтверждений столь раннему подстегиванию Сталиным и его сторонниками процесса коллективизации. К последнему замечанию добавим, что надлежащих мер по пресечению произвола и насилия в колхозном строительстве ни ЦК, ни правительство до весны 1930 г. не предпринимали. Более того, и позже борьба с левацкими пережестами велась явно непоследовательно.

Проблема путей развития крестьянского хозяйства в научной и общественно-политической мысли 20-х гг.

Чтобы лучше понять истоки и природу колхозной эйфории, которая вскоре захлестнет все звенья партийно-государственной системы страны, есть необходимость хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать состояние отечественной общественно-политической мысли по вопросу о судьбах мелкого крестьянского хозяйства в связи с реализацией курса на форсированную индустриализацию. После XV съезда ВКП(б) этот вопрос, давно волновавший многих русских политиков и ученых, по мере того, как колеса большевистского нэпа во второй половине 20-х гг. все чаще и чаще пробуксовывали (прежде, чем в условиях «чрезвычайщины» 1928–1929 гг. вовсе не остановились), выдвигается на авансцену социально-экономической и партийно-политической жизни советского общества. В рядах самой партии сталинской ставке на «революцию сверху» в качестве более безболезненного варианта решения проблемы «социалистической модернизации» деревни противостояли взгляды лидеров «правого уклона», которые в современной литературе получили название бухаринской альтернативы.

Основной разработчик ее – **Николай Иванович Бухарин (1888–1938)** – видный деятель большевистской партии и Советского государства, экономист, философ, публицист. Автор работ: «Мировое хозяйство и империализм» (1915), «Экономика переходного периода» (1920), «Теория исторического материализма» (1922), «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз» (1925), «Заметки экономиста» (1928), «Социалистическая реконструкция и борьба за технику» (1931) и др. В. Ленин считал его ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии, хотя одновременно подчеркивал, что его теоретические воззрения «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским».

Как политический деятель Бухарин проявлял редкую среди большевистских лидеров непоследовательность, граничащую с беспринципностью: в 1917–1920 гг. высказывал крайне левые взгляды, в 1928–1929 гг. перешел на противоположные позиции, возглавив так называемый правый уклон в ВКП(б). После поражения от Сталина и его команды, в 1930–1936 гг. стал славословить «вождя народов» и определяемую последним «генеральную линию» партии. В некоторых зарубежных и отечественных работах по истории русского политического масонства (Б. Николаевского, Н. Берберовой, О. Платонова) встречаются косвенные сведения о причастности Н. Бухарина к этому движению, остающемуся едва ли не самой большой загадкой нашего времени. А западный исследователь идеологии национал-большевизма М. Агурский не без оснований утверждает, что Бухарин «испытывал подлинную ненависть к русскому прошлому и, пожалуй, из всех лидеров большевистской партии наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи раннего большевизма». В 1937 г. был репрессирован. Реабилитирован в 1988 г.

Бухарин считается одним из последовательных проводников ленинских взглядов на кооперацию, через которую мелкие частные хозяйства, в том числе и зажиточные, будут, как он выражался, «врастать в социализм». Вместе с тем появились и мнения о том, что он будто бы «разработал свой план кооперативного развития деревни», во многом перекликающийся со статьей В. Ленина «О кооперации» и книгой А. Чаянова о крестьянской кооперации (имеется в виду труд Александра Васильевича «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации», первое издание которого появилось в 1919 г.). Думается, что упомянутое суждение некорректно. Ведь если Ленин и Бухарин в основном одинаково смотрели на кооперацию, то принципиально иначе понимал ее беспартийный Чаянов.

Александр Васильевич Чаянов (1888–1937) был талантливым теоретиком и практиком, блестящим ученым-агрономом, педагогом, литератором-фантастом, искусствоведом-коллекционером, общественным и государственным деятелем. Его перу принадлежат следующие основные научные труды: «Очерки по теории трудового хозяйства» (1912–1913); «Что такое аграрный вопрос?» (1917); «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» (1918); «Организация крестьянского хозяйства» (1925), «Бюджетные исследования. История и методы» (1929), а также 6 повестей (в их числе «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), оцениваемые литературоведами как «русская гофманиада».

Чаянов преподавал в Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, Народном университете им. А.Л. Шанявского, Кооперативном институте и других учебных заведениях. В последнем кабинете Временного правительства был товарищем министра земледелия, участвовал в работе Главного земельного комитета и Лиги аграрных реформ. Научные труды Александра Васильевича посвящены вопросам теории трудового крестьянского хозяйства, сельскохозяйственной кооперации и общественной агрономии. Он один из создателей организационно-производственной школы отечественной экономической мысли. С 1919 г. был бессменным директором основанного им при Петровской сельскохозяйственной академии научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии. Активно участвовал в кооперативном движении, являясь одним из основателей и первым председателем правления Центрального товарищества льноводов (1915), а также членом Совета объединенной сельскохозяйственной кооперации (1919–1920) и Всероссийских кооперативных съездов. Работал также в дореволюционных и советских хозяйственных органах – представителем кооперации в Министерстве земледелия (1916), состоял членом Коллегии и членом кооперативного комитета Наркомзема РСФСР (1921–1922). В 1930 г. арестован по делу ЦК Трудовой Крестьянской партии, с 1934 г. находился в ссылке в Алма-Ате, после повторного ареста – расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Во-первых, Чаянов считал естественным, нормальным условием жизни и деятельности кооперации наличие рынка, тогда как Лениным и Бухариным рынок рассматривался в качестве временного явления.

Во-вторых, Ленин и Бухарин мыслили социалистическое кооперирование деревни исключительно в условиях диктатуры пролетариата. Что же касается Чаянова, то он подлинные успехи кооперирования крестьянства напрямую связывал с демократическим режимом, который должен придти на смену диктаторским, большевистским порядкам.

Большевистские адепты от науки обвиняли Чаянова в неонароднической идеализации индивидуального крестьянского хозяйства, в стремлении увековечить его. Отметая эти наветы, ученый в своей работе «Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий» (1924) писал: «По нашему глубокому убеждению идеальным аппаратом сельскохозяйственного производства является совсем не крупная латифундия и не индивидуальное хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, в которой организационный план расщеплен на ряд звеньев, каждое из которых организовано в тех размерах, которые являются оптимальными для него. Говоря иначе, идеальным нами мыслится крестьянское семейное хозяйство, которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой и организовало их на разные ступени крупности в кооперативы».

Конечным результатом такого кооперирования была бы организация всех отраслей, работ и функций крестьянского хозяйства «в той степени крупности и на тех социальных основах, которые к нему подходили». Таким образом, рядом с крестьянским хозяйством возникало и отчасти заменяло его «крупное коллективное предприятие кооперативного типа», благодаря чему оно обретало возможность использования преимуществ крупного производства там, где такие преимущества действительно существовали. Одновременно с повышением производительности труда и поднятием агрикультурного уровня решались бы и сложные социальные проблемы, поскольку кооперирование должно было охватить и всесторонне укрепить все слои деревни.

Такая «кооперативная коллективизация» мыслилась профессором Чаяновым и его коллегами по организационно-производственному направлению в отечественной аграрной науке (А. Челинцевым, Н. Макаровым, А. Рыбниковым и др.) как осуществляемая исключительно на самостоятельной, добровольной и сугубо хозяйственной основе. Это, по словам уче-

ного, изначально должно было обеспечить ей свойства подлинной «самоколлективизации».

По сравнению со сталинской насильственной ломкой самостоятельного крестьянского хозяйства, обернувшейся трагедией для нескольких сотен тысяч семей раскулаченных и гибелью еще большего количества населения от голода 1932–1933 гг., а также падением производительных сил деревни, реализация чаяновского варианта модернизации села означала бы безболезненную, эволюционного характера перестройку аграрного сектора страны.

Но задачи крупномасштабной перекачки материальных и трудовых ресурсов из деревни в город в целях индустриального скачка, который страна совершила в 30-е годы, этот путь не гарантировал. Более того, при существующем политическом режиме он был попросту неосуществим. И сам ученый, и его единомышленники хорошо сознавали это. Вот почему их надежды и практические действия были направлены на то, чтобы, используя свое положение «спецов» при соответствующих советских наркоматах и учреждениях, попытаться повторить тактику «обволакивания», которую так удачно реализовала кадетско-прогрессистская оппозиция по отношению к царскому самодержавию, прежде чем свалить его в феврале 1917 г. С соответствующими предложениями в кругу своих соратников по кооперативной работе А. Чайнов выступал, как показывают сравнительно недавно опубликованные протоколы Совета объединенной сельскохозяйственной кооперации за 1919–1920 гг., еще в годы гражданской войны. В частности, он полагал, что наряду с рекомендациями большевистским верхам пересмотреть пагубный для отечественной деревни военно-коммунистический курс аграрно-крестьянской политики, следует приложить максимум усилий, направленных на обеспечение представительства своих сторонников «во всех хозяйственных органах советской власти и оказывать всюду однообразное программное давление».

Нэповский «экономический Брест большевизма», как обычно называл реформистскую линию советского руководства теоретик сменовеховства Н. Устрялов, придал ученому еще большую уверенность в том, что тактика «обволакивания» гораздо действеннее, нежели открытая конфронтация оппозиционно настроенных слоев интеллигенции с коммунистической властью. Существо своих политических раздумий Ча-

янов изложил в письме родственнице по второй жене – эмигрантке и видной деятельнице российского политического ма-
сонства Е. Кусковой, написанном в период своеобразного апо-
гея сотрудничества ученого с большевиками в системе
Наркомзема РСФСР и других советских учреждениях. К кон-
цессиям Запада для их получателей автор письма советовал
добиваться политических гарантий, которые могут заключать-
ся в том, что «один по одному в состав советской власти будут
входить... несоветские люди, но работающие с советами». «Как
все это практически осуществить?», – спрашивал он и отвечал, –
«Надо договориться самим, т.е. всем, кто понимает, что делает-
ся в России, кто способен принять новую Россию. Надо част-
ное воздействие на западноевропейских политических деяте-
лей – необходим с ними стовор и некий общий фронт». Тактику
«обволакивания» он связывал с интервенцией, но не военной,
а экономической. «Мне представляется неизбежным, – разъяс-
нял он адресату – и в будущем проникновение в Россию инос-
транного капитала. Сами мы не выползем. Эта интервенция...
идет и теперь в наиболее разорительных для России формах.
Эта интервенция усилится, так как при денежном хозяйстве в
России давление Запада будет всегда более реальным. Ведь если
будет на Западе котироваться червонец, то любой солидный
банк может получить концессию – стоит пригрозить и напу-
гать. Это куда страшнее Врангеля и всяких военных походов!»

Эти соображения Чаянова во многом предвосхитили про-
грамму так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП),
которую изложили на допросах по делу ЦК ТКП Н. Кондра-
тьев, А. Чаянов и другие арестованные ученые-аграрники.

Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) – крупнейший отече-
ственный ученый-экономист, которому принадлежат выдающиеся достижения в
области макроэкономического моделирования, теории конъюнктуры и эко-
номической динамики. Родился и вырос в крестьянской семье. 13-летним
подростком вступил в эсеровскую партию, дважды подвергался арестам. В
1915 г. окончил Петроградский университет, где его учителями были эконо-
мист М. Туган-Барановский, историк А. Лаппо-Данилевский, социолог М. Ко-
валевский. До революции 1917 г. руководил статистико-экономическим от-
делом Союза земств. Принимал участие в работе Главного земельного
комитета и Лиги аграрных реформ, был секретарем А. Керенского по делам
сельского хозяйства. В последнем составе Временного правительства – то-
варищ министра продовольствия. После Октябрьской революции активно
боролся с большевиками, принимал участие в подпольных заседаниях Вре-
менного правительства, в годы гражданской войны являлся членом антиболь-
шевистского «Союза Возрождения». Подвергался преследованиям ВЧК и ОГПУ.

С 1920 г. вместе с А. Чаяновым, А. Рыбниковым, Л. Литошенко сотрудничал в Наркомземе и Наркомфине. В 1920–1928 гг. возглавлял Конъюнктурный институт, приобретший международную известность.

Его основные научные труды: «Аграрный вопрос о земле и земельных порядках» (1917); «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции» (1922); «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922); «Большие циклы конъюнктуры» (1925); «Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства» (1926). Преподавал в институте им. Шанявского и Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Участвовал в разработке единого сельскохозяйственного плана, совместно с Н. Огановским подготовил перспективный план развития сельского хозяйства Наркомзема РСФСР на 5 лет. В 1930 г. арестован по обвинению в принадлежности к Трудовой крестьянской партии. В Бутырской тюрьме написал одну из фундаментальных работ – «Основные проблемы экономической статистики и динамики» (издана в 1991 г.). В 1938 г. повторно репрессирован и расстрелян. Полностью реабилитирован в 1987 г.

Сталин и его окружение истолковали показания арестованных в качестве подтверждения существования такой антибольшевистской организации и обоснования начала политической расправы над ними.

Конечно, Сталин в ту пору не мог знать содержания писем Чаянова к Кусковой, поскольку они попали в наши архивы только после второй мировой войны. Но как показывает его переписка с В. Молотовым, по протоколам допросов арестованных ученых кремлевский диктатор по достоинству оценил опасность политических воззрений Чаянова и его единомышленников для большевистского режима. Особо его должно было тревожить то обстоятельство, что программа ТКП допускала блокирование с правым крылом ВКП(б) «при переходе к нему власти, ибо этот блок рассматривался как этап к осуществлению демократического принципа». Буквально через день как Н. Кондратьев сделал такое признание, Сталин пишет Молотову: «Не сомневаюсь, что вскрыется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бухарин, Рыков, Томский)». И хотя Кондратьев и его товарищи такую связь отрицали, есть основания полагать, что она существовала. Недаром один из депортированных большевиками за границу экономистов – Б. Бруцкус в письме Е. Кусковой, которая в ту пору организовывала кампанию протеста западной интеллигенции в защиту Кондратьева, Чаянова и их друзей, сообщал, что «нашим узникам худшее не грозит...», потому что «правая оппозиция скоро победит Сталина и их тогда освободят».

Между Кондратьевым, Чаяновым и их коллегами, с одной стороны, и лидерами правого уклона, с другой, была если не организационная связь, то, по крайней мере, идейно-политическая перекличка. И те и другие отстаивали эволюционный путь развития крестьянского хозяйства с постепенным охватом его всеми видами кооперации. Правда, Бухарин и его сторонники не только не мыслили этого эволюционного развития без коммунистической монополии на власть, заявляя, что при диктатуре пролетариата «может быть и две и три и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а остальные в тюрьме». Более того, в отдельных вопросах аграрно-крестьянского курса они стояли за усиление так называемого классового подхода. Известно, что Бухарин едва ли не первым среди членов Политбюро ЦК почти за полтора месяца до XV партсъезда выдвинул лозунги *«Усилить нажим на капиталистические элементы... перейти к форсированному наступлению на кулака»*.

Тем не менее в дальнейшем, по мере того, как возрастал накал борьбы за власть внутри большевистских верхов, Кондратьев, Чаянов и другие выдающиеся ученые становятся своеобразным источником идей экономической политики для лидеров правой оппозиции, источником фактических систематизированных и проанализированных данных, которые служили аргументацией для таких идей. Вряд ли Кондратьев сильно грешил против истины, когда на допросе 4 октября 1930 г. говорил о том, что идеологическое воздействие на лидеров правых он и его единомышленники оказывали посредством личных бесед, выступлений на заседаниях, изготовления по просьбе того или иного партийного работника специальных докладных записок, справок и т.п. «Таковы например, — конкретизировал ученый, — мои записки и доклады, записки и доклады проф. Юровского и др. В результате всего этого ряд идей экономической политики, таких как идея положительной оценки рыночных методов воздействия на сельское хозяйство, значения развития сельского хозяйства и, в частности, индивидуального сельского хозяйства для роста всего народного хозяйства и для экспорта, идея ослабления материального бремени, лежащего на сельском хозяйстве, идея равновесия народного хозяйства и умеренности, реальности темпов индустриализации, мобильности капитальных вложений

и т.д. постепенно стали общими как для правого крыла ВКП(б), так и для ТКП». Однако и тут он считал необходимым оговорить, что «указанные взаимоотношения (между) ТКП и правым уклоном ВКП(б) были все же лишены организационной оформленности, совершались в порядке личных связей и для правых коммунистов существование ТКП оставалось неизвестным».

Организационная разобщенность оппонентов была на руку Сталину и его окружению. Используя ее, они не только расправлялись с ними порознь, но иногда прибегали к шельмованию одних политических противников устами других. Так, кампанию идейного глумления над выдающимися отечественными экономистами Н. Кондратьевым, А. Чаяновым и др. начал на исходе 1927 г. один из вождей «новой оппозиции», а затем троцкистско-зиновьевского блока – Г. Зиновьев, назвавший их сменовеховцами и внутренними устряловцами. А в следующем году с трибуны апрельского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) Кондратьева и его сторонников громил «любимец партии», лидер правого уклона Н. Бухарин, усмотревший в рекомендациях ученых относительно сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства страны «решительный сдвиг от индустриализации в сторону окулачивания страны».

С легкой руки современных западных исследователей (М. Левина, С. Козна, Т. Шанина, Г. Хантера, Я. Ширнера и др.) в отечественной литературе по истории коллективизации как чаяновский, так и бухаринский варианты решения проблемы модернизации крестьянского хозяйства нашей страны стало популярным возводить в ранг якобы реально существовавших альтернатив сталинской «революции сверху» в советской деревне. Историки этого модного направления стремятся, как правило, изучать не реальные процессы и события прошлого, или, говоря иначе не то, что состоялось, а то, «чего не было, но могло бы быть, если бы...»

Однако ни у оригинальных, базирующихся на обобщении дореволюционного опыта эволюции крестьянского хозяйства, а также места и роли в этой эволюции самостоятельной хозяйственной организации мелких товаропроизводителей – кооперации – идей А. Чаянова, ни тем более у эклектических суждений Н. Бухарина и его сторонников сколько-нибудь веских шансов на осуществление в конкретных условиях СССР конца 20–30 годов почти не было.

Поражение Бухарина и его группы было предопределено не только контролем Сталина над мощным партийно-государственным аппаратом, но и большей заманчивостью его установок «форсированного скачка» для партийных низов, части рабочих, а также бедных и некоторой части средних крестьян, для формирующейся в те годы новой советской интеллигенции, которой старые «спецы» представлялись помехой в их карьере. Идея «подхлестнуть клячу истории» находила отклик у многих истинных патриотов, увидевших в ней путь превращения России, пусть и большевистской, в великую мировую державу. Что касается идей А. Чаянова и Н. Кондратьева, то сфера их реального общественно-политического воздействия на те или иные слои населения страны была еще более ограниченной, чем у бухаринцев и других антисталинских группировок внутри большевистской партии. Организационно-политические возможности этих выдающихся ученых и их сподвижников были, судя по всему, не намного шире, чем у «Лиги объективных наблюдателей», о существовании и платформе которой в свое время поведал Н. Валентинов.

По всей вероятности лишь благодаря игре воображения оберчекиста Я. Агранова (Сорензона) и его подручных, а также их неумемному желанию угодить «вождю народов», который, как показывает вся его переписка с В. Молотовым, придавал этому делу особое значение, подпольный политический кружок 2–3 десятков единомышленников-ученых превратился в якобы массовую Трудовую крестьянскую партию, насчитывавшую едва ли не 200 тыс. членов*. Не случайно, что большие надежды на реализацию своих идей руководство этого кружка связывало с возможной, на его взгляд, победой правого уклона в ВКП(б) и потому было готово к блокированию с последним.

Все сказанное свидетельствует о том, что реальных альтернатив сталинской «революции сверху» в ту пору в нашем обществе не имелось.

* Чтобы придать такому антуражу видимость реальности, в Политбюро ЦК была представлена справка, если верить которой, ТКП вобрала в свой состав буквально всех крестьян-опытников, обслуживаемых сельскохозяйственными опытными станциями страны, хотя, как позже выяснилось, максимальный контингент деревенских активистов-производственников исчислялся примерно в 10 тыс. человек.

«Даешь
сплошную
коллективи-
зацию!»

Форсированный характер колхозное строитель-
ство в целом по стране приобретает в после-
дние два месяца 1929 и в первые месяцы 1930 г.
В немалой степени этому способствовала опу-
бликованная в «Правде» 7 ноября 1929 г. ста-
тья И. Сталина «Год великого перелома». Выдавая желаемое
за действительное, в ней утверждалось, что партии «удалось
повернуть основные массы крестьянства... к новому, *социа-
листическому* пути развития; удалось организовать «*корен-
ной перелом* в недрах самого крестьянства и повести за собой
широкие массы бедноты и середняков».

На деле все обстояло совсем иначе. Не только по СССР в
целом, но и в рамках РСФСР перелом в сознании большин-
ства крестьянства не только не совершился, но даже и не
обозначился. Ведь на 1 октября 1929 г. в колхозах Союза и
Российской Федерации значилось соответственно 7,6 и 7,4 %
общей численности крестьянских дворов. Весь тон статьи ори-
ентировал на всемерное ускорение темпов коллективизации
и оказал прямое воздействие на ход и решения начавшегося
через три дня ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б). В
докладе председателя правления Колхозцентра об итогах и
задачах колхозного строительства участникам Пленума было
заявлено, что колхозное движение «получает такой разгон,
влияние колхозов... на индивидуальное хозяйство так возра-
стает, что переход на коллективные рельсы остальной массы
крестьян явится вопросом месяцев, а не лет». Коснувшись
разговоров о том, что «переход к коллективизации в отдель-
ных случаях связан с административным нажимом», доклад-
чик отмечал: «Возможно, конечно, что кое-где это и приме-
нялось, но это имеет минимальное значение... Поэтому вопрос
должен быть поставлен совершенно ясно: ни о каких «загра-
дительных» мерах для бурно растущего колхозного движе-
ния, несмотря на его недостатки, не может быть и речи».

Не ограничиваясь тем, что партия систематически подпи-
тывала колхозное движение своими кадрами, Пленум решил
направить в деревню не менее 25 тыс. индустриальных рабо-
чих с организационно-политическим опытом работы. Эта мера
была призвана ускорить коллективизацию. Исходя из того,
что колхозное движение стало перерастать рамки республик
и уже вызвало появление таких всесоюзных организаций, как
Колхозцентр, Трактороцентр, Зернотрест и другие, было ре-

шено создать Общесоюзный Наркомат земледелия, на который в качестве важнейшей задачи возлагалось руководство строительством крупного общественного сельского хозяйства.

Рассматривая кулака в качестве основной классовой силы, заинтересованной в срыве этого строительства, Пленум потребовал усилить борьбу против капиталистических элементов деревни, развивать решительное наступление на кулака, пресекать его попытки пролезть в колхозы. И хотя в его решениях не было прямых указаний о применении административно-репрессивных мер в целях ликвидации кулачества, опыт чрезвычайщины 1928–1929 гг. и весь ход обсуждения вопроса на Пленуме вплотную подвели к этому.

Такая последовательность событий не была случайной. Переход к политике сплошной коллективизации под лозунгом «даешь бешенные темпы» ставил вопрос о судьбе не отдельных кулацких хозяйств, а в целом о кулачестве. Форсирование коллективизации означало развертывание раскулачивания, т.е. насильственного лишения их средств производства, построек и т.п. И то и другое навязывалось под сильнейшим нажимом сверху. В представлении Сталина и его окружения, цель здесь оправдывала средства. Они понимали, что иначе невозможно ни сломить нежелание среднего крестьянства идти в колхоз (решить, иначе говоря, ближайшую свою задачу — ускорить формальное обобществление крестьянского хозяйства), ни, тем более, добиться переделки «в духе социализма» «собственнической» психологии мужика и тем самым обобществить сельское хозяйство на деле (т.е. осуществить одну из основных и едва ли не самых трудных задач долгосрочной политики партии в деревне).

Сильной помехой на пути решения обеих проблем являлась хозяйственная верхушка деревни — кулаки. И дело не только в том, что кулаки оказывали всяческое сопротивление колхозному строительству. Главное, что они олицетворяли для большинства деревенских тружеников жизненный идеал самостоятельного хозяйствования, а также имущественного и иного достатка и тем сводили на нет большевистскую пропаганду преимуществ коллективной системы ведения хозяйства.

Вот почему с переходом к массовой коллективизации участь кулацкого слоя была предрешена. Сознывая это, наиболее дальновидные его представители спешили «самораскулачиться» и переселиться в города, на стройки.

В конце декабря 1929 г. в выступлении на конференции аграрников-марксистов И. Сталин, опережая появление официальных партийно-правительственных документов по этому вопросу, заявил, что в политике партии и государства совершился «один из решающих поворотов»: «...от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». Смысл новой политики вождь видел в том, чтобы «сломить кулачество», «ударить по кулачеству..., так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги...»

Однако и после провозглашения этой политики вопрос о том, как проводить раскулачивание и что делать с раскулаченными, оставался нерешенным. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», подготовленное комиссией под председательством Я. Яковлева и лично отредактированное Сталиным, не внесло в этот вопрос должной ясности, ограничившись подтверждением «недопустимости приема кулаков и колхозы». Этот документ устанавливал жесткие сроки завершения коллективизации: для Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги – осень 1930 г. или «во всяком случае» весна 1931 г., для остальных зерновых районов – осень 1931 г. или «во всяком случае» весна 1932 г. Хотя для остальных районов страны указывалось, что «в пределах пятилетия... мы сможем решить задачу коллективизации огромного большинства крестьянских хозяйств», такая формулировка ориентировала на завершение в основном коллективизации в 1933 г., когда кончалась первая пятилетка.

Основной формой колхозного строительства постановление признало сельскохозяйственную артель. Разъяснения о степени обобществления средств производства из проекта этого документа Сталин при редактировании текста вычеркнул, в результате у низовых работников не было ясности по этому очень важному вопросу. При этом сельскохозяйственная артель истолковывалась в постановлении «как переходная к коммуне форма хозяйства», что ориентировало коллективизаторов на местах на усиление обобществления средств производства крестьянских хозяйств, на насаждение коммун и говорило о нежелании партийных верхов считаться с интересами крестьянства, о недооценке силы привязанности мужика к своему хозяйству.

После принятия постановления ЦК нажим из центра возрос, партийная и советская печать, не ведая устали, трубила об ускорении темпов коллективизации, поощряя соревнование в этом деле. «Правда» в передовой статье 3 февраля 1930 г. писала: «Последняя наметка коллективизации – 75 процентов бедняцко-средняцких хозяйств в течение 1930/31 года – не является максимальной». А неделю спустя на ее страницах был опубликован сталинский «Ответ товарищам свердловцам», содержащий совет «усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации».

Диктат сверху, постоянная угроза быть обвиненными в причастности к «правым уклонистам» из-за недостаточно решительных действий толкали местных работников на администрирование, применение насилия к крестьянам, не желающим вступать в колхозы. Типичную картину произвола, что творился на ниве колхозного строительства зимой 1930 г. в масштабах всей страны, воспроизвел на материалах Урала и Сибири Г. Ушаков. «Изо всех областей больше всех изумляла своими колхозными «успехами» Уральская область, – писал он. – Как на дрожжах вырастали проценты. Подпирали проценты «большевистскую» цифру – «сто» и карту области заливали работы сплошняка. Коммуны в целый район, в несколько районов уже не удовлетворяли зарвавшихся коллективизаторов, и Ирбит выкинул лозунг создания окружной Ирбитской коммуны... Когда остротой мартовских документов (имеется в виду статья Сталина «Головокружение от успехов» и постановление ЦК ВКП(б) 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», о которых речь пойдет далее – *авт.*) вспорота была нездоровая полнота уральской коллективизации, – у ней оказалась такая изнанка, перед которой теперешнему обозревателю уральской деревни остается только разводить руками... Администрирование, нарушение принципов добровольности, искажение смысла классовой борьбы, «раскулачивание» середняков, массовые повальные обыски с целью универсального обобществления «вплоть до предметов личного потребления» – такое было... Массовое лишение избирательных прав середняков, гигантомания, коммунофильство... Параллельно этому – выживание середняка из состава советов, правлений и прочих выборных общественных организаций. В составе 1940 сельсоветов, переизбранных 21 марта, беднота заняла

65,7 %, а середняки 34,3 %, тогда как в прошлую перевыборную кампанию беднота занимала 33,4 %, а середняки 62,6 %, т.е. иначе говоря произошло полное перемещение цифр... Всплыла масса случаев насилий, порой возмутительных... – бессмысленной жестокости, не находящей никакого оправдания. Расхищение кулацкого имущества, порой доходящее до явного мародерства... И как особый вид колхозного головотяпства – обобществление сбережений колхозников... Уральская область записала в свою летопись удивительную форму «социалистического соревнования» – Кустанайский Админотдел (милиция) вызвал на соревнование округа Троицкий и Кунгурский – кто больше закроет церквей! Это ли не нравы героев Щедрина?..»

«То, что творилось на Урале... – писал этот же очевидец в другом очерке, – то в градусах еще большей крепости повторила Сибирь. Сибирь хотела выпрыгнуть еще дальше Урала. Сибирь перла напропалую. Бийские организации объявили 10-е марта днем ликвидации единоличного хозяйства и аршинным шрифтом объявили об этом в местной «Звезде Алтая». Когда знакомишься сейчас с колхозными материалами января, февраля, марта, получаешь впечатление дикой вакханалии. Трудно себе представить, насколько могли люди недооценивать реальной обстановки. В дикой ставке на стопроцентную и немедленную коллективизацию иногда сквозили черты явного фанатизма...»

Раскулачивание как составная часть коллективизации и метод ее ускорения	В условиях, когда маховик насилия лишь начинал набирать предельные обороты, по настоянию И. Сталина выходит постановление СНК СССР, согласно которому к кулацким относили хозяйства по следующим признакам: доход в год на одного едока свыше 300 руб. (но не менее 1500 руб. на семью), занятие торговлей, сдача внаем машин, помещений, применение наемного труда; наличие мельницы, маслобойни, крупорушки, плодовой или овощной сушилки и пр. Уже один из этих признаков делал крестьянина кулаком. Появилась возможность подвести под раскулачивание самые различные социальные слои деревни.

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает подготовленное специальной комиссией под председательством В. Молотова секретное постановление «О мероприятиях по

ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Этим постановлением в районах сплошной коллективизации отменялось действие закона об аренде и применении наемного труда и предписывалось конфисковывать у кулаков этих районов средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке продукции, продовольственные, фуражные и семенные запасы.

Все кулачество делилось на три категории, из которых первая, самая злостная — «контрреволюционный актив» — подлежала заключению в концлагеря (в отношении организаторов терактов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций рекомендовалось не останавливаться перед применением высшей меры репрессии — расстрела). Отнесенные ко второй категории «отдельные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полупомещиков» подлежали высылке в отдаленные местности страны и в пределах данного края — в отдаленные районы. В третью группу входили оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежали расселению на новых, отводимых им за пределами колхозных хозяйств, участках.

При этом указывалось, что количество ликвидируемых по каждой категории хозяйств должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем основным районам составляло в среднем примерно 3–5 %. И хотя в документе оговаривалось, что настоящее указание (относительно «лимита» 3–5 %) «имеет целью сосредоточить удар по действительным кулакам и безусловно предупреждать распространение этих мероприятий на какую-либо часть середняцких хозяйств» — на деле, практически, оно к этому и вело. Думается, не случайно этот документ при определении «ограничительных контингентов» (термин этот в административный оборот введен несколько позже — в феврале того же года) — кулаков, подлежащих ликвидации, вдвое завысил их действительное число, установленное осенью 1929 г. Это наводит на мысль, что лозунг «Лучше перегнуть, чем недогнуть», которым руководствовались коллективизаторы-перегибщики на местах при раскулачивании, был не чужд и самим творцам рассматриваемого постановления.

Политбюро устанавливало и примерное количество кулаков по каждому региону, которые подлежали заключению в

концлагеря и выселению в отдаленные местности. Всего намечалось по 9 регионам страны, о которых шла речь в постановлении, отправить в концлагеря 60 тыс., а выселить 150 тыс. кулаков. В постановлении указывалось, что члены семей заключенных в концлагеря и высылаемых могли с согласия райисполкомов оставаться в прежнем районе. На практике желание членов семей репрессированных кулаков никто не спрашивал и они высылались вместе с членами семей.

Средства производства и имущество, конфискованное у кулаков, подлежали передаче в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов бедняков и батраков. Также и вклады кулаков в кооперации тоже передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества. Этими мерами, углубляющими раскол в крестьянской среде, власти вербовали в число активных сторонников коллективизации неимущие слои деревни.

Развязывая этим документом кампанию массового террора по отношению к состоятельному слою деревни, его творцы наряду с основной ставкой на углубление социальных антагонизмов в крестьянстве стремились расколоть и семьи раскулаченных «противопоставлением — где это возможно — отдельных элементов молодежи остальной части кулаков». К сожалению, ни отечественные, ни зарубежные исследователи сталинской «революции сверху» до конца не выяснили степень результативности столь изощренно расчетливой политики большевистских верхов.

Каковы были действительные масштабы раскулачивания? По данным ОГПУ только за два года (1930–1931) было выселено — с отправкой на спецпоселение — в Сибирь, Казахстан и на Север 381 026 семей общей численностью 1 803 392 чел.

Некоторая часть кулацких семей (200–250 тыс.) «самораскулачивались», т.е. ликвидировали свои хозяйства, часто просто бросая имущество, бежали в города и на промышленные стройки. Там же после многих бед и мытарств оказалась и большая часть тех 400–450 тыс. раскулаченных семей, отнесенных к третьей категории, которых первоначально предполагалось расселить отдельными поселками в пределах районов их проживания.

В 1932–1936 гг. волна раскулачивания заметно снизилась. Общее число ликвидированных в эти годы хозяйств не превышало 100 тыс. В сумме эти цифры достигают 1100 тыс.

хозяйств с населением в 5–6 млн. чел. (4–5 % общей массы крестьянских хозяйств), что намного больше числа кулацких хозяйств на осень 1929 г. (2,5–3 %). Более трети раскулаченных, или 2140 тыс. чел. были депортированы в 1930–1933 гг.

Кампания массового раскулачивания, охватив вслед за основными зерновыми районами, шедшими в авангарде колхозного движения, остальные местности страны, стала мощным катализатором и без того «бешеных» темпов коллективизации. Не прошло и месяца после выхода постановления от 30 января 1930 г., как уровень коллективизации по стране в целом поднялся с 32,5 до 56 %, а по Российской Федерации с 34,7 до 57,6 %. Еще более «впечатляющий» рывок совершили Сибирь, Нижегородский край и Московская область, у которых процент коллективизированных хозяйств за тот же промежуток времени подскочил в 2 и более раза.

Дикая вакханалия насилия не могла не вызывать в крестьянской массе ответных мер отпора, в том числе отпора с оружием в руках. По данным ОГПУ за январь–апрель 1930 г. произошло 6117 выступлений, насчитывавших 1755 тыс. участников. При этом в Центрально-Черноземной области крестьянские волнения охватили более 1000 населенных пунктов, на Средней и Нижней Волге – 801, в Московской области – 459, в Сибири – свыше 200.

Крестьяне выступали не только против насильственной коллективизации и раскулачивания, других беззаконий, творимых в деревне, но и против огульного закрытия и осквернения церквей и мечетей, ареста и преследования священнослужителей, закрытия базаров и т.п. Наряду с активными формами протеста в еще больших масштабах крестьянство прибегало к пассивному сопротивлению «революции сверху» (отказы от выполнения хлебозаготовок, массовый убой скота, невыходы на колхозную работу или работа «спустя рукава»).

Отмечая все это, не следует впадать в крайность, переоценивая массовость и особенно силу крестьянского протеста той поры, как это делают некоторые историки, утверждающие, что весной 1930 г. страна не только оказалась на грани гражданской войны, но и что эта война фактически развернулась. Представляется, что не так уж далеки были от истины те деятели финансово-промышленных кругов российской эмиграции, которые предупреждали, что «не нужно гипнотизиро-

вать себя надеждой на активизм крестьян» и отмечали, что «у крестьян нет собственных сил для того, чтобы сбросить Советскую власть, а наоборот они выявляют необычайную способность переносить все натиски большевиков». Кстати, текст протокола заседания Совета Российского торгово-промышленного и финансового союза от 30 октября 1929 г., на котором был заслушан и обсужден доклад проф. К. Зайцева «Крестьянская политика Советской власти» и высказаны цитируемые мнения, очевидно, полученный через С. Третьякова, в середине ноября того же года уже лежал на столе у Сталина, Молотова, Ягоды.

Маневрирование власти

Но так или иначе, партийные верхи, стремясь хотя бы отчасти погасить растущее недовольство мужика и в расчете выиграть время для нового наступления на «мелкособственнические инстинкты» большинства деревенского населения, прибегли к очередному тактическому маневру. 2 марта 1930 г. публикуется статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой вина за так называемые перегибы коллективизации возлагалась на партийно-государственных «стрелочников» местного масштаба.

Такой оборот дела вызвал весьма обоснованные протесты со стороны многих непосредственных исполнителей, включая руководителей краевых и областных парторганизаций. Это вынудило Политбюро принять два постановления (первое закрытое) 10 и 14 марта «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», а затем 2 апреля направить на места закрытое письмо ЦК по данному вопросу, в котором утверждалось, что правильность «директив партии и категорических указаний в статье тов. Сталина о борьбе с искривлениями в партлинии полностью подтвердились». Однако тут же признавалось, что «пока лишь меньшинство, примерно от одной четверти до одной трети всей массы бедняков и середняков, твердо стало на путь коллективизации», чем косвенно корректировались некоторые выводы генсека, изложенные в статье «Год великого перелома». Одновременно в качестве уступок крестьянству допускалось в отдельных областях «как временная мера, прекращение на время сева расселения третьей категории кулачества и оставление в данном селе», но при недопущении этих хозяйств в колхозы.

В отечественной историографии данному столкновению партийной верхушки с местными функционерами и рядовыми партийцами уделяется неоправданно повышенное внимание. Дело в том, что при выяснении, чья вина больше — мест или центра, упускается из вида главное — некомпетентность партийно-государственного руководства коллективизацией, присущее партийцам всех чинов и рангов, самомнение, чувство непогрешимости. Последнее обстоятельство правильно подметил наблюдательный очевидец деревенской драмы на Урале и в Сибири Г. Ушаков. В уже цитированной нами рукописи «Сибирь накануне сева», сохранившейся в материалах чаяновского научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики, он писал: «Руководство колхозным походом шло по линии партийной и административной. Организации колхозные были только приводными ремнями... Вопросы чисто хозяйственного порядка тем самым отодвигались на задний план. И было странно от организации нехозяйственной требовать хозяйственность стопроцентную. Но это не мешает забытой хозяйственности бить сейчас коллективизацию и в хвост и в гриву. Кампания за коллективизацию была развернута как кампания художозяйственная или вовсе бесхозяйственная. Отсюда многие качества...» Что же касается идейных основ облика партаппаратчика той поры, то на сей счет с достаточной определенностью высказался на одном из совещаний Наркомзема РСФСР выдающийся отечественный экономист Н. Кондратьев. «Посмотрите, — говорил он, — идеологию обычного партийного работника. Во-первых, он все знает, во-вторых, его ни в чем нельзя убедить, в-третьих, он на все имеет свою точку зрения. Ведь это есть... самолюбование, которое в планах и отражается. Он какие угодно планы построит».

Непосредственной реакцией деревни на объявленную партийными верхами кампанию борьбы с искривлениями партийной линии в колхозном движении были массовые выходы крестьян из колхозов, куда их недавно загнали силой. Вследствие этих выходов уровень коллективизации в конце лета 1930 г. по стране в целом снижается до показателей, имевших место на 20 января 1930 г.

Динамику коллективизации с осени 1929 г. по лето 1930 г. в масштабах СССР, РСФСР и отдельных регионов позволяет обозреть таблица, составленная по сведениям с мест в Колхозцентре и Наркомземе страны.

Районы	Коллективизировано крестьянских хозяйств, %				
	1 октября 1929 г.	20 января 1930 г.	1 февраля 1930 г.	1 марта 1930 г.	1 июня 1930 г.
Северный Кавказ	19,0	46,6	60,7	76,8	58,1
Центрально-Черноземная область	5,9	40,0	50,0	81,8	15,8
Нижняя Волга	18,3	56,0*	58,7	67,8	37,5
Московская область	3,3	14,1	36,5	73,0	7,2
Нижегородский край	3,7	7,1	18,9	48,7	10,1
Западная область	1,8	6,3	11,8	38,8	6,7
Татария	4,0	3,6	42,2	77,3	8,8
Урал	10,0	35,4	47,4	68,8	27,3
Сибирь	6,7	14,0	19,0	46,8	19,8
РСФСР	7,4	23,5	34,7	57,6	20,3
СССР	7,6	21,6	32,5	56,0	23,6

* Сведения на 1 января 1930 г.

Как видно из таблицы, пик среднемесячных темпов обобществления крестьянского хозяйства повсеместно приходится на конец января – февраль 1930 г. Не составляли в данном отношении исключения даже основные зерновые районы, где к этому времени уже был достигнут весьма высокий уровень коллективизации.

В региональном разрезе масштабы бегства крестьян из колхозов после мартовских 1930 г. решений ЦК ВКП(б) о борьбе с так называемыми перегибами в колхозном движении напрямую связаны с показателями коллективизации, достигнутыми в конце января – феврале того же года, когда маховик раскулачивания был запущен на предельные обороты и стал использоваться в качестве одного из главных средств форсирования темпов обобществления крестьянского хозяйства. Регионы, демонстрировавшие в конце января – феврале самые бешеные темпы коллективизации (Московская, Западная области, Татария и Нижегородский край) дают весной 1930 г. и наибольший отток крестьян из колхозов, вслед-

ствие чего по уровню коллективизации они, по существу, возвращаются на исходные позиции конца января, а Московская область откатывается и того ниже – к показателям, которые она имела осенью 1929 г.

После столь массового отлива крестьян из колхозов наступила полоса кратковременного «затишья», когда крестьяне, вышедшие из колхозов, добровольно не возвращались в колхозы, а растерявшиеся местные власти не рисковали принуждать их к этому. «Прилива в колхозы нет потому, что теперь коллективизация добровольная. Вот и боишься: то перегиб получится, то недогиб», – так объяснял эту ситуацию один из райкомов Северо-Кавказской краевой парторганизации.

Правящую верхушку такой ход событий не устраивал. В сентябре 1930 г. ЦК ВКП(б) направил к райкомам, обкомам, ЦК компартий союзных республик письмо, в котором осудил пассивное поведение местных партийных органов и потребовал энергичной работой «добиться мощного подъема колхозного движения». Вскоре оно обсуждалось этими органами и было принято к неуклонному руководству и исполнению.

В соответствии с моментом партийно-государственное руководство меняет тактику и делает ставку на массовую работу среди крестьянства. Заметную роль в развертывании этой работы в деревне сыграли вербовочные бригады и инициативные группы. Вербовочные бригады создавались из колхозного актива для проведения разъяснительной и организаторской работы в среде единоличников, а инициативные группы – из сочувствующих партии бедняков и середняков, на базе которых создавались новые колхозы. В декабре 1930 г. в РСФСР действовало 5625 вербовочных бригад, а весной 1931 г. только в основных зерновых районах их насчитывалось свыше 21 тыс. Тогда же количество инициативных групп в республике превысило 15,5 тыс. Они объединяли 100 тыс. крестьян-единоличников. Кроме того, в районы с низким процентом коллективизации было направлено 80 тыс. колхозников-активистов, и около 30 тыс. надежных коллективизаторов работали в межобластных бригадах по коллективизации.

Одновременно предпринимаются меры, стимулирующие вступление крестьян в колхозы. К их числу относилась утвержденная 29 декабря 1930 г. ЦК ВКП(б) годовая программа строительства 1400 машинно-тракторных станций (МТС). Тогда же был отменен пункт постановления от 5 января о

выкупе колхозами техники как несвоевременный. К весеннему севу количество МТС достигло 1228, а число тракторов в них увеличилось с 7102 в 1930 г. до 50114. К концу года программа строительства МТС была выполнена. В тех же целях колхозам предоставлялись кредиты и льготы по налогам, устанавливались пониженные нормы сдачи продуктов животноводства, оказывалась помощь в создании животноводческих ферм. Государство обещало упорядочить организацию и оплату труда в колхозах, гарантировать колхознику ведение личного подсобного хозяйства (в определенных размерах).

Не были забыты и меры принуждения. После временной «передышки» весны-лета 1930 г. активное продолжение получает политика «ликвидации кулачества как класса», в которой наметился новый этап, призванный способствовать «новому подъему» колхозного движения. Осенью 1930 г. развернулось массовое выселение раскулаченных крестьян (первый этап депортации). Проводилось оно под эгидой ОГПУ, в чье ведение с лета 1931 г. перешло и управление спецпереселенцами, и хозяйственное использование их труда.

Положение последних было крайне тяжелым: «поселки» их в Сибири, на Урале, в Северном крае и Казахстане мало чем отличались от концлагерей.

Не намного лучше жилось и той большей части кулаков, отнесенной к третьей категории, что расселялись на свободных (как правило, худших) землях вне колхозного клина. Она была буквально задавлена налогами. Ужесточился и налоговый пресс, приходившийся на остальных крестьян-единоличников. Сумма самообложения на 1931 г. была установлена в 400 млн. руб. против 240 млн. в 1930 г. Хотя позже она была снижена до 350 млн., но единоличники, составлявшие к тому времени немногим более 40 % общего числа крестьянских хозяйств, должны были уплатить 230 млн. руб., а колхозники – 120.

Высокие ставки сельхозналога и самообложения для единоличников подталкивали последних к вступлению в колхозы, где им «светили» льготы. Чтобы конкретнее представить весомость выгод, которые обретал крестьянин, вступивший в колхоз, сошлемся на следующий факт. По официальным данным на 1 колхозный двор в 1931 г. приходилось около 3 руб. сельхозналога, на одного единоличника – более 30 руб., а на кулацкое хозяйство – почти 314 руб.

Иначе говоря, крестьянин-единоличник в своем собственном хозяйстве был обложен государством налогами, хлебозаготовками и иными поборами как «медведь в берлоге» охотниками. «Не мытьем, так катаньем» государство понуждало его идти в колхоз. Вот почему через год после весенне-летнего (1930 г.) массового бегства крестьян из колхозов уровень коллективизации по стране вновь перевалил «экватор», достигнув к июню 1931 г. отметки 52,7 % общего числа крестьянских хозяйств.

Но новый подъем вскоре закончился. В течение первого полугодия 1932 г. число коллективизированных хозяйств в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс., на Украине — на 41,2 тыс.

Это обстоятельство вызвало очередные уступки крестьянству со стороны власти. 26 марта 1932 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) «О принудительном обобществлении скота», в котором разъяснялось, что «практика принудительного отбора у колхозников коровы и мелкого скота не имеет ничего общего с политикой партии» и что «задача партии состоит в том, чтобы у каждого колхозника были своя корова, мелкий скот, птица». Однако реализовывалось это решение, как и все, что было связано с уступками власти крестьянину, медленно и непоследовательно. В мае того же года принимаются совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» и «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян». Согласно этим документам после выполнения государственного плана хлебозаготовок и образования семенного и других фондов, а равно после выполнения централизованного плана мясозаготовок разрешалась торговля оставшейся продукцией по складывающимся на рынке ценам. План заготовок по хлебу был сокращен в 1932 г. до 1103 млн. пуд. против 1367 млн. в 1931 г., а по мясу уменьшен в 2 раза против ранее намеченных заданий (716 тыс. т вместо 1414 тыс.). Были отменены все республиканские и местные налоги и сборы с торговли колхозов и колхозников, а с единоличников взималось не более 30 % их доходов от торговли.

Однако даже уменьшенные хлебозаготовительные задания из-за неурожая в ряде зерновых районов страны оказались сорванными, что резко ухудшило продовольственное положение городов и строек. В этой ситуации Сталин и его команда

резко меняют курс, считая, что единственным выходом из кризиса является ужесточение режима и новые репрессии.

7 августа 1932 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической собственности)» (получившее в народе печальную известность закона «о колосках»), в котором предусматривалась высшая мера наказания – расстрел за хищение колхозного и кооперативного имущества с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на 10 лет. На февраль 1933 г. по нему было осуждено 103 тыс. чел., из них приговорено к расстрелу 6,2 %, к 10 годам тюрьмы – 33 %.

В октябре-ноябре 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) направило на Северный Кавказ, Украину и в Поволжье чрезвычайные комиссии по хлебозаготовкам во главе с Кагановичем, Молотовым и Постышевым, оставившие худую память в деревне массовыми расстрелами.

Жесточайшими расправами в условиях голода, поразившего Северный Кавказ, Поволжье, Украину, Казахстан и некоторые другие районы, сопротивление крестьян реквизиционной политике государства было сломлено. Учитывая это, 8 мая 1933 г. Сталин и Молотов секретной директивой, рассылаемой на места, указывают, что в деревне возникла «новая благоприятная обстановка», позволяющая «прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий».

Предпринимается еще одна попытка частичными уступками сгладить взаимоотношения власти с крестьянством. На январском 1933 г. Пленуме ЦК Сталин признал необходимым производственную смычку между городом и деревней дополнить товарной через торговлю. 19 января СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», отменившее договорную (контракционную) систему заготовок и введившее систему обязательных поставок.

Колхозы и единоличные хозяйства получали твердые, имевшие силу налога обязательства по сдаче зерна в определенные сроки и по установленным государством ценам. Объем обязательств определялся погектарными нормами, но не более трети валового сбора каждого хозяйства при среднем урожае. Все оставшееся после выполнения обязательной поставки (для колхозов – еще и натуроплаты МТС) зерно признавалось находя-

щимся в полном распоряжении производителей. Местным органам власти и заготовительным учреждениям «безусловно воспрещалось» допускать встречные планы или налагать обязательства по сдаче зерна, превышающие нормы, установленные настоящим законом.

Ровно через год выходит постановление, по которому закупки зерна государством у колхозов, совхозов и единоличников должны осуществляться на основе полной добровольности по ценам, на 20–25 % превышающим заготовительные. Хозяйства, продавшие хлеб по закупочным ценам, могли приобретать дефицитные промтовары на сумму, втрое превышающую стоимость проданного хлеба.

Система «отоваривания», которая должна была стать главным стимулом закупок, себя не оправдала. У государства не оказалось необходимых деревне товаров, да и цены закупочные ни колхозников, ни тем более единоличников не устраивали. Просуществовав немногим более полугода, она была отброшена. 31 августа 1931 г. директивой Сталина и Молотова был введен новый порядок закупок: колхозы, выполнившие планы хлебопоставок и натуроплаты, обязаны были до расплаты с колхозниками создать резерв для выполнения плана закупок. Иначе говоря, закупки превращались в обязательную систему сдачи государству дополнительной продукции.

Попеременно чередуя то пряник, то кнут в хлебозаготовительной политике, власть сумела в 1933–1935 гг. добиться выполнения поставок хлеба как в целом по стране, так и каждой республикой, краем и областью. Существенную роль в этом сыграли хлебозакупки, их удельный вес в общей сумме государственных заготовок за 2 года поднялся примерно в 10 раз: с 1,7 % в 1933 г. до 17 % в 1935 г.

Рост заготовок позволил государству с января 1935 г. отменить карточную систему на муку, хлеб и крупы, а в конце года – на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель.

Завинчивая гайки в деле хлебозакупок, оно должно было дать крестьянину хоть какую-то отдушину в хозяйственной сфере. Такой отдушиной стало создание благодаря принятому на Втором съезде колхозников-ударников в феврале 1935 г. Примерному уставу сельскохозяйственной артели более свободных условий для ведения личного подсобного хозяйства. В зависимости от региона колхознику разрешалось иметь от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах – до 1 га земли и от

одной до 2–3 коров, неограниченное количество птицы; в районах кочевого скотоводства до 20 коров, 100–150 овец, до 10 лошадей, 8 верблюдов и пр.

О значимости этих уступок крестьянству можно судить по той роли, которую стало играть личное подсобное хозяйство не только в удовлетворении нужд самого деревенского населения, но и в продовольственном и сырьевом обеспечении всей страны. Удельный вес личного подсобного хозяйства колхозников в валовом производстве животноводческой продукции, овощей, картофеля рос довольно быстро. К концу 1934 г. почти 2/3 колхозных семей страны имели в личном подворье коров, а в Московской, Западной областях, на Украине и в Белоруссии – 3/4. Личное подсобное хозяйство давало 20,6 % валовой продукции животноводства страны. В этом хозяйстве к концу второй пятилетки было произведено картофеля и овощей – 52,1 %, плодовых культур – 56,6, молока – 71,4, мяса – 70,9, кож – 70,4 % общего объема валовой продукции колхозного сектора. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что личные подсобные хозяйства колхозников значительно превосходили общественное хозяйство колхозов в производстве животноводческой продукции и давали более половины картофеля, овощей и плодов. Основная часть всего этого шла на личное потребление, но примерно 1/4 животноводческой продукции и до 50 % картофеля и овощей продавались на рынке. Обороты рыночной колхозной торговли за вторую пятилетку увеличились с 7,5 млрд. руб. до 17,8 млрд., т.е. в 2,4 раза. Рыночные цены к 1938 г. по сравнению с 1933 г. снизились на 63,9 %, в том числе по хлебопродуктам – на 82,8, по картофелю – на 79,9, по овощам – на 39,2, по мясу – на 29,4, по молоку – на 43,1 %. Они либо сравнивались с ценами государственно-кооперативной торговли, либо были ниже.

Все это позволяет констатировать, что в большевистской политике форсированного обобществления крестьянского хозяйства, при всей ее жестокости, было немало элементов трезвого хозяйственного и социально-политического расчета. Но не нужно их и переоценивать, как делают авторы одного из учебных пособий по истории России, которые полагают, что посредством мер такого и аналогичного свойства государство нашло временный компромисс с крестьянством.

Дело в том, что сколько-нибудь серьезный компромисс, т.е. соглашение, основанное на взаимных уступках сторон,

большевистской власти в 1934–1935 гг. попросту не требовался. Недалек от истины был П. Милюков, когда еще в 1932 г., затрагивая данный вопрос, отметил, что по сравнению с 1920–1921 гг. в российском крестьянстве «теперь картина иная. Власть усилилась чрезвычайно. Она имеет силу там, где даже царская власть не имела: становые и урядники не держали деревню так цепко в руках, как держат ее советские эмиссары. Правда, – замечал он далее, – могущество власти усилилось, зато умение управлять чрезвычайно ослабло. Спецы, вырабатывавшие пятилетку (имеется в виду первая пятилетка – ред.), разогнаны, уничтожены и заменены «всезнайками» – их невежество, смелость и размах завели телегу Сталина в тупик». Насколько точна большая часть наблюдения маститого историка и политика, настолько же спорной представляется его концовка, ибо в ней желаемое выдается за действительное.

Сталинский режим к концу первой пятилетки сумел не только выйти из состояния тупика в реализации курса на сплошную коллективизацию (в тупике он оказался весной-летом 1930 г., затем сложности были в 1931 г. и первом полугодии 1932 г.), но, как объективно признает Н. Ивницкий, и решить поставленную задачу – «в колхозах было объединено 61,8 % крестьянских хозяйств и около 80 % посевных площадей».

Завершение «революции сверху».
Ее итоги и последствия

В годы второй пятилетки государство, действуя главным образом с позиции силы, но в то же время, как уже отмечалось, не отказываясь и от мелких уступок мужику, продолжало осуществлять сталинскую «революцию сверху»

Количественная динамика вовлечения крестьянства в колхозы в годы второй пятилетки представлена следующими данными:

Годы	Общее количество крестьянских хозяйств,	В том числе коллективизировано (на 1 июня т.г.)	
	млн.	млн.	%
1933	23,2	15,2	65,0
1934	22,0	15,7	71,4
1935	20,8	17,3	83,2
1936	20,3	18,4	90,5
1937	19,9	18,5	93,9

Как явствует из этих цифр, коллективизация завершилась к концу второй пятилетки. В 243,7 тыс. колхозов было вовлечено почти 94 % оставшихся к тому времени в деревне хозяйств, но 72,3 % к общей численности существовавших летом 1929 г., т.е. перед развертыванием сплошной коллективизации, 25,6 млн. крестьянских дворов в стране. В деревне возник и стал господствующим совершенно иной, чем прежде, новый тип хозяйства. Формально он значился и даже приобрел идеологему особой разновидности кооперативного хозяйства, материальной основой которого являлась кооперативно-колхозная форма собственности на основные средства производства. за исключением собственности на землю, оставшейся государственной (считавшейся общенародной), но переданной и закрепленной за колхозами в бесплатное и бессрочное пользование. Фактически же этот тип хозяйства являлся полугосударственным. На колхозный строй, становившийся неотъемлемой частью советского общества на новом этапе его развития, были распространены принципы хозяйствования, которые были характерны для государственного сектора (жесткая централизация, директивность, плановость, значительный удельный вес уравнительных тенденций в распределении материальных и духовных благ и т.д.).

Важным рычагом, с помощью которого сложился колхозный строй, его своеобразной повивальной бабкой стали чрезвычайные партийные органы – политические отделы при МТС и совхозах (политотделы), созданные по решению январского (1933 г.) Пленума ЦК ВКП(б). Строились они в целях оказания помощи колхозам на сложном и многотрудном этапе их организационно-хозяйственного укрепления. Политотделы были наделены необычайно широкими и разнообразными полномочиями – от подбора, расстановки и фильтрации кадров, организации сугубо хозяйственных кампаний (сева, уборки и т.п.) до руководства политико-просветительской работой и даже осуществления карательных функций.

В частности, в течение 1933 г. они провели повальную «чистку» колхозов, особенно их управленческого аппарата и деревенских партийных организаций. Из колхозов, находившихся в зонах деятельности 1028 МТС 24 краев, областей и республик, были исключены как «классово-чуждые» или просто непригодные: 36,8 % работников бухгалтерии, 33,5 – механиков, 30,6 – агрономов и 27,7 % бригадиров тракторных

бригад. Политотдельцы обеспечивали выполнение планов колхозами, контролировали выдачу оплаты на трудодни, организовывали соревнование, выявляли «вредителей». Они делали все, чтобы колхозы стали такими, какими они были нужны партии и государству для выполнения разнообразных директив и обязательств. В конце 1934 г. политотделы при МТС были упразднены (в совхозах они сохранялись) и слиты с райкомами партии как выполнившие свои задачи.

Преобразование мелкого крестьянского хозяйства в крупное коллективное, позволило перевести сельскохозяйственное производство на плановые начала его регулирования и управления. Государство, таким образом, обрело возможность детально устанавливать не только объем и другие параметры сельскохозяйственного производства, но и, главным образом, размеры ежегодных ему поставок продукции этого производства, гарантирующих получение почти половины собираемого в стране урожая с правом полного и бесконтрольного распоряжения ею.

Такая система взаимоотношений колхозов с государством означала преимущественно внеэкономический характер принуждения сельского работника к труду, вследствие чего тот утрачивал заинтересованность в подъеме хозяйства своей артели.

Юридически это принуждение было подкреплено осуществленной в конце 1932 – начале 1933 г. паспортизацией населения страны. В сельской местности паспорта выдавались только в совхозах и на территориях, объявленных «режимными» (приграничные зоны, столичные города с прилегающими к ним районами, крупные промышленные центры и оборонные объекты). Колхозники могли получить паспорта только при перемене места жительства, но фактически эта процедура была обставлена множеством ограничений. Закрытым постановлением СНК СССР от 19 февраля 1934 г. устанавливалось, что в паспортизированных местностях предприятия могли принимать на работу колхозников, которые ушли в отход без договора с хозорганами, лишь при наличии у этих колхозников паспортов, полученных по прежнему месту жительства, и справки из правления колхоза о его согласии на отход колхозника.

Складывалась командно-бюрократическая система управления колхозами, становившаяся одним из факторов замед-

ленного развития сельского хозяйства, его отставания от потребностей страны и бегства крестьян от земли, запустения деревень.

Установление колхозного строя означало качественно новый рубеж не только в жизни отечественной деревни, но и страны в целом. Две однородные по характеру формы собственности — государственная и колхозно-кооперативная — стали всеохватывающими в обществе. Не менее существенно изменился и его социально-политический облик. Завершилась полоса промежуточного, переходного состояния. Советское общество стало биполярным: на одном полюсе формировалось новое социально-классовое образование в лице партийно-государственной бюрократии, от лица общества распоряжающейся государственной и колхозно-кооперативной собственностью, а на другом — одинаково лишенные основных средств производства наемные рабочие города и деревни.

В последнее время в отечественной литературе преобладающими стали негативные оценки коллективизации. Спору нет, в истории отечественной деревни это едва ли не самая трагическая страница. Но признание этого не дает оснований отрицать или замалчивать другое: коллективизация обеспечила форсированную перекачку средств из сельского хозяйства в промышленность, высвобождение для индустриализации страны 15–20 млн. чел.; она позволила во второй половине 30-х годов постепенно стабилизировать положение в аграрном секторе отечественной экономики, повысить производительность труда в сельском хозяйстве. Если в канун «революции сверху» в стране производилось ежегодно 72–73 млн. т. зерна, более 5 млн. т мяса, свыше 30 млн. т молока, то в конце 30-х — начале 40-х годов наше сельское хозяйство давало 75–80 млн. т зерна, 4–5 млн. т мяса и 70 млн. т молока. Но если к концу нэпа эту продукцию производили 50–55 млн. крестьян-единоличников, то в предвоенные годы — 30–35 млн. колхозников и рабочих совхозов, т.е. на треть работников меньше.

«Сопоставляя высокую цену, заплаченную народами СССР за совершенный в преддверии второй мировой войны индустриальный рывок, с ценой, которой им, в противном случае, пришлось бы расплачиваться за военно-техническую и экономическую отсталость страны, — справедливо считает современный исследователь истории создания военно-промышленного

комплекса СССР Н. Симонов, — данные жертвы и лишения не приходится считать ни напрасными, ни чрезмерными».

Думается, что в этой высокой цене не напрасной, хотя и безмерно тяжкой, была доля, пришедшаяся на коллективизированную отечественную деревню.

§ 3. Политический режим в 30-е годы

**Завершение
формирования
аппарата
принуждения**

Революция «сверху», развернувшаяся в конце 1920-х годов, внесла серьезные изменения во внутреннюю политику правящей партии, реанимировавшей военно-коммунистические методы управления страной, базировавшейся на принуждении и насилии. Большевики рассматривали революцию как апогей самой ожесточенной и непримиримой борьбы классов. В годы революции и гражданской войны как класс перестала существовать крупная буржуазия. Теперь пришла очередь мелкобуржуазных слоев — этой, по мнению большевиков, благоприятной питательной среды для буржуазного перерождения еще не совсем окрепшего советского общества. Наиболее многочисленной, а значит и особенно опасной, являлась прослойка сельской буржуазии — кулаки, по которым и был нанесен сокрушительный удар.

Поскольку в исправительно-трудовые лагеря стали направлять огромное число лиц, причисленных к классово-враждебным элементам, в структуре ОГПУ создали Главное Управление лагерей (ГУЛАГ). Труд заключенных широко использовался в народном хозяйстве. Заключенные добывали уголь и руду, нефть и золото, строили железные и шоссейные дороги, заготавливали древесину, выращивали хлеб, овощи, занимались животноводством. До 200 тыс. заключенных периодически привлекались для выполнения наиболее тяжелых работ на государственных предприятиях многих отраслей промышленности, включая оборонные, даже на ударных стройках пятилеток.

В первой половине 30-х годов завершилось формирование мощного, строго централизованного административно-политического аппарата принуждения. Милиция, ранее находившаяся в двойном ведении НКВД союзной республики и исполкомов местных Советов, была выведена из-под контро-

ля республиканских и местных властей и подчинена непосредственно ОГПУ СССР. Органы ОГПУ самостоятельно вели следствия, устраивали судебные процессы, выносили приговоры и приводили их в исполнение. В июле 1934 г. ОГПУ было преобразовано в НКВД СССР. При нем стал действовать внесудебный орган — Особое совещание.

Обновилось территориально-административное деление СССР, основу которого, после упразднения округов, составили области и районы. Новая единообразная территориально-административная структура способствовала усилению централизованного управления страной.

Советы оставались в стороне от коллективизации, что породило у определенной части партийцев скептицизм в отношении их жизнеспособности в сельских местностях. Однако предложения о замене сельсоветов правлениями колхозов не прошли. Перед Советами были поставлены задачи «вернуться лицом к ударничеству в промышленности и колхозному строительству». В конце 1930 — начале 1931 гг. провели пере выборы Советов, чтобы обеспечить широкое представительство в них колхозников и ударников.

В конце 1932 г. в СССР устанавливается паспортный режим. Паспорта вводились для жителей городов, рабочих поселков, районных центров, новостроек, совхозов, МТС и др. Сельское население (колхозники) паспортов не получало и учитывалось по спискам, которые велись сельсоветами. Свобода передвижения колхозников ограничивалась. По существу, они были прикреплены к деревне.

Внедрение паспортной системы сопровождалось жестокой политикой чистки городов. По решению Политбюро (апрель 1933 г.) организовывались «трудовые поселения», куда ссылались крестьяне, саботирующие хлебозаготовки, а также бежавшие в города кулаки, нашедшие работу на промышленных предприятиях. На принудительные работы были осуждены тысячи людей.

Искоренение организованной оппозиции	В разгар коллективизации организуются крупные публичные политические процессы. В ноябре 1930 г. проходил процесс над Промышленной партией («Промпартией»), в ходе которого по обвинениям во «вредительской деятельности» был осужден ряд высокопоставленных специалистов, якобы связанных с разведками империалистических государств и раз-

рабатывавших в качестве их агентов планы интервенции против СССР. В марте 1931 г. в Верховном суде началось слушание дела «Союзного бюро меньшевиков», которое обвинили в пособничестве иностранным спецслужбам.

В условиях острых антагонизмов в аграрном секторе и роста социального напряжения в городах политические процессы начала 1930-х годов играли роль «превентивного удара» правящего режима по его «потенциальным противникам» в среде «старой» интеллигенции, представители которой работали в сфере государственного управления, в армии, в вузах, научных учреждениях и др. По мнению партийной верхушки, «буржуазные специалисты» могли сыграть роль идейных вождей или, по крайней мере, «пятой колонны» в случае широкомасштабных социально-классовых конфликтов, угроза которых была вполне реальной. В этих же целях в партии разворачивалась кампания по дискредитации лидеров «правой оппозиции», «идейно разгромленных» в конце 1920-х годов, но, с точки зрения сталинского окружения, имевших серьезное влияние в партийных массах и способных при определенных условиях перехватить политическую инициативу.

На XVI съезде партии (июнь – июль 1930 г.) было организовано обличение «правого уклона». Бухарин на съезде не присутствовал. Рыкова, Томского и Угланова вынудили признать «свои ошибки» и публично раскаяться. Тем не менее, в декабре 1930 г. Пленум ЦК ВКП(б) освободил Рыкова от обязанностей председателя Совнаркома СССР и члена Политбюро. Совнарком возглавил верный соратник Сталина – Молотов, а членом Политбюро стал Орджоникидзе.

Сталин последовательно искоренял последние ростки оппозиционности в высших эшелонах власти. В декабре 1930 г. из состава ЦК ВКП(б) были выведены кандидаты в члены Политбюро, председатель Совнаркома РСФСР Сырцов и секретарь Закавказской парторганизации Ломинадзе. Сырцову инкриминировали неверие в обоснованность ускорения индустриализации, а Ломинадзе ставили в вину намерение притормозить темпы сплошной коллективизации в своем регионе. Тем самым партийное руководство предупреждало коммунистов, что самые строгие меры будут приняты не только за попытки встать в оппозицию, но и за колебания и сомнения в реализации «генеральной линии» партии.

В начале 1930-х годов в правящей партии уже не было организованной оппозиции сталинскому курсу. Возникали лишь локальные очаги протеста сложившимся в стране порядкам. М. Рютин, один из непримиримых противников «новой оппозиции», создал в августе 1932 г. «Союз марксистов-ленинцев», противопоставлявший себя «Сталину и его клике». Обличая Сталина, М. Рютин писал, что «гигантская централизация всего аппарата пролетарской диктатуры и сила политической инерции привели к тому, что Сталин, нажимая на одну кнопку террора, заставляет служить своим интересам весь механизм партии, Советов, профсоюзов, кооперации и др. Все винтики – большие и маленькие, второстепенные и первостепенные – хотят они или не хотят, «верят» они или «не верят», вынуждены вращаться вместе со всей машиной».

Организация М. Рютина просуществовала всего месяц. В сентябре 1932 г. начались аресты. В октябре на объединенном Пленуме ЦК и Президиума ЦКК Сталин провел решение о немедленном исключении из партии всех, «знавших о существовании этой группы». Коллегия ОГПУ приговорила Рютина к расстрелу. Однако ряд членов Политбюро (Киров, Орджоникидзе, Куйбышев) выступили против расстрела видного в прошлом большевика. Под их влиянием Сталину пришлось согласиться на замену смертного приговора Рютину 10-ю годами тюремного заключения.

**Лавирование
правлящего
режима**

Сталинское руководство было обеспокоено тем, что среди коммунистов распространялись анти-сталинские документы, получавшие негласную поддержку. Особенно тревожила медленная, граничащая с саботажем реализация местными

партийными работниками чрезвычайных хлебозаготовок. В ноябре 1932 г. начинается очередная партийная чистка, в ходе которой из партии исключили 450 тыс. чел.

Однако возрождение военно-коммунистической практики взаимоотношений государства с крестьянством, административные методы управления промышленностью и сельским хозяйством, насилие по отношению к большинству населения вызывали недовольство различных слоев общества, а также части коммунистов, что оказывало определенное влияние на высшее партийное руководство. В Политбюро, состоявшем из верных сталинцев, тем не менее, была группа «умеренных» (Киров, Орджоникидзе, Куйбышев), которая не ставила под

сомнение избранный курс, но склонялась к ослаблению административного пресса в управлении страной. К этому побуждала и кризисная ситуация, сложившаяся в 1932–1933 гг. в народном хозяйстве и социальной сфере. Волнения из-за голодной жизни текстильщиков Ивановской области (1932 г.) свидетельствовали, что даже рабочий класс, провозглашенный официальной пропагандой «гегемоном советского общества», может выступить против «партии и Советской власти». Правящий режим вынужден был отказаться от политики тотального насилия, не снимавшего социальной напряженности, а лишь загонявшего ее вглубь. Сталин в острых ситуациях умел маневрировать. В социально-экономическую политику вносятся коррективы, некоторые послабления, суть которых заключалась в осуждении теории быстрого отмирания товарно-денежных отношений и введения прямого продуктообмена, в отходе от наиболее одиозных военно-коммунистических методов хозяйствования и в расширении экономических стимулов развития производства. Пересматривается отношение к инженерно-техническим работникам: из разряда «социально-чуждых» они переводятся в разряд «активных строителей социализма». Массовые репрессии против инженеров и техников были официально осуждены. Часть специалистов амнистирована. Для детей инженерно-технических работников отменили ограничения при поступлении в вузы.

В деятельность органов ОГПУ внесли коррективы: им запретили арестовывать коммунистов без ведома и согласия ЦК ВКП(б), а специалистов – без согласия соответствующего наркома. Милиции и прокуратуре запрещалось вести следствие по производственным делам без специального разрешения дирекции предприятия или вышестоящих органов. На предприятиях упразднили официальные представительства ОГПУ.

Курс на более «умеренную» политику и смягчение напряженности в стране отразился в решениях XVII съезда ВКП(б) (январь 1934 г.), провозгласившего победу социализма в СССР. В хозяйственной политике акцент делался на внедрение хозрасчета во всех звеньях народного хозяйства и «укрепление советского рубля» как важнейшего звена «экономических связей между городом и деревней». Намечались мероприятия, направленные на усиление экономического стимулирования работы фабрик и заводов, материальной заинтересованности тружеников в результатах своего труда. Официально

объявлялось, что забота о социальной сфере относится к числу важнейших направлений деятельности партии и советского государства.

После XVII съезда партии наметилась тенденция к реабилитации лидеров оппозиции. Бухарин был назначен главным редактором газеты «Известия». В партии восстановили Угланова — бывшего секретаря Московского горкома партии и одного из лидеров «правой оппозиции». Зиновьев стал членом редакции журнала «Большевик». Каменев возглавил литературный институт. В Москву из ссылки вернули Раковского, игравшего видную роль в троцкистской оппозиции. «Примирение» сталинского руководства с бывшими политическими соратниками должно было продемонстрировать стране окончание внутрипартийной борьбы, политическую победу Сталина и консолидацию вокруг него партии.

Пересматривалась и политика в отношении кулачества. Еще в 1932 г. наметилась тенденция к некоторому снижению уровня репрессий. В июне 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О революционной законности», осуждавшее нарушение законов в ходе коллективизации. 27 мая 1934 г. объявили о частичной амнистии бывших кулаков. Публичное заявление Сталина, что «сын за отца не отвечает», казалось, открывало детям репрессированных кулаков возможности для нормальной, в социальном плане, жизни. В гражданский кодекс были внесены законы, восстанавливавшие право на наследство и право на имущество по завещанию.

Партийное руководство искало дополнительные возможности для сплочения населения вокруг идеи, имеющей вековые традиции и высокое объединяющее начало. Такой идеей становится патриотизм. В интересах патриотического воспитания граждан в школах восстановили преподавание отечественной истории. В «Правде» публиковались статьи, в которых высшей доблестью советских людей провозглашался советский патриотизм. Постепенно, по мнению крупного философа русского зарубежья Г. Федотова, видоизменялась природа общности, с которой должен идентифицировать себя советский гражданин. Если раньше такой общностью были рабочий класс или партия, то теперь ими становятся «нация, родина, отечество, которые объявлены священными».

Правящий режим, лавируя, создавал видимость стабилизации внутривластной обстановки, вселяя в людей ил-

люзорные надежды на восстановление добра и справедливости и особенно – веру в «мудрого вождя», который во всем разберется и воздаст должное творящим зло и беззаконие. В этих целях и использовалась пресса, радиовещание, трибуны партийных и беспартийных собраний, совещаний, конференций, митингов, других массовых мероприятий, во множестве проводившихся в те времена. Достижения и победы связывали с именем Сталина, провалы и поражения с происками врагов. Власть методично и последовательно убеждала население, что новое общество рождается в жесткой борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией, культивировала подозрительность, доносы, «умение распознать врага», формировала психологию людей, живущих в осажденной крепости. Горячо проповедовались жертвенность в служении делу Ленина–Сталина, социализму, государству, приоритет общественного над личным, неизбежность и оправданность жертв, в том числе и безвинных по принципу «лес рубят – щепки летят». В стране сложилась такая морально-психологическая атмосфера, в которой властям было легко перейти к новому витку репрессий.

Убийство	1 декабря 1934 г. в Смольном был убит Киров.
Кирова	Большинство историков склонны считать, что Сталин не имел прямого отношения к организации убийства Кирова, совершенного Николаевым, по их мнению, по личным мотивам. Однако генсек использовал эту трагедию в своих целях.

Сергей Миронович Киров (Костриков) (1886–1934) – родился в г. Уржуме Вятской губернии, в мещанской семье. В 1904 г. окончил Казанское механико-техническое училище. Член партии с 1904 г. Вел партийную работу в разных городах Западной и Восточной Сибири. Неоднократно арестовывался, подвергался тюремному заключению. Работал на Северном Кавказе в редакции газеты «Терек». Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Активный участник гражданской войны (руководил обороной Астрахани, член РВС 11-й армии, Кавказского бюро ЦК РКП(б)). В 1921–1926 гг. – первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. В 1926–1934 гг. – первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии. Член Политбюро в 1930–1934 гг., одновременно с 1934 – секретарь ЦК. 1 декабря 1934 г. погиб, став жертвой террористического акта.

Одна историческая версия говорит о причастности к убийству Кирова самого И. Сталина, давшего негласное указание руководству НКВД в лице Г. Ягоды организовать этот акт. Другие историки отрицают всякую причастность Сталина к трагедии в Смольном, сводя все к личной ревности убийцы (Л. Николаева). В любом случае убийство Кирова было максимально ис-

пользовано Сталиным для ликвидации своих политических противников и усиления кампании террора. Утверждалось, что оно было подготовлено руководством «право-троцкистского блока».

Реакция на убийство Кирова последовала мгновенно. Уже 1 декабря 1939 г. было принято постановление Президиума ЦИК СССР о порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов. Сроки следствия по данной категории дел сокращались до 10 дней. Обвинительное заключение вручалось обвиняемому всего за сутки до суда, в котором дело рассматривалось без прокурора и адвоката. Обжалование приговора и подача ходатайств о помиловании не допускались. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. По этому закону только в декабре 1934 г. было репрессировано 6501 чел. Позже (сентябрь 1937 г.) аналогичный порядок вводился и по делам о вредительстве и диверсиях. В марте 1935 г. принят закон о наказании членов семей изменников Родины, а в апреле указ ЦИК СССР разрешил привлекать к уголовной ответственности детей с 12 лет.

ЦК ВКП (б) разослал всем партийным организациям закрытое письмо «О последствиях событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова». В нем декабрьская трагедия связывалась с «троцкистско-зиновьевским заговором» и коммунистов призывали изгонять из партийных рядов «приспешников» Троцкого, Зиновьева и Каменева. В январе 1935 г. Зиновьева и Каменева с группой их сторонников предали суду. На закрытом процессе Зиновьева осудили на 10 лет, Каменева — на 5, и на разные сроки тюремного заключения — всех остальных обвиняемых.

В марте-апреле 1935 г. Особым совещанием НКВД СССР старые и авторитетные большевики, принадлежавшие в начале 1920-х годов к «рабочей оппозиции» — Шляпников, Медведев, Масленников и другие, были осуждены на различные сроки заключения.

В 1935 г. проводилась проверка партийных документов, которой занимались партийные органы совместно с НКВД. В ходе ее собирались досье на коммунистов. За коммунистами, исключенными в процессе проверки из партии, устанавливалась слежка, многие из них арестовывались. На 1 декабря 1935 г. в связи с исключением из партии было арестовано более 15 тыс. чел.

19–24 августа 1936 г. на судебном процессе в Москве слушалось дело об «Антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре», по которому проходило 16 чел. (Зиновьев, Каменев, Мрачковский, Смирнов и др.). Обвинителем выступал Генеральный прокурор СССР, бывший меньшевик Вышинский, ставший одним из главных действующих лиц во всех последующих процессах подобного рода. Все обвинения держались на выбитых следователями признаниях в подготовке террористических актов против Сталина и других руководителей. Зиновьев, Каменев и другие обвиняемые не только сознались в «собственных преступлениях», но и показали на суде, что в контрреволюционной деятельности участвовали и другие оппозиционеры – Бухарин, Рыков, Томский, Пятаков, Серебряков и др. Тем самым было положено начало широко развернувшимся впоследствии судебным процессам. Все подсудимые были вскоре расстреляны по приговору суда.

Главный удар был нанесен по бывшим политическим соперникам Сталина, их действительным и мнимым сторонникам в партии. В политике правящей партии четко обозначилась тенденция к чистке партийных кадров и прежде всего старых коммунистов. Еще до начала августовского процесса (29 июля) ЦК ВКП(б) разослал всем партийным комитетам письмо, где утверждалось, что троцкисты и зиновьевцы сформировали террористические группы в Москве, Ленинграде, Горьком, Минске, Киеве, Баку и других городах. Они орудуют в стране, говорилось в письме, под «личиною коммунистов», и каждый большевик обязан распознать врагов, «как бы хорошо они ни маскировались». Это был откровенный призыв к партии искать врагов в собственных рядах, что имело далеко идущие последствия. Однако широкомасштабные карательные акции последовали не сразу. Партийное руководство пыталось продолжить политику «умиротворения» общества, дать ему передышку от предшествующей борьбы с кулаками, «вредителями», «оппозиционерами», «социально-чуждыми элементами» и другими категориями «врагов».

Конституция СССР 1936 г. Один из существенных элементов политики «умиротворения» общества касался разработки и принятия новой Конституции. В начале февраля 1935 г. Пленум ЦК ВКП(б) рекомендовал предстоящему VII Всесоюзному съезду Советов рассмотреть вопрос об

изменении действующей Конституции в целях дальнейшей демократизации избирательной системы и уточнения социально-экономической основы Конституции в «связи с новым соотношением классовых сил в СССР». VII съезд Советов поручил ЦИК сформировать Конституционную комиссию. Вскоре она была создана под председательством Сталина. Секретарем Конституционной комиссии стал Бухарин.

12 июня 1936 г. проект новой Конституции был опубликован для «всенародного обсуждения». По официальным сообщениям, участие в обсуждении Конституции приняло более 40 млн. чел., внесших около 170 тыс. предложений, поправок и дополнений. А на многочисленных собраниях трудовых коллективов речь шла не столько о существенных поправках к новой Конституции, сколько о прославлении вождя и успехах социализма. 5 декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII съезд Советов СССР принял новую Конституцию, которая внесла серьезные изменения в структуру органов власти. Упразднялись областные, республиканские и всесоюзные съезды Советов. Их место заняли районные, городские, областные, республиканские Советы, избираемые всем населением путем прямого голосования, что приближало советскую систему к представительным органам традиционного (парламентско-муниципального) типа. Вместо ВЦИК образовался Верховный Совет СССР, избираемый всем населением и состоящий из двух палат – Совета Союза и Совета национальностей.

Серьезной реформе подверглась избирательная система. Вводилось всеобщее, прямое, равное и тайное голосование. Избирательными правами наделялись все граждане СССР независимо от их социального происхождения. Упразднялось различие в нормах представительства рабочих и крестьян. Расширились общедемократические права граждан. В Конституции провозглашался целый ряд социальных прав новых для конституционного права – право на труд, на отдых, на получение образования, на материальное обеспечение в старости или в случае потери трудоспособности и др. Эти принципы получили общемировое признание и стали важным компонентом любой современной системы взглядов на гражданское общество.

Конституция 1936 г. провозглашала и другие демократические права, во многом заимствованные из западноевропей-

ской традиции, такие, как свобода совести, свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий, неприкосновенность личности, жилья, независимость судов и право обвиняемых на защиту.

Такое важное в жизни государства событие, как принятие новой Конституции, не могло не вызвать самых различных откликов современников. Так, уже в день опубликования проекта Конституции в советской прессе посольство США в Москве направило в Вашингтон телеграмму с изложением его важнейших положений, признав при этом, что проект новой советской Конституции «создает впечатление наиболее либерально окрашенного документа». Были и восторженные отклики. Известный французский писатель-гуманист Р. Роллан искренне считал, что новая Конституция СССР — «это проведение в жизнь великих лозунгов, до сих пор являвшихся только мечтой человечества, — свободы, равенства и братства».

Среди многочисленных отрицательных оценок особенно бросались в глаза высказывания активных в прошлом революционеров. Так, с резким осуждением «обуржуазившихся», по его мнению, Советов и советской избирательной системы выступил Троцкий. Участник Октябрьской революции Спундэ писал, что большевики «совсем убили Советскую власть» и «опустились ниже буржуазных государств». Яростное негодование, жесткое неприятие международной общественности вызвала статья 126 Конституции, где говорилось о ВКП(б) как передовом отряде трудящихся и руководящей силе советского общества.

Закладывался фундамент государственной идеологии, в основу которой был положен не принцип классовой борьбы, а социальное примирение, общность граждан или, говоря языком тех лет, «морально-политическое единство советского общества». Конституция отражала эволюцию государственного строительства в СССР в сторону формирования государственности традиционного типа с представительными формами власти, развитой системой органов государственного управления, с атрибутами, необходимыми любому государству.

Новая Конституция была нужна генсеку и потому, что он хотел видеть себя не только вождем партии, но и всей страны. Сталин, провозгласив в Конституции «нерушимое единство» рабочих и крестьян, трудовой интеллигенции, наций и

народностей СССР, превращался в вождя многонационального советского народа, державы, раскинувшейся на просторах одной шестой части планеты. Конституция как бы подводила итог государственного строительства, которым он руководил, и была призвана показать миру, что, возглавив страну, лежащую в руинах гражданской войны, именно он, Сталин, привел ее к победе социализма. Культ Сталина вступал в новую фазу развития, отличавшуюся, как ни парадоксально, если иметь в виду принятие в целом демократичной Конституции, беспрецедентными по масштабам репрессиями.

1937 год

Наступил 1937 г., открывший период, названный в народе «ежовщиной», хотя сам нарком НКВД Ежов не был вдохновителем «большого

террора», а выступал в роли радиового исполнителя воли сталинского руководства. В историографии есть точка зрения, согласно которой репрессии 1937–1938 гг. носили характер стихийный, а инициатива в их осуществлении шла «снизу», от местных руководителей, у Сталина же не было определенных намерений, планов «большой чистки». Большинство историков придерживается противоположного мнения, полагая, что невероятный размах политических репрессий конца 1930-х годов был результатом тщательно спланированных «вверху» мероприятий в масштабах всего государства. Об этом свидетельствуют «особые протоколы» заседаний Политбюро, где фиксировались решения о проведении репрессивных акций. От Политбюро шла инициатива формирования на местах печально знаменитых «троек», составление списков лиц, подлежащих расстрелу или выселению. На основе решений Политбюро НКВД издавал соответствующие приказы о проведении операций по ликвидации «антисоветских элементов». Приговоры в отношении значительной части осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР, военными трибуналами, Особым совещанием НКВД санкционировались, предопределялись и утверждались комиссией Политбюро по судебным делам.

Разрешение на проведение открытых судебных процессов в центре и на местах, выполнявших важную пропагандистскую роль, также давало Политбюро. То поразительное рвение в «поисках врагов», которое проявляли на местах чекисты, партийные и советские работники, было результатом соответствующих установок «сверху» и всепоглощающего страха

разделить судьбу осужденных за безынициативность в реализации директив партии.

Вместе с тем инициированная «сверху» кампания быстро вышла из-под контроля и буквально захлестнула общество: в 1937–1938 гг. репрессиям подверглись все социальные слои населения, партия, государственные и общественные структуры, армия, флот и НКВД. В июне 1957 г. на Пленуме ЦК КПСС Н. Хрущев привел данные, согласно которым за 1937–1938 гг. было арестовано свыше 1,5 млн. чел. и из них 680 692 – расстреляно.

Сталин жестоко расправился с делегатами XVII съезда ВКП(б) – съезда «победителей»: из 1961 делегата съезда было расстреляно 1108 чел., а из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на съезде, уничтожено 98.

Вначале репрессии обрушились на оппозиционеров. На показательных процессах 1937–1938 гг. были приговорены к расстрелу Бухарин, Радек, Рыков, Раковский, Серебряков, Сокольников и другие видные в недавнем прошлом большевики.

Врагов искали и среди чекистов. Органы НКВД понесли ощутимые потери: были уничтожены в своем большинстве сотрудники, работавшие еще с Дзержинским.

Сложным является вопрос о причинах репрессии. Согласно одной из точек зрения, сталинское руководство с помощью репрессивной политики решало задачи очищения партийного и государственного аппарата от действительно разложившихся чиновников, подавления местного сепаратизма и обеспечения безусловной власти центра, а также снятия социальной напряженности путем наказания «врагов» и «вредителей». Историки, в том числе за рубежом, писали, что Сталин в преддверии мировой войны жестоко расправился с «пятой колонной», тем самым укрепив безопасность собственного государства. Об этом же, оправдывая репрессии, говорил поэту Ф. Чуеву верный соратник Сталина В. Молотов: «1937 год был необходим. Если учесть, что мы после революции рубили направо-налево, одержали победу, но остатки врагов разных направлений существовали и перед лицом грозящей опасности фашистской агрессии они могли объединиться. Мы обязаны 1937 году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны».

Ряд ученых полагает, что в основе репрессивной политики лежал своеобразный синдром «государственных руководите-

лей в первом поколении», пришедших к власти не легитимным путем и из-за боязни ее потерять идущих на кровавые преступления.

В литературе высказывалось мнение, что репрессии имели экономическую подоплеку: правящий режим не справлялся с решением сложных народнохозяйственных задач и выход видел в широком применении дешевого труда заключенных, в постоянном пополнении ГУЛАГа, игравшего заметную роль в индустриальном обновлении страны. Академик В. Вернадский писал в своем дневнике 5 января 1938 г.: «Миллионы арестованных. Это быт. Миллионы заключенных — даровой труд, играющий очень заметную и большую роль в государственном хозяйстве».

Другие историки всплеск репрессий в 1937–1938 гг. связывают со сложившейся за годы Советской власти нетерпимостью правящего режима к инакомыслию, с традициями политического шельмования оппонентов, преследований по социальным признакам, с культивацией насилия и принуждения (вместо воспитания и убеждения), с устоявшейся практикой перекладывания собственных ошибок и неудач на плечи «врагов» и «вредителей». Иными словами, 1937 г. был логическим следствием уже сложившейся политической системы.

Не отрицая этих подходов, отметим, что репрессии вытекали из логики строительства социализма, важной составной частью которого было освобождение нового общества от «чуждых ему социальных слоев». Партийное руководство, взяв курс на революцию «сверху», на форсированные преобразования народного хозяйства, социальной сферы, культуры, стремились каленым железом выжечь потенциальную опасность контрреволюции, буквально разгромить те слои населения, которые, в его представлении, могли взять реванш за поражение в гражданской войне, в борьбе за власть в 1920-е годы и др. Действовали по марксистскому принципу, что «насилие является повивальной бабкой любой революции», и опирались на него в революционных преобразованиях. Плеяда революционеров, рожденная революциями и крещенная гражданской войной, не могла действовать иначе. И хотя многие из них сами попали в мясорубку репрессий, они по-прежнему продолжали верить, что локомотивом истории являются революции, классовая борьба, а насилие применяется лишь для того, чтобы уничтожить классовых врагов, а вместе с ними и почву

для социальных антагонизмов, а значит и для насилия. В их представлении, строить социализм, не «сломав хребет недобитым врагам», значило возводить здание на песке. Поэтому не случайно, что начиная с конца 1920-х годов – времени «наступления социализма по всему фронту» – репрессивная политика идет по восходящей линии и затухает, когда партия делает вывод о победе социализма. Эту «победу» следовало окончательно закрепить, и спираль репрессий закручивается с новой силой, словно партия вела «последний и решительный бой». На XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.) говорится о том, что страна вступает в стадию строительства коммунизма, заявляется об изменении соотношения классовых сил, о «социалистической перековке» основных классов советского общества, и вновь наступает период «потепления» взаимоотношений власти и общества. Главным виновником творившихся в стране беззаконий объявляют Ежова, которого вначале смещают с поста наркома внутренних дел, а затем по приговору суда расстреливают.

Новый глава НКВД Лаврентий Берия начинает свою деятельность с амнистий. В 1939 г. из заключения были освобождены 327,4 тыс. чел., среди них и репрессированные ранее военные, которых в преддверии войны вновь возвращали в армию. На это решение большое влияние оказала растущая угроза агрессии фашистской Германии и начавшаяся в сентябре этого года вторая мировая война. От политики «устрашения сограждан» правящий режим был вынужден перейти к политике объединения и сплочения общества не под флагом классовой борьбы с внутренней контрреволюцией, а на общегражданских и патриотических началах.

Изменения в политической системе	В 1930-е годы серьезные изменения претерпела политическая система советского общества. Ядро этой системы – ВКП(б) все больше вращалось в государственные структуры и интенсивно огосударствлялось. Сталинские репрессии выбили поколение старых большевиков из политической жизни, и на их смену пришли молодые кадры, мало отличавшиеся от управленцев в собственном смысле этого слова. С января 1934 г. по март 1939 г. на руководящие партийные и государственные посты было выдвинуто более 500 тыс. новых работников. В 1939 г. только из 333 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий 293 чел. являлись выдвиженцами

XVII съезда ВКП(б). Причем среди этого важнейшего звена партийного руководства 61,6 % составляли молодые люди в возрасте от 26 до 35 лет, 29,4 % — от 36 до 40 лет. В абсолютном большинстве (80,5 %) это были коммунисты, вступившие в партию после 1923 г. В начале 1937 г. картина была иной: среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацпартий коммунисты с дореволюционным партстажем составляли 38,6 % и 41,6 % имели партстаж с 1918 по 1920 г. В 1939 г. еще меньшим партстаж был у секретарей райкомов, горкомов и окружкомов партии — 93,5 % этих руководителей вступили в партию после 1924 г. Таким образом, партийная власть перешла от «старой большевистской гвардии» к выдвиженцам Сталина.

Молодая партийная поросль, пришедшая к руководящим постам на волне репрессий, стала той средой, которая культивировала исполнительно-приказные методы работы.

Полное единогласие, строгая иерархия, жесткое администрирование, военная дисциплина, укоренившиеся в ВКП(б), соответствующим образом отражались на всей советской политической системе, имевшей мало общего с той моделью, которая была зафиксирована в Конституции 1936 г.

На сферу государственного управления решающее воздействие оказывали задачи социально-экономических преобразований, которые решались через механизм административно-силового принуждения, что неизбежно вело к формированию мощного репрессивного аппарата, внесудебных учреждений типа «троек», к усилению централизации в управлении страной, прочному внедрению административно-директивных методов управления, повышению роли партийно-государственного аппарата в организации политической, хозяйственной, социальной, культурной жизни страны и соответственно к затуханию той активности общественных организаций, которая была характерна для них в 20-е годы.

Комсомол, возглавляемый в 30-е годы ярким молодежным лидером Косаревым, переживал сложный период развития. Комсомольцы были ударной силой строек первых пятилеток и своим поистине героическим трудом обеспечили успехи индустриализации. Они с необыкновенной жадностью знаний учились и пополняли ряды интеллигенции, достигали высот науки, культуры, творчества. Многие воспитанники комсомола достойно проявили себя на государственном попри-

ще, в армии, в науке, образовании и культуре. Вместе с тем для развития ВЛКСМ как общественно-политической организации были характерны те же тенденции, что и для партии. В своей внутренней организационной структуре комсомол во многом копировал ВКП(б): действовали те же ЦК, обкомы, крайкомы, райкомы ВЛКСМ с профессиональными комсомольскими работниками, выступавшими от имени сотен тысяч рядовых комсомольцев и руководившими многочисленными комсомольскими организациями примерно теми же методами, что и партийные функционеры. Они точно так же, как и партаппарат, главную задачу видели в исполнении партийных директив вышестоящих партийных органов. Несмотря на это, партийное руководство суживало сферу деятельности комсомола. В апреле 1936 г., после пятилетнего перерыва, что противоречило уставу, собрался X съезд ВЛКСМ. На нем был принят новый устав ВЛКСМ, согласно которому комсомол лишался даже формального права активно влиять на общественно-политические процессы. Отныне сфера его деятельности ограничивалась воспитанием своих членов в духе преданности делу Ленина—Сталина, производственной и культурно-просветительной работой.

Сужался и круг деятельности профсоюзов, которые были лишены исконного права регулирования трудовых отношений и оплаты труда. С 1934 г. уходит в прошлое традиция заключения коллективных договоров. Председатель ВЦСПС Шверник прокомментировал это следующим образом: «...когда план является решающим началом в развитии нашего народного хозяйства, вопросы зарплаты не могут решаться вне плана, вне связи с ним. Таким образом, коллективный договор как форма регулирования заработной платы изжил себя». В 1937 г. отмирает последний пережиток рабочего контроля, так называемый «треугольник», когда, кроме директора, в принятии решений по производственным делам принимали участие партийные и профсоюзные организации предприятия. По сути, полностью сворачивалась даже видимость участия рабочих в управлении производством.

Советские общественные организации свою главную задачу видели в тесном сотрудничестве с партией и государством. К этому их обязывала политика правящего режима. В государстве рабочих и крестьян, согласно теоретическим представлениям большевиков, должен действовать такой полити-

ческий механизм, который вбирает в себя все общественные организации трудящихся, так как они по своей социально-классовой природе идентичны собственно государству, являющемуся также одной из форм организации людей труда.

Юридически высшим органом государственной власти в СССР, согласно Конституции 1936 г., являлся Верховный Совет СССР, а высшим органом государственного управления — Совет народных комиссаров. Однако высшая власть концентрировалась в Политбюро ЦК ВКП(б).

Именно Политбюро, которое формально по партийному уставу формировалось ЦК ВКП(б) и было ему подотчетно, определяло не только основные направления внутренней и внешней политики страны, но и рассматривало массу второстепенных проблем, выступало главным арбитром при сглаживании ведомственных противоречий, непосредственно организовывало исполнение многих своих постановлений и старалось контролировать всю пирамиду власти. Как заявил на XVII съезде ВКП(б) Л. Каганович, «наше Политбюро является органом оперативного руководства всеми отраслями социалистического строительства». О широте государственной деятельности Политбюро свидетельствует список его постоянных и временных комиссий. Среди них можно найти комиссию по обороне, по железнодорожному транспорту, реконструкции заводов черной металлургии, по кинопроизводству, валютную комиссию и многие др.

Политбюро требовало от парторганизаций всех уровней активно заниматься хозяйственными делами. Эта установка находила воплощение во многих директивах. Так, в феврале 1941 г. XVIII партконференция записала в своих решениях: «необходимо, чтобы партийные организации систематически влезали в дела промышленных предприятий, железных дорог, пароходств и портов, выясняли их нужды и запросы и помогали хозяйственным организациям в их повседневной работе по руководству промышленностью и транспортом». Конференция обязала парторганизации усилить контроль за работой наркоматов и предприятий, вести учет оборудования, расходов сырья, материалов топлива, следить за продажей оборудования, поддерживать чистоту и порядок на предприятиях и пр. Партийное руководство всячески содействовало вращению парторганизаций в хозяйственные структуры, рассматривая их как важное звено в механизме реализации пятилетних планов.

Политбюро осуществляло свою власть как через партийные, так через органы государственного правления и общественных организаций. Большинство принципиальных решений, формально исходивших от различных государственных учреждений (Верховного Совета, СНК, СТО, Генштаба, Госплана и др.), рождались на заседаниях Политбюро. Сложилась такая практика, когда обязательному обсуждению и утверждению Политбюро подлежали все сколько-нибудь значительные инициативы государственных, партийных, комсомольских, профсоюзных и других инстанций. Важную роль в механизме управления страной играли Оргбюро, Секретариат и Орготдел ЦК ВКП(б). Без ведома последнего не проходило ни одного назначения на ответственную работу в партийный, советский и государственный аппарат. Как и прежде (еще с 20-х годов), орготдел готовил аналитические сводки для высшего партийного руководства. В этих документах освещались состояние парторганизаций, работоспособность местных комитетов партии, общее экономическое и политическое положение на местах, настроения в трудовых коллективах и др.

В январе 1932 г. было принято постановление ЦИК СССР о перестройке управления промышленностью. Вместо ВСНХ СССР создавалось три отраслевых Наркомата: тяжелой, легкой и лесной промышленности. В их структуре быстро формировались новые управленческие звенья. Так, если в апреле 1932 г. в составе Наркомата тяжелой промышленности было 10 главков и секторов, то к ноябрю 1937 г. действовали уже 33 главка и 19 секторов и отделов. Растет количество наркоматов. К 1939 г. их число выросло с трех до пяти, а к 1940 г. — до двадцати трех. В целях координации деятельности хозяйственных органов в 1937 г. при СНК СССР был учрежден Экономический Совет, который вскоре сам обзавелся многочисленными отделами и подотделами.

В годы «большой чистки» в государственном аппарате произошли серьезные кадровые изменения. В начале 1939 г., к примеру, из 70 наркомов СССР, РСФСР, начальников главков и председателей СНК СССР и РСФСР 29 чел. были выдвинуты в 1937–1938 гг. Из 548 начальников главных управлений и объединений наркоматов СССР и РСФСР — 366 чел. получили назначение в эти годы. Всего из 32 899 хозяйственных руководителей, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б), — 15 485 были выдвиженцами 1937–1938 гг. Произошло рез-

кое омоложение руководящих кадров – в абсолютном большинстве (свыше 70 %) это были люди не старше 40 лет. Формировалась новая элита, ставшая на долгие годы надежной опорой политического руководства страны.

Стремление центра к жесткому руководству экономикой с опорой на административные рычаги управления влекло за собой упрочившуюся практику мелочной опеки деятельности предприятий, что сковывало, ограничивало самостоятельность, деловую инициативу, предприимчивость руководителей фабрик и заводов. Жизнь по «указке сверху» усугублял бюрократизм государственных структур, который стал распространенным хроническим заболеванием как сложившейся системы управления народным хозяйством, так и общества в целом. Негативные последствия этих явлений становились все более очевидными, о чем свидетельствуют многочисленные критические статьи центральной и местной прессы тех лет.

С бюрократизмом боролись различными средствами: от «политико-воспитательной» работы со служащими и управленческим персоналом до репрессий. Важная роль отводилась мерам партийного воздействия. В 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) принял новый устав партии, который обязывал первичные парторганизации контролировать деятельность администрации. Кроме того, новый устав предоставил ЦК ВКП(б) право назначать парторгов ЦК на особо важные для страны предприятия и стройки. Парторги ЦК наделялись самыми широкими полномочиями и стояли над хозяйственными руководителями. Институт парторгов ЦК восстанавливал практику чрезвычайных органов управления, зародившуюся в годы «военного коммунизма».

Реальная политическая власть концентрировалась в партийных органах. Советы лишь формально, по Конституции, являлись политической основой советского общества. В 1930-е годы их деятельность в основном замыкается на решении хозяйственных и культурно-просветительских задач. Широкое распространение получили различные секции Советов и депутатские группы, нередко работавшие непосредственно на предприятиях и в колхозах. И хотя в середине 1930-х годов количество секций и групп при Советах возросло в 4 раза, а объединяемый ими актив вырос с 2,3 до 3,6 млн. чел., эта огромная армия советских активистов создавала лишь фон «народной власти», не имея отношения к реальным рычагам управления государством.

двигает нас к пониманию роли этой личности как в отечественной, так и мировой истории, не приближает к раскрытию феномена государственного деятеля. В многочисленных публикациях говорится о серости, безликости, полуграмотности Сталина. При этом оценки современников, имевших возможность из личных встреч составить впечатление о советском диктаторе, даются лишь те, что вписываются в резко негативный образ этого человека. Но были и другие отзывы. В частности Черчилль, спустя много лет после смерти Сталина, очень точно подметил его соответствие «нашему изменчивому и жестокому времени». По мнению Черчиля, Сталин был не просто выдающейся исторической личностью с необыкновенной энергией и несгибаемой волей. Знаменитый английский политик говорил, что за столом переговоров большевистский вождь проявлял редкое сочетание юмора и сарказма, гибкости и резкости, спокойную трезвость суждений в казалось бы безвыходных ситуациях. Воспитанник британского парламента считал советского руководителя неповторимым среди лидеров других стран и народов. Огромную заслугу Сталина он видел в том, что тот принял Россию с сохой, а оставил наследникам с ядерным оружием. Диктатор, не знавший себе равных, — примерно так подводил черту под своей характеристикой Сталина его вечный оппонент, таковы были его личные впечатления.

Такое впечатление Сталин производил на своих соперников на международной арене, а затем союзников по антигитлеровской коалиции, но еще более сильное — на своих сограждан, которые видели, как, несмотря на все трудности и лишения, стремительно меняется облик страны. При этом большинство советских людей не имели представлений о закулисной деятельности Сталина и его сподвижников, о подлинном размахе репрессий, о расстрелах и ГУЛАГе, тщательно скрывавшихся властями или представлявшимися официальной пропагандой борьбой с жестокими и коварными «врагами народа». Перед согражданами Сталин представлял в образе созидателя, защитника, радетеля, живущего только интересами страны, и значительная часть трудящихся отдавала Сталину дань искреннего и глубокого уважения. Культ формировался как под влиянием страха репрессий

и пропагандистского манипулирования сознанием масс, так и под воздействием образа действительно крупной личности.

Характеризуя развитие советского общества в 30-е годы следует согласиться с теми историками, которые не рассматривают это время как «провал» или «черную дыру» отечественной истории. Они отмечают, что, несмотря на драматизм и противоречивость жизни страны в этот период, свое место в обществе, взамен утопических планов «революционной перековки всего и вся», занимали идеи сильной государственности, патриотизма, высокого профессионализма в труде, мотивы счастливой личной жизни и крепкой семьи. Для миллионов советских людей открылись перспективы получить образование, изменить свой социальный статус, подняться с самых «низов» к ключевым постам в государстве, войти в научную элиту, раскрыть и реализовать свои творческие дарования. Видимо, именно поэтому общественная атмосфера 30-х годов была окрашена не только в мрачные тона, но и пронизана пафосом свершений, здоровым мироощущением людей, занятых в большинстве своем созидательным трудом. Дорогу к жизни пробивали подлинный трудовой героизм, высокое и благородное служение Отечеству, взлеты советской науки и искусства, что не могло не вызвать симпатию и уважение к советскому народу миллионов людей различных стран мира.

§ 4. Накануне войны

**Мюнхенский
сговор
и позиция
СССР**

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г., со дня нападения Германии на Польшу. Предшествующие этому факты позволяют проследить, как втягивались в орбиту новой военной эскалации десятки государств, т.е. хронологию событий.

В 1935–1936 гг. Италия оккупировала Эфиопию, в апреле 1939 г. вторглась в Албанию. Немногом ранее, в 1931 г., Япония создала в северо-восточных провинциях Китая марионеточное государство Маньчжоу-Го, а в 1937 г. развернула широкомасштабную военную акцию в центральном Китае.

Германия весной 1938 г. захватила Австрию. И теперь между этими тремя агрессорами шли переговоры о заключении военного союза.

Позиция Советского Союза в условиях изменения расстановки политических сил на мировой арене была изложена И. Сталиным на XVIII съезде партии (март 1939 г.). Основная мысль его доклада сводилась к тому, что надо «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками». Резкой критике в складывающейся ситуации подверглась политика «нейтралитета», прежде всего со стороны Англии и Франции, за которой, как полагало советское руководство, угадывалось желание «не мешать Германии впутаться в войну с Советским Союзом». В условиях быстрого роста военно-экономического потенциала Германии западные страны должны были или создавать единый фронт против агрессоров (и в этом случае идти на тесное взаимодействие с Советским Союзом) или договариваться с ними за счет других стран (и тогда идти на так называемый мюнхенский сговор).

В ноябре 1937 г. А. Гитлер на совещании своего командования поставил вопрос о захвате Чехословакии и включении ее в германскую империю. 24 марта 1938 г. премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен выступил с декларацией о внешней политике своего правительства, официально отказывая в помощи Чехословакии в случае немецкой агрессии и в поддержке Франции, если та окажет содействие Чехословакии в силу договора о взаимопомощи.

В свете подобной перспективы становится ясным, что директивы Гитлера и немецкого главнокомандования по разгрому Чехословакии исходили из предпосылки, что Англия и Франция в конфликт вмешиваться не будут, но со стороны России следует ожидать «попыток оказать помощь» Чехословакии.

В ответ на зондаж немецкой стороны по вопросу о позиции Советского Союза в этом случае нарком иностранных дел СССР М. Литвинов 22 августа 1938 г. заявил германскому послу в СССР Шуленбургу, что Советский Союз «обещал Чехословакии свою поддержку; он сдержит свое слово и сделает все, что только в его силах». О беседе Шуленбурга с Литвиновым были информированы английские, французские и чехословацкие представители в Москве.

В сентябре 1938 г. советское правительство провело ряд оперативно-стратегических мероприятий по оказанию, в случае необходимости, немедленной помощи Чехословакии: на западном направлении были приведены в боевую готовность 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 1 танковый корпус, 3 отдельные танковые бригады, 12 авиабригад и 7 укрепрайонов. В последующем в боевую готовность были приведены еще 36 дивизий; в приграничных и внутренних округах объявлена частичная мобилизация, в вооруженные силы призвано 328 тыс. чел.

Предлогом для вторжения Германии в Чехословакию стало положение судетских немцев в этой стране. В апреле 1938 г. судето-немецкая партия, тайно финансируемая Берлином, потребовала от Чехословацкого правительства такой широкой автономии для «Судетской области», которая фактически означала полное отторжение от Чехословакии этой неотъемлемой части страны. Лидер судетских немцев Генлейн следующим образом сформулировал приказ из Берлина: «Мы должны всегда требовать так много, чтобы наши требования невозможно было удовлетворить». 27 сентября 1938 г. Н. Чемберлен в личном послании предупредил президента Чехословакии Э. Бенеша, что Англия и Франция в случае военного конфликта остаются в стороне, а 29 сентября 1938 г. в Мюнхене было подписано соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, по которому Судетская область подлежала поэтапной оккупации немецкими войсками с 1 по 10 октября, с проведением в последующем плебисцита в других районах Чехословакии. При этом четыре державы брали на себя гарантии неприкосновенности «новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии».

16 марта 1939 г. декретом Гитлера Чехословакия была расчленена на протекторат Богемию и Моравию, включенный в состав рейха, и Словакию, ставшую фактически полным вассалом Германии.

Сговор четырех в значительной степени ставил Советский Союз в положение международной изоляции и практически сводил на нет усилия советской дипломатии по созданию системы коллективной безопасности.

30 сентября 1938 г. Лондон подписал с Берлином декларацию, содержащую обязательство «никогда не воевать друг с

другом», что фактически означало соглашение о ненападении. 6 декабря 1938 г. такую же декларацию подписала Франция с Германией. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне при этом с удовлетворением заметил, что «германская политика отныне ориентирована на борьбу против большевизма. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток».

Советские инициативы по предотвращению нацистской агрессии в Европе	Весной 1939 г. руководство Германии продолжало вынашивать идеи дальнейшей агрессии. 11 апреля Гитлер утвердил «Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.», основу которой составлял план вторжения в Польшу, как первая ступень в решающей схватке с англо-французами, а в дальнейшем и к «походу на Восток». Об этих планах тут же стало известно в Лондоне, Париже и Вашингтоне; не были они секретом и для Советского Союза.

Сложившаяся ситуация вынуждала державы к поискам контактов, и 17 апреля 1939 г. советское правительство выступило с предложением о заключении между СССР, Англией и Францией договора «о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Такие же обязательства в аналогичном случае три державы брали на себя и в отношении государств, «расположенных между Балтийским и Черным морями и граничащими с СССР». Для скорейшей актуализации обязательств советская сторона предлагала зафиксировать их в военной конвенции. Однако все эти инициативы не встретили конструктивного отклика ни в Лондоне, ни в Париже. Англия и Франция выдвинули встречные предложения, суть которых сводилась к тому, что если бы они «оказались в состоянии войны с Германией», СССР должен был оказать немедленную помощь им и тем государствам, которым Лондон и Париж дали свои гарантии. Москва расценила подобную формулировку проекта как «издевательскую» и все же была вынуждена пойти на уступки, но при условии, что Англия и Франция также обязуются прийти на помощь СССР, если он окажется в состоянии войны с Германией. Н. Чемберлен на это заявил, что он «скорее по-

даст в отставку, чем подпишет союз с Советами», но чтобы противодействовать нормализации отношений между Германией и СССР, считал целесообразным «какое-то время продолжать поддерживать переговоры» с Москвой.

Англо-франко-советские переговоры в Москве Установка на «переговоры ради переговоров» не изменилась и после того, как с середины июня 1939 г. они стали проходить в Москве. С 15 июня по 2 августа было проведено 12 заседаний. Стороны представляли: английский посол У. Сидс и высший чиновник Форин офиса У. Стрэнг, французский посол П. Наджиар, нарком иностранных дел СССР В. Молотов, сменивший М. Литвинова. После целого ряда проволочек британское и французское правительства выразили готовность заключить одновременно с политическим и военное соглашение с Советами. Для этого было решено начать переговоры военных представителей, которые со стороны Англии и Франции прибыли в Москву 11 августа, но своими правительствами они не были наделены правами принимать нужные решения. Французская делегация (глава генерал Ж. Думенк) была уполномочена лишь вести переговоры, но не имела права подписывать конвенцию, британская (глава адмирал П. Дракс) не обладала вообще какими бы то ни было полномочиями. Обе делегации не имели конкретных планов по организации трехстороннего военного сотрудничества. На заседании 15 августа начальник Генштаба Красной Армии Б. Шапошников сообщил, что СССР готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9–10 тыс. танков и около 5,5 тыс. боевых самолетов. Он изложил различные варианты совместных действий трех держав. Поскольку советская сторона предлагала не оборонительную, а наступательную тактику, ею ставился вопрос о возможности прохода советских войск через территорию Польши. Однако в течение трех дней (с 15 по 17 августа) от польского правительства на это предложение ответа не поступило, и переговоры зашли в тупик. Возможно, данная ситуация объяснялась тем, что 19 мая 1939 г. был подписан франко-польский секретный военный протокол, по которому Франция обязалась в случае агрессии оказывать Польше немедленную военную помощь (25 августа 1939 г. между Англией и Польшей было заключено соглашение о взаимопомощи).

Даже после заключения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г., французская сторона не исключала возможности продолжения трехсторонних переговоров в Москве, если бы, по словам П. Наджиара, западным странам удалось «побудить Польшу занять более открытую позицию» по отношению к советскому предложению о проходе русских войск через территорию Польши, если последняя подвергнется германской агрессии. 22 августа Думенк сообщил главе советской делегации К. Ворошилову, что он получил право подписать с СССР военную конвенцию. В ответе, полученном французами 23 августа, Польша не давала согласия на проход советских войск через свою территорию. Предвидя дальнейшие дипломатические проволочки со стороны западных держав и получив к этому времени конкретное предложение от Германии о «возобновлении политической линии, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий», подтвержденное Гитлером в личной телеграмме Сталину от 21 августа 1939 г., Москва прервала бесплодные англо-франко-советские переговоры.

Советско-германский договор о ненападении

Немецкая сторона еще со времени мюнхенского сговора предвидела возможность определенного поворота во внешней политике СССР по отношению к Германии. И вопреки измышлениям ряда зарубежных и отечественных историков поворот этот был сделан

немецкой стороной в связи со сложившейся к весне 1939 г. внешнеполитической ситуацией.

Впервые прямое упоминание о договорах как возможном способе закрепления советско-германских отношений содержалось в беседе И. Риббентропа с начальником правового отдела МИД Германии Ф. Гаусом 25 мая 1939 г., последовавшей непосредственно после публичного заявления Чемберлена об англо-франко-советских переговорах. На предварительных этапах контактов термин «договор» обходили стороной, беседы велись в общей форме на фоне шедших одновременно англо-франко-советских переговоров, срыв которых и был главной задачей Берлина. Возможно, что под давлением наметившихся на этих переговорах положительных сдвигов 26 июля советскому поверенному в делах в Германии Г. Ас-

тахову немецкой стороной было заявлено, что Германия готова «на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии». До определенного момента советская сторона проявляла чрезвычайную осторожность. Так, в своих указаниях от 11 августа 1939 г. Астахову Молотов вычеркнул слово «переговоры», заменив его на «разговоры».

Окончательное соглашение было достигнуто в ходе визита И. Риббентропа в Москву 23–24 августа. Наиболее острая дискуссия возникла по вопросу о разграничении сфер интересов. Подписание документов состоялось в ночь с 23 на 24 августа. Советско-германский договор о ненападении заключался сроком на десять лет; в нем стороны обязывались воздерживаться «от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». Одновременно был подписан «секретный дополнительный протокол», в котором в строго конфиденциальном порядке оговаривался вопрос «о разграничении сфер обоюдных интересов». В соответствии с ним Германия отказывалась от претензий на Украину, на господство в Прибалтике, от планов экспансии в те районы Восточной и Юго-Восточной Европы, где это могло бы представить опасность для СССР. В случае войны между Германией и Польшей немецкие войска обязались: не вторгаться в Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, а вступив в Польшу, не продвигаться дальше рек Нарев, Висла, Сан.

Договор и секретный протокол, а в дальнейшем договор от 28 сентября 1939 г. стал юридической и политической базой для дальнейшего развития советско-германских отношений вплоть до июня 1941 г. В постановлении Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. было отмечено, что «содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятой для подобного рода урегулирований. Однако как при заключении договора, так и в процессе его ратификации скрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол». В постановлении было подтверждено, что договор потерял силу после нападения Германии на СССР.

**Позиция
западных
держав накану-
не и в начале
второй миро-
вой войны**

Прервав англо-франко-советские переговоры и заключив союз с Германией, И. Сталин считал, что ситуация, подобная мюнхенской, когда Советский Союз был практически исключен из мировой политики, в будущем не должна повториться. Летом 1939 г., когда военно-экономический потенциал Германии был на уровне западных стран, Сталин мог не бояться непосредственной угрозы с ее стороны, как знал он и другое: обязательства Великобритании и Франции по отношению к Польше в случае нападения на нее Германии вполне могли закончиться сговором с агрессором, что, по своей направленности не предвещало ничего хорошего для Советского Союза, а главное — перечеркивало план Сталина, делающего ставку на грызню между капиталистическими странами. Теперь уже Советский Союз вставал на позицию «невмешательства», чтобы при случае не проливать кровь за чужие интересы. С предельной откровенностью об этом было сказано Сталиным в беседе с генеральным секретарем Коминтерна Г. Димитровым в сентябре 1939 г.: необходимо «подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону». Такая точка зрения становится тем более понятной, если учесть, что правительства затронутых в секретном протоколе стран (Финляндии, Эстонии, Латвии, Польши, в меньшей степени Румынии) уклонялись от взаимодействия с СССР, частично принимая сторону Германии. Особую позицию занимала Англия. Военные действия Японии против СССР на Дальнем Востоке (у оз. Хасан в июле-августе 1938 г. и в августе 1939 г. у реки Халхин-Гол) разрастались до масштабов настоящей войны. Англия подогревала конфликт, обязуясь не препятствовать действиям Японии в Китае, что было зафиксировано в англо-японском соглашении (июль 1939 г.), вошедшем в историю как дальневосточный Мюнхен.

В августе 1939 г. обстановка в Европе достигла высшего накала. Германия уже не скрывала своего намерения пойти на конфликт с Польшей, одновременно налаживая контакты «на два фронта» — с Англией и Советским Союзом. 11 августа Гитлер в своей резиденции тайно встречался со швейцарским дипломатом К. Буркхардтом, получившим согласие на эту встречу от министров иностранных дел Англии, Франции и Польши.

«Все, что предпринимаю, — сказал Гитлер Буркхардту в ходе беседы, — направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза» (после войны записи этой беседы были опубликованы).

Гитлер не только пошел на откровенное объяснение смысла своих переговоров с Москвой, но до самого последнего момента искал компромисса с западными странами на почве антисоветизма. Через несколько дней французская «Пари суар» опубликовала сообщение об этой встрече, в котором утверждалось, что Буркхардт получил личное послание Гитлера для Чемберлена, в котором британскому премьер-министру предлагалось принять участие в совместном походе против России. Все это не добавляло доверия к политике западных стран. Чего стоили их гарантии Польше, показали первые дни войны. По настоянию Франции и Англии, польское правительство оттягивало проведение всеобщей мобилизации вплоть до 30 августа, когда было уже слишком поздно. 15 сентября, когда польское государство находилось на грани катастрофы, начальник британского генштаба Айронсайд заявил, что Англия не может предоставить Польше никакого оружия, кроме 10 тыс. «гочкисов» и 15–20 млн. патронов. И это, несмотря на заключенный 25 августа двусторонний договор о военных гарантиях. Вместо 35–40 дивизий, которые французский генштаб обещал польскому командованию бросить против Германии на третий день войны, лишь с 9 сентября отдельные части 9 дивизий провели безрезультатную операцию в Сааре. Обладая на Западном фронте подавляющим превосходством над противником в сухопутных войсках и авиации, союзники могли бы в начале сентября провести крупное наступление, однако не сделали этого.

Поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию	В Москве внимательно следили за развитием военных событий. 17 сентября 1939 г., когда германские войска достигли Варшавы и пересекли линию, оговоренную в секретном протоколе, польскому послу в Москве была вручена нота правительству СССР. В ней говорилось: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Советское

правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными». По решению советского правительства, войскам Красной Армии был дан приказ «перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Для этой цели была создана группировка войск в составе Белорусского (командующий М. Ковалев) и Украинского (командующий С. Тимошенко) фронтов, насчитывающая более 600 тыс. чел., около 4 тыс. танков, более 5500 орудий и 2 тыс. самолетов. Войска перешли советско-польскую границу 17 сентября ранним утром и 25 сентября достигли означенного для них рубежа по рекам Западный Буг и Сан. В обращении военных советов фронтов говорилось о необходимости лояльного отношения к польским военнослужащим и госчиновникам, если они не оказывают вооруженного сопротивления. Авиации запрещалось подвергать бомбардировке населенные пункты. Части регулярной польской армии складывали оружие. Верховный командующий Польши Э. Рыдз-Смиглы отдал приказ «С Советами в бои не вступать, с немцами продолжать борьбу». К моменту вступления Красной Армии на территорию Польши наиболее боеспособные польские части были разгромлены немецкими войсками, в стране царил разброд и хаос. И без вступления советских войск Польша потерпела бы быстрое поражение от Германии. В отдельных случаях (в районах Гродно, Вильно, Кобрин) имели место бои между советскими и польскими частями. Основные силы польских войск в столкновениях с советскими не участвовали, многие части и соединения их сдавались в плен. С 17 сентября по 2 октября Украинским и Белорусским фронтами было взято в плен 450 тыс. чел., в том числе 18,8 тыс. офицеров. Дальнейшая судьба многих из них трагична. Значительная часть военнослужащих была интернирована. Значительная часть гражданского населения была депортирована в восточные районы СССР. По решению Политбюро ЦК ВКП(б), принятому 5 марта 1940 г., 21 857 офицеров и других арестованных поляков были расстреляны «без вызова арестованных и без предъявления обвинения». Подлинные документы этого так называемого Катынского дела опубликованы в России лишь в 1993 г.

Безвозвратные потери в стане наших воинов составили 996 чел., санитарные — 2383.

Многие в Польше рассчитывали на помощь западных союзников, поэтому советскую акцию воспринимали как удар в спину своим войскам. В Восточной Польше местное население, особенно украинцы и белорусы, тепло приветствовали советские войска, видя в них освободителей. Поход Красной Армии продолжался 12 дней. За это время она продвинулась на 250–350 км на Запад, освободив территорию Западной Украины и Западной Белоруссии общей площадью свыше 190 тыс. км² с населением более 12 млн. чел. (из них — 6 млн. украинцев и около 3 млн. белорусов). В октябре 1939 г. в западных областях Украины и Белоруссии состоялись выборы в народные собрания. Однако часть населения выступила против установления Советской власти и присоединения к России. Ядром этого движения стала организация украинских националистов (ОУН) во главе с С. Бандерой.

Воссоединение народов Западной Украины и Западной Белоруссии с Россией в единую государственность было завершением их многовековой борьбы за восстановление исторической справедливости, поскольку вся территория от Гродно, Бреста, Львова и Карпат — исконно русские земли, веками служившие ареной для одной из самых длительных и непримиримых войн в истории человечества между польской шляхтой и русским народом. Исторический «спор славян между собой» не был обычной войной соседей за право обладания территорией, а имел иную подоплеку: столкнулись две взаимоисключающие национальные идеи. Движущая сила поляков — католический фанатизм в его крайнем, иезуитском выражении — заставлял их с маниакальным упорством добиваться одной цели: уничтожения русского народа как нации, но прежде того — искоренения в нем православия. В ход шли любые средства: выдвижение и поддержка самозванцев на русский трон, военные интервенции, «революционная пропаганда» внутри России, неслыханный по жестокости геноцид православных на территории нынешней Украины и Белоруссии, входивших до конца XVIII в. в состав Речи Посполитой (так называемая Западная Русь, или Русская Польша). Великая эпопея восстания на Украине под руководством Богдана

Хмельницкого — только малая часть этой войны, продолжавшейся тайно и после присоединения Польши к России.

Та же политика проводилась Польшей и в XX в. После захвата ею в 1920 г. Западной Украины и Западной Белоруссии, началось насильственное ополячивание населения; закрывались украинские и белорусские школы; православные церкви превращались в костелы; у крестьян отбирались лучшие земли и передавались польским осадникам (колонистам). Жестокая эксплуатация, национальный и социальный гнет, религиозные гонения ставили население этих областей в крайне бедственное положение, многих вынуждали эмигрировать. Крестьянские восстания, вспыхнувшие в 1932 г. на Львовщине и Волыни, были жестоко подавлены. Поэтому для большинства украинцев и белорусов приход Красной Армии в 1939 г. означал поистине историческое избавление.

Договор о дружбе и границе между СССР и Герма- нией	28 сентября 1939 г. в Москве был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией, закреплявший в связи с разгромом Польши территориальные изменения: 48,6 % территории ее (189 тыс. км ²) с 62,9 % населения (20 260 тыс. чел.) были оккупированы немцами; остальная часть перешла к Советскому Союзу. Согласно договору западная граница СССР проходила теперь по так называемой линии Керзона, признанной в свое время Англией, Францией, США и Польшей. К договору прилагались три протокола: один доверительный и два секретных. Доверительный протокол касался переселения в Германию людей немецкого происхождения, проживающих на той территории разгромленного польского государства, которая входила по секретному дополнительному протоколу к договору от 23 августа 1939 г. в советскую «сферу интересов». Первый из двух секретных дополнительных протоколов от 28 сентября 1939 г. включал территорию литовского государства «в сферу интересов СССР», а Люблинское воеводство и часть Варшавского «в сферу интересов Германии». Во втором констатировалось, что СССР и Германия не допустят на своей территории никакой агитации со стороны поляков, направленной против какой-либо одной из держав. В первом из секретных протоколов также оговаривалось, что небольшая часть Юго-Западной Литвы остается за Германией. Позднее, согласно секретному

протоколу от 10 января 1941 г., эта территория была приобретена СССР за 31,5 млн. рейхсмарок, или 7,5 млн. зол. долл.

Договоры СССР с Балтийскими государствами Осенью 1939 г. советское правительство предложило Балтийским государствам заключить пакты о взаимопомощи, которые были подписаны Эстонией 28 сентября, Латвией 5 октября, Литвой 10 октября. Договаривающиеся стороны обязывались «оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой европейской державы»; а также «не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон». При этом оговаривалось, что проведение в жизнь заключенных пактов «ни в коей мере не должно затрагивать суверенных прав договаривающихся сторон». В целях обеспечения безопасности Балтийских стран, предупреждения попыток втянуть их в войну и защиты границ на их территории были размещены отдельные гарнизоны, военно-морские базы и аэродромы (на островах Сааремаа и Хийумаа, в городах Палдиски, Лиепая, Вентспилс и др.).

В ходе переговоров И. Сталин и В. Молотов не скрывали от своих партнеров, что между СССР и Германией состоялось разграничение «сфер обоюдных интересов», следовательно, Балтийские государства были ограничены в самостоятельности дипломатических поисков. К тому же сказывался и территориальный интерес: по договору от 10 октября 1939 г. СССР передавал Литве г. Вильнюс и Виленскую область, что составляло 6656 км² с численностью населения — 457 000 чел., из них литовцев всего — около 100 тыс. (остальную часть населения на момент подписания договора составляли в основном поляки, белорусы и евреи). Как отмечал в своих воспоминаниях бывший министр иностранных дел Литовской республики Ю. Урбшис, очевидец и участник дипломатических переговоров в 1939 г., история вряд ли бы предоставила Литве еще такой случай вернуть Вильнюс, тогда как отказ от подписания договора о взаимопомощи с Советским Союзом мог вылиться в конфликт между обеими странами. Поэтому правительство Литвы, осознавая сложившееся положение, подписало договор.

Одновременно между СССР и Балтийскими странами были подписаны новые торговые соглашения о поставках нефти, железа, хлопка и другого сырья, что облегчало их экономическое положение, компенсировало потерю значительного объема торгово-экономических связей с Западом, нарушенных в результате войны и исключения балтийских морских путей из сферы международного торгового общения.

Хотя советский воинский контингент, расположенный в Прибалтике, имел строгое предписание не вступать в контакты с местным населением, присутствие его заметным образом сказывалось на политических процессах в этих странах: начали действовать открыто коммунистические партии, обычным явлением становились митинги и забастовки, имеющие порой не только экономическую, но и политическую направленность.

Советско- финляндская война

В условиях обострившейся военно-политической обстановки в Европе неотложной задачей для СССР стало обеспечение безопасности северо-западных подступов к Ленинграду — крупнейшему промышленному центру страны. Близость к городу финской границы требовала особого такта во взаимоотношениях двух стран. В 1935 г. Финляндия объявила нейтралитет, но продолжала сохранять сильную прогерманскую ориентацию и не скрывала враждебного отношения к Советскому Союзу. «Россия — единственный постоянный враг Финляндии, — заявлял президент П. Свинхувуд, — любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». Военное строительство на Карельском перешейке (линия Маннергейма), тайная ремилитаризация Аландских островов, на которые Финляндия по условиям международной конвенции обязывалась не поставлять оружие, афиширование военного сотрудничества с Германией и ряд других недружественных по отношению к СССР шагов привели к тому, что с середины 30-х годов все явственнее вырисовывался вариант использования противником территории Финляндии для нападения на Советский Союз.

По инициативе советской стороны, проблема обеспечения безопасности в этом районе обсуждалась Москвой и Хельсинки с октября 1938 по октябрь 1939 г. 14 октября СССР предложил Финляндии сдать ему в аренду на 30 лет порт Ханко

для устройства военной базы, передать несколько островов в восточной части Финского залива, часть Карельского перешейка и часть полуострова Рыбачий – всего 2761 км² в обмен на 5529 км² советской территории в Восточной Карелии. Этот и последующие варианты были отвергнуты финнами, а 13 ноября их делегация вообще прервала переговоры. 26 ноября 1939 г. на границе у дер. Майнила возник инцидент, связанный с артиллерийским обстрелом советских позиций с финской стороны, которая причастность своих войск к обстрелу полностью отрицала. Однако это событие послужило советскому правительству поводом для ультиматума: либо Финляндия, чтобы разрядить напряженность, дает знак о готовности пойти навстречу выдвинутым предложениям, либо инцидент будет использован в качестве предлога к войне. Финское правительство готово было отвести свои войска «на такое расстояние от Ленинграда, при котором нельзя было бы говорить, что они угрожают безопасности этого города». Но Москва уже приняла решение: 30 ноября ТАСС сообщило, «что ввиду новых вооруженных провокаций со стороны финской военщины» войска Ленинградского военного округа в 8 ч утра перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и в ряде других районов.

В день начала боевых действий сообщалось также, что советскому правительству путем радиоперехвата стало известно о создании в занятом «левыми силами» городе Териоки «народного правительства Финляндской Демократической Республики» (ФДР) во главе с видным деятелем международного коммунистического движения, одним из руководителей Исполкома Коминтерна О. Куусиненом. Заявление Москвы о том, что «1 декабря, в разных частях Финляндии народ восстал и провозгласил создание демократической республики» не соответствовало действительности. «Правительство Куусинена» было инициативой советской стороны. 2 декабря 1939 г. между ФДР и Советским Союзом был заключен договор о взаимопомощи и дружбе. Чуть ранее, в ноябре 1939 г., в СССР началось формирование «финляндской народной армии» (на базе 106-й стрелковой дивизии) и финского корпуса. Для укомплектования их были мобилизованы все финны и карелы в возрасте до 40 лет, служившие в войсках Ленинградского военного округа (состав всего корпуса был доведен до 25

тыс. чел.). Москва рассматривала «правительство Куусинена» как средство политического давления на законное правительство Финляндии. 4 марта 1940 г. В. Молотов заявил шведскому посланнику в Москве (Швеция выполняла посреднические функции при заключении мирного договора между СССР и Финляндией) о том, что, если правительство Финляндии будет по-прежнему противиться передаче Советскому Союзу Выборга и Сортавалы, то последующие условия мира будут еще более жесткими и СССР пойдет на окончательное соглашение с «правительством Куусинена».

Советско-финляндская война продолжалась с 30 ноября 1939 г. по 12 марта 1940 г. В боевых действиях со стороны Финляндии участвовали практически все ее наличные вооруженные силы, которые насчитывали вместе с обученным резервом до 600 тыс. чел., около 900 орудий разного калибра, 270 боевых самолетов и 29 кораблей. Их задачей было сковать главную группировку советских войск на линии Маннергейма. Эта линия представляла собой долговременные укрепления на Кольском полуострове протяженностью 135 км, глубиной до 90 км, состояла из трех полос, насчитывала 296 железобетонных и 897 гранитных сооружений, часть которых могла выдержать попадание 152-203-миллиметровых снарядов.

Военную помощь Финляндии оказывали Англия, Франция, США, Швеция, Норвегия, Италия. Помимо орудий, стрелкового оружия, самолетов и боеприпасов европейские правительства приступили к массовому набору «добровольцев» для войны с СССР. А 14 декабря 1939 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию об исключении СССР из ее рядов.

С советской стороны в период наибольшей концентрации войск (март 1940 г.) в войне участвовали 52 стрелковые и кавалерийские дивизии, несколько десятков отдельных бригад и полков в составе двух армий специально образованного Северо-Западного фронта (командующий С. Тимошенко). Еще три армии были задействованы на участке от Ладожского озера до Баренцева моря. Их вооружение насчитывало 11 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. танков, более 3 тыс. боевых самолетов. Действия сухопутных войск поддерживали корабли Балтийского и Северного флотов и Ладожской флотилии.

Советское командование начало наступление сразу по четырем направлениям, используя сравнительно небольшие силы своих громадных резервов. План начальника Генштаба Б. Шапошникова, предлагавшего создать более мощную группировку войск, был отклонен И. Сталиным и К. Ворошиловым отчасти по политическим мотивам (необходимость решать «финский вопрос» немедленно не давала времени на тщательную подготовку военных действий), отчасти из-за недооценки боеспособности финской армии.

Финны же верно определили уязвимые места обороны и соответственно расположили свои небольшие силы. Оснащение, вооружение и тактика финской армии были достаточно приспособлены к ведению боевых действий в условиях суровой зимы на местности с многочисленными озерами и большими лесными массивами. К тому же они довольно умело использовали мощностъ естественных препятствий. Этим объясняются отчасти их успехи в начале войны. Наиболее тяжелые и кровопролитные бои развернулись на Карельском перешейке, где 7-я армия безуспешно завязла в предполье финских укреплений. В конце декабря главное командование решило безуспешные атаки прекратить и приступить к тщательной подготовке прорыва.

С 11 февраля начался второй, заключительный этап советско-финляндской войны. На Карельском перешейке были сосредоточены две армии, усиленные авиацией, артиллерийскими, танковыми и инженерными частями. Общая численность советских войск возросла за декабрь 1939 г. – февраль 1940 г. с 550 до 760 тыс. чел. Войска Северо-Западного фронта после мощной артподготовки перешли в наступление и в ходе трехдневных ожесточенных боев прорвали главную полосу обороны. В начале марта линия Маннергейма была полностью преодолена и войска начали наступление на Выборгском направлении.

12 марта 1940 г. в Москве был заключен мирный договор между СССР и Финляндией, по которому военные действия прекращались с 12 ч 13 марта. В соответствии с договором Финляндия соглашалась отодвинуть свою границу с СССР на Карельском перешейке, северо-западнее Ладожского озера и в районе Куолаярви: Карельский перешеек, ряд островов в Финском заливе, небольшая территория с городом Куолаяр-

ви, часть полуостровов Рыбачий и Средний отошли к СССР. Советскому Союзу передавался в аренду на 30 лет полуостров Ханко с правом создания на нем военно-морской базы, которая прикрывала бы вход в Финский залив и морские подступы к Ленинграду. СССР обязался вывести свои войска из области Петсамо, добровольно уступленной им Финляндии по договору 1920 г. Новая граница была чрезвычайно выгодна для СССР и с экономической точки зрения: на советской территории оказывались восемь крупных целлюлозно-бумажных предприятий, ГЭС Раухала (что позволяло восполнить дефицит электроэнергии для оборонных заводов Ленинграда), железная дорога вдоль Ладоги.

Советские потери за 105 дней войны составили 333 тыс. чел., в том числе убитыми ~ 65 тыс., пропавшими без вести и пленными 20 тыс., ранеными и обмороженными — около 200 тыс., заболевшими — 51 тыс. чел. Анализируя слабые стороны подготовки советских войск, выявившиеся в войне с Финляндией, новый нарком обороны СССР С. Тимошенко на совещании с руководящим составом РККА (конец 1940 г.) отмечал: «Война с белофиннами выявила всю пагубность нашей системы боевой подготовки — проводить занятия на условности, кабинетным методом. Наши командиры и штабы, не имея практического опыта, не умели по-настоящему организовать усилия родов войск и тесного взаимодействия, а главное — не умели по-настоящему командовать». Большие потери советских войск, тактическая неповоротливость и слабость командования привели к тому, что в мире сложилось неблагоприятное мнение о боеспособности Красной Армии, что впоследствии не в малой степени сказалось и на решениях Гитлера. Конфликт 1939–1940 гг. отразился и на отношениях двух стран — в июне 1941 г. Финляндия выступила на стороне Германии.

Война с финнами была непопулярна среди советских людей. Победные репортажи в прессе не могли скрыть от населения неудач на фронте, немалое беспокойство вызывало возвращение в тыл большого количества обмороженных солдат. Но в донесениях политуправления Ленинградского военного округа сообщалось лишь о наличии «отдельных отрицательных явлений» среди бойцов действующей армии. Сами бойцы жаловались на «отсутствие станковых пулеметов, гранат и обмундирования», надеялись на скорую демобилизацию.

**Международное
положение
в Европе после
разгрома Фран-
ции**

После нападения Германии на Польшу 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили войну Германии. Военные действия их ограничивались пока частными операциями на море. На Западном фронте царила тишина, лишь кое-где завязывались случайные перестрелки. Действия авиации сторон не выходили за рамки разведывательных полетов. Французы хотели сохранить это промежуточное состояние между войной и миром, но у Гитлера под влиянием быстрого успеха в Польше созревали новые планы. 23 октября 1939 г. он обратился с большой речью к военным, в которой дал понять, что конфликт с Западом рано или поздно должен произойти, если Германия настроена на завоевывание обширного жизненного пространства. Прежде чем двинуться на Францию, Германия в начале апреля 1940 г. оккупировала Данию и Норвегию. 10 мая она уже захватила Бельгию, Голландию и Люксембург. Затем настал черед Франции. 22 июня правительство Петэна подписало в Компьене капитуляцию. По ее условиям, большая часть территории была оккупирована, экономика страны поставлена на службу рейху.

Быстрая победа над Францией существенно изменила баланс сил в Европе, что потребовало от советского руководства корректировки внешнеполитического курса. Расчеты на взаимное истощение противников на Западном фронте не оправдались. В военной кампании против Франции германские вооруженные силы потеряли: 27 тыс. чел. убитыми, 18,4 — пропавшими без вести, 111,0 тыс. чел. были ранены. Как отмечали немецкие военные аналитики: «Потери вполне терпимые, учитывая грандиозность достигнутого успеха». В связи с тем, что немецкие воздушные налеты на Англию не принесли ожидаемого результата, а для успешного вторжения на Британские острова Германия не располагала летом-осенью 1940 г. необходимыми силами и ресурсами, Гитлер несколько изменил свою стратегию. Предпочтение было отдано окончательной цели войны — уничтожению Советского Союза и достижению колониального господства над всей Европой, чтобы добиться таким образом победы и над Великобританией. В начале и середине июля 1940 г. генеральный штаб сухопутных войск Германии на основе ранее принятых высшим

руководством страны решений уже вел напряженную работу по подготовке агрессии против СССР. 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил директиву № 21, согласно которой «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (вариант «Барбаросса»)». Англия, к тому времени, с кабинетом У. Черчилля не представляла никакой серьезной политической силы, поскольку была изгнана немцами с европейского континента, оставив все свое вооружение и оснащение армии. Единственный ее союзник, Франция, капитулировала, и перед британцами стояла проблема финансовой задолженности по оплате военной продукции, поставляемой США. Поэтому Сталин, несмотря на стремление У. Черчилля наладить личные контакты с Москвой, относился к нему с недоверием.

В связи с расширением немецкого влияния в Европе появилась реальная опасность блокирования определенных кругов стран Балтии с Германией. Об этом информировали Москву советские полпреды. В создавшихся условиях Советскому Союзу пришлось предпринимать срочные усилия для укрепления своих оборонительных рубежей в этом регионе. В июне 1940 г. советское правительство обвинило правительство Литвы в провокационных действиях против советских солдат, создании военного антисоветского союза, потребовало сменить правительство (некоторых его членов предать суду) и согласиться на размещение в важнейших центрах Литвы дополнительных воинских частей. 14 июня 1940 г. такое согласие было получено от Литвы, Латвии и Эстонии. Советские требования носили ультимативный характер; для их реализации были направлены А. Жданов, А. Вышинский, В. Деканозов.

Предпринятые Москвой меры решающим образом повлияли на дальнейший ход событий в этом плане: народные сеймы Литвы, Латвии и Государственная Дума Эстонии почти одновременно (21–24 июля 1940 г.) приняли декларацию о провозглашении в своих странах Советской власти, вступлении в состав СССР, признании земли собственностью государства и о национализации основных средств производства. 3–5 августа 1940 г. решением сессии Верховного Совета СССР Латвия, Литва и Эстония были приняты в состав СССР. Пе-

ред самой войной началось выселение части коренного населения Прибалтики в малообжитые районы СССР. Это коснулось в первую очередь бывших помещиков, крупных предпринимателей и прочих «классово чуждых элементов» с семьями. Всего в июне-июле 1941 г. из Прибалтики было выслано 26 тыс. чел.

Советско-германские отношения в 1940 — весной 1941 г.

Несмотря на заключение союза в 1939 г., СССР и Германия с недоверием относились друг к другу. Гитлер, например, был недоволен тем, что 28 июня 1940 г., «в соответствии с договоренностью» между СССР и Румынией, войска Красной Армии, переправившись через Днестр, к 30 июня вышли на Прут, в результате чего Бессарабия и Северная Буковина, отторгнутые от Советского государства в 1918 г., были включены в состав СССР. Таким образом, Советский Союз оказался в непосредственной близости от нефтяных районов Румынии, эксплуатация которых служила рейху «незаменимой предпосылкой для успешного ведения войны». Гитлер предпринял ответные шаги, заключив с фашистским правительством генерала Антонеску соглашение, согласно которому немецкие войска перебрасывались в Румынию «для реорганизации румынской армии и охраны нефтяных районов».

Напряжение между двумя державами еще более обострилось с подписанием 27 сентября 1940 г. в Берлине пакта между Германией, Италией и Японией, согласно которому мир был фактически поделен: Германия и Италия брали на себя обязательство «создания нового порядка» в Европе и признавали ведущую роль Японии в образовании «Великой Азии». Участники пакта обязывались поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из сторон подвергнется нападению державы, не вовлеченной в европейский или китайско-японский военный конфликт. Для прощупывания намерений И. Сталина в Берлин был приглашен председатель Совнаркома СССР, нарком иностранных дел В. Молотов. 12–13 ноября 1940 г. состоялись его беседы с Гитлером и Риббентропом. Немецкий замысел состоял в том, что для «нейтрализации советского фактора», СССР предлагалось присоединиться к тройственному пакту Германии, Италии и Японии и участвовать

в разделе мира. Советскому Союзу предназначалось преимущественно юго-восточное направление (Персидский залив, Ближний Восток, Индия). Секретные документы немецких архивов того времени свидетельствуют о том, что к моменту переговоров намерение привлечь СССР на свою сторону считалось германскими дипломатами и военными как не имеющее перспектив. Не случайно уже в дни переговоров Гитлер отдал директиву, в которой говорилось, что «независимо от того, каким будет исход переговоров, следует продолжить все уже отданные устно приготовления для Востока», т.е. для войны с СССР.

Наряду с политическими договоренностями между СССР и Германией в 1939–1941 гг. имели место экономические и торговые соглашения. По свидетельству Геббельса, Гитлер оценивал эти соглашения как специфически сталинскую политику, рассчитанную на экономическую зависимость рейха от поставок промышленного сырья, которого в нужный момент можно лишить Германию. Это – сельхозтовары, нефтепродукты, марганцевая и хромовая руды, редкие металлы и др. Советский Союз получил от германских фирм промышленной продукции и вооружений на сумму 462,3 млн. марок. Это – металлорежущие станки, особо прочная сталь, техническое оборудование, новейшая военная техника (разных калибров морская, полевая и зенитная артиллерия, минометы с полными боезапасами, небольшие партии боевых самолетов, оптические приборы, радиоаппаратура, связь, – т.е. экономические отношения носили взаимовыгодный характер, особенно если учесть, что в этот период американские и английские власти накладывали арест на поставку изготовленных их фирмами станков, машин и промышленного оборудования по советским заказам). Одновременно из США или через филиалы американских корпораций в третьих странах в Германию потоком шло остродефицитное сырье. Поставки американской нефти и нефтепродуктов осуществлялись вплоть до 1944 г.

Укрепление дальневосточных рубежей СССР	Во второй половине 30-х годов сложное положение создалось на дальневосточной границе СССР. Япония дважды (в 1938 и 1939 гг.) пыталась силой прощупать крепость наших границ и дружественной нам Монгольской Народной Республики. Первая

такая попытка была предпринята в июле-августе 1938 г. у озера Хасан. Японцы начали боевые действия, ссылаясь на якобы неточно установленную границу между Россией и Китаем (граница была определена Хунчунским соглашением в 1886 г. Приложенная к нему карта неопровержимо свидетельствовала о принадлежности района озера Хасан России). 9 августа нашим войскам удалось полностью очистить советскую территорию от захватчиков. В мае 1939 г. японские войска вторглись на территорию Монголии в районе реки Халхин-Гол. Советские войска находились в этой стране в соответствии с протоколом о взаимной помощи, заключенным в марте 1936 г. сроком на 10 лет. Используя численное превосходство, японцы 2 июля перешли в наступление с целью уничтожить советско-монгольские части и захватить на западном берегу Халхин-Гола оперативный плацдарм для последующего броска в направлении Забайкалья. Но эта операция не принесла Японии успеха, и она приступила к наращиванию сил, создав к началу августа 6-ю армию численностью 75 тыс. чел. В ее распоряжении имелось свыше 500 орудий, 182 танка, более 300 самолетов. Контингентом советских войск из 57 тыс. чел. с июня командовал Г. Жуков. В нем насчитывалось 542 орудия и миномета, 498 танков, 385 бронемашин, 515 самолетов. Упредив противника, наши войска 20 августа после мощных ударов авиации и артподготовки перешли в наступление, через три дня завершили окружение японской группировки и к исходу 31 августа полностью ее уничтожили. На сей раз Жуков учел все просчеты предыдущих военных операций, вследствие которых наши части понесли большие потери в живой силе и технике. Бои на Халхин-Голе выявили по-новому и слабые места Красной Армии: низкую военную подготовку территориальных дивизий (за исключением кадровых войск), слабое материально-техническое обеспечение, несовершенство техники, в частности танков БТ-5 и БТ-7, несогласованность в действии командного состава, руководившего операциями.

15 сентября 1939 г. в Москве было подписано соглашение между СССР, МНР и Японией о ликвидации конфликта. Однако положение на дальневосточных рубежах оставалось напряженным. К весне 1941 г. в условиях ухудшения советско-

германских отношений, о чем Япония была информирована по линии разведки, руководители этой страны пытались избежать военных действий на два фронта (в сентябре 1940 г. Япония оккупировала Северный Индокитай, расширяя свою экспансию на юге). Как заявил император Хирохито лорду-хранителю печати К. Кидо: «Если Германия в ближайшем будущем начнет войну с СССР, союзнические обязательства заставят нас готовиться к выступлению на севере. Так как у нас связаны руки на юге, мы окажемся перед проблемой». Чтобы ее разрешить министр иностранных дел Японии И. Мацуока в марте 1941 г. по пути в Берлин остановился в Москве, где предложил советскому руководству заключить японо-советский пакт о ненападении. Его главная цель заключалась для Японии в обеспечении прочного тыла на севере после начала войны против США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Из донесений советского разведчика Р. Зорге Москва знала о японских планах, как понимала и то, что пакт, который хотела заключить Япония, мог служить последней своеобразным прикрытием для нападения на СССР, которое она могла совершить в наиболее удобное для себя время. Не случайно уже после начала войны СССР с Германией на совещании при императоре 2 июля 1941 г. принимается документ о национальной политике Японии, в котором говорилось: «Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему».

Учитывая всю совокупность сложившихся к весне 1941 г. дипломатических отношений между СССР и ведущими европейскими странами, а главное, стремясь снизить опасность одновременного нападения на Советский Союз с Запада и Востока, руководство нашей страны пошло навстречу японским предложениям. 13 апреля 1941 г. в Москве СССР и Япония заключили пакт о нейтралитете, который обе стороны обязывались соблюдать в случае, если одна из сторон «окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав». Срок действия пакта устанавливался на пять лет со дня ратификации.

**Репрессии
в Красной
Армии**

Начавшаяся вторая мировая война выдвинула новые требования к Советским Вооруженным Силам. Война с Финляндией в большей степени, чем другие военные действия, в которых участвовала Красная Армия (кампания на Дальнем Востоке), выявила серьезные недостатки в организации и вооружении наших войск, их боеготовности и боевом управлении. Это обусловило необходимость проведения серьезных преобразований в армии. В мае 1940 г. специально созданная комиссия во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А. Ждановым провела проверку Наркомата обороны, в результате которой отмечалось, что Наркомат не имел оперативного плана войны, не знал истинного положения в армии и не обеспечил должного прикрытия границ, не придавал нужного значения полевой выучке войск.

Такое положение не было случайным. По официальным данным начальника управления по начальствующему составу РККА Наркомата обороны СССР Е. Щаденко, за 1937–1939 гг. из армии уволено 36 892 чел. (без уволенных из ВВС); 66 % из них – по политическим мотивам (многие были расстреляны или находились в лагерях). Однако к лету 1940 г. 11 тыс. чел. из числа уволенных были восстановлены в армии, но удар по кадрам высшего командного и политического состава, центрального аппарата Наркоматов обороны и ВМФ имел самые негативные последствия. В отечественной и зарубежной историографии этот вопрос толкуется довольно неоднозначным образом. Большинство исследователей сходится на том, что репрессии проводились в целях укрепления личной власти И. Сталина. В недавно рассекреченной справке «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 г. судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре», составленной комиссией ЦК КПСС в 1964 г., говорится, что эти люди не были «сторонниками непомерного возвеличивания имени Сталина и таким образом являлись неудобными для него лицами». По мнению большинства отечественных историков, репрессии стали одной из главных причин крупных поражений нашей армии в 1941 г.

Но существуют и иные мнения на этот счет. У. Черчилль в своей книге «Вторая мировая война», не отрицая того, что

«чистка русской армии от прогерманских элементов причинила тяжелый ущерб ее боеспособности» отметил и другую сторону проблемы, а именно, что «основанную на терроре системе правления вполне возможно укрепить беспощадным и успешным утверждением ее власти». Следовательно, Сталин своими репрессиями не ослаблял, а, наоборот, укреплял Красную Армию. Эта акция представлялась ему тем более необходимой, что со второй половины 30-х годов стали очевидны планы Гитлера на мировое господство, следовательно, неизбежность трудной и затяжной войны с Германией. Что касается Тухачевского, то известно, что своей военно-политической карьерой он в значительной мере обязан Л. Троцкому. Последний, находясь в эмиграции и ведя активную борьбу против Сталина, неоднократно публично заявлял: «В Красной Армии не все преданы Сталину. Там меня еще помнят». Понимая это, Сталин приступил к обстоятельной чистке своей главной опоры – армии и НКВД – от всех «неблагонадежных элементов». Для него М. Тухачевский, В. Блюхер и другие военачальники, как бывшие сторонники Троцкого, были политическими противниками, которых надлежало опасаться.

Кроме того, из материалов следствия по делам Промпартии, меньшевиков и т. п., донесений агентов советских спецслужб ему было известно, что как лидеры оппозиционеров, так и вожди российской эмиграции делали ставку на привлечение на свою сторону верхушки РККА. И внутренние обстоятельства – нежелание основной массы российских крестьян соответствовать целям насильственной коллективизации – вынуждали Сталина искать опору личной власти исключительно в силовых государственных структурах (армии, НКВД), не надеясь на сколько-нибудь широкую поддержку своей политики. В марте 1945 г., просмотрев книгу немецкого генштаба о советских маршалах и генералах, Геббельс записал в своем дневнике: «Мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Фюрер полностью разделяет мое мнение. Наш генералитет слишком стар, изжил себя и абсолютно чужд национал-социалистическому идейному достоянию. В отличие от него советские генералы не только фанатично верят в большевизм, но и не менее фанатично борются за его победу. Фюрер полон решимости провести такую реорганизацию вермахта, чтобы он вышел из войны с национал-социалистскими убеждениями». Мнение представляет безус-

ловный интерес, поскольку в СССР и Германии существовали схожие режимы, которые порождали и схожие государственные проблемы. Уже в 1937 г. Сталин предвидел то, что для его менее удачливых противников стало ясным спустя лишь семь лет — после заговора военных против Гитлера, которые в случае поражения Германии собирались возложить всю вину за это на фюрера. Заговор немецких генералов имел место 20 июля 1944 г., т.е. в самый критический для Германии момент. На Восточном фронте обозначился неминуемый разгром группы армий «Центр», а на Западном — своим ходом шла высадка десанта союзников. В этой ситуации заговорщики могли рассчитывать на успех, но были обречены. Подобная участь могла ожидать и Сталина в октябре 1941 г., когда, казалось, не было силы, способной остановить фашистов под Москвой. Однако этого не случилось. Как видно, Сталин обладал незаурядным государственным умом.

Укрепление обороноспособ- ности СССР накануне войны	Недостаток квалифицированных кадров в Красной Армии объяснялся не только репрессиями. К 1939 г. завершен переход к кадровой системе комплектования и организации войск, закрепленный законом о всеобщей воинской повинности. Согласно закону увеличивались сроки службы в армии, что способствовало лучшей боевой выучке младших командиров, овладению рядовым и сержантским составом специальных войск и флота, сложными видами оружия и боевой техники. Главным средством пополнения войск офицерскими кадрами служил призыв воинов из запаса. За 1932–1938 гг. их было призвано всего 49 тыс. чел., в результате на начало 1938 г. недокомплект их составил 100 тыс. чел.

В 1939 г. была расширена сеть военно-учебных заведений, открыто более 40 новых сухопутных и авиационных училищ, целый ряд школ и курсов соответствующих направлений. К началу войны офицерские кадры для армии и флота готовились в 19 академиях, на 10 военных факультетах при гражданских вузах, в 7 высших военно-морских училищах, 203 военных училищах и на 68 курсах усовершенствования. За три предвоенных года военные училища окончили 48 тыс. чел., курсы — 80 тыс. В первой половине 1941 г. в войска было на-

правлено из училищ и академий около 79 тыс. чел. Однако все эти мероприятия не устранили серьезных пробелов в поставке офицерских кадров. На начало 1941 г. численность командно-начальствующего состава в армии и флоте составляла 580 тыс. чел. Из них 7,1 % имели высшее, 55,9 – среднее, 24,6 – ускоренное военное образование и 12,4 % вообще не имели военного образования. Низкую эффективность имела курсовая система подготовки офицерских кадров. Так, многие летчики встретили войну, имея «налет» на боевых самолетах всего несколько часов. Только перед самой войной началась массовая переподготовка летного состава. Сходная ситуация наблюдалась и при подготовке танкистов. Основное внимание уделялось количественному фактору. В феврале 1941 г., по предложению начальника Генштаба Г. Жукова, принимается план расширения сухопутных войск почти на сто дивизий, хотя более целесообразным в создавшейся обстановке было бы доукомплектование и перевод на штаты военного времени имевшихся дивизий и повышение их боеготовности.

Важнейшей задачей отечественной промышленности стало обеспечение Красной Армии боевой техникой. Многие в этом плане делалось для развития авиации: в 1939 г. был создан Наркомат авиационной промышленности, проводилась реконструкция действующих и строительство новых самолетостроительных заводов. В течение 1939–1940 гг. были созданы истребители Як-1, МиГ-3, ЛаГТ-3, пикирующий бомбардировщик Пе-2, штурмовик Ил-2. Если в 1940 г. было выпущено всего несколько десятков боевых машин новых типов, то в первой половине 1941 г. истребителей новых типов уже насчитывалось 1946, бомбардировщиков Пе-2 – 458 и штурмовиков Ил-2 – 249.

Боевые действия на начальном этапе войны, особенно события во Франции, показали неоспоримые преимущества танковых соединений. Однако в Советском Союзе это оценили не сразу и в ноябре 1939 г. Военный Совет Красной Армии постановил расформировать танковые корпуса и взамен их организовать отдельные моторизованные дивизии. Однако летом 1940 г. вновь вернулись к идее формирования крупных механизированных корпусов. К этому времени советские конструкторы М. Кошкин, А. Морозов и Н. Кучеренко создали новый танк Т-34. По оценкам наших противников,

это был лучший средний танк войны, успешно прошедший полигонные испытания и принятый на вооружение. По достоинству был оценен и тяжелый танк КВ (конструктор Ж. Котин). С января 1939 г. по июнь 1941 г. наши заводы выпустили более 7 тыс. танков, в том числе 1861 – новых конструкций Т-34 и КВ.

Росла техническая оснащенность Красной Армии и другими видами оружия – стрелковым, противотанковым, артиллерийским. Накануне войны с Германией были созданы реактивные минометные установки – знаменитые «Катюши» (конструктор А. Костиков). В 1939 г. поступил на вооружение новый станковый пулемет системы В. Дегтярева. В 1940 г. создана самозарядная винтовка Ф. Токарева (до этого в ходу была винтовка образца 1891–1930 гг.). Крупным вкладом в развитие автоматического оружия стал сконструированный Г. Шпагиным пулемет-пистолет, отличавшийся высокими боевыми качествами, простым устройством и безотказностью в работе. В первой половине 1941 г. началось его серийное производство и поставки в армию. С 1939 г. к началу войны оборонная промышленность выпустила более 105 тыс. ручных, станковых и крупнокалиберных пулеметов и около 100 тыс. автоматов. К лету 1941 г. армия имела в своем распоряжении 14 тыс. 82-миллиметровых батальонных минометов и около 4 тыс. 120-миллиметровых полковых минометов; к ним были созданы хорошие осколочно-фугасные и осколочные мины. 76-миллиметровая дивизионная пушка образца 1939 г. (конструктор В. Грабин) по боевым и эксплуатационным качествам представляла собой первоклассную современную пушку.

И тем не менее общая насыщенность советских войск автоматическим оружием значительно уступала немецкой армии. Не отвечала предъявляемым требованиям 76-миллиметровая зенитная пушка образца 1938 г. Имевшаяся в начале войны противотанковая 45-миллиметровая пушка образца 1937 г. имела слишком малый калибр и низкую исходную скорость снаряда. Уязвимым местом артиллерии была слабая обеспеченность механизированной тягой, что серьезно тормозило подвижность и маневренность. Основную массу тягачей составляли маломощные сельскохозяйственные тракторы, да и их не хватало. Не было налажено серийное производство ра-

дио- и радиолокационных средств; низким был уровень оснащённости радионавигационными приборами, радиолокационными станциями, радиостанциями.

В авиации не было классных наземных радиостанций, что в сильной мере затрудняло управление полетом и действиями боевых машин. Основным средством связи на земле были телеграф и телефон, а в воздухе ракеты и эволюции самолетом (покачивание крыльями и др.). Крупные проблемы имелись и в оснащении техникой связи сухопутных частей: большая часть аппаратуры была устаревшей, новой не хватало; зачастую командиры не умели пользоваться радиосвязью.

Однако боевая подготовка всех родов войск проводилась усиленно. В конце декабря 1940 г. имело место совещание высшего командного состава РККА и последовавшие за ним две оперативно-стратегические игры на картах. С докладами и сообщениями по актуальным проблемам военной теории и практики на нем выступили видные советские военачальники — К. Мерецков, Г. Жуков, П. Рычагов, Д. Павлов, И. Тюленев, И. Конев, Г. Штерн и др. Немало критических замечаний и ценных предложений было высказано в адрес Наркомата обороны, Генштаба, командования различными родами войск и военных округов.

Подготовка Германии к войне против СССР	Военно-политическое руководство Германии рассматривало СССР как противника, превосходящего ее по количеству оружия, военной техники и живой силы. В качественном отношении немцы в превосходстве своем не сомневались. В феврале-июне 1941 г., на заключительном этапе непосредственной подготовки к войне против СССР, Германия провела ряд мероприятий. На Восток была переброшена основная масса сухопутных войск и авиации, созданы ударные группировки, завершено оборудование Восточного театра военных действий, разрабатывались вопросы взаимодействия различных родов войск и вооруженных сил вермахта с войсками Финляндии, Румынии, Венгрии. Доля танковых и моторизованных соединений в действующей немецкой армии увеличилась до 18 %, противотанковые орудия транспортировались бронированными тягачами на гусеничном ходу. В состав новых формирований включались целые подразделения (полки, батальоны), имевшие солидный боевой опыт. Для

восполнения возможных потерь при дивизиях действующей армии создавались запасные батальоны. Каждый офицер вермахта строго следовал цензу прохождения службы в основных должностях и имел, как правило, боевой опыт. Высокой подготовкой отличались высшие штабы, значительно увеличены части резерва главного командования, на вооружение армии поступило много новой техники: выросло количество средних танков и штурмовых орудий. Первостепенное внимание уделялось насыщению войск противотанковыми средствами (пушками, ружьями). Из боевых самолетов, выделенных для операции «Барбаросса», около 17 % были разведывательными. Главное для командующих армиями было не переоценить боевой опыт прошлого и готовиться к «борьбе всеми силами против равного противника».

Для вермахта задача заключалась в том, чтобы уничтожить основные силы Красной Армии в западной части России, и клинообразным продвижением танков с обеих сторон воспрепятствовать отходу боеспособных частей в глубь территории. Затем в результате быстрого преследования достигнуть рубежа, с которого русская авиация не смогла бы совершать налеты на территорию Германии. Конечной целью операции являлся выход на линию Волга – Архангельск с тем, чтобы остающаяся у России индустриальная Уральская область могла быть при случае парализована немецкой авиацией. Оптимистически настроенные авторы плана «Барбаросса» намеревались методом «блицкриг» достигнуть намеченной цели в течение 8, более осторожные – 16 недель.

30 марта 1941 г. на совещании командного состава Гитлер не оставил никаких сомнений в том, что ставка сделана на уничтожение СССР. «Борьба будет сильно отличаться от борьбы на Западе, – сказал он, – жестокость на Востоке мягка для будущего». В указе о ведении военного судопроизводства от 13 мая 1941 г. говорилось, что за действия против «вражеских гражданских лиц не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком». Приказ «О комиссарах» от 6 июня того же года санкционировал уничтожение политработников Красной Армии. В планах по хозяйственной деятельности и продовольственному снабжению в захваченных областях для десятков миллионов людей предусматривалась голодная смерть. Так называ-

емый генеральный план ОСТ в целях полного господства на оккупированных территориях предусматривал «радикальное сокращение коренного населения путем запланированного голода и насильственного выселения».

Экстренные меры Советского государства по отражению фашистской агрессии

Весной 1941 г. Генштаб Красной Армии совместно со штабом округов и флотов разработал «План обороны государственной границы 1941 г.», согласно которому войска приграничных округов должны были не допустить вторжения противника на территорию СССР; упорной обороной в укрепрайонах прочно прикрыть отмотелизование, сосредоточение и развертывание главных сил Красной Армии; активными действиями авиации задержать сосредоточение и нарушить развертывание войск противника, создав тем самым условия для решительного наступления. Прикрытие западной границы СССР протяженностью 4,5 тыс. км возлагалось на войска 5 военных округов. В первые эшелоны армий прикрытия намечалось включить около 60 дивизий, которые в качестве первого стратегического эшелона должны были прикрыть отмотелизование и ввод в сражение войск второго стратегического эшелона. Несмотря на широко известное заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., опровергавшее слухи о надвигающейся войне, начиная с апреля принимались срочные меры по повышению боеготовности армии. Ряд этих мер был выстроен с учетом предложений Генштаба от 15 мая 1941 г., согласно которым намечалось разгромить главные силы немецко-фашистской армии, сосредоточенные для нападения на Советский Союз (некоторые отечественные историки без достаточных оснований считают, что этот документ был «практической подготовкой по указанию Сталина упреждающего удара против Германии»).

В апреле-мае для пополнения войск западных военных округов было призвано (под видом учебных сборов) 800 тыс. резервистов. В середине мая началась скрытая переброска из внутренних округов войск второго эшелона в количестве 7 армий (66 дивизий) в западные с приведением их в полную боеготовность. 12 июня в состав армий прикрытия к границе скрытно, ночными маршами, двинулись 63 дивизии резервов западных округов. 16 июня из мест постоянной дислокации второго эшелона армий прикрытия стала осуществлять-

ся переброска (под видом учений) в места сосредоточения 52 дивизий.

Общее соотношение группировок, согласно данным отечественных историков, с обеих сторон на западных границах СССР к 22 июня 1941 г. приведено в таблице.

Общая характеристика	Советские войска	Соотношение	Войска противника
Дивизий, всего	170	1,01 : 1	167
Личный состав, млн. чел	2,9	1 : 1,2	3,5
Танковые дивизии	40	2,3 : 1	17
Механизированные дивизии	20	1,2 : 1	16,5
Орудия и минометы, тыс.	49,3	1,6 : 1	31,0
Танки и истребительные орудия, тыс.	10,0	2,8 : 1	3,5
Боевые самолеты, тыс.	7,7	1,9 : 1	4,0

Хотя советские войска и были подтянуты к границе, стратегическое их развертывание проводилось без приведения войск прикрытия к отражению упреждающего удара агрессора. Ошибка военно-политического руководства в данный момент состояла в неадекватной оценке состояния Вооруженных Сил: Красная Армия была не способна нанести контрудар и не обладала реальными возможностями для обороны. Предполагалось, что советским войскам удастся без помех завершить от мобилизацию войск и их развертывание по намеченному плану. План прикрытия границы, разработанный Генштабом в мае 1941 г. под руководством Г. Жукова, не предусматривал оборудования оборонительных рубежей войсками второго и третьего оперативных эшелонов. Перед ними ставилась задача занять позиции и быть готовыми к нанесению контрудара (готовить в инженерном отношении и занимать оборону должны были батальоны первой линии).

Вопросы и задания

- Назовите внутренние ресурсы модернизации промышленности СССР в 30-е годы.
- Охарактеризуйте социальные и экономические последствия первой пятилетки.
- Проанализируйте роль Сталина в социально-экономических преобразованиях, осуществленных в СССР в конце 1920–1930-х гг. Раскройте с опорой на факты проблему изучения политического наследия Сталина.
- Выделите черты утопического мирозерцания в советской действительности 1930-х гг.
- Укажите и обоснуйте черты различия и сходства советской политической, экономической и идеологической систем с аналогичными системами западного мира.
- Какие мнения существуют в современной исторической литературе по вопросу о необходимости и предпосылках перевода крестьянского хозяйства страны в конце 20-х – начале 30-х годов на рельсы крупного производства? Какие из них вам представляются наиболее убедительными и почему?
- В чем сходство и различие между бухаринской и чаяновской альтернативами коллективизации по-сталински? Почему ни та, ни другая не были реализованы?
- Каковы последствия установления колхозного строя для российской деревни и страны в целом?
- Охарактеризуйте Мюнхенское соглашение как кульминационный пункт политики западных держав в отношении СССР.
- Какие причины политического характера сделали возможным заключение советско-германского договора о ненападении; укажите цели, которые преследовали Германия и СССР при заключении договора. На конкретных примерах международной политики раскройте, в какой степени обеим державам удалось реализовать свои цели.
- Объясните истоки советско-финляндского конфликта и причины, которые привели к войне; изложите основные положения мирного договора 1940 г. между СССР и Финляндией.
- Объясните причины срыва советско-англо-французских военных переговоров летом 1939 г.
- Какие международные события лета 1940 г. способствовали активизации внешней политики СССР в странах Прибалтики; назовите

оценки отечественной историографии по вопросу о превращении независимых Прибалтийских государств в республики СССР и обоснуйте эти оценки историческими фактами.

- Охарактеризуйте важнейшие мероприятия советского правительства, проведенные в 1939 г. – первой половине 1941 г. по укреплению обороноспособности страны и повышению боеготовности Красной Армии; укажите примерное соотношение советских вооруженных сил и противника на западной границе СССР летом 1941 г.

В годы суровых испытаний

§ 1. Начальный этап

(июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.)

Приграничные сражения 22 июня в 3 ч 30 мин немецкая армия начала свое мощное вторжение по всей границе нашей страны от Черного до Балтийского моря.

Разразилась Отечественная война. В 4 ч утра в Берлине советскому послу В. Деканозову был вручен меморандум немецкого правительства, в котором говорилось: «Враждебное поведение по отношению к Германии советского правительства и серьезная угроза, проявившаяся в движении русских войск на немецкую восточную границу, вынуждает рейх к ответным действиям». В это же время посол Германии в Москве сообщил наркому иностранных дел В. Молотову об уже идущем полным ходом наступлении противника. Немецкая пропаганда, таким образом, пыталась представить войну против СССР как «превентивную», а цель ее как «спасение мировой цивилизации от смертельной опасности большевизма».

Вторжению агрессора предшествовала мощная артиллерийская подготовка. Из тысяч орудий и минометов был открыт огонь по пограничным заставам, районам расположения войск, штабам, узлам связи, оборонительным сооружениям. Вражеская авиация нанесла первый удар по всей приграничной полосе на глубину свыше 400 км. Массированным воздушным бомбардировкам подверглись Мурманск, Лиепая, Рига, Каунас, Смоленск, Киев, Житомир; военно-морские базы (Кронштадт, Измаил, Севастополь). Чтобы парализовать управление советскими войсками на парашютах сбрасывались диверсанты. Наиболее мощные удары наносились по аэродромам, поскольку господство в воздухе было главной задачей германских ВВС. Советская авиация пограничных округов вследствие скученного базирования частей потеряла в первый день войны около 1200 самолетов. К тому же фронтовой и армейской авиации был дан приказ: границ ни в коем случае не перелетать, уничтожать противника только над своей

территорией, самолеты держать в постоянной готовности к выводу из-под удара.

Высокой организованностью и продуманностью отличалось вторжение сухопутных немецких войск с широким использованием ударных групп, боевых моторизованных дозоров, танковых «клиньев» и тяжелой артиллерии. Как отмечал начальник генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер, «наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте *полной тактической внезапностью*. Части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать».

В первый же день войны Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа были преобразованы в Северо-Западный (командующий генерал Ф. Кузнецов), Западный (командующий генерал Д. Павлов), Юго-Западный (командующий генерал М. Кирпонос) фронты. 24 июня Ленинградский военный округ был преобразован в Северный фронт (командующий генерал М. Попов), а из 9-й и 18-й армий сформирован Южный фронт (командующий генерал И. Тюленев). 23 июня создана Ставка Главного Командования Вооруженных Сил СССР под председательством наркома обороны маршала С. Тимошенко (8 августа преобразованная в Ставку Верховного Главнокомандования, которую возглавил И. Сталин).

22 июня в 7 ч 15 мин Главный Военный Совет издал директиву советским войскам о начале активных военных действий. Когда она была получена в штабах фронтов, дивизии первого эшелона уже втянулись в оборонительные сражения, но танковые и моторизованные соединения не были готовы к нанесению быстрого мощного удара из-за большого удаления от границы. К концу первого дня войны тяжелая обстановка создалась на стыке Северо-Западного и Западного фронтов, на левом крыле Западного фронта. По свидетельству начальника штаба 4-й армии Л. Сандалова, в первые часы войны войска пытались выполнить задачи, связанные с навязанным им планом прикрытия, который совершенно не соответствовал складывающейся обстановке. Действовать по ситуации командиры корпусов и дивизий не могли, поскольку не имели данных о количестве сил и военных акциях противника. Постоянной взаимосвязи между частями не было, об истинных

потерях никто ничего не знал, предполагалось, что поднятые по тревоге войска окажутся достаточно боеспособными. Но к исходу дня 22 июня под ударами противника наши части были отброшены от государственной границы примерно на 40 км. Штаб Западного фронта поставил перед армией задачу в течение ночи пополниться боеприпасами, горючим и продовольствием, эвакуировать в тыл раненых и изготовиться к контрудару. Объективное положение дел не давало почти никаких шансов на его успех, но вопрос о нецелесообразности его проведения и о переходе к обороне штабом не ставился. В результате всего за два дня с большими потерями в живой силе и технике войска отошли от границы на 100 км.

Подобная ситуация отмечалась и на других участках фронта. Оперативные результаты контрударов, несмотря на самоотверженные действия наших солдат, были незначительны, а понесенные потери неимоверно велики. В лучшем случае отдельным соединениям Западного фронта удалось лишь на короткое время задержать наступление противника (например, на гродненском направлении, но эта задача была почти невыполнима, если учесть то обстоятельство, что из всех армий, участвующих в нападении, группа «Центр» была самой сильной: в ее составе насчитывалась тридцать одна пехотная дивизия, семь моторизованных, одна кавалерийская и девять танковых дивизий).

После успешных прорывов приграничной обороны в полосе Западного фронта танковым группам противника при поддержке крупных воздушных сил удалось к 9 июля завершить окружение и разгром костяка войск Западного фронта. В результате в районе Белостока—Минска в немецком плену оказалось 323 тыс. чел., людские потери войск Западного фронта и Пинской военной флотилии составили 418 тыс. чел. Тем не менее, главной группировке вермахта был нанесен значительный урон, и темпы наступления ее на Смоленск и Москву были замедлены. Вина за поражение в Белорусской стратегической оборонительной операции была возложена на командующего фронтом Д. Павлова, начальника штаба В. Климовских, начальника связи А. Григорьева и командующего 4-й армией А. Коробкова. Все они, по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 июля 1941 г., были расстреляны.

Понеся большие потери в первые дни войны, войска Северо-Западного фронта не сумели организовать устойчивую обо-

рону ни на правом берегу Западной Двины, ни у последнего крупного оборонительного рубежа под Псковом — реки Великой. Псков был взят фашистами 9 июля, в связи с чем обозначилась реальная опасность прорыва их к Луге и далее на Ленинград. Здесь дело усугублялось тем, что юго-западные подступы к городу не были укреплены, но уничтожить крупные силы Красной Армии на этом направлении вермахту не удалось.

Более благоприятная ситуация складывалась на Юго-Западном фронте. Несмотря на огромные трудности командованию удалось подтянуть на направление главного удара врага крупные силы и довольно организованно, хотя и не одновременно, ввести их в бой. 23 июня в районе Луцк—Броды—Ровно развернулось самое крупное за весь начальный период войны танковое сражение. Здесь противника не только задержали на целую неделю, но и сорвали его замысел по окружению главных сил фронта в Львовском выступе. Огромное значение для боев на этом направлении имело превосходство в танках, наших войск над немецкими, но так же выявилось превосходство немецких войск в решающих компонентах боя. Обычно танковые дивизии противника двигались по нескольким маршрутам: центральная колонна, выдвинутая вперед и располагавшая наибольшим количеством противотанковой артиллерии, как правило, завязывала бой, после чего отходила назад, чтобы втянуть наши войска в «мешок», а затем ударами с флангов и с тыла уничтожала их при помощи правой и левой колонн. На поле боя соблюдалось четкое взаимодействие танков с пехотой, артиллерией и авиацией. Пехота, продвигавшаяся на автомобилях, тут же закрепляла рубежи, занятые танками. На тех участках, где советские танкисты контратаковали противника, он быстро разворачивал противотанковую артиллерию. Вражеская авиация наносила удары с воздуха одновременно по переднему краю и глубинке. Бомбежка велась методично и четко, что сильно изнуряло советские войска. Именно так действовала 1-я танковая группа Клейста в ходе июньских боев в районе Ровно—Дубно—Броды. В случае необходимости немецкое командование успешно использовало обходные маневры и перегруппировку сил для нанесения мощных ударных «кулаков» на решающих направлениях.

По свидетельству К. Рокоссовского, тогда командира 9-го мехкорпуса, роль командования фронта в тяжелые июньские

дни свелась к слепому выполнению не соответствующих сложившейся на фронте и быстро меняющейся обстановке директив Генштаба и Ставки. Вместо умелого использования подвижной обороны «отходить под давлением врага от рубежа к рубежу, замедляя этим его продвижение», командующий фронтом М. Кирпонос «под удары организованно наступающих крупных сил врага подбрасывал по одной-две дивизии. Это приводило к истреблению наших сил по частям, что было на руку противнику». Наши войска вели себя героически, но страх окружения и полного уничтожения охватывал целые части. Мощь врага подавляла сердца, имело место дезертирство с поля боя, членовредительство, порой самоубийство.

К концу июня стало очевидно, что войскам Юго-Западного, как и других фронтов, не удалось разгромить вклинившуюся группировку противника. Вражеская авиация прочно удерживала господство в воздухе. Нашей авиации был нанесен серьезный урон; большие потери в личном составе и танках понесли механизированные корпуса.

Итоги военных действий на советско-германском фронте были катастрофичными для Красной Армии. За три недели войны были оставлены Латвия, Литва, Белоруссия, значительная часть Украины и Молдавии. Немецкая армия за этот период продвинулась в глубь страны на северо-западном направлении на 450–500 км, на западном – на 450–600, на юго-западном – 300–350 км. Поспешно выведенные стратегические резервы Главного командования смогли лишь на кратчайший срок задержать врага на отдельных участках фронта, но не ликвидировали угрозы его прорыва к Ленинграду, Смоленску и Киеву.

Причины неудач Красной Армии на начальном этапе войны заключались не только в том, что советские войска, атакованные внезапно, были вынуждены вступать в тяжелые бои без должного стратегического развертывания, что многие из них были недоукомплектованы до штатов военного времени, имели ограниченные материальные и транспортные средства и связь, нередко действовали без воздушной и артиллерийской поддержки. Отрицательно сказался и урон, понесенный нашими войсками в первые дни войны, но его нельзя переоценивать, поскольку фактически ударам войск агрессора 22 июня подверглись лишь 30 дивизий первого эшелона армии прикрытия. Трагедия поражения главных сил трех фронтов – Западного, Северо-Западного и Юго-Западного выяви-

лась позже, во время контрбоев 23–30 июня 1941 г. между новой и старой границами. Весь ход приграничных сражений показал, что наши войска на всех уровнях – от Ставки Главного Командования до комсостава тактического звена – не были подготовлены в массе своей не только к первым, неожиданным ударам немецких войск, но и вообще к войне. Овладеть навыками ведения современной войны Красной Армии пришлось в ходе боев, неся при этом громадные потери в живой силе и боевой технике. Недостатки боеготовности наших войск, выявленные на Халхин-Голе и в ходе советско-финляндской войны, не были и не могли быть устранены в короткий срок. Армия росла количественно, но в ущерб качеству подготовки, и прежде всего офицерского и сержантского состава. Главный упор в боевой учебе делался на пехоту: подготовке бронетанковых войск и авиации не уделялось должного внимания, а потому наши войска не смогли стать ударной силой, подобной вермахту, главным образом из-за нехватки кадрового, профессионального командного состава и штабов.

Наши войска не смогли реализовать технический и людской потенциал, превосходящий к началу войны потенциал агрессора. Поэтому даже на тех направлениях, где это превосходство имело место, итоги приграничных сражений были плачевны. Нарушение постоянной связи войска со штабами лишило командование вплоть до Генштаба и Ставки возможности получать регулярные сведения о положении дел на фронте. Приказ Ставки во что бы то ни стало удерживать занимаемые рубежи даже в условиях глубокого флангового обхода противника часто становился причиной подставки целых группировок советских войск под удары врага, что вынуждало к тяжелым боям в окружении, влекло за собой большие потери в людях и боевой технике, усиливало панические настроения в войсках. Значительная часть советских командиров не обладала необходимым военным и боевым опытом. Перед войной в сухопутных войсках в звене «военный округ–полк» в среднем 75 % командиров имели стаж службы в занимаемой должности до одного года. Около 10 % командного и начальствующего состава обладали опытом гражданской войны, около 15 % – опытом военных действий 1938–1940 гг., а также в боях в Китае и Испании. Репрессии серьезно повлияли на моральную атмосферу в Красной Ар-

мии (подозрительность, боязнь ответственности за принятие самостоятельных решений, нередко доноительство и пр.). Не случайно в приказе наркома обороны СССР от 28 декабря 1938 г. «О борьбе с пьянством в РККА» были и такие слова: «запятнанная честь воина РККА и честь войсковой части, к которой принадлежишь, у нас мало кого беспокоит».

Не было необходимого опыта и у Ставки, отсюда — серьезные просчеты в самом начале войны.

Чем успешнее развивался поход на восток, тем хвастливее становились заявления германского командования. Немецкие генералы в большинстве своем считали, что война практически выиграна, окончательный разгром Советского Союза — только вопрос времени. Отмечая стойкость русского солдата, они, тем не менее, не рассматривали его как решающий фактор войны, по-прежнему считая Россию «колоссом на глиняных ногах». Своим главным успехом они считали, в соответствии с планом «блицкриг», быстрое продвижение немецких войск, захват обширных территорий и трофеев, огромные людские потери. Упоенные победами, немцы не знали предела собственным силам. Даже в первые, казалось бы, безнадежные дни войны наши войска дрались до конца. Уже 24 июня Ф. Гальдер записывает в своем дневнике: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен».

Стойкость русского воина проявилась при защите Брестской крепости. В трофейных штабных документах 45-й пехотной немецкой дивизии, штурмовавшей крепость, указывалось, что она якобы пала 30 июня 1941 г. В действительности же, бои продолжались гораздо дольше, закончились они в последних числах июля или скорее в начале августа. 45-я и 31-я вражеские дивизии понесли при этом большие потери; тот же Ф. Гальдер в дневнике от 28 июня записал, что «сопротивление превосходящих по численности и фанатически сражающихся войск противника было очень сильным». Героизм защитников крепости предстанет еще более очевидным, если учесть, что немецкие войска обладали превосходством в опыте, живой силе и технике (вопреки утверждению Гальдера), в то время, как наши бойцы не имели за плечами суровой и долгой школы войны, были отрезаны от своих частей и командования, испытывали острый недостаток в воде и продо-

вольствия, боеприпасах, медикаментах. И все-таки продолжали бороться с врагом. Уместно в этой связи привести высказывание О. Бисмарка о том, что «даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских». Это своего рода предостережение, сделанное в XIX в., не было учтено немецким командованием ни в ходе планирования войны, ни на начальном ее этапе. Красной Армии понадобилось нанести вермахту не одно сокрушительное поражение, чтобы в душе немецкого солдата тевтонское высокомерие уступило место страху перед справедливым возмездием. Подвиг защитников Брестской крепости – П. Гаврилова, Я. Коломийца, А. Бессонова, Е. Фомина, И. Зубачева, В. Бытко и сотен других – уже в самом начале войны выявил истинную цену каждой из противоборствующих сторон.

Перестройка экономики страны на военный лад	22 июня в полдень с обращением к народу выступил В. Молотов. От имени правительства он сделал заявление о вторжении врага, раскрыл его далеко идущие планы и выразил уверенность, что население страны отнесется «с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду». Заканчивалось обращение словами, вскоре ставшими крылатыми: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Соповещения на высшем уровне в первую неделю войны происходили ежедневно. Публикация тетради записи лиц, принятых И. Сталиным в июне 1941 г., неопровержимо доказывает неосновательность утверждения о том, что он в первые дни войны «не приступал к делам», находился в «состоянии прострации». Не зная истинных размеров катастрофы первых дней из-за отсутствия постоянной связи со штабами фронтов и потому утратив на время контроль за ходом событий, Сталин счел, видимо, нецелесообразным рисковать личным авторитетом и делать какие-либо публичные заявления. Лишь когда определились масштабы потерь и стало ясно, что приграничные сражения проиграны, он обратился со словом к народу. В своей речи от 3 июля Сталин объяснял причины отступления Красной Армии, оправдывал предвоенный союз с Германией, дал оценку начавшейся войны как ведущейся на уничтожение. «Дело идет, – сказал он, – о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР», определив войну со стороны СССР как «всемирную отечественную».

ственную». Важнейшей частью речи вождя был план конкретных мер, направленных на «немедленную перестройку всей нашей работы на военный лад». В основу его легла директива Совнаркома и ЦК партии от 29 июня 1941 г.

Война потребовала оперативной перестройки деятельности партии, органов государственной власти и управления. 30 июня 1941 г. создается Государственный Комитет Оборона (ГКО) в следующем составе: И. Сталин (председатель), В. Молотов (зам. председателя), К. Ворошилов, Г. Маленков, Л. Берия. В последующем в его состав введены Н. Булганин, Н. Вознесенский, Л. Каганович, А. Микоян. В руках ГКО сосредоточивалась «вся полнота власти в государстве». Все граждане, партийные, советские, комсомольские и военные органы обязывались беспрекословно выполнять его решения. Комитет обладал чрезвычайной обширной компетенцией: назначал и смещал высшее командование; занимался подготовкой военных резервов для действующей армии; решал военно-стратегические вопросы; налаживал работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства, снабжения населения и армии; занимался подготовкой трудовых резервов и распределением рабочей силы по производственным объектам. В ряде городов, расположенных в непосредственной близости к фронту (Севастополь, Сталинград, Тула, Ростов-на-Дону, Мурманск и др.) создавались городские комитеты обороны. Обороной Москвы и Ленинграда руководил ГКО. Городские комитеты обороны существовали более, чем в 60 городах (в составе председателя, командующего фронтом, представителя НКВД). Они наделялись правом объявлять город на осадном положении; производить эвакуацию жителей; давать предприятиям спецзадания по выпуску вооружения и боеприпасов; создавать народные ополчения и истребительные отряды; организовывать строительство оборонительных рубежей; производить мобилизацию населения и транспорта.

В основу перестройки был положен принцип максимальной централизации политического, хозяйственного и военного руководства. За годы войны ни пленумов, (за исключением одного – в январе 1944 г.), ни съездов партии не проводилось. Политбюро ЦК осуществляло свои функции лишь постольку, поскольку ряд его членов и кандидатов (5 из 14) входили в состав ГКО. Оргбюро ЦК с начала войны не собиралось; решения от имени Секретариата принимались

с 24 июня путем устного опроса. В это же время было сделано перераспределение руководящих кадров партии: свыше 500 секретарей, начиная с ЦК компартий союзных республик вплоть до районных комитетов, были мобилизованы. Распирился институт парторгов ЦК: они были назначены на 1170 крупных заводах и предприятиях тяжелой промышленности. В ноябре 1941 г. было принято решение о создании многочисленных политотделов в МТС и совхозах, ликвидированных лишь в мае 1943 г. Им предписывалось «повышать революционную бдительность», «разоблачать вражеские действия» бывших «кулаков» и прочих саботажников.

Особое внимание уделяется в это время специализации в руководстве оборонной промышленностью: в сентябре 1941 г. создается Общесоюзный наркомат танковой промышленности на основе слияния эвакуированных из западных районов страны танковых заводов с машиностроительными заводами на востоке, а в ноябре того же года – Наркомат минометного вооружения. Для решения проблемы рабочих кадров создается Комитет по учету и распределению рабочей силы.

30 июня 1941 г. Совнаркомом СССР утверждается общий мобилизационный народнохозяйственный план, предусматривавший в кратчайшие сроки перестройку экономики на военный лад. В августе принимается военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на весь 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Военно-промышленный потенциал страны во второй половине 1941 г.	Важной частью перестройки экономики стала эвакуация из западных и центральных районов страны на Восток промышленных предприятий, материальных ценностей и людских ресурсов. К январю 1942 г. были перевезены и вскоре введены в строй 1523 промышленных предприятия, в том числе 1360 оборонных. Для общего руководства эвакуацией создается Совет по эвакуации, его председателем назначается Н. Шверник, заместителями А. Косыгин и М. Первухин.

Основные наркоматы важнейших отраслей промышленности вывозили почти все свои заводы. Так, Наркомат авиапромышленности вывез 85 % своих мощностей (118 заводов), 9 основных заводов танковой промышленности были демонтированы. Из 32 предприятий Наркомата вооружения было

вывезено 31, 2/3 производственных мощностей по выпуску пороха эвакуировано.

Тем не менее отступление Красной Армии и утрата в столь короткий срок промышленно развитых районов поставили народное хозяйство в тяжелое положение. Достаточно сказать, что до войны Украинская ССР давала 65% общего производства в СССР чугуна, 49 – стали и проката, 70 % – железной руды. Чрезвычайные обстоятельства отрицательно сказались на ходе эвакуационных работ: иногда врагу доставалась часть готовой продукции, или целые заводы, иногда в пути пропадало ценное оборудование. Фактически сорвалась эвакуация по важнейшим металлургическим, коксохимическим и огнеупорным заводам Сталинской (ныне Донецкой) области.

Число эвакуированных рабочих, как правило, составляло около трети штатного состава, занятого на предприятии. Ощущался острый недостаток в специалистах. Еще до войны, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., вводилась уголовная ответственность за самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений, за прогулы, опоздания более чем на 20 мин. Указом от 26 декабря 1941 г. рабочие и служащие военных предприятий и смежных с ними производств объявлялись на период войны мобилизованными и закреплялись за этими предприятиями. Самовольный уход рассматривался как дезертирство и карался тюремным заключением сроком от 5 до 8 лет.

Военная экономика в эти годы базировалась на оборонной промышленности, созданной в мирное время. Поскольку существующие мощности не удовлетворяли потребностей действующей армии, то в соответствии с мобилизационными планами тысячи заводов тяжелого машиностроения, тракторных, автомобильных и судостроительных перешли на изготовление боевой техники. На Уралмаше началось серийное производство корпусов и башен для тяжелых танков КВ. Вокруг Сталинградского тракторного образовалась крупная база танкостроения в Поволжье. В Горьковской области ряд заводов (включая автомобильный) стали выпускать танки Т-34.

Наибольшие трудности были связаны с производством боеприпасов, подавляющая часть заводов по их изготовлению располагалась в западных районах страны и, следовательно,

подлежала срочной эвакуации. По решению ГКО, к производству оружейных гильз, корпусов мин, авиационных бомб, взрывателей, пороха, тротила привлекались предприятия других наркоматов промышленности.

В это время, в условиях общего сокращения валовой продукции более чем вдвое, оборонные отрасли постепенно набирали темпы производства. Перелом наметился к концу 1941 г. По свидетельству наркома оборонной промышленности Б. Ванникова (с февраля 1942 г. — нарком боеприпасов СССР), в условиях мирного времени заказы на вооружение не полностью загружали производственные мощности. Однако заводы располагали высококвалифицированными кадрами, мощным станочным парком и огромными материальными ресурсами, и потому выпуск продукции удалось наладить в довольно сжатые сроки. До войны созданы резервы специального металла, металлургических заготовок, полуфабрикатов по всем операциям технологии производства. К тому же до войны за границей были размещены заказы на некоторые виды станочного, кузнечно-прессового, прокатного и другого оборудования, которое отечественное станкостроение не производило и которое в военное время поступало по ленд-лизу.

За июль-декабрь 1941 г. в СССР было произведено 4,8 тыс. танков, 8,2 — боевых самолетов, 30 — орудий и 42 — минометов, около 90 тыс. пулеметов-пулеметов и 1,6 млн. винтовок и карабинов. Но этого было мало. Потребности фронта по-прежнему росли из-за больших потерь в технике и оружии в ходе боевых операций. В 1941 г. безвозвратные потери Советских Вооруженных Сил составили более 6 млн. единиц стрелкового оружия, около 20 тыс. танков, 101 — орудий и минометов, 17 тыс. боевых самолетов.

Продоволь- ственное снабжение страны

Особую остроту приобрели в эти годы вопросы продовольственного снабжения населения. С конца 1939 г. в стране начинается закрытое нормированное распределение продовольственных и промышленных товаров, что было связано не только с усилением милитаризации и ростом военных расходов, но не в меньшей мере с низкой эффективностью колхозной системы, поскольку колхозники не были заинтересованы в результатах труда в общественном производстве, сосредоточив усилия в личных хозяйствах. 18 июля 1941 г. Сов-

нарком СССР вводит в Москве, Ленинграде и их пригородах карточки на хлеб, мясо, жиры, сахар и другие важнейшие продукты, а также на предметы первой необходимости (обувь, швейные изделия и др.). В конце октября карточная система продажи продовольствия вводится почти во всех городах и рабочих поселках, а в конце года — по стране в целом. По нормам снабжения население делилось на 4 группы: рабочие (и приравненные к ним лица), служащие (и приравненные к ним лица), иждивенцы и дети до 12 лет. Предельная норма была невысокой и в ходе войны в нее постоянно вносились поправки. Так, в начале войны рабочие 1-й категории получали в день хлеба 800 г, служащие — 500, иждивенцы и дети — по 400 г. В Ленинграде за сентябрь-ноябрь 1941 г. паек гражданского населения снижался 5 раз. Население деревни, связанное с сельским хозяйством, на государственное довольствие не принималось. Гарантированные нормы снабжения хлебом устанавливались только для сельской интеллигенции, инвалидов Отечественной войны, эвакуированных, работников советского и партийного звена. Основным источником питания для крестьянской семьи стали приусадебные участки, в большинстве колхозов продукты на трудодни не выдавались. Карточная система снабжения промышленными товарами во всех городах и рабочих поселках была введена в течение 1942 г.

По последним оценкам историков, основанным на рассекреченных данных ЦСУ СССР, общая численность населения страны к началу Великой Отечественной войны составляла около 200 млн. чел. (в том числе сельское население — 133,6 млн.). Первоначально число людей, подлежащих карточному снабжению продовольственными товарами, составляло 56 млн. чел. На 26 июня 1941 г. (по оценке секретариата ВЦСПС) эта цифра распределялась так: работающие — 26,9 млн. чел., иждивенцы — 17,4, дети до 12 лет — 11,7 млн. В декабре 1942 г., с учетом того, что в немецкой оккупации находилось 80 млн. чел., численность населения, снабжаемая по карточкам, составляла 38,1 млн. Помимо них часть населения, занятая в строительстве оборонительных сооружений, на восстановительных работах, а также работники закрытых учреждений и детдомовцы снабжались хлебом без карточек (по спискам, заборным книжкам, разовым талонам и пр.). Проживающие в

сельской местности рабочие предприятий, ведомств и учреждений, сельская интеллигенция, члены семей, эвакуированные снабжались по сельским нормам, различным даже в пределах одной области. По данным Наркомата торговли и Центросоюза СССР, в июне 1942 г. рабочие сельской местности Московской области получали в среднем около 700 г на человека в день, Омской – около 600, Иркутской – около 400 г.

Бои за Киев и Смоленск Немецкая армия уверенно продолжала безостановочное продвижение на трех основных направлениях: ленинградском, смоленско-московском и киевском. Однако ценой огромных усилий и жертв Красной Армии удалось задержать врага лишь к исходу третьей недели. В июле смоленское направление прикрывали войска Западного фронта (командующий маршал С. Тимошенко). По существу, это был новый фронт, образованный из армий резерва Ставки. Именно здесь и развернулось Смоленское сражение (с 10 июля по 10 сентября 1941 г.) – по сути, комплекс оборонительных и наступательных операций, которые проводили советские войска с целью не допустить прорыва врага к Москве. Противник обладал превосходством в живой силе, орудиях, минометах, самолетах, несколько уступая нам только в танках. С первых же дней сражение приобрело исключительно напряженный характер – стойкость русских войск в обороне и высокая интенсивность их контрударов говорили о том, что германское руководство недооценило противника. После ожесточенных боев 16 июля Смоленск пал. С потерей столь сильного рубежа как Днепр и столь важного стратегического пункта как Смоленск возросла угроза прорыва фашистов к Москве. Во второй половине июля бои приобрели более ожесточенный характер и в районе Смоленска, и в междуречье Днепра и Березины. Соппротивление Красной Армии на флангах советско-германского фронта стало заметней. Стабилизировался фронт в Карелии. Оказалась скованной под Киевом, на рубеже Днепра, вражеская группа армий «Юг».

В результате немецкая группа армий «Центр» не смогла выйти на оперативный простор, чтобы двинуться на Москву. Тут сказались не только стойкость солдат, но отчасти и географическое положение – немецкие войска физически не могли сохранять ударную мощь на всех участках фронта. 30 июля группе армий «Центр» был дан приказ приостановить наступление на Москву и перейти к обороне. Главные усилия

врага были перенесены с центрального участка фронта на фланги. 2-я танковая группа и 2-я армия были повернуты с восточного направления на юг. Перед ними ставилась задача нанести удар в тыл Юго-Западного фронта, силы которого прочно удерживали рубеж Днепра. Приказ Гитлера от 21 августа гласил: «Важнейшей целью, которая должна быть достигнута еще до наступления зимы, является не захват Москвы, а на юге захват Крыма, индустриального и угольного Донецкого бассейна и нарушение подвоза русскими нефти с Кавказа; на севере — захват Ленинграда и соединение с финнами». В течение всего августа и первой половины сентября 1941 г. войска Западного и Резервного фронтов наносили сильные контрудары по врагу в районе Ельнинского выступа и Духовщины. Однако длительные и напряженные бои истощили наступательный заряд советских войск, и по указанию Ставки они с 10–16 сентября перешли к обороне.

В конце августа немецкая группировка, прорвавшая оборону в районе Чудова, возобновила наступление на Ленинград и уже в середине сентября с большим трудом, но вышла к Финскому заливу. К тому же рядом с немецкими активно воевали финские войска: на Карельском перешейке действовали 7 пехотных дивизий и отдельная армия Финляндии. В конце августа, прорвав оборону, они стояли по обе стороны Ладожского озера и были готовы к дальнейшим операциям.

25–30 августа немцы вышли к Днепру и, за исключением небольших плацдармов в пределах Киева и Одессы, захватили Правобережную Украину. Это обстоятельство вызвало сильные затруднения боевых действий Юго-Западного и Южного фронтов. Положение их еще более ухудшилось после отправки части немецких войск группы «Центр» во фланг Юго-Западного фронта. Попытка наших войск нанести контрудар, выдвинув на пути продвижения врага заслон, результата не принесла. К 9 сентября немцы, форсировав Днепр, захватили крупный военный плацдарм юго-восточнее Кременчуга. Угроза войскам Юго-Западного направления исходила не только от этой группировки противника, но и от 2-й танковой группы, прорвавшей к этому времени оборону Брянского фронта в районе Конотопа. К тому же у противника сохранялась возможность наступления со стороны Днепра. Но ни главнокомандование направления (С. Буденный), ни Ставка не располагали силами для воссоздания сплошной линии фронта

на этом участке. Военный совет Юго-Западного направления и Генштаб (Г. Жуков, А. Василевский, Б. Шапошников) единственный выход видели в том, чтобы «немедленно отвести все войска Юго-Западного фронта за Днепр и далее на восток и оставить Киев». Только 17 сентября И. Сталин, окончательно убедившись в невозможности разрядить ситуацию, позволил Юго-Западному фронту оставить Киев. Однако это решение запоздало: 15 сентября танковые дивизии немцев, шедшие навстречу друг другу, вышли в район Лохвица-Лубны и перехватили коммуникации Юго-Западного фронта. В окружении оказались 21, 5, 37 и 26-я армии — свыше 450 тыс. чел. (в том числе около 60 тыс. чел. командного состава). Войска разбились на многочисленные отряды, каждый из которых пробивался из окружения самостоятельно. В боях при этом погибли командующий фронтом М. Кирпонос, начальник штаба В. Тупиков, член Военного совета М. Бурмистенко. Противнику досталось большое количество оружия и боевой техники. Создалась реальная угроза Харькову и Донбассу. Немецкое командование получило возможность, усилив группу армий «Центр», возобновить наступление на Москву.

По свидетельству заместителя начальника Генштаба А. Василевского, промедление с решением об отводе войск Юго-Западного фронта связано с рядом обстоятельств. Во-первых, И. Сталин преуменьшал угрозу окружения и переоценивал возможности фронта ликвидировать ее собственными силами. Во-вторых, он «всерьез воспринял настойчивые заверения командующего Брянским фронтом А. Еременко в безусловной победе над группировкой Гудериана. Этого не случилось». К тому же Ставка вынуждена была относительно равномерно распределять силы, не зная точно места концентрации и количества сил противника, готовых к удару. Стратегическая инициатива полностью находилась в руках немцев. На многих участках советско-германского фронта не было ни вторых эшелонов, ни крупных резервов.

Блокада Ленинграда	По замыслу немецкого командования, взятию Москвы должен был предшествовать захват Ленинграда, что позволяло решить сразу несколько военных целей: уничтожить основные базы Балтийского флота, вывести из строя военную промышленность этого города, ликвидировать Ленинград «как пункт сосредоточения для контрнаступления против немецких войск, наступающих

на Москву». Учитывалась и борьба мировоззрений. Как подчеркивал Гитлер в июле 1941 г. при посещении командования группы армий «Север», с захватом Ленинграда для русских «будет утрачен один из символов революции, являвшийся наиболее важным для русского народа на протяжении последних 24 лет, дух славянского народа в результате тяжелого воздействия боев будет серьезно подорван, а с падением Ленинграда может наступить полная катастрофа».

Уже 27 июня 1941 г. исполком Ленинградского горсовета принял решение о привлечении жителей города и пригородов к трудовой повинности для строительства оборонительных сооружений (среднесуточное количество привлеченных трудармейцев, среди которых было много женщин, составляло в 1941 г. более 133 тыс. чел.). Большую помощь войскам фронта в период ожесточенных боев на подступах к городу оказали добровольческие формирования. Общая численность дивизий народного ополчения Ленинграда составляла примерно 130–140 тыс. чел.; это были преимущественно рабочие, служащие и студенты.

Первые же месяцы войны обострили продовольственную проблему, поскольку население города постоянно пополнялось беженцами из оккупированных республик Прибалтики и прифронтовых районов. В конце июня принимается решение об эвакуации из Ленинграда 400 тыс. детей, первые группы которых вывозились в Ленинградскую, а частично в Ярославскую, Кировскую и Свердловскую области. Быстрое продвижение немецких войск вынудило вернуть обратно в Ленинград значительное число детей, отправленных в районы Ленинградской области. 30 августа немцы взяли станцию Мга, после чего железнодорожная связь Ленинграда со страной полностью прекратилась. К этому времени из города успели вывезти всего 636 203 чел., в том числе: женщин с детьми 219 691, нетрудоспособных – 104 692, рабочих и служащих, эвакуированных вместе с предприятиями, – 164 320, беженцев – 147 500 чел. В этот же день ГКО принимает постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», в соответствии с которым следовало организовать перевозки по Ладожскому озеру.

Прорвавшись к Неве и захватив Ивановское, враг перерезал последнюю выходящую из Ленинграда шоссе-дорогу, стало невозможным и судоходство по Неве. 8 сентября

немецкие войска взяли Шлиссельбург, блокировав Ленинград с суши. К этому времени в городе находилось около 2,5 млн. жителей. Ленинград также был отрезан от своих электростанций – Свирской, Волховской, Раухиалской. 8 сентября в результате массированного налета вражеской авиации возникли пожары, самый большой из них уничтожил деревянные хранилища Бадаевских складов, на которых хранилось несколько тысяч тонн муки и сахара.

Исход битвы за Ленинград во многом зависел от того, сумеет ли город выдержать блокаду. 8 июля 1941 г. Гальдер записал в дневнике: «Есть твердое решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей, чтобы воспрепятствовать там остаться населению, которое мы должны будем кормить зимой».

К середине ноября 1941 г. сложилось тяжелое продовольственное положение – войска Ленинградского фронта были обеспечены мукой на 10 дней, значительно хуже обстояло дело со снабжением гражданского населения. Положение усугублялось тем, что водные перевозки по Ладожскому озеру были прерваны рано начавшимся ледоставом, а воздушные решить проблему снабжения города в той обстановке не могли. Спасение заключалось в строительстве зимней дороги по льду Ладожского озера. Дорога была проложена по трассе мыс Осиновец – о-ва Зеленцы с разветвлением на села Кобона и Лаврово с грузооборотом в оба конца 4000 т. 20 ноября на восточный берег Ладожского озера был отправлен первый конно-санный обоз, а 22 – на лед вышла первая автоколонна. Ледовая дорога существовала до конца апреля 1942 г., по ней доставлено 262 419 т продовольствия. По этой же дороге за январь-апрель 1942 г. было эвакуировано 554 186 чел.

С опозданием проводилась и эвакуация ленинградской промышленности. Только 11 июля 1941 г., когда бжи шли на подступах к городу, ГКО решает эвакуировать на восток 80 заводов и 13 конструкторских бюро. Подготовка к эвакуации шла медленно, поэтому удалось вывезти лишь часть демонтированного оборудования и персонала. В октябре в спешном порядке воздушным путем вывезли некоторые станки и специалистов танкового производства Кировского завода. Эвакуация различного оборудования (в первую очередь дефицитных станков иностранного производства) и людей продолжалась вплоть до прорыва блокады. Из-за тяжелого положения с кад-

рами, нехватки электроэнергии и по другим причинам военного времени ряд предприятий оборонной и судостроительной промышленности Ленинграда был законсервирован (в декабре 1942 г. в городе насчитывалось чуть более 100 тыс. производственных рабочих). Поэтому в течение всей блокады в осажденный город доставлялось значительное количество боевой техники, вооружения и боеприпасов.

Героическая оборона Ленинграда стала символом мужества наших людей. 18 января 1943 г. в результате наступления советских войск был полностью очищен от вражеских войск Шлиссельбург и освобождено южное побережье Ладожского озера. Через создавшийся коридор шириной 8–11 км Ленинград возобновил сухопутную связь со страной. Блокаде города был положен конец. По последним оценкам отечественных историков, от голода, болезней, бомбежек и иных тягот блокады погибло около 1 млн. жителей Ленинграда. Но эти жертвы не были напрасны, ибо в условиях нечеловеческих страданий вера в окончательную победу не покидала ленинградцев. Как справедливо сказал в одном из архиpastырских обращений митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, не покидавший в страшные дни блокады свою паству в голодном и холодном городе на Неве, «Победа достигается силой не одного оружия, а силой всеобщего подъема и могучей веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды, «спасающего» нас «от малодушия и от бури». И само воинство наше сильно не одною численностью и мощью оружия, в него переливается и зажигает сердце воинов тот дух единения и воодушевления, которым живет теперь весь русский народ».

Чрезвычайные меры по укреплению боеспособности Красной Армии	Неудачи не сломили Красную Армию, но заметно снизили боеспособность советских войск. В донесении бойцов, направленных И. Сталину летом 1941 г., говорилось: «...прекрасный боевой дух политбойцов в несколько дней был подорван бессмысленной (на наш взгляд, преступной) тактикой изолированных наступлений отдельных рот и батальонов на линию обороны противника (при отсутствии наших танков и самолетов)... в итоге за неделю был истреблен не только боевой дух, но и личный состав: от сотен политбойцов 400, 526-го и других стрелковых полков остались десятки и единицы». Для предотвращения несанкциониро-

ванных командованием отходов и паники, по приказу Верховного Главнокомандующего в сентябре 1941 г. в каждой стрелковой дивизии вводились заградительные отряды численностью до батальона. В крайних случаях им вменялось в обязанность применять оружие против «одержимых паникой военнослужащих».

Чуть ранее, в августе того же года, Ставка отдает приказ № 270, по которому следовало «срывающих во время боя знаки различия и сдающихся в плен считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину». Дезертиры подлежали расстрелу на месте. Ликвидация их непосредственно в прифронтовой полосе возлагалась на организованные в июле 1941 г. особые отделы НКВД (в апреле 1943 г. управление особых отделов НКВД было упразднено; вместо него в составе Наркомата обороны СССР создавалось управление контрразведки «СМЕРШ» во главе с В. Абакумовым).

В июле 1941 г. была проведена реорганизация органов политпропаганды. В Красной Армии и Военно-Морском Флоте вводился институт военных комиссаров, который действовал во всех полках и дивизиях; в ротах, батареях и эскадронах действовал институт политруков. Наряду с командирами, комиссары и политруки несли «полную ответственность за выполнение войсковой частью боевой задачи, за ее стойкость в бою и непоколебимую готовность драться до последней капли крови с врагами». О трудностях работы политорганов на начальном этапе войны свидетельствует одно довольно характерное донесение секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. Пономаренко: «Обстановка отходов волнует бойцов, младший и средний начсостав. Из этого факта большинство делают абсолютно неправильные выводы, не умея себе объяснить подлинные причины, а политсостав обходит этот главный вопрос. Поэтому возникают всякие предположения о предательстве, об отсутствии сил, преувеличении мощности врага и т.д.»

Оборонитель- ный этап Московской битвы	6 сентября 1941 г. Гитлер издал новую директиву о наступлении на Москву. Главная ставка в ней делалась на танковые соединения и авиацию. Особое внимание обращалось на скрытность подготовки операции. Вначале предусматривалось разгромить советские войска в районах Вязьмы и Брянска, затем, преследуя отходящие на Москву соединения Западно-

го фронта в полосе от верхнего течения Волги до Оки, овладеть столицей. К началу наступления в 77 дивизиях группы армий «Центр» насчитывалось свыше 1 млн. чел., свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков. Поддерживавший наступление 2-й воздушный флот имел в своем распоряжении 950 самолетов. Наши войска на Западном направлении значительно уступали врагу, имея только 770 танков, 364 самолета, 9150 орудий и минометов.

Сильная тяжелая артиллерия и многочисленные самоходные установки обеспечивали немецким пехотным дивизиям большую ударную силу.

Генеральное наступление на Москву началось 30 сентября ударом 2-й танковой армии врага по левому крылу Брянского фронта в районе Шостки, а 2 октября на позиции войск Западного фронта обрушились основные силы немцев. Борьба сразу же приняла ожесточенный характер. В результате прорыва обороны на участке 43-й армии и в центре Западного фронта над советскими войсками нависла угроза окружения. Попытка отвести армию из-под удара не удалась из-за быстрого продвижения моторизованных корпусов врага, отрезавших пути отхода. 7 октября немцы в районе Вязьмы завершили окружение 19, 20, 24 и 32-й армий. В полосе Брянского фронта развернулись тяжелые бои. 3 октября немцы ворвались в Орел и, двинувшись вдоль шоссе Орел—Тула, 6 октября заняли Карачев и Брянск. Армии Брянского фронта оказались рассеянными на части, а пути их отхода перехваченными. В «котел» под Брянском попали части 3, 13, 50-й армий. В сводке немецкого верховного командования об итогах боев в районе Вязьмы и Брянска сообщалось о пленении 663 тыс. солдат и командиров, захвате 1242 танков и 5412 орудий. По данным отечественных историков, в окружение попало 7 (из 15) полевых управлений армиями, 64 (из 95) дивизии, 11 (из 13) танковых бригад, 50 (из 64) артполков. К своим из окружения удалось пробиться 34 советским дивизиям и 13 артполкам. Понеся тяжелые потери, они сохранились лишь организационно. Так, из числа солдат 50-й армии осталось около 10 %, орудий и минометов — 2,4 %. Десятки тысяч, включая добровольцев дивизий народного ополчения, погибли на поле боя. Большие потери понес комсостав Западного, Резервного и Брянского фронтов — будучи раненым попал в плен командующий 19-й армией генерал-лейтенант М. Лукин, без вести

пропал командующий 24-й армией генерал-майор К. Ракутин и др.

В числе главных причин катастрофы этого периода можно назвать превосходство противника в технике, маневренность войск, господство в воздухе, владение инициативой, промахи Ставки и командования фронта в организации обороны. Например, И. Конев, располагая точными разведанными о направлении главного удара немцев, сосредоточил силу не там, где этого требовала обстановка, а там, где указала Ставка. В ответ на предложенный командующим 16-й армией генералом К. Рокоссовским план обороны, в котором предусматривался вариант действий в случае вынужденного отхода армии, И. Конев приказал командарму 16-й: «Драться упорно. Всякое понятие подвижной обороны исключить. В соответствии с этим переработать план обороны».

Отсутствие сплошной линии обороны на западном направлении и необходимых резервов для закрытия бреши создало реальную угрозу появления танков противника под Москвой. Сложившаяся ситуация требовала жестких мер по управлению войсками во всех командных звеньях, о чем свидетельствует донесение (ноябрь 1941 г.) командующего 43-й армией К. Голубева на имя И. Сталина: «Армия перестала бежать и около 20 суток бьет морду противнику. Пришлось в гуще боя человек 30 расстрелять, кого надо — обласкать, и до 600 человек представили к правительственной награде. Просьба: перестать применять ко мне как к командующему политику кнута, как это имело место в первые 5 дней. На второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый день грозили расстрелять перед строем армии». Советские войска даже в окружении мужественно сражались с врагом, до середины октября сковывая крупные силы «Центра». В течение трех недель противник использовал около половины своих дивизий, неся существенный урон. Советскому командованию за это время удалось провести срочные мероприятия по организации обороны на Можайской линии, которую ГКО в сложившейся обстановке избрал главным плацдармом сопротивления. В немецких войсках царили оптимистические настроения, так как открылась перспектива на Восток.

Для сосредоточения войск, прикрывавших подступы к Москве и для более четкого управления Ставка передала армии Резервного фронта в состав Западного. Командование возла-

гались на Г. Жукова. Боеспособные соединения, перебрасываемые к Москве с Дальнего Востока и из Средней Азии, а также резервные соединения из европейской части страны спешно двигались к фронту, но еще находились на значительном расстоянии. Жуков, имея пока в своем распоряжении незначительные резервы, построил оборону так, чтобы прикрывались наиболее уязвимые участки вдоль шоссе и железных дорог, рассчитывая, что по мере продвижения к Москве силы его будут уплотняться, поскольку столица является крупным транспортным узлом. Немецкие генералы в этой связи не приняли особых контрмер, что было явным просчетом их командования.

К 13 октября войска Западного фронта развернулись на следующих подступах к Москве: Волоколамский укрепленный район – 16 армия (командующий К. Рокоссовский), Можайский – 5 армия (командующий Л. Говоров), Малоярославецкий – 43 армия (командующий К. Голубев), Калужский – 49 армия (командующий И. Захаркин). Для укрепления ближних подступов к столице была создана еще одна линия, включавшая и городской рубеж обороны. Для обустройства этих рубежей было мобилизовано 450 тыс. москвичей, большую часть которых составляли женщины. Особо ожесточенные бои на московском направлении разгорелись 13–18 октября. Фашисты всеми силами рвались к Москве. 18 октября ими были взяты Можайск, Малоярославец и Таруса, возникла угроза выхода их к Москве. С утра 17 октября на ближних подступах к столице стали занимать оборону добровольческие формирования. Сюда же выдвигались созданные в июле истребительные батальоны, которые до этого несли патрулирование города. Предприятия Москвы перешли на работу в три смены; все чаще стал использоваться труд женщин и подростков.

15 октября ГКО принимает постановление «Об эвакуации столицы СССР города Москвы», согласно которому в Куйбышев переводится часть партийных и правительственных учреждений, весь дипломатический корпус, аккредитованный при советском правительстве. Стали распространяться тревожные слухи о сдаче столицы, тысячи жителей стали покидать город. Положение усугублялось отсутствием достоверной информации о событиях на фронте. Так, рабочий одного завода заявил: «Больше не буду слушать сообщения Информбю-

ро, так как оно врет. У него все ничего существенного на фронтах, а уже когда подойдут немцы к Москве, я и сам услышу и увижу». 17 октября по московской радиосети выступил секретарь ЦК и Московского комитета партии А. Щербаков, который опроверг ложные слухи относительно готовящейся сдачи столицы. 19 октября ГКО принимает постановление о введении в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения. Оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100–120 км западнее Москвы, поручается Г. Жукову.

Командующий группой армий «Центр» фон Бок приказал своим войскам принять все меры, чтобы «будущее наступление началось и успешно завершилось даже при тяжелейших погодных и дорожных условиях», хотя ранние ноябрьские морозы как раз способствовали быстрому продвижению немецких танков по подмерзшему грунту.

7 ноября в 8 ч утра в Москве, по указанию И. Сталина, состоялся традиционный парад войск. Хорошо понимая влияние этого события на дух народа, Верховный сказал: «Если во время парада будет бомбежка, прорвутся немецкие самолеты – убитых и раненых быстро убрать, но парад завершить. Пусть кинохроника снимет документальные журналы, которые быстро размножить и разослать по всей стране. Газеты должны отразить парад шире». Войска, участвовавшие в параде, прямо с Красной площади направлялись в бой.

15–16 ноября противник возобновил наступление на Москву. Соотношение сил по-прежнему было неравным. Немецкие войска пытались обойти Москву с севера – через Клин и Солнечногорск, с юга через Тулу и Каширу. Завязались кровопролитные бои. В ночь на 28 ноября немцы форсировали канал Москва–Волга в районе Яхромы, но дальнейшее их продвижение на этом участке фронта было сорвано. По свидетельству фон Бока, командованию групп армий «Центр» дальнейшее наступление на Москву представлялось как «не имеющее ни цели, ни смысла, поскольку очень близко придвинулся тот момент, когда силы группы будут исчерпаны полностью». Конец ноября – начало декабря 1941 г. стал кульминацией битвы: именно к этому времени просчеты немцев превысили критическую отметку; впервые за всю войну враг столкнулся с фактом своего бессилия перед противником; огромные потери сухопутных войск действовали на него подавляюще. Офицеры сообщали о том, что настроение в войс-

ках «весьма неважное, конца войны не предвидится». Общие потери немецкой армии на Восточном фронте за период с 22 июня по 10 декабря 1941 г. составили 775 тыс. чел. «Таких сухопутных войск, какими мы располагали к июню 1941 г., мы уже никогда больше иметь не будем», — писал Ф. Гальдер.

Не соответствует действительности версия писателя К. Симонова, который утверждал, что «в истории Великой Отечественной войны давно общеизвестен тот факт, что к началу нашего контрнаступления под Москвой немецкие войска уже получили приказ на отступление». Частный случай — приказ командующего 4-й немецкой армией генерала Клюге от 4 декабря об отходе частей четырех дивизий на исходные позиции после неудачной попытки прорыва к Москве и тяжелых потерь — выдается писателем за общую картину. Верховное командование приказа на переход к обороне не отдавало, будучи убеждено в неспособности Красной Армии предпринять широкие наступательные операции. В начале декабря около 47 дивизий группы армий «Центр», продолжая рваться к Москве, не выдерживали контрударов советских войск и переходили к обороне. Только 8 декабря, получив донесения от командующих 3, 4 и 2-й танковыми армиями об усилении ударов Красной Армии, Гитлер отдал приказ о стратегической обороне на всем Восточном фронте.

Контрнаступление советских войск под Москвой К началу декабря враг на ближних подступах к столице был полностью остановлен. На московском направлении в районы предстоящих действий выдвигались резервные армии Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов, за счет которых удалось создать новую стратегическую группировку, превышающую по своему составу прежнюю, начавшую оборонительные операции под Москвой. Основная масса войск располагалась на флангах, чтобы, по свидетельству Г. Жукова, «в максимальной степени ослабить и обескровить танковые группы противника и выйти во фланги и тылы группы армий «Центр». Одновременно с контрнаступлением наши войска вели активные боевые действия юго-восточнее Ленинграда и в Крыму, что лишало немцев возможности перебрасывать подкрепления своим войскам под Москвой. Советское командование, однако, не считало пока главной целью контрнаступления окружение и уничтожение врага, что объясняется рядом причин. Во-первых, часть резервных армий (на-

пример, 1-я ударная В. Кузнецова) была задействована в оборонительных операциях, а во-вторых, в слабом состоянии находились инженерные войска; средств связи и автотранспорта почти не было; преобладали лобовые атаки, приводившие к большим людским потерям; не отличались четкостью маневра танковые части.

И тем не менее, на рассвете 5 декабря войска левого крыла Калининского фронта (командующий И. Конев) нанесли мощный удар по врагу, а утром следующего дня в контрнаступление перешли ударные группы Западного и правого крыла Юго-Западного (командующий С. Тимошенко) фронтов. В начале февраля 1942 г. Западный фронт вышел на рубеж Наро-Фоминск — Малоярославец, далее западнее Калуги на Сухиничи и Белев.

Военно-политические итоги победы под Москвой, ее международное значение	Это была первая крупная наступательная операция стратегического значения, в итоге которой ударные группировки врага были отброшены к западу от столицы на 100, а в некоторых местах — 250 км. Непосредственная угроза Москве была ликвидирована и советские войска пошли в контрнаступление по всей линии Западного направления. План гитлеровского «блицкрига» был сорван, в ходе войны начался поворот в пользу СССР. Русские войска выстояли, совершив то, на что не были способны в 1939–1940 гг. коалиционные силы ряда европейских стран, в том числе Франции и Англии. Отныне на Советский Союз стали смотреть как на решающий фактор второй мировой войны. С реализацией своих агрессивных планов пришлось повременить и Японии, которую Гитлер попытался переориентировать с войны против США и Англии на войну против Советского Союза, заявив о своем одобрении захвата Японией территории восточнее Омска. Летом 1941 г. японский генштаб и военное министерство уже разработали оперативно-стратегический план войны против СССР («Кантокуэн»), согласно которому в случае победы Дальний Восток и Сибирь становились колонией Японии. За июль-август численность Квантунской армии увеличилась почти в 2,5 раза и вкуче с войсками, дислоцированными в Корее, на Курильских островах, Южном Сахалине и Хоккайдо, насчитывала свыше 1 млн. чел. Однако после разгрома немцев под Москвой Токио приняло решение «не нападать на Россию» до весны 1942 г., так

как, во-первых, не было уверено в способности японских войск до начала зимы сломить оборону крупной группировки советских войск на Дальнем Востоке, а во-вторых, не намеревалось отказываться от войны против Англии и США на Тихом океане, к которой японские ВМС были «полностью готовы».

Союзнические отношения и создание антигитлеровской коалиции Непросто складывались отношения Советского Союза с Англией и США, которые считали, что кампания Гитлера, «включая оккупацию Украины и Москвы, потребует самое меньшее три, а самое большее — шесть недель». Переговоры между СССР и США, касающиеся различных аспектов войны, включая американскую помощь вооружением, горючим и прочими материальными ресурсами, зависели от того, «как долго продержится Россия». С этой целью 30 июля в Москву прибыл советник американского президента Г. Гопкинс. Его встреча со Сталиным несколько изменила мнение военных кругов США и Англии о боеспособности Советской Армии, но стратегическая линия США оставалась неизменной: помощь Советскому Союзу надо оказывать «не для того, чтобы обеспечить ошеломляющую русскую победу, а для того, чтобы удерживать Германию связанной до тех пор, пока наш собственный вес в войне не станет решающим». Вот почему закон о ленд-лизе — передача в аренду или займы другому государству ресурсов, необходимых для обороны, — не сразу распространился на нашу страну.

В результате переговоров в Москве 12 июля 1941 г. было подписано советско-английское соглашение, по которому стороны обязались оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против Германии, не вести с нею переговоры, не заключать перемирие или мирный договор, кроме как с обоюдного согласия. Помимо общих деклараций правительство СССР стремилось к конкретизации соглашений. С этой целью с 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве проводилась конференция трех держав — СССР, США и Англии, на которой обсуждались вопросы о помощи СССР со стороны союзников и о взаимных поставках. США и Англия обязались с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. ежемесячно поставлять в СССР 400 самолетов, 500 танков, 200 противотанковых ружей, материалы военного назначения. Советское правительство обязалось поставлять сырье для производства военной продукции; впервые ему был предоставлен беспроцентный кредит

на сумму в 1 млрд. долл. Однако поставки по ленд-лизу, вопреки договоренностям в ноябре-декабре 1941 г., проводились медленно и в незначительных размерах, составив за этот период только 0,5 млн. долл., что было намного меньше по сравнению с объемом поставок в другие страны.

Утверждения ряда западных историков о том, что у Ф. Рузвельта и У. Черчилля отсутствовала общая политическая стратегия, что они якобы «игнорировали взаимосвязь войны, политики и дипломатии», противоречат действительности. Взяв хотя бы такой факт: 14 августа 1941 г. на совещании, которое проходило в военно-морской базе Арджентия (о. Ньюфаундленд), была подписана англо-американская декларация о целях войны, получившая наименование «Атлантическая хартия». В ней подчеркивалось, что обе стороны не стремятся в этой войне к территориальным приобретениям, не пойдут ни на какие территориальные изменения без согласия на то заинтересованных в этом государств, будут уважать право народов самим выбирать форму правления, создавать равные возможности для торговли и экономического сотрудничества между всеми странами. Когда же правительства Бирмы, Малайи, Индии и Индонезии поинтересовались, распространяется ли эта хартия на Тихий океан и Азию вообще, то У. Черчилль сказал, что речь в хартии идет о государствах и нациях Европы, а не о народах, «являющихся подданными английской короны». Советский Союз как реальная сила на мировой арене союзниками не рассматривался, а потому в тексте документа не было ни слова ни о нем, ни о советско-германском фронте. По существу, их хартия носила сепаратный характер, была своего рода политическим компромиссом, выражала претензии двух держав на сохранение мирового господства. В сентябре 1941 г. советское правительство выразило в специальной декларации свое согласие с основными принципами хартии, подчеркнув, что практическое воплощение их должно соотносываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны. 7 декабря 1941 г. Япония без объявления войны напала на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор, расположенную на Гавайских островах. 8 декабря США объявили войну Японии. То же самое сделала и Англия. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США. Зона второй мировой войны значительно расширилась.

1 января 1942 г. в Вашингтоне 26 государств антифашистской коалиции, в том числе СССР, США, Англия и Китай, подписали декларацию, по которой обязались использовать все свои военные и экономические ресурсы для борьбы против фашистского блока. Эти государства, а также страны, впоследствии присоединившиеся к ним, стали называться «Объединенными нациями».

**Советская
дипломатия
в борьбе за
открытие
второго фронта
в Европе
в 1941–1942 гг.**

Благоприятная обстановка, сложившаяся к концу 1941 г. на советско-германском фронте, настоятельно требовала открытия второго фронта в Европе для сокрушения фашистской Германии. В ответном послании У. Черчиллю от 18 июля 1941 г. И. Сталин писал: «Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция), который не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию». Поскольку вопрос оставался открытым, осенью 1941 г. Сталин снова обратился к английскому правительству с предложением открыть второй фронт в Европе. Вступление в войну США с их мощной военно-экономической базой создавало реальные возможности для организации наступательной военной кампании на Западе. Английская сторона мотивировала свой отказ трудностями проведения десантной операции: необходимостью обеспечения в районе высадки войск господства на море и в воздухе, большого числа специальных судов, хорошо обученной и оснащенной армии. По мнению У. Черчилля, Великобритания всем этим не располагала и «не могла быть готова ранее лета 1943 г.».

Начальник штаба армии США Дж. Маршалл к началу 1942 г. разработал предложения по оказанию немедленной помощи Красной Армии путем создания второго фронта для отвлечения немецких войск. Президент Ф. Рузвельт отклонил эти предложения под видом того, что это только привело бы к распылению союзнических сил, не давая реальной помощи СССР. У Соединенных Штатов в 1942 г. была своя стратегия — «Тихий океан прежде всего». В основе ее лежали военные мотивы (остановить продвижение японцев на юго-запад Тихого океана) и политические (США в качестве главного противника рассматривали Японию, а не Германию). Самая крупная военная группировка Соединенных Штатов находилась

на Тихом океане, на европейском театре действий в конце февраля 1942 г. у них насчитывалось около 4 тыс. солдат и офицеров, две дивизии были в пути. Тот факт, что около 70 % наиболее боеспособных и технически оснащенных немецких соединений находились на советско-германском фронте, давал И. Сталину все основания настаивать на скорейшем открытии второго фронта в Европе. По этой же причине Москва всячески пыталась ускорить получение боевой техники, так как быстрое отступление Красной Армии осенью 1941 г. могло привести к еще более катастрофической ситуации. В декабре 1941 г. состоялся важный визит в Советский Союз министра иностранных дел Великобритании А. Идена, главной целью которого было обсуждение союзного договора. Попытки сторон не увенчались успехом. Камнем преткновения стало условие И. Сталина признать в договоре советские границы по состоянию на 22 июня 1941 г. Через полгода для подписания договора в Лондон прибыл В. Молотов. Ему предложили текст, в котором этот кардинальный вопрос не упоминался вовсе. В связи с военными неудачами Красной Армии в мае 1942 г. советское руководство решило не затягивать подписание договора, указав при этом на то, что «вопрос о границах или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны будет решаться силой». 26 мая 1942 г. между Англией и СССР был подписан договор о союзе в войне и послевоенном сотрудничестве. Через две недели в Вашингтоне было подписано советско-американское соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». Процесс образования антифашистской коалиции подошел к концу. В опубликованном 11 июня коммюнике указывалось, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Английская сторона рассматривала этот документ как пропагандистскую уловку, направленную на запугивание Германии. Поэтому во время переговоров в Лондоне Черчилль вручил Молотову записку для Сталина. В ней говорилось: «Мы не связываем себя обязательством действовать и не можем дать никакого обещания». Сходную позицию занял и президент США Ф. Рузвельт. 30 июля 1942 г. в беседе с советским послом М. Литвиновым он заявил, что пока Красная Армия «уничтожает немцев» все «обстоит хорошо», второй фронт будет открыт, все дело в конкретных

сроках. В правительственных и военных кругах США продолжали, таким образом, манипулировать проблемой как инструментом стратегии, где главным был принцип «быстрой и недолгой победы»: когда силы двух гигантов, СССР и Германии, предельно истощатся во взаимной борьбе, — навязать им свою волю и занять ведущее положение на мировой арене.

**Военные
действия
весной-летом
1942 г.**

В апреле 1942 г. натиск советских войск на врага ослаб: не было ни сил, ни средств для его продолжения. Фронт перешел к обороне. Существенные изменения вносились в организацию войск. Если прежде стратегические резервы комплектовались преимущественно из новобранцев, то с весны 1942 г. ослабленные дивизии и бригады выводились на отдых, в них вливалось свежее пополнение, их снабжали всем необходимым. Стала совершеннее подготовка командных кадров, начали создаваться воздушные армии, танковые корпуса (в сочетании с мотострелковыми) и армии. Глубже стали изучать опыт войны, что нашло свое отражение в инструкциях, приказах, частично — воинских уставах.

И тем не менее, в планировании операций на летнюю кампанию 1942 г. Ставка допустила ряд просчетов. Одним из главных было решение одновременно обороняться и наступать, что, очевидно, было связано с переоценкой советской стороной итогов Московской битвы. Мы уступали вермахту в умении воевать, что особенно проявилось в ходе боев за Крым и Харьков. Немецкие войска представляли в это время внушительную силу: пехотные, егерские и горнострелковые дивизии были полностью укомплектованы, танковые и моторизованные части по боевой мощи превосходили прежние. Первый удар по войскам Крымского фронта противник нанес 8 мая 1942 г. Немецкие ударные группировки действовали по отработанной схеме: прорыв фронта на одном фланге при сильной поддержке артиллерии и авиации, глубокое продвижение клином вперед, точно такое же продвижение клином, срыв организованной обороны. В результате армии Крымского фронта (командующий Д. Козлов, член Военного совета Ф. Шаманин и представитель Ставки Л. Мехлис) были разбиты. 15 мая — взята Керчь, большое количество пленных и военной техники. Положение осажденного Севастополя осложнилось. Несмотря на героизм и самоотверженность защитников города, их силы постепенно таяли. Го-

род, лишенный сухопутных связей с тылом, испытывал большие трудности с боеприпасами, продовольствием, питьевой водой, медикаментами. Последние самолеты передислоцировались на аэродромы Северного Кавказа, последние снаряды расстреляли зенитные батареи. Город с воздуха оказался открытым. Бомбардировка усилилась. 30 июня враг вплотную подошел к Севастополю, и 4 июля город пал. Лишь части бойцов и командиров удалось эвакуироваться. Противник полностью овладел Крымом.

Одновременно с боями в Крыму развернулись активные действия в районе Харькова. Здесь к наступлению готовились обе стороны. Несмотря на возражения начальника Генштаба Б. Шапошникова против наступления советских войск из оперативного «мешка» (барвенковского выступа), Сталин, поддавшись просьбам командования Юго-Западного направления, разрешил частную операцию по овладению Харьковом. Однако командование (главнокомандующий С. Тимошенко, член Военсовета Н. Хрущев, начштаба И. Баграмян) не учло вероятность контрудара противника с юга во фланг наступавших советских войск; не учло, что для перегруппировки сил Южного и Юго-Западного фронтов в условиях бездорожья, разлива рек, дефицита автотранспорта и превосходства немцев в воздухе понадобится не менее месяца. Расстановка сил на Юго-Западном направлении не давала ровно никаких преимуществ нашим войскам. Войска Юго-Западного фронта, начав наступление 12 мая, успешно продвинулись за несколько дней на 25–40 км. Но группа Клейста 17 мая неожиданно перешла в наступление в полосе 9-й армии и, прорвав оборону, продвинулась за день на 20 км. Попытки нанести контрудар 18 мая силами резервов Ставки результата не дали. Сложившаяся обстановка настоятельно требовала прекратить дальнейшее наступление Юго-Западного фронта на Харьков и совместно с Южным ликвидировать прорыв противника. Между тем командование, вопреки позднейшим утверждениям Н. Хрущева, такого приказа не давало, не было принято должных мер и против группировки Клейста. Положение ухудшалось и только вечером 19 мая С. Тимошенко, с согласия Ставки, прекращает наступление и организует силы для ликвидации прорыва. Однако было поздно: 23 мая 6-я немецкая армия, наступавшая с

севера, группировка Клейста, наступавшая с юга, взяли несколько армий в кольцо. Попытки прорвать окружение ни к чему не привели. Наши потери составили: 267 тыс. чел. (в том числе около 200 тыс. пленных), 143 тыс. винтовок, 9 тыс. автоматов, 652 танка и 1,5 тыс. орудий, 3,2 тыс. минометов, 58 тыс. лошадей.

В боях на южном крыле советско-германского фронта, продолжавшихся с июня по июль 1942 г., немецкие войска добились немалых успехов: заняли Донбасс, вышли в большую излучину Дона, создали угрозу Сталинграду и Северному Кавказу. Война вступила в решающую стадию. Ширина прорыва между Таганрогом и Курском достигла 500 км, почти на такое же расстояние продвинулись немецкие войска от Изюма до Калача.

Приказ наркома обороны И. Сталина № 227	Столь ощутимые потери отрицательно повлияли на боеспособность наших войск, что в условиях хронического отступления советских армий грозило тяжелыми последствиями. 28 июля 1942 г. И. Сталин как нарком обороны подписал приказ № 227. В нем было сформулировано требование к войскам — «Ни шагу назад!». Средние и старшие командиры и политработники, провинившиеся «в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости», направлялись в штрафные батальоны, рядовые бойцы и младшие командиры — в штрафные роты. В каждой армии создавались заградотряды, которые ставились в тылу «неустойчивых дивизий» и обязывались «в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов». Штрафные роты и батальоны использовались на самых трудных участках фронта; штрафники, получившие ранения в бою, считались отбывшими наказание.

Военная обстановка диктовала необходимость новой эвакуации. На этот раз она проводилась на более ограниченной территории и в более мелких масштабах, охватив преимущественно Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и Северный Кавказ. В течение лета и осени 1942 г. в тыл были вывезены сотни тысяч людей, около 150 крупных предприятий, большое количество скота, продовольствия, материальных ценностей.

Гитлер, считая, что уже нанес Красной Армии сокрушительное поражение, преследовал теперь двойную цель – захват Сталинграда и Кавказа. Именно в этот момент, по мнению немецких генералов, он принял «роковое решение». Переоценивая собственные силы и недооценивая силы противника, он бросил обе группы армий в наступление по расходящимся направлениям. Группе армий «А» ставилась задача наносить удар через Кавказ вдоль побережья Черного моря для захвата нефтяных районов, группе армий «Б» – занять Сталинград и удерживать оборону на остальном рубеже Дона против возможных контратак советских войск.

Несмотря на отчаянное сопротивление русских солдат, 6-я немецкая армия 25 августа 1942 г. достигла западной окраины Сталинграда, окружив город и с севера. Одновременно 4-я танковая армия вместе с румынскими частями продвигалась на Сталинград с юго-запада. Советское руководство начало предпринимать срочные меры для отпора врагу. 12 июля 1942 г. на базе Юго-Западного фронта был создан Сталинградский фронт, в состав которого вошли 3 резервные и 2 воздушные армии, а также отошедшие в этот район с большими потерями 38 и 28-я армии и Волжская военная флотилия (5 августа Сталинградский фронт был разделен на Юго-Восточный и Сталинградский; 28 сентября из Сталинградского был образован Донской, а из Юго-Восточного – Сталинградский фронт). Происходило постоянное пополнение войск сталинградского направления за счет стратегических резервов – за август Ставка направила сюда 15 стрелковых дивизий и 3 танковых корпуса. На подступах к Сталинграду шло усиленное строительство оборонительных рубежей, в котором было занято до 200 тыс. чел. Множество добровольцев вступало в ряды народного ополчения, в истребительные батальоны, в отряды местной противовоздушной обороны.

Вот какое описание сталинградских будней оставил в своем дневнике нарком танковой промышленности страны В. Малышев: « Вечером 24.VIII, 25.VIII немцы зверски бомбили город. Город разрушен и горит. Местные власти (обком, облисполком) растерялись. По предложению т. Маленкова создали под моим председательством Чрезвычайную Комиссию. Принялись за работу: надо наладить отправку людей за реку (десятки тысяч скопились на берегу, а немцы бомбят – много жертв). Надо хоронить людей, надо кормить, нет воды, нет света, по-

чти все хлебозаводы, мельницы, консервные заводы, склады разрушены и горят. Приняли крутые меры против грабежей и мародерства. Разрешили стрелять на месте... Дней 20 близко наблюдал работу штаба фронта (Сталинградского под руководством Еременко — *авт.*). Плохо организована у нас штабная служба. Нет четкости и организованности (много слабее, чем на хороших заводах), много бестолочи. Штабные работники малокультурны и малоразвиты и многие не могут связать десятки событий и меняющуюся постоянно обстановку на фронте в какую-нибудь систему или увидеть за этими, на первый взгляд, разрозненными событиями план противника (а он, безусловно, есть и задача штаба возможно быстрее, в самом начале, разгадать этот план). Вместо этого гоняются за мелочами, ломают голову над мелкими делами (а в это время младшие работники штаба, которые должны заниматься более мелкими делами и обрабатывать материал для старших начальников, бездельничают, спят, разговаривают)... Сменили в Сталинграде 3 убежища. Уезжали каждый раз, когда немцы били уже не только авиацией, но и минометами».

В ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы, продолжавшегося с 17 июля по 18 ноября, особое упорство в борьбе за город проявили стрелковые дивизии А. Родимцева, И. Людникова, Н. Батюка, В. Горишного, Л. Гуртьева, И. Ермолкина, В. Жолудева, В. Соколова, Ф. Смехотворова, И. Сологуба, сводная группа С. Горохова, танковая бригада Д. Белого. Навсегда остались в памяти народной командующие армиями генералы В. Колпакчи, А. Лопатин, В. Чуйков М. Шумилов, тысячи солдат Красной Армии и жителей города. Немецкие генералы называли оборону Сталинграда как «не поддающуюся никакому описанию битву, ставшую символом борьбы двух враждебных миров».

В тяжелые сентябрьские дни ветераны обороны Царицына призвали защитников города остановить врага. Их обращение было опубликовано во фронтовой и армейской печати, листовках. Бойцы повторили клятву стоять насмерть у берегов Волги и сдержали ее. В конце сентября активные боевые действия переместились из центра города к северу, в районы заводов. 14 октября после продолжительных налетов немецкой авиации в атаку перешли наземные войска. Разгорелись ожесточенные бои, часто перераставшие в рукопашные. На узком участке, у завода «Баррикады» немцам удалось выйти к Волге. В руках наших оставалась лишь незначительная часть города. Но это было последней удачей врага: его наступательный порыв был смят, оказавшись втянутыми в уличные бои,

немецкие армии утратили свое основное преимущество – свободу маневра. Явный провал намеченных планов, огромные потери, приближение зимы – все это подрывало моральный дух немецких войск. К тому же чрезмерно растянутые фланги утратили подвижность, враг оказался в кризисной ситуации.

Активную оборону вели советские войска в августе – первой половине сентября 1942 г. на Северном Кавказе. 8 августа немцы захватили Майкоп и повернули танковые корпуса к более важной цели – Грозному. Однако им дальше взятого 25 августа Моздока продвинуться не удалось. На западном участке немецкая группа армий «А», несмотря на напряженные и длительные бои в отрогах Кавказа, не смогла прорваться к Туапсе; их горные стрелки были задержаны на перевалах. Противнику удалось захватить полуостров Тамань, создать здесь важный плацдарм. 10 сентября фашисты достигли Новороссийска, но не смогли соединиться с частями, которые наступали через горы на Туапсе. Общая обстановка на Северном Кавказе не менялась до тех пор, пока поражение немцев под Сталинградом не сделало ее критической для всех немецких войск в этом районе.

Немецкий оккупацион- ный режим	К ноябрю 1942 г. в немецкой оккупации находилось 1795 тыс. км ² территории с населением 80 млн. чел. (почти 40 % от общего числа населения перед войной). Регионы, захваченные немцами, подчинялись военной и гражданской администрации. В Германии было даже создано специальное министерство по делам оккупированных областей во главе с А. Розенбергом. Экономическим ограблением руководил специальный «штаб по управлению экономикой Ост», а политическим надзором – службы СС и полиции. Их задачей было уничтожение всех «враждебных рейху элементов». Часто (при оцеплении мест массовых расстрелов, например,) использовались воинские части. На местах оккупанты образовывали так называемое самоуправление – городские и районные управы, в селах и деревнях были введены должности старост. Все жители оккупированной территории, не взирая на возраст, должны были работать. 5 августа 1941 г. А. Розенбергом было издано распоряжение о введении обязательной трудовой повинности. В прифронтовой полосе население привлекалось к работам без всякой оплаты, иногда – за очень скудную пищу. Самой беспощадной формой эксплуатации была организация «трудовых колонн». Если они использовались в оперативном

тылу немецких войск, то, помимо участия в строительстве дорог, оборонительных сооружений и др., их заставляли обезвреживать минные поля.

Помимо этого был организован массовый угон гражданского населения на принудительные работы в Германию. Эта акция носила не только экономический характер в условиях краха «блицкрига», но и прямо направлялась на уничтожение славян. Выступая перед командирами дивизий СС в апреле 1943 г., Г. Гиммлер говорил: «Мы должны вести войну и наш поход с мыслью о том, как лучше всего отнять у русских людские ресурсы – живыми или мертвыми? Либо они должны быть угнаны в Германию и стать ее рабочей силой, либо погибнуть в бою». По оценке советских историков, за годы войны от голода и эпидемий на оккупированной территории было истреблено свыше 6,5 млн. чел., свыше 11 млн. расстреляно в лагерях и по месту жительства, около 3 млн. погибли на немецкой каторге (всего было угнано в Германию 6 млн. чел.). Советские граждане носили нашивку «остарбайтер» и размещались в особых лагерях без права передвижения. Нарушители карались смертью. Немецкие концерны использовали «остарбайтеров» как дешевую рабочую силу, которую можно было заменить в любое время. В сентябре 1942 г. генеральный уполномоченный по использованию трудовых резервов Заукель в этой связи заявлял следующее: «Избитые, полуголодные и мертвые русские совсем бесполезны, если они не в состоянии добывать уголь, производить сталь и чугун, оружие и прочую военную технику».

Партизанское движение 30 мая 1942 г. при Ставке Верховного Главнокомандования образован Центральный штаб партизанского движения во главе с секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П. Пономаренко. Создавались партизанские штабы и при военных советах фронтов. Они проводили подбор и подготовку руководящих кадров, устанавливали связь с партизанскими формированиями, помогали в вооружении, снабжении их и др. В течение лета и осени 1942 г. в партизанское движение влилось свыше 13 тыс. специалистов, за все время войны – около 60 тыс. Это были подрывники, разведчики, радисты, организаторы партизанской войны. За время своего существования (до января 1944 г.) Центральный штаб направил в отряды около 60 тыс. винтовок и карабинов, 34 тыс. автоматов, более 4 тыс. ручных пулеметов и

других видов оружия. В деятельности партизан в первые месяцы войны было много стихийности, не хватало боеприпасов, не было должной связи с руководящими центрами. Отрицательную роль сыграло свертывание в конце 30-х годов в приграничных районах строительства баз, рассчитанных на организацию народных форм борьбы, поскольку И. Сталин опасался, что при случае их могут успешно использовать его политические противники.

Первоначально ставка делалась на профессионально подготовленную агентуру советских спецслужб.

Партизанское движение формировалось из местных жителей, бежавших военнопленных, отбившихся от своих частей солдат. С притоком населения в партизанских отрядах устанавливалась строгая дисциплина. Имевшие место случаи мажордерства жестко карались. Во главе всех партизанских формирований стояли командиры и комиссары. С 1943 г. партизаны стали приравняться к военнослужащим: им и их семьям выплачивались пенсии и пособия, командно-политическому составу присваивались офицерские звания. Огромную роль сыграли действия партизан в битвах за Москву и Сталинград в дальнейших операциях 1943–1944 гг. Нередко действия партизан носили самостоятельный характер, они вели бои с полевыми войсками противника, освобождая большие территории. Большой размах получило партизанское движение в Ленинградской области, на Смоленщине, на Брянщине, в Белоруссии, на севере Украины. К осени 1943 г. под полным контролем партизан находилось свыше 200 тыс. км². Со второй половины 1942 г. разворачивается такая форма партизанской деятельности, как рейды крупных соединений, направленные в первую очередь на разрушение вражеской сети снабжения и коммуникаций. В связи с этим уже летом 1942 г. службу по охране железных дорог несли 13 немецких дивизий.

Борьба с партизанами велась самыми жестокими методами. Как значилось в приказе начальника штаба верховного командования В. Кейтеля, следовало путем террора «отбивать у населения желание к противодействию». В середине сентября 1941 г. им были установлены «размеры» возмездия – от 50 до 100 коммунистов за одного убитого солдата рейха. А тем временем вермахту приходилось отвлекать все больше боевых подразделений на борьбу с «бандитами», «грабителями», «налетчиками»,

«убийцами-поджигателями». Именно такая терминология была в ходу у немецкой прессы в декабре 1941 г.; упоминание слова «партизан» было запрещено специальным приказом Гиммлера. Только в тылу группы армий «Центр» к маю 1942 г. по одному лишь подозрению в причастности к партизанскому движению было расстреляно 80 тыс. чел. Военные операции против партизанских отрядов часто носили характер устрашения: безжалостно сжигали целые деревни, уничтожали жителей, оставшихся в живых вывозили товарняками в Германию.

Некоторые зарубежные историки пытаются оправдать подобные действия немецкой стороны тем, что И. Сталин в своей речи 3 июля 1941 г. призывал развернуть партизанское движение в немецком тылу, что якобы противоречит «традиционным правилам ведения войны». Тем самым как бы ставился знак равенства между агрессорами, считавшими, что «на Востоке жестокость мягка для будущего» (из речи Гитлера перед генералитетом вермахта от 30 марта 1941г.) и действиями людей по защите жизни своей и своего Отечества.

§ 2. Коренной перелом (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.)

**Разгром
немцев под
Сталинградом**

Контрнаступление советских войск под Сталинградом началось 19 ноября 1942 г. В рамках этой стратегической операции (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) были проведены ноябрьская по окружению сталинградской группировки противника («Уран»), Котельниковская и Среднедонская («Малый Сатурн») операции, лишившие противника возможности поддержать окруженную под Сталинградом группировку с запада и ослабившие его наступление с юга, а также операция «Кольцо» по ликвидации попавшей в окружение группировки противника в самом Сталинграде.

Решение о контрнаступлении Ставка приняла в середине сентября 1942 г. после обмена мнениями между И. Сталиным, Г. Жуковым и А. Василевским. План военных сводился к тому, чтобы в 400-километровой полосе разгромить врага в районе Сталинграда, вырвать у него инициативу и создать условия для проведения наступательных операций на южном крыле.

Проведение операции возлагалось на войска вновь образованного Юго-Западного фронта (командующий Н. Ватутин), Донского и Сталинградского (командующие К. Рокоссовский и А. Еременко). Кроме того, сюда привлекались соединения авиации дальнего действия, 6-я армия и 2-я воздушная армия соседнего Воронежского фронта (командующий фронтом Ф. Голиков), Волжская военная флотилия. Успех операции во многом зависел от внезапности и тщательности подготовки удара; все мероприятия проводились в строжайшей тайне (на начальном этапе подготовки о ней не знали даже члены ГКО). Переписка, шифровки, телефонные переговоры между Генштабом, фронтами и внутри фронтов категорически запрещались. Приказы и распоряжения отдавались только устно, радиостанции работали только на прием. 12 ноября немецкая разведка уже предполагала выступление русских против 3-й румынской армии, но не могла определить мощь советских сил. Руководство контрнаступлением Ставка возложила на Г. Жукова и А. Василевского. С середины октября до середины ноября 1942 г. для усиления трех фронтов были переброшены 4 танковых и 2 механизированных корпуса, 17 отдельных танковых бригад и полков, 10 стрелковых дивизий, ряд других соединений, а также 230 артиллерийских и минометных полков. В результате в распоряжении наших войск было 900 танков, 13500 орудий и минометов, 1250 «Катюш», 1100 зенитных орудий. Для своевременной перевозки резервов было в срочном порядке построено 6 железнодорожных веток общей протяженностью 1100 км. Соотношение сил между советскими войсками и войсками противника было таковым: в личном составе 1,1 : 1; орудиях и минометах 1,5 : 1; танках 2,2 : 1, авиации 1,1 : 1. В результате этих и других мер советскому командованию удалось создать на направлении главных ударов мощные группировки, превосходящие вражеские. Момент контрнаступления тоже был выбран удачно: немецкие войска, исчерпав свои наступательные возможности, не успели создать прочной обороны. Наиболее боеспособные дивизии немцев втянулись в битву за город, итальянские и румынские соединения прикрывали их фланги. Отсутствие в оперативном тылу противника резервов усугубляло остроту его положения, а активность советских войск на других участках фронта парализовала доставку подкрепления в район Сталинграда.

Наступление Юго-Западного и правого крыла Донского фронтов началось в 7 ч 30 мин 19 ноября 1942 г. Сильный туман и снегопад в этот день воспрепятствовали вылету советской штурмовой авиации, что резко снижало эффективность артиллерийского огня. И тем не менее в первый же день оборона противника была прорвана. 20 ноября в наступление перешли войска Сталинградского фронта. Его танковые и механизированные корпуса, не ввязываясь в бои за населенные пункты и умело маневрируя, продвигались вперед. В стане врага началась паника. 23 ноября войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов сомкнулись в районе городов Калач и Советский. Части 6-й полевой и 4-й танковой армий противника общей численностью 330 тыс. чел. были взяты в кольцо. Примеров окружения такой крупной стратегической группировки при незначительном превосходстве наступавшей стороны история второй мировой войны до этого пока не знала. Та же участь постигла и румынскую группировку войск.

Параллельно с внутренним предусматривалось и внешнее окружение врага. Было ясно, что противник попытается вырваться из «котла». Поэтому Ставка приказала Донскому и Сталинградскому фронтам во взаимодействии с авиацией ликвидировать вражескую группировку, а войскам Воронежского и Юго-Западного фронтов отодвинуть линию окружения на запад примерно на 150–200 км. Первоначально замысел операции «Сатурн» сводился к нанесению Юго-Западным и Воронежским фронтами ударов по сходящимся направлениям: один на юг в направлении Ростова, другой – с востока на запад в направлении Лихой. В случае успеха можно было бы не только разгромить 8-ю итальянскую и группу армий «Дон», но и отрезать немецкие группировки на Кавказе.

Для деблокирования кольца немецкое командование создало из танкового корпуса, ряда пехотных и остатков кавалерийских дивизий ударную группировку Гота. 12 декабря она перешла в наступление из района Котельниковский вдоль железной дороги Тихорецк–Сталинград и 19 декабря, преодолевая ожесточенное сопротивление немногочисленных на этом направлении советских войск, вышла на рубеж реки Мышковы. От окруженной под Сталинградом группировки их отделяло расстояние около 45 км, что заставило Ставку внести уточнения в план «Сатурн». К тому же советская сторона, по свидетельству Василевского, недооценила численность, воору-

жение и боеспособность группировки, окруженной под Сталинградом, и войскам Рокоссовского, несмотря на все усилия, не удалось в ходе ноябрьско-декабрьских боев 1942 г. ее ликвидировать.

16 декабря 1942 г. началась операция «Малый Сатурн». В результате 3-дневных ожесточенных боев войска Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов на нескольких направлениях прорвали сильно укрепленную оборону противника, с боями форсировали Дон и Богучарку. Чтобы не дать врагу закрепиться, темп наступления решено было не снижать, укрепив войска Юго-Западного фронта за счет 6-й армии Воронежского фронта, особенно танковых и механизированных соединений. Наступление проводилось в условиях суровой зимы, было трудным, тем не менее, 24-й танковый корпус под командованием В. Баданова за пять суток продвинулся в глубину на 240 км., громя тылы 8-й итальянской армии, а 24 декабря внезапной атакой взял станцию Тацинская, уничтожив аэродром и захватив в качестве трофеев свыше 300 самолетов противника. Важнейшая железнодорожная коммуникация Лихая – Сталинград, по которой немецкое командование вело сосредоточение войск группы «Холлидт» и снабжение их всем необходимым для боевых действий, была прервана. Продвижению группировки Гота был положен конец. Немцы приступили к усилению своих позиций на особо угрожаемых участках фронта. Но советские войска продвинулись к концу декабря в глубину около 200 км, прочно закрепились на новых рубежах. В результате были разгромлены основные силы оперативной группы «Холлидт», 8-й итальянской и 3-й румынской армий. Положение немецких войск под Сталинградом стало безнадежным. Завершающим этапом Сталинградской битвы явилась операция «Кольцо». По словам Рокоссовского, ее план предусматривал разгром противника в западной и южной частях окружения с последующим рассечением группировки врага на две части и их ликвидацией по отдельности. Трудность выполнения поставленной задачи была связана с тем, что необходимые резервы передавались Ставкой другим фронтам, как того требовала реально сложившаяся обстановка. Так произошло с 2-й гвардейской армией Р. Малиновского – с Донского фронта она спешно направлялась под Котельниково, чтобы остановить группировку Гота. К началу наступления 10

января 1943 г. Донской фронт получил из резервов Ставки 20 тыс. чел. пополнения, что для 7 армий являлось каплей в море. Противнику удалось сильно укрепить свою оборону, но после провала попытки деблокады у него исчезли все иллюзии о помощи извне. Советские войска умело провели воздушную блокаду войск Паулюса, и план немцев – создать «воздушный мост» в целях снабжения взятых в окружение войск – был сорван. Несмотря на огромные лишения, немецкая сторона отклонила предложение советского командования о капитуляции, 10 января наши войска начали круглосуточное наступление и утром 15 января захватили аэродром Питомник. 26 января шедшие навстречу друг другу 21-я армия И. Чистякова и 62-я армия В. Чуйкова соединились в районе Мамаева Кургана. 31 января 1943 г. сдалась южная, 2 февраля – северная группировка врага.

Фельдмаршал Манштейн, возглавлявший в самый ответственный момент Сталинградского сражения группу армий «Дон» (ему подчинялась и 6-я армия Паулюса), считал причиной краха 6-й армии «фанатическое упорство Гитлера, который до самого конца не разрешал оставить Сталинград». В мемуарах немецких генералов отмечается, что этого поражения можно было бы избежать и даже сохранить за вермахтом инициативу, если бы немцы вернулись к «маневренной войне по всему фронту – от Кавказского хребта до среднего течения Дона». В действительности же, Гитлер и его командование считали, что силы Красной Армии к зиме 1942 г. будут исчерпаны, а потому вопрос об отводе войск с Кавказа и Волги осенью 1942 г. не ставился. Логика войны требовала, чтобы немцы удержались под Сталинградом, и их «фюрер» это прекрасно понимал. По свидетельству В. Чуйкова, бросив свои армии на Кавказ, Гитлер тем самым подставил их фланг и глубокий тыл под контрудары советских войск, и Сталинград надо было брать во что бы то ни стало, чтобы обезопасить наступление не только на кавказском направлении. Ведь чтобы бросить немецкие войска на север и тем самым отрезать промышленные районы России от Урала и Сибири надо было опять-таки взять Сталинград. А город на Волге не сдавался. Сломив его оборону, Гитлер мог бы побудить своих потенциальных союзников выступить против СССР, поэтому немцы должны были драться за Сталинград до полного исчерпания своих сил и возможностей.

В ходе проведения трех операций — «Уран», «Малый Сатурн» и «Кольцо» — были разгромлены 2 немецкие, 2 румынские и 1 итальянская армии. Потери противника за период с 19 ноября 1942 по 2 февраля 1943 г. составили свыше 800 тыс. чел., около 2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. боевых и транспортных самолетов. Поражение под Сталинградом вызвало глубокий политический кризис в Германии. Громче стала критика в адрес фашистской партии и военного командования, началось развенчание культа фюрера, власть которого «не могла уже больше держаться на восторженном одобрении со стороны масс». В стране был объявлен трехдневный траур. Вера в победу была подорвана, пораженческие настроения охватили широкие слои населения. Упал боевой дух немецкого солдата, все сильнее он стал бояться окружения, все меньше верить в победу.

Международное значение победы под Сталинградом Разгром под Сталинградом вызвал в фашистской коалиции глубокий военно-политический кризис. Италия, Румыния, Венгрия оказались перед серьезными трудностями, связанными с большими потерями на фронте, падением боеспособности войск, нарастанием недовольства масс. Начались разговоры о сепаратном мире с западными державами, за который выступали, в частности, Румыния и Венгрия. В отличие от них Муссолини убеждал Гитлера заключить мир не с западными державами, а с Советским Союзом, так как, по его мнению, «Россию победить невозможно».

Турция, проводя линию «активного нейтралитета», пыталась заигрывать с обоими лагерями. Еще во второй половине 1941 г. Анкара официально заявила, что не имеет территориальных притязаний к СССР, но заинтересована в судьбе 40 млн. тюркоязычных граждан в пределах его. Этот «туранизм» (или пантюркизм) находил в Турции все большее число сторонников. Турция надеялась, что немцы, захватив Кавказ, дадут возможность создать собственные тюркоязычные государства и автономии под турецким протекторатом.

Серьезным образом повлияла победа под Сталинградом на взаимоотношения СССР с Великобританией и США. Обе стороны хорошо понимали, что Красная Армия может добиться решающего перелома в войне и победить немцев до того, как союзники перебросят войска в Западную Францию. С весны 1943 г. американский генштаб с учетом изменения военной

обстановки начал настраивать Ф. Рузвельта на то, что США, на случай разгрома Германии, должны иметь крупный военный контингент в Великобритании.

Победа под Сталинградом положила начало коренного перелома в войне и оказала определяющее влияние на ее дальнейший ход. Красная Армия перехватила у врага стратегическую инициативу и удерживала ее до конца. Народ уверовал в окончательную победу над фашизмом, хотя она давалась ценой тяжелых потерь. За время с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. людские потери Красной Армии в Сталинградской битве составили: безвозвратными — 478 тыс. чел., санитарными — 650 тыс. чел.; потери в боевой технике тоже были немалыми — 0,5 млн. шт. стрелкового оружия, свыше 4 тыс. танков, 15 тыс. орудий и минометов, 3 тыс. боевых самолетов.

**Деятельность
национального
комитета «Сво-
бодная Герма-
ния» и «Союза
немецких
офицеров»**

Многие немецкие военнопленные, содержащиеся в советских лагерях, принимали участие в антифашистском движении. Особенно заметным это стало после Сталинграда, хотя нацистское руководство придавало исключительное значение морально-психологической, политической и идеологической подготовке

своего офицерского корпуса. Сталинградская катастрофа заставила многих задуматься о целях и характере войны. Летом 1943 г. при активном содействии советских спецслужб из немецких военнопленных был создан Национальный Комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров». Президентом последнего стал бывший командир 51-го армейского корпуса генерал фон Зейдлиц. В сентябре того же года он предложил советской стороне создать из своих подчиненных небольшую боеспособную армию, чтобы «стимулировать переход соединений вермахта на сторону «Свободной Германии». Это предложение принято не было. Но пропагандистская борьба по разложению войск и тыла немецкой армии велась довольно успешно: разбрасывали листовки, выезжали на фронт уполномоченные для ведения пропаганды, создавались спецгруппы в тылу. Деятельность «Свободной Германии» и «Союза немецких офицеров» вызывала у наших союзников неоднозначное толкование. И до настоящего времени ряд западных историков считает, что И. Сталин преследовал тем самым двойную цель: оказывал нажим на союзников, которые боялись, как бы между СССР

и Германией не имел место сепаратный мир и как бы, свергнув Гитлера, он не заменил его «контролируемым Москвой правительством» (не случайно, видимо, в манифесте Национального Комитета «Свободная Германия», опубликованном в «Правде» в июле 1943 г., были и такие слова: «Германский народ нуждается в немедленном мире и жаждет его. Но с Гитлером мира никто не заключит, никто с ним переговоры не станет вести. Поэтому образование подлинно национального немецкого правительства является неотложнейшей задачей нашего народа. Верные Родине и народу силы в армии должны при этом сыграть решающую роль»).

Особенности развития советской военной индустрии	Наступательные операции Красной Армии требовали все больших поставок военной продукции, которые сдерживались из-за нехватки топлива, электроэнергии, металла, что особенно острым стало к концу 1942 г. ГКО принял ряд решений, направленных на повышение добычи угля в районах Кузбасса, Урала, Подмосковного угольного бассейна. Угольные бассейны страны дали в 1943 г. 93,1 млн. т угля, что на 17,6 млн. больше добычи 1942 г. Единственной отраслью топливной индустрии, снизившей производство в 1943 г., была нефтедобывающая промышленность: оккупанты нанесли промыслам Кавказа большой урон; один только бакинский нефтяной район давал стране почти три четверти нефти. В 1943 г. началось развитие нефтяных промыслов Востока, особенно Урало-Волжского нефтяного района. Несмотря на общее падение добычи нефти, производство бензина выросло в 1,1 раза по сравнению с 1942 г., дизельного топлива в 2,3 раза. В 1943 г. увеличилась и выработка электроэнергии; почти половину ее объема давали электростанции Урала и Западной Сибири. В течение 1943 г. были в основном устранены возникшие в начале войны диспропорции между потребностями в металле, электроэнергии и топливе и их производством.

Во второй период войны оборонной промышленности пришлось решать новые сложные задачи, возникшие в связи с увеличением объема производства за счет перераспределения материальных ресурсов и рабочей силы, за счет совершенствования технологии и организации труда. Широкое распространение получил поточный метод, позволивший на авиамо-

торных заводах, например, увеличить производительность труда почти на 25 %. В результате в 1943 г. авиационная промышленность дала уже 35 тыс. самолетов, что на треть больше предшествующего 1942 г. Началось серийное производство новых модификаций самолетов: истребителей Ла-5 ФН и Як-9, вооруженного пушкой 37-миллиметрового калибра, двухместного штурмовика Ил-2 с задней огневой точкой, двухмоторного пикирующего бомбардировщика Пе-2 и др.

На востоке страны быстрее других отраслей развивалось танкостроение. Здесь три крупнейших завода (Уралмаш, Кировский в Челябинске и завод № 183) выпускали две трети всей продукции. Впервые в мировой практике в танкостроении был применен метод отливки крупных стальных деталей не в песчаных, а в металлических формах, в результате чего трудоемкость операции снизилась вдвое, а производительность труда возросла почти в 3 раза. Повышению качества и надежности танковых двигателей немало способствовал переход на литье деталей из алюминия. На ряде заводов вместо литья иковки башни танка Т-34 применялась штамповка. Подобным новшеством стала замена ручной сварки бронекорпусов автоматической (по методу академика Е. Патона). С февраля 1944 г. началась замена 76-миллиметровой пушки на танках Т-34 на пушку калибра 85 мм, более эффективную для отражения немецких танков. В сентябре 1943 г. танкостроители дали Красной Армии новый тяжелый танк — ИС (главный конструктор Ж. Котин). В начале 1943 г. на фронт была отправлена первая партия самоходно-артиллерийских установок САУ-122, в конце — созданы еще более мощные установки ИСУ-152 и ИСУ-122. Среднемесячный выпуск бронетанковой техники в 1943 г. вырос, по сравнению с 1941 г., в 3,7 раза и составил 2 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок. Некоторое снижение выпуска танков по сравнению с 1942 г. объясняется резким повышением средних и тяжелых танков за счет легких, выпуск которых в 1943 г. был почти совсем прекращен.

В 1943 г. наращивалось производство стрелкового оружия, совершенствовалось его качество, больше выпускалось боеприпасов. К лету 1943 г. число пистолетов-пулеметов увеличилось по сравнению с концом 1942 г. почти в 3 раза, ручных пулеметов — в 2 раза, противотанковых ружей в стрелковых войсках увеличилось с 85 тыс. до 145 тыс. шт.

Совершенство- вание организа- ции Красной Армии

Параллельно с модернизацией вооружения Красной Армии шло совершенствование ее структур. Росло число корпусов в стрелковых войсках, что позволяло более активно использовать их в наступательных боях.

Быстро увеличивалось количество единиц истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главного командования (РВГК), создавались артдивизии прорыва и зенитные артдивизии РВГК. К концу 1943 г. практически вся авиация была обеспечена новой боевой техникой, авиасоединения имели в своем распоряжении новые радиостанции, радиолокационное и другое оборудование. В составе каждого фронта действовала воздушная армия. Качественные изменения произошли в инженерных войсках, в автомобильной, дорожной и военно-медицинской службе.

Повысились требования к командным кадрам, к личному составу войск. В октябре 1942 г. был упразднен институт военных комиссаров и установлено полное единоначалие в Красной Армии. В мае 1943 г. в военных академиях возобновилась подготовка офицеров по полной программе обучения; к октябрю того же года число курсантов средних общевоинских военно-учебных заведений, служивших ранее в армии, увеличилось почти на 63 %. Массовое производство новой боевой техники ликвидировало превосходство вермахта в технической оснащенности, усилило боевую мощь советского оружия, появилась возможность более глубоких наступательных операций, мощных ударов на решающих направлениях, более благоприятного исхода больших сражений.

Советский тыл Наращивание военного потенциала было бы невозможно без соответствующей системы финансирования. В отличие от фашистской Германии Советский Союз не располагал такой важной финансовой поддержкой как военный грабеж на чужих землях. Помощь союзников по ленд-лизу до 1944 г. имела незначительные масштабы и в целом не влияла на рост военного производства СССР (исключение составляли лишь автотранспортные средства). В 1942 г. было поставлено: 2505 самолетов, 3023 танка, 78 964 единицы автотранспорта; 12 % отправляемой в СССР техники терялось в пути. С весны по осень 1943 г. отправка конвоев с грузами в порты Мурманск и Архангельск была вообще прекращена.

Поэтому основными источниками военного финансирования стали налоги, внутренние государственные кредиты (займы) и эмиссия денег. В 1944 г. доля военных затрат в расходной части госбюджета СССР составила 58 %, что далеко не отражает действительного положения дел, так как расходы многих гражданских ведомств по сути своей были военными. В условиях карточной системы роль денег для рабочих и служащих значительно ослабла; карточное снабжение не удовлетворяло даже минимума потребностей населения в продуктах питания, рыночные же цены на продовольствие были очень высокими, лишь немногие могли покупать продукты по этим ценам.

Заработная плата в сложившейся ситуации далеко не отражала реальное материальное положение населения. Так, в ведущих отраслях народного хозяйства она к концу войны несколько возросла и составляла в промышленности в месяц — 470 руб., в строительстве — 413, на железнодорожном транспорте — 525, в торговле — 269 руб. Ударники труда и стахановцы получали несколько больше. На важных государственных стройках применялась аккордная система оплаты труда; для особо отличившихся — премиальная. Цены нормированной торговли на отдельные продовольственные товары по карточкам составляли в это время в рублях за 1 кг (л): хлеб ржаной — 1, мука пшеничная 1 сорта — 2,9, говядина — 12, масло сливочное — 25, молоко — 2, сахар-рафинад — 5,7. За годы войны розничные цены в нормированной торговле не менялись (за исключением цен на водку, вино, пиво и соль). Среднемесячные цены сельскохозяйственных продуктов на колхозных рынках в крупных городах в 1943 г. составляли в рублях за 1 кг (л): мука ржаная 136—112, картофель — 50—20, говядина — 229—204, молоко — 63—51, яйца (1 десяток) 154—127.

Государство, располагая ограниченными запасами продовольствия, первоочередной задачей считало снабжение армии, рабочих, служащих и ИТР военной индустрии, угольной и нефтяной промышленности, вредных цехов черной и цветной металлургии и пр. Важным источником продуктов питания в годы войны становятся подсобные хозяйства заводов и предприятий, индивидуальное и коллективное огородничество.

Исключительно тяжелым бременем для семейного бюджета были государственные налоги и займы (последние в годы войны носили обязательный характер).

С 1942 г. был введен военный налог, распространявшийся на городское и сельское население, работающих и иждивенцев, военнослужащих тыловых частей и учреждений. По нему за годы войны в государственный бюджет поступило 72,1 млрд. руб. За 1942–1945 гг. было выпущено четыре военных займа, подписка на которые составляла 89,7 млрд. руб. Для сосредоточения финансовых средств в своих руках государство «заморозило» вклады населения в сберегательных кассах; не выдавались на руки деньги, перечисленные в сберкассы в качестве компенсации за неиспользованные отпуска.

Ослабление колхозов в годы войны отрицательно сказалось на распределительных отношениях в деревне. Доход крестьянской семьи снизился в несколько раз. Если в 1940 г. колхозникам на трудодни выдавалось в среднем (в расчете на 1 двор) – 8,2 ц зерна и 4,9 – картофеля, то в 1943 г. соответственно 2,6 и 1,6 ц. Это по стране в среднем. Реальная же оплата везде была разной, относительно высокой она оставалась на Кавказе и в Средней Азии, довольно низкая – в большинстве районов РСФСР и Белоруссии. Основную часть продуктов питания крестьяне получали от личных хозяйств. Часто недоедая, они продавали продукцию со своих участков, чтобы уплатить налоги и подписаться на госзаймы. Помимо денежного сельскохозяйственного налога (его размеры в 1943 г. были увеличены), крестьянский двор облагался натуральным государственным налогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и др. Цены, по которым государство «закупало» сельскохозяйственную продукцию по этим поставкам, были символическими. С апреля 1942 г. увеличился обязательный минимум трудодней, в том числе и для подростков. В 1943 г. из 20 млн. колхозников тыловых районов трудоспособные женщины составляли около 10 млн., подростки – 4, нетрудоспособные и больные – 2,3, трудоспособные мужчины – 3,6 млн. чел. Из-за отсутствия системы бронирования в деревне (исключение составляли механизаторы и небольшое число других категорий работников) и массовых мобилизаций численность колхозного населения сильно сократилась. Основная тяжесть работ и забот легла на плечи женщин, подростков и стариков.

За годы войны производство предметов потребления сократилось почти наполовину. Причем из общей массы их значительная часть направлялась на снабжение армии, что в усло-

виях дефицита, в условиях карточной системы снабжения создавало почву для спекуляции, роста доходов отдельных групп или лиц. Большое развитие, особенно в первые годы войны, приобрела меновая торговля. Сельхозпродукты обменивались на сахар, соль, мыло, спички, предметы одежды, обувь, инвентарь и др. Государство, стремясь ограничить рыночную стихию, организовывало, где возможно, встречную торговлю.

Жизнь горожан и сельчан преимущественно была заполнена работой, заботами, поисками пропитания. Редкие праздники – Новый год, Первомай, очередная годовщина Октября, завершение сельскохозяйственных работ – сопровождались пропагандой, отношение к которой было далеко неоднозначным. Особенно болезненным было восприятие поражений на фронте. Поэтому выступления руководителей Советского Союза (в частности, Сталина) с обзором международной и военной обстановки были мощным средством идеологического воздействия на людей. Из-за отсутствия достоверных источников информации о событиях на фронте и внутри страны большое распространение получили слухи.

Советское правительство и Русская Православная Церковь	В годы войны значительная часть русского населения обращается к Православию, хотя в отношениях между церковью и государством мало что изменилось в конкретную сторону. В самом начале войны местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей обратился ко всем верующим и к духовенству с посланием, в котором были и такие слова: «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины». Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви по сбору денежных средств, драгоценностей и вещей для нужд фронта послужила толчком к диалогу между властью и церковью. В феврале 1943 г. митрополит Сергей и Сталин обменялись посланиями, а 4 сентября Сталин принял митрополитов Сергея, Алексия и Николая. Результаты этой беседы превзошли все ожидания: вопросы, поставленные иерархами, и самый главный – созыв архиерейского собора и выборы патриарха, престол которого пустовал 18 лет, были решены положительно. Возобновил свою деятельность Священный Синод. Для подготовки кадров священнослужителей вновь открывались духовные учебные заведения – академии и семинарии. Церковь получила право печати и издания литературы. В ответ на поднятые митрополитом

Сергием вопросы — о преследовании духовенства, необходимости увеличения числа приходов, освобождении архиереев и священников из ссылок, тюрем и лагерей, свободы совершения богослужений — Сталин тут же дал поручение «изучить вопрос».

8 сентября 1943 г. в Москве состоялся Архиерейский Собор, избравший митрополита Московского Сергия патриархом Московским и Всея Руси. 8 октября того же года был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме СССР, которому отводилась роль посредника между правительством и церковью.

Экстремальные обстоятельства, связанные с войной, вынудили советское правительство пересмотреть национальную политику вообще и в рамках этой политики отношение к церкви в частности. Неблагоприятный для страны ход событий на фронте остро поставил вопрос о выживании русского народа и существовании государства. Чем хуже шли дела на фронте, тем настойчивее обращалась пропаганда с призывами о защите Отечества к «великой русской нации». Конечно, догмы официального коммунистического мировоззрения не отвергались и даже не пересматривались, но реальное содержание идеологической работы в массах обрело несомненно национально-патриотические черты. Имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова наряду с именем Ленина упоминались Сталиным в его речи на Красной площади 7 ноября 1941 г. как «вдохновляющие образы» в освободительной войне. К тому же, на захваченных землях оккупанты в пропагандистских целях выдавали разрешение на открытие церквей. За время оккупации было открыто примерно 6500 церквей (74 % от общего числа зарегистрированных на территории СССР к августу 1944 г.). Сущность фашистской политики в отношении церкви сформулирована в таком высказывании Гитлера: «Мы должны избегать, чтобы одна Церковь удовлетворяла религиозные нужды больших районов, и каждая деревня должна быть превращена в независимую секту. Наша политика на широких просторах должна заключаться в поощрении любой и каждой формы разъединения и раскола». В действительности так и было: в Белоруссии оккупационные власти пытались сколотить автокефальную Белорусскую Церковь, лишив ее канонического единства с Московской Патриархией. Подобные попытки делались в

Прибалтике и на Украине. Собор архиереев (сентябрь 1943 г., Москва) в этой связи вынес следующее постановление: «Всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик – лишенным сана».

«Новый курс» Советов в отношении церкви требовал изменения правовой основы – законодательства о религиозных организациях. После упразднения в 1938 г. комиссии по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР оставалась единственная ведомственная структура, занимавшаяся проблемами религии, – спецотдел в НКВД. До 1943 г. Наркомат внутренних дел исходил из официальной политической оценки религиозных организаций как «противников» социализма и советского строя, а духовенства – как явной или скрытой контрреволюционной силы. В январе 1944 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Карпов представил на рассмотрение правительства проект союзного закона «О положении церкви в СССР». Проект принят не был, но секретным постановлением Совнаркома религиозным общинам (включая монастыри) предоставлялось право юридического лица в части аренды, строительства и покупки в собственность для церковных нужд домов, строений, транспорта и утвари; снимались ограничения на колокольный звон; местным органам рекомендовалось не чинить препятствий деятельности монастырей. С конца 1943 г. открываются для службы храмы, растет количество православных общин, возвращается из лагерей репрессированное духовенство. Прекращаются прямые гонения на верующих и дикий шабаш «Союза воинствующих безбожников», сопровождавшийся святотатственным пропагандистским разгулом. Русская история и национальная культура из объектов хулы и всевозможных нападок превратились в объект почитания, вернулись на свое законное, почетное место. И несмотря на то, что сделано это было весьма избирательно и непоследовательно, результат не замедлил сказаться повсюду – на фронте и в университетских аудиториях, среди партийных функционеров и простых крестьян. А тем временем, пока шла война, верующие собрали несколько сот миллионов рублей, на которые были построены танковая колонна имени Дмитрия Донского и авиаэскадрилья имени Александра Невского. Люди, отдавая последнее, жертвовали добровольно.

Курская битва Военные события на советско-германском фронте весной 1943 г. показали, что немецкая армия все еще представляет собою грозную силу. В результате мощного контрудара немецких войск южнее Харькова противник занял прочную оборону, а советское командование сочло разумным произвести перегруппировку своих сил, отказавшись на время от дальнейших операций. Новое наступление противника удалось остановить лишь в конце марта, в ходе военных операций, образовавших так называемый Курский выступ.

На северо-западе действия советских войск были успешными. 18 января 1943 г. была прорвана блокада Ленинграда и тем самым устранена угроза соединения немецких и финских войск восточнее Ладожского озера. Восстановление сухопутных коммуникаций позволило усилить войска Ленинградского фронта и Балтийского флота. Стратегическая инициатива перешла к русским.

Для стабилизации положения немецкое командование было вынуждено перебросить на восток из Западной Европы и Африки 33 дивизии, 3 бригады, часть авиации и другие силы. В марте кровопролитные сражения на советско-германском фронте приутихли; три последующих месяца активных боевых действий не велось — противники пополняли войска людьми и техникой, накапливали резервы, готовились к летней кампании. Несмотря на изменившуюся стратегически обстановку, Гитлер не хотел уступать инициативу и еще раз решил навязать бой. Для этого был избран выступ, вдававшийся западнее Курска в расположение немецких войск почти на 200 км по фронту и 120 км в глубину. В приказе фюрера от 15 апреля 1943 г. указывалось, что «целью наступления является сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска и уничтожить их» (операция «Цитадель»). Для этого было сосредоточено свыше 900 тыс. чел., около 100 тыс. орудий и минометов, 2700 танков и штурмовых орудий, более 2 тыс. самолетов (6-й и 4-й воздушные флоты). Кадрового пополнения войск немецкому командованию удалось достичь за счет тотальной мобилизации. На вооружение вермахта поступали тяжелые танки Т-VI Н («Тигр»), средние танки Т-V («Пантера»), самоходные установки «Фердинанд» с 88-миллиметровой пушкой. Глав-

ный акцент в предстоящем наступлении делался на танковые войска, однако сроки операции неоднократно переносились (на начало мая, середину июня и, наконец, на июль) главным образом из-за медленного производства новых типов машин, препятствующего созданию мощной группировки. Помимо бронетанковой техники вермахт получил новые истребители типа «Фокке-Вульф-190А» и штурмовики «Хенкель-129».

Советской военной разведке удалось обнаружить подготовку немецкой армии к наступлению на Курской дуге и даже установить его дату. По свидетельству А. Василевского и Г. Жукова, советское командование, взвесив все обстоятельства и запросив мнения фронтов, приняло решение о «преднамеренной обороне с последующим переходом в контрнаступление». Как показали дальнейшие события, на сей раз решение Ставки было правильным; видимо, сказался опыт провала наступления советских войск под Харьковом, послуживший началом крупных поражений в 1942 г.

Советское командование сосредоточило на курском направлении крупные силы. Северный фас Курского выступа оборонял Центральный фронт (командующий К. Рокоссовский), южный – Воронежский (командующий Н. Ватутин). В них насчитывалось 1337 тыс. чел., 3306 танков и самоходно-артиллерийских установок, около 20 тыс. орудий и минометов, 2900 самолетов (с учетом авиации дальнего действия). В тылу Центрального и Воронежского фронтов, на рубеже Верховье, Ливны, Старый Оскол, Кантемировка, располагались резервы Ставки, объединенные с 10 июля в Степной фронт (командующий И. Конев), который насчитывал 580 тыс. чел., 1,5 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, около 7,5 тыс. орудий и минометов. Таким образом, советские войска значительно превосходили противника в живой силе и технике.

Помимо этого был проведен ряд мероприятий по созданию глубоко эшелонированной, непреодолимой для танков врага линий обороны: оборудовано 8 оборонительных полос и рубежей. Огромную роль в успехе этого этапа Курской битвы (5–23 июля 1943 г.) сыграло умелое расположение войск Центрального фронта, чего нельзя было сказать о Воронежском.

Перенос сроков наступления противника вызывал некоторую нервозность у советского командования. Особую нетерпеливость проявлял командующий Воронежским фронтом Н. Ватутин: «Проспим мы, упустим момент. Давайте бросим

окапываться и начнем первыми. Сил у нас для этого достаточно». Однако Ставка решила ждать, располагая данными, что враг перейдет в наступление не позже 6 июля. В ночь на 5 июля были схвачены немецкие саперы, которые показали, что наступление назначено на 3 ч утра и немецкие войска уже заняли исходные позиции. Командование фронтами решило провести артиллерийско-авиационную контрподготовку. Таким образом, фактор внезапности, на который рассчитывало немецкое командование, был упущен. Только в 5 ч 30 мин ударные группировки 9-й немецкой армии, а в 6 ч 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф» перешли в наступление. На орловско-курском направлении (Центральный фронт) немецкие войска нанесли три удара в полосе 40 км. На направлении главного удара враг сосредоточил около 500 танков. Первыми в атаку пошли «тигры» группами по 10–15 машин. Их сопровождали штурмовые орудия «фердинанд». За ними спустя некоторое время двинулись группами по 50–100 машин средние танки. В боевых порядках танков на бронетранспортерах следовала пехота. Четыре раза в течение дня немецкие войска пытались прорваться в расположение русской обороны, но вынуждены были отойти. Бои были тяжчайшими, напряжение с обеих сторон нарастало. С 11 июля немцы, понеся огромные потери и не добившись успеха, прекратили наступление. Однако за шесть дней непрерывных атак противнику удалось вклиниться в оборону Центрального фронта примерно на 6–12 км. С задачей – упорным сопротивлением истощить силы врага и сорвать наступление – Центральный фронт справился без помощи резервов Ставки.

На белгородско-курском направлении (Воронежский фронт) противник наносил удары в направлении на Обоянь и Корочу. Уже в первый день 5 июля 1943 г. командующий группой армий «Юг» Э. Манштейн ввел в сражение большую часть своих сил (в бою участвовало до 700 немецких танков). Наши бойцы не дрогнули. И тем не менее, ценой огромных потерь противнику удалось за два дня прорвать сначала главную (наиболее укрепленную), а 7 июля вторую полосу обороны и вклиниться на обоянском направлении на 10–18 км. 9–11 июля противник продолжал отчаянные попытки выйти к Курску. Чтобы ликвидировать возникшую угрозу прорыва, Ставка, по предложению А. Василевского, усилила Воронежский фронт своими резервами (сначала двумя танковыми корпуса-

ми, затем общевойсковой и танковой армиями). Большую помощь наземным войскам в отражении вражеских танков оказывала штурмовая авиация.

10 июля, в самый разгар битвы, на о. Сицилия высадился крупный англо-американский десант. Узнав об этом, Гитлер заявил, что операция «Цитадель» будет все равно продолжаться. Критический момент настал 12 июля: в районе Прохоровки произошло крупное танковое сражение, в котором в общей сложности участвовало свыше 1100 танков и самоходных орудий. Обе стороны несли тяжелые потери. 13–15 июля противник все еще наступал на отдельных направлениях, но 17 июля Гитлер решил прекратить операцию «Цитадель», мотивировав это контрнаступлением советских войск на фланге 2-й танковой армии, отсутствием резервов, действиями англо-американских войск на Сицилии. Немецкий план по разгрому советских войск на Курском выступе потерпел крах.

Второй этап Курской битвы – контрнаступление – проводился с 12 июля по 23 августа 1943 г. Наиболее благоприятная обстановка для этого создавалась в районе орловской группировки противника. Стратегическая наступательная операция («Кутузов») проводилась войсками Брянского (командующий М. Попов), Центрального и частью сил Западного (командующий В. Соколовский) фронтов с 12 июля по 18 августа. Замысел ее сводился к раздроблению вражеской группировки и уничтожению ее по частям, что, во-первых, повлекло за собой чрезмерное рассредоточение наших сил, а во-вторых, к излишней поспешности, вследствие чего советские войска на решающих направлениях наносили удары без достаточной подготовки. Операция по окружению противника не удалась. Немцы заняли подвижную оборону: пока одни части оборонялись, другие занимали новый рубеж в 5–8 км; враг успешно использовал контратаки танковых войск, широко применял маневр силами и средствами по внутренним линиям своей обороны. О недооценке боеспособности сил противника Ставкой в ходе операции «Кутузов» упоминает в своих мемуарах Г. Жуков: Сталин считал, что «наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать их мы будем, когда они станут послабее». Помимо политического расчета здесь, видимо, сказался опыт неудач, связанных с затянувшейся в ноябре 1942 г. – январе 1943 г. ликвидацией окруженной под Сталинградом группировки Паулюса. К 18 августа войска трех фронтов, про-

двинувшись в западном направлении на 150 км и разгромив крупные силы противника, ликвидировали орловский плацдарм. В результате обстановка на Центральном участке советско-германского фронта резко изменилась, для советских войск открылись возможности для развития наступления на брянском направлении и выхода в восточные районы Белоруссии.

Несколько иначе развивались события, связанные с белгородско-харьковской наступательной операцией («Румянцев»). Здесь в период оборонительных сражений войска Воронежского фронта понесли большие потери, а противник отошел на прочно укрепленные рубежи и был готов к отражению натиска. Основной замысел операции сводился к рассечению группировки врага мощным фронтальным ударом, окружению и разгрому группы армий «Юг». Операцию проводили с 3 по 23 августа войска Воронежского и Степного фронтов; координация действий между ними возлагалась на Г. Жукова. В результате за период с 3 по 11 августа харьковская группировка противника оказалась охваченной с трех сторон. Однако немцы за счет умелой внутренней группировки сил сосредоточили в районе Ахтырки и Богодухова более десяти дивизий (около 600 танков) и нанесли контрудар. Завязались ожесточенные сражения в обширном районе западнее Харькова. 20 августа советское командование, подтянув крупные резервы, пошло в наступление и 23 августа в результате ночного штурма Харьков был освобожден. Войска двух фронтов продвинулись в глубину примерно на 150 км и разгромили мощную группировку врага, создав условия для освобождения Левобережной Украины и выхода на Днепр. Битва под Курском продолжалась 50 дней на фронте от 400 до 550 км, с обеих сторон в ней участвовали громадные силы — около 300 дивизий (свыше 4 млн. чел.). В итоге была сорвана последняя попытка Германии развернуть крупное стратегическое наступление на Восточном фронте. Отныне враг был обречен на затяжную войну и оборонительную стратегию, потеряв 30 отборных дивизий, в том числе 7 танковых. Моральный дух немецких войск сильно упал, взять реванш за Сталинград не удалось. А это означало, что все надежды на благоприятный исход войны с Россией провалились.

Потери советских войск в этой битве были исключительно велики. Они составили: безвозвратных — 254,4 тыс. чел., санитарных — 608,8 тыс. чел. Людские потери противника (по

немецким данным) были в 3,5 раза меньше. В технике советские войска потеряли более 6 тыс. танков и 1600 самолетов, тогда как немцы – всего 1300 танков и около 1 тыс. самолетов. Большие потери в танках объясняются тем, что наш Т-34 нуждался в более мощной пушке, чем 76-миллиметрового калибра. Пушки немецких «тигров» и «фердинандов» имели более высокую начальную скорость бронебойного снаряда и дальность стрельбы, а сами танки и штурмовые орудия более мощную броневую защиту. Причины неблагоприятного для советских войск соотношения потерь кроются в недостаточно умелом руководстве их военачальников; неудачном применении танковых соединений (фронтальные атаки против танковых группировок противника); неполном использовании возможностей обороны, шаблонном подходе к прорыву немецкой обороны. Все это позволяло противнику провести умелое маневрирование войсками при обороне и нанесении контрударов. Тем не менее, немецкие генералы вынуждены были признать, что летние бои 1943 г. серьезно подорвали способность их армий к сопротивлению и отрицательно сказались на моральном состоянии солдат, «в то время как управление войсками, вооружение и оснащение противника, напротив, улучшилось».

Благодаря успехам Красной Армии союзники получили возможность провести военную операцию в Италии, поскольку Курская битва заставила немецкое командование снять со средиземного театра действий крупные соединения авиации и других войск, вывести большинство боеспособных дивизий из Франции и Голландии. Поражение под Курском окончательно убедило страны фашистского блока в том, что соотношение сил коренным образом изменилось в пользу Советского Союза. Усилились попытки Венгрии заключить сепаратный мир с Западом. Осенью 1943 г. испанский диктатор Франко выводит свою потрепанную «Голубую дивизию» из-под Ленинграда. Намечился кризис в отношениях между Германией и Финляндией.

Итоги военных действий Красной Армии во второй половине 1943 г.

Стремясь удержать в своих руках угольно-металлургические базы Донбасса и Криворожья и плодородные земли Украины, немецкое командование решило на всем Восточном фронте перейти к обороне. Уже

11 августа оно отдает приказ о немедленном строительстве «Восточного вала» – стратегического оборонительного рубежа по реке Нарве–Псков–Витебск–Орша–река Сож–среднее

течение Днепра—река Молочная. Особое значение придавалось Днепру как главной части «Восточного вала».

Ставка Верховного Главнокомандования, используя благоприятную обстановку, сложившуюся под Курском, поставила задачу освободить Донбасс, Левобережную Украину и Крым, выйти на Днепр и захватить плацдармы на его правом берегу. Помимо этого планировался ряд операций в центре советско-германского фронта и захват плацдарма у Керчи. Поставленная задача была выполнена успешно. Нанеся поражение группе армий «Юг», советские войска сокрушили оборону противника на Днепре, с ходу форсировали его и создали на Правобережье два важных стратегических плацдарма киевский и кременчугско-днепровский. Разгром противника на реке Молочной и в низовьях Днепра содействовал освобождению Тамани и проведению Керченской десантной операции. С конца августа по декабрь 1943 г. Красная Армия, разгромив основные силы группы армий «Юг», продвинулась на запад в радиусе 200–400 км, освободив почти половину территории Украины от фашистских оккупантов. За весь период летне-осенней кампании было освобождено более 40 тыс. населенных пунктов, в том числе 162 города: стали свободными Киев, Харьков, Орел, Таганрог, Брянск, Смоленск, Гомель, Днепропетровск, Днепродзержинск, Запорожье, Сталино (ныне Донецк), Новороссийск и другие крупные промышленные центры.

Роспуск Коминтерна	Война оказала заметное влияние на деятельность Коммунистического Интернационала. 22 мая 1943 г. в «Правде» было опубликовано постановление президиума исполкома Коминтерна о роспуске. Этому предшествовало заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором Сталин объяснял причины подобного шага, ссылаясь на опыт, который «показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного международного центра». Обстановка войны, различия в положении отдельных партий, потребность в оперативном решении насущных вопросов антифашистской борьбы диктовали необходимость нового подхода к руководству компартиями. В интервью корреспонденту агентства «Рейтер» Сталин указал, что роспуск Коминтерна разоблачает ложь о намерении Москвы большевизировать другие государства, о том, что компартии действуют не в

интересах своих народов, а по приказу извне. Однако эта акция вызвала далеко не однозначную реакцию. Если компартиями США и других стран антигитлеровской коалиции роспуск Коминтерна был воспринят в целом положительно, то в кругах польского и югославского подпольного движения развернулась антикоммунистическая кампания, хотя работа, которую проводил Коминтерн — руководство антифашистскими комитетами, нелегальным радиовещанием на другие страны, связями с границей, телеграфным агентством «Супресс», изданием литературы на иностранных языках не только не была свернута, но приобрела еще больший размах с той лишь разницей, что теперь ее возглавлял отдел международной информации ЦК ВКП(б). Роспуск Коминтерна был положительно воспринят и руководителями западных стран, в первую очередь США. Изменились отношения между Москвой и другими коммунистическими партиями; больший упор был сделан на двусторонние контакты руководства ВКП(б) — прежде всего И. Сталина и В. Молотова, с лидерами зарубежных компартий.

Проблема открытия второго фронта в Европе	Успехи Красной Армии в ходе контрнаступления под Сталинградом создали благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе. Однако США и Англия на совместной конференции в Касабланке (январь 1943 г.) решили поначалу сосредоточить свои силы в районе Средиземноморья с целью захвата Сицилии. По отношению к Германии было решено ограничиться воздушными налетами и накапливать в Англии силы для высадки на континент, когда, по словам У. Черчилля, «сопротивление Германии ослабнет до необходимой степени». В начале июня 1943 г. правительства обеих держав известили Советский Союз о своем решении не открывать второй фронт в Европе в 1943 г. В ответной ноте И. Сталин подчеркивал, что Москва разочарована таким оборотом, но что «дело идет здесь не просто о разочаровании советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям».

Однако отношение США к этому вопросу изменилось после победы советских войск под Курском. Советники президента Ф. Рузвельта опасались, что если не провести крупную операцию в Северной Франции, «мощь и престиж СССР будут настолько велики, что какое-либо противодействие советской

политике со стороны США окажется невозможным». И уже на конференции в Квебеке (август 1943 г.) Ф. Рузвельт и У. Черчилль пришли к соглашению о форсировании Ла-Манша в 1944 г. — начале операции «Оверлорд», намеченной на 1 мая 1944 г. В заключительном докладе объединенного комитета начальников штабов на конференции указывалось, что эта операция будет «главным американско-английским наступлением на суше и в воздухе против европейских держав оси». Помимо военных целей (разгрома Германии), ставились и политические — главное, не упустить время своего вторжения на континент, овладеть его важнейшими стратегическими районами, чтобы потом диктовать условия мира.

Определенность со сроками открытия второго фронта содействовала улучшению отношений между союзниками; наметилась возможность встречи глав правительств трех держав, чему предшествовала конференция министров иностранных дел (Москва, октябрь 1943 г.), на которой был подписан особо секретный протокол, подтверждающий намерения США и Англии начать военные операции в Северной Франции весной 1944 г. Рузвельт, выступая перед американскими военными в ноябре 1943 г., сказал, что «Соединенные Штаты должны занять Северо-Западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также порты Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты». С точки зрения американцев, средиземноморская стратегия Черчилля, которую поддерживало правительство США до середины 1943 г., исчерпала себя. Второй фронт на Западе давал Америке возможность «не допустить Красную Армию в жизненно важные районы Рура и Рейна, чего никогда не достигло бы наступление со стороны Средиземного моря». Растущее превосходство американцев в живой силе и технике вынудили Черчилля принять их план.

Тегеранская конференция Тегеранская конференция, на которой впервые встретились И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, проходила с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. В итоговом документе конференции говорилось, что операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 г. В нем также было зафиксировано заявление Сталина о том, что «советские войска предпримут наступление примерно в

это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт». Несмотря на некоторые разногласия в позициях США и Англии по вопросу об открытии второго фронта в Европе, нельзя согласиться с мнением ряда западных историков о том, что на Тегеранскую конференцию Черчилль и Рузвельт прибыли, «не имея согласованного плана». Расходясь во мнениях по вопросу о месте нанесения главного удара в 1944 г. (Средиземноморье и Балканы или Северная Франция) они сходились в главном: в совместном с Красной Армией разгроме Германии и в сдерживании влияния и советской мощи в Европе после войны. Стремясь максимально обезопасить себя от возможного провала операции «Оверлорд», союзники выдвинули требование к Москве: «немцы не должны иметь возможность перебросить с других фронтов более 15 первоклассных дивизий в течение первых 60 дней операции». Верный своему союзническому долгу и обязательствам, данным на Тегеранской конференции, Советский Союз в момент проведения высадки союзников провел успешно операцию на северном крыле советско-германского фронта, а 23 июня 1944 г. начал Белорусскую – одну из крупнейших в войне. Перенос в 1944 г. фронт военных действий в Западную Европу, союзники хорошо понимали, что немецкая армия несет на Восточном фронте огромные потери, с каждым днем теряя под натиском русских свои силы.

На конференции рассматривался вопрос о Польше. К этому времени отношения между СССР и польским эмигрантским правительством в Лондоне были разорваны в связи с пропагандистской акцией нацистов по поводу так называемого Катынского дела. До этого момента контакты между двумя странами развивались успешно – они были восстановлены в июле 1941 г. и тогда же на территории СССР началось формирование польской армии. При рассмотрении будущих границ Польши Черчилль внес такое предложение: «очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер с включением в состав Польши Восточной Пруссии и «Оппельнской провинции». На это возразил Сталин, сказав, что «русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море, поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель (ныне Калининград и Клайпеда) и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более, что

исторически — это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем».

На конференции обсуждалась также проблема послевоенного устройства Германии. Руководство СССР в принципе готово было поддержать идею союзников (в первую очередь Рузвельта) о расчленении Германии на отдельные государства с целью предотвращения в будущем новой агрессии. Когда же Сталин понял, что за этим скрывается намерение в конечном счете «свалить на СССР ответственность за расчленение», он изменил свою позицию и 9 мая 1945 г., в день Победы, в обращении к советскому народу сказал, что «Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирался ни расчленять, ни уничтожать Германию». Огромное политическое значение имела опубликованная в печати Декларация трех держав о совместных действиях в войне против фашистской Германии и о послевоенном сотрудничестве.

Советская внешняя политика добилась главного — открытия второго фронта в Европе в мае 1944 г.

§ 3. Завершающий период (1944 г. — сентябрь 1945 г.)

Положение воюющих сторон к началу 1944 г.	Для укрепления восточного фронта командование немецких войск к концу 1943 г. перебросило с запада 75 дивизий, большое количество боевых машин, вооружения, материально-технических средств. Однако промышленность Германии уже была не в состоянии удовлетворять непрерывно возрастающий спрос на боевую технику, несмотря на все усилия немецкого правительства, направленные на совершенствование производства, на разработку новых мер по «рационализации и тотальной мобилизации германской и иностранной рабочей силы». С осени 1944 г. на военную службу в вермахт ежемесячно мобилизовывалось свыше 200 тыс. чел. (главным образом из занятых в металлургической промышленности). Однако поступавшее пополнение не возмещало потерь, которые несли немецкие войска. К тому же большинство призванных не обладало ни боевыми качествами, ни военным опытом. Из-за больших потерь самолетов, летного состава и сокращения

производства бомбардировщиков значительно снизилась ударная мощь немецких военно-воздушных сил. Всего армии противника на советско-германском фронте насчитывали 4906 тыс. чел. (в том числе войска сателлитов – 706 тыс.) На вооружении армий было 54 570 орудий и минометов, 5400 танков и штурмовых орудий, 3073 самолета.

По свидетельству Жукова, в декабре 1943 г. «в узком кругу лиц» Сталин поставил вопрос о новой форме проведения военных кампаний в 1944 г. Превосходство над противником в плане стратегической инициативы, выгодное расположение войск, достаточные людские и материально-технические резервы позволяли провести крупные операции не на одном-двух направлениях, а последовательно на всем фронте. Для начала наступательных операций было выбрано десять районов. Расчет делался на то, чтобы противник, маневрируя силами и средствами, ослаблял плотность своих войск именно там, где намечался очередной удар. «Теперь, – сказал Сталин, – мы стали сильнее, наши войска опытнее. Мы не только можем, но и должны проводить операции на окружение».

К началу 1944 г. в действующей армии СССР насчитывалось 6736 тыс. чел., 97 690 орудий и минометов (без учета реактивных установок), 5628 танков и самоходно-артиллерийских установок, 8818 боевых самолетов. За 1944 – апрель 1945 г. в стране было произведено 6,2 млн. единиц стрелкового оружия, 45 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, 58,6 орудий и минометов, 41,4 тыс. боевых самолетов.

Помощь СССР по ленд-лизу

Большое значение для Советского Союза на завершающем этапе войны имела помощь союзников (США, Великобритании, Канады) по

ленд-лизу. Это была от начала до конца хорошо продуманная внешнеполитическая стратегия западных стран или, по выражению зарубежных историков, «акт рассчитанного своекорыстия». До 1943 г. включительно помощь СССР предоставлялась американцами с таким расчетом, чтобы не дать ему возможности получить решающий перевес над Германией. Несколько иными мотивами руководствовалась Англия. Ее главной целью, начиная с лета 1941 г., стала поддержка СССР «во имя сохранения советско-германского фронта и предотвращения высадки вермахта на Британские острова».

Общий план поставок по ленд-лизу оценивался в 11,3 млрд. долл. (в том числе около 10 млрд. из США). Четверть всех

грузов приходилась на долю продовольствия. Хотя общий объем поставок составлял, по подсчетам советских экономистов, примерно 4 % валового промышленного производства в СССР за годы войны, размеры ленд-лизских поставок по отдельным видам вооружения были весьма значительны. Так, автомобилей — около 70 %, танков — 12, самолетов — 10 % (в том числе 20 — от общего производства фронтовых бомбардировщиков, 16–23 % — фронтовых истребителей). Некоторые виды поступавшей техники — десантные суда, неконтактные тралы, отдельные образцы радиолокационной и гидроакустической аппаратуры в нашей стране вообще не производились. Доставка грузов в Советский Союз шла в основном по трем океанским маршрутам: через Северную Атлантику (22,7 % общего количества поставок по ленд-лизу); Южную Атлантику, Персидский залив и Иран (23,8 %); по тихоокеанскому маршруту (47,1 %).

В апреле 1945 г. конгресс США внес изменения в закон о ленд-лизе, оговорив, что он является «исключительно актом военного времени» и фонды его не могут предназначаться «для целей реконструкции и восстановления». 11 мая 1945 г. президентом Г. Труменом была издана директива о прекращении поставок Советскому Союзу для военных действий в Европе, а в августе распоряжение о прекращении всяких поставок в СССР с момента подписания акта о капитуляции Японии. Отказ от безоговорочной помощи СССР свидетельствовал о кардинальном изменении позиции США.

Вклад ленд-лиза в общую победу над врагом был довольно высок. Особенно важными были поставки автотранспорта (американские джипы и студебекеры), высокоточных приборов, станков, дефицитного сырья и нефтепродуктов, технологического оборудования. Тяжелые людские потери и утраты техники несли отважные союзные моряки на опасных океанских коммуникациях. Только на Северном морском пути погибло около 100 транспортных судов и двух десятков боевых кораблей.

Советские стратегические наступательные операции в 1944 г.	Зимняя кампания 1944 г. прошла под знаком крупных побед Красной Армии. Из 10 ударов первый был нанесен по врагу под Ленинградом и Новгородом в январе. В результате блокада была снята полностью. Войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов (командующие Л. Говоров, К. Мерецков, М. Попов) во взаимодействии с Балтийским флотом очистили от противника за-

падную часть Ленинградской области, освободили Калининскую, вступили на землю Эстонии.

Второй удар представлял ряд крупных наступательных операций, проведенных в феврале-марте в районе Корсунь-Шевченковского и на Южном Буге. В ходе этой операции была освобождена вся Правобережная Украина. Советские войска вышли на рубежи, выгодные для последующего глубокого проникновения в юго-восточные районы Европы, — на Балканы против Румынии и против Венгрии.

В результате третьего удара в апреле-мае были освобождены Одесса, Севастополь и весь Крым. В связи с ликвидацией крымской группировки противника высвободились войска 4-го Украинского фронта, что позволило усилить стратегические резервы Ставки.

Четвертый удар (июнь 1944 г.) был нанесен по плацдармам противника на Карельском перешейке и в районе Ладожского и Онежского озер, что привело к освобождению большей части Карелии и предредило выход Финляндии из войны на стороне Германии. Для немецких войск в Заполярье в этой связи сложилась крайне невыгодная обстановка.

Пятый удар — Белорусская наступательная операция («Багратион»), проводившаяся с 23 июня по 29 августа против группы армий «Центр», одна из крупнейших в этой войне. В ней участвовали армии четырех фронтов: 1, 2 и 3-го Белорусских (командующие К. Рокоссовский, Г. Захаров, И. Черняховский), 1-го Прибалтийского (командующий И. Баграмян), силы Днепровской военной флотилии, 1-я армия Войска Польского. Ширина фронта боевых действий достигала 1100 км, глубина продвижения войск 550–600 км, среднесуточный темп наступления составлял 14–20 км. В связи с успехами Украинских фронтов зимой 1943/44 г. немецкое верховное командование ожидало, что летом 1944 г. советские войска нанесут главный удар на юго-западном участке между Припятью и Черным морем, но наступать одновременно по всему фронту не смогут. Даже когда командованию армий «Центр» стало известно о сосредоточении значительных сил советских войск в Белоруссии, в германском генеральном штабе по-прежнему считали, что русские ударят прежде всего по группе армий «Северная Украина». Скованные обороной на других участках советско-германского фронта, немцы уже не рассчитывали на переброску в помощь дивизий с неатакованных участ-

ков фронта. Имеющихся в распоряжении группы армий «Центр» резервов было недостаточно. Советские войска, согласно плану операции, должны были нанести сходящиеся удары по витебской и бобруйской группировкам врага, окружить и уничтожить их. Одновременным прорывом обороны на шести участках предполагалось расчленить вражеские силы и тем самым ослабить их сопротивление. Ликвидация противника открывала бы широкие возможности для прорыва войск на территорию Белоруссии, нанесения сходящихся ударов по минской группировке врага и окружения главных сил 4-й немецкой армии восточнее Минска. Огромные бреши в обороне врага позволили бы советскому командованию ввести дополнительные резервы и расширить фронт наступления, в том числе и за счет активных действий партизан, перед которыми ставились задачи дезорганизации оперативного тыла противника, срыва каких бы то ни было поставок к линии фронта, информации по радио о передвижениях врага. Советские войска и партизаны блестяще справились со всеми задачами. В операции «Багратион» участвовало 168 дивизий, 12 корпусов и 20 бригад. Численность войск к началу операции составляла 2,3 млн. чел. В результате была уничтожена одна из наиболее сильных вражеских группировок – «Центр». «Большого кризиса, чем мы имели в этом году на востоке, – сказал Гитлер, – представить себе нельзя». Командованию сухопутных войск он бросил обвинение в пораженчестве и в «измене доброму делу».

Константин Константинович Рокоссовский (1896–1968) родился в Варшаве в рабочей семье. Участник первой мировой войны. Гражданскую войну провел на фронте без всяких перерывов, дважды ранен, за боевые отличия трижды награжден орденом Красного Знамени. На Восточном фронте воевал против белочехов, колчаковцев, отрядов барона Унгерна. Участвовал в подавлении «контрреволюционных восстаний» в районе Вологды и Харькова. С августа 1937 г. по март 1940 г. находился под следствием в НКВД; освобожден в связи с прекращением дела. В начале Отечественной войны – командир 9-го мехкорпуса, с августа 1941 г. – командовал 16-й армией, с июля 1942 г. – Брянским, с сентября – Донским, с февраля 1943 г. – Центральным, с октября Белорусским, с февраля 1944 г. – 1-м Белорусским, с ноября 1944 г. по июнь 1945 г. – 2-м Белорусским фронтом. Войска под командованием Рокоссовского успешно действовали в Смоленском сражении 1941 г., в Московской, Сталинградской и Курской битвах, в Белорусской, Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и Берлинской стратегических операциях. Уместно привести следующие слова маршала авиации А. Голованова о полководческом даре Рокоссовского: «Его блестящие операции по разгрому и ликвидации более чем трехсоттысячной армии Паулюса, окруженной под Сталинградом, его оборона, организованная на Курской дуге с последующим

разгромом наступающих войск противника, боевые действия руководимых им войск в Белорусской операции снискали ему не только славу великого полководца в нашей стране, у нашего советского народа, но и создали ему мировую известность». Именно Рокоссовскому принадлежит необычное для того времени решение: в ходе операции «Багратион» нанести одновременно два главных удара, чтобы противник не мог определить, на каком направлении должен развиваться успех. Несмотря на категорические возражения Генштаба, Жукова и Сталина, Рокоссовскому удалось убедить своих оппонентов в правильности своего мнения и блистательно выиграть сражение, разгромив основные силы немецкой группы армий «Центр», что привело к радикальному изменению военной ситуации на советско-германском фронте. Рокоссовский – маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В 1949 г. по просьбе правительства Польши – министр национальной обороны этого государства, с 1956 г. – на командных должностях в Министерстве обороны СССР.

Оставил мемуары «Солдатский долг». Первое издание 1968 г. подверглось строгой цензуре. Из рукописи были изъяты страницы, где маршал писал о недостаточной боевой готовности Красной Армии, критически оценивал деятельность командования Киевского особого военного округа накануне и в первые дни войны, отмечая потерю управления соединениями, случаи паники в войсках. Особенно большие купюры были в главах о Смоленском сражении, событиях Московской и Курской битв, а также там, где Рокоссовский вступал в острую полемику с другим прославленным маршалом – Г. Жуковым. В 1997 г. мемуары полководца были опубликованы без изъятий.

Во второй половине 1944 г. было проведено еще пять наступательных операций – пять мощнейших ударов по врагу. В ходе шестого удара (июль-август) войска 1-го Украинского фронта (командующий И. Конев) разгромили группу армий «Северная Украина» в районе Броды–Рава-Русская–Львов и образовали за Вислой, западнее Сандомира, крупный плацдарм. Появились возможности для изгнания немцев из Чехословакии и Румынии и для решающего похода на Берлин.

В результате седьмого удара (август) войска 2 и 3-го Украинских фронтов (командующие Р. Малиновский и Ф. Толбухин) разгромили немецко-румынские войска в районе Кишинев–Яссы, ликвидировали 22 вражеских дивизии и вышли в центральные районы Румынии. Молдавия была освобождена, Румыния и Болгария капитулировали. Потеря Плоештинского нефтяного района стала, с экономической точки зрения, тяжелым ударом для Германии.

Восьмой удар был нанесен по врагу в сентябре-октябре в Прибалтике. Освободив Эстонию и большую часть Латвии, наши войска нанесли крупное поражение немецкой группе армий «Север», прижав их остатки к морю в Курляндии, в районе Мемеля (Клайпеды), и отрезав с суши от Восточной

Пруссии. Соппротивление немецких войск на этом участке фронта носило особо яростный характер. За счет перегруппировки сил и контратак им удалось закрыть брешь у реки Ангерапп и даже вернуть Гольдап – свидетельство того, что с приближением Красной Армии к границам «третьего рейха» тяжесть сражений будет неуклонно возрастать. Не полагаясь больше на боевой дух немецкого солдата, главнокомандование вооруженных сил Германии усиливает в декабре 1944 г. меры «по борьбе с перебежчиками». Отныне перешедшие к противнику приговаривались к смертной казни, а их семьи отвечали за преступника «имуществом, свободой или жизнью». В марте 1945 г. в Германии вводятся военно-полевые суды, по приговорам которых офицеры и солдаты, нарушившие приказ, подлежали немедленной казни. Для многих источником упорного сопротивления стала боязнь расплаты за развязанную войну, что подкреплялось усиленно геббельсовской пропагандой, рассматривающей русских «как варваров с другой планеты».

В октябре – декабре развернулись наступательные операции, связанные с нанесением девятого удара, между Тиссой и Дунаем. В результате Германия фактически лишилась своего последнего союзника – Венгрии. Бои за Будапешт шли до 13 февраля 1945 г. Людские потери Красной Армии в этой операции (октябрь 1944 – февраль 1945 г.) составили около половины участвующих войск (в том числе 11,1 % – безвозвратных потерь). Войска лишились 1766 танков и самоходно-артиллерийских установок, 4127 орудий и минометов, 293 боевых самолета. В ходе этих боев была оказана также непосредственная помощь Югославии в освобождении Белграда.

Десятый удар войска Карельского фронта (командующий К. Мерецков) и Северного флота нанесли по войскам 20-й немецкой армии в районе Петсамо (Печенги); они завершили разгром, изгнав фашистов из советского Заполярья и северных районов Норвегии, что резко ограничивало действия флота Германии на северных коммуникациях и лишило ее никелевой руды.

По словам Г. Жукова, крупнейшие победы наших войск в 1944 г. явились «лучшим свидетельством правильного метода стратегического планирования. Главным же средством внезапного для противника коренного изменения оператив-

но-стратегической обстановки были и оставались на протяжении всей войны резервы Ставки». В результате военных операций 1944 г. государственная граница СССР, вероломно нарушенная Германией в июне 1941 г. была восстановлена на всем протяжении от Баренцева до Черного моря. Гитлеровцы были изгнаны из Румынии и Болгарии, из большинства районов Польши и Венгрии. Красная Армия вступила на территорию Чехословакии; во взаимодействии с Народно-освободительной армией Югославии очистила восточные районы страны. Важнейшим военно-политическим итогом летне-осенней кампании 1944 г. стало смещение войны к границам Германии и ее государств-вассалов. Если учесть успешные операции наших союзников во Франции, вышедших к концу 1944 г. к немецкой оборонительной линии Зигфрида, свершилось то, чего больше всего боялось немецкое верховное командование при планировании агрессии: Германия оказалась зажатой между двумя фронтами – Западным и Восточным, на котором фашисты держали по-прежнему большую часть своих сил.

О характере Отечественной войны на заключительном этапе	Ряд современных историков, включая отечественных, считает, что после выхода советских войск в Европу, за пределы своих границ, война перестала быть народной. Отстаивающие подобную точку зрения, не отрицая, что военнополитическая ситуация того времени «диктовала Советскому Союзу необходимость разгрома гитлеровской Германии на ее территории», связывают освобождение европейских народов от фашистского ига с так называемым заграничным походом русской армии в Европу в 1813 г. Тем самым сознательно замалчивается тот факт, что война, развязанная Германией против народов Советского Союза, коренным образом отличается от всех предшествующих, в том числе и от тех, которые велись силами рейха против других стран. «Поход на Восток» был войной не просто за «жизненное пространство». Это было прежде всего войной двух мировоззрений, как четко сформулировано в речи немецкого фюрера перед командованием вермахта 30 марта 1941 г. За рассуждениями об «анти-социальной сущности большевизма» легко угадывается антирусская, антиславянская, античеловеческая направленность его политики и претворение в жизнь теперь уже печально

знаменитого генерального плана «Ост». Поэтому русский народ, застигнутый врасплох, сначала вел борьбу в прямом смысле за свое выживание, а на завершающем этапе войны, хорошо понимая, кто ему противостоит, уже на территории других стран продолжал добывать своего смертельного врага. Нередко логика борьбы в реальной истории оказывается сильнее логики границ.

Крымская конференция Западные державы, предвидя тяжелые бои с немцами, делали ставку прежде всего на военно-оперативное сотрудничество с Советским Союзом. Во второй половине декабря 1944 г., когда немцы начали наступление в Арденнах, союзники тут же запросили о немедленной помощи. Сталин ее пообещал и вместо запланированного на 20 января 1945 г. наступления советские войска 12 января начали Висло-Одерскую операцию.

С 4 по 11 февраля 1945 г. в Ялте проходила конференция союзников. В ней участвовали Сталин, Рузвельт, Черчилль, министры иностранных дел трех держав, представители генеральных штабов, политические и военные советники. В оценке этой конференции существует некоторая двойственность. Сразу же по ее окончании Черчилль заявил: «Мне не известно ни одно правительство, которое выполняло бы свои обязательства более точно, нежели русское Советское правительство». Американский госсекретарь Стеттениус в этой связи отмечал, что «в Ялте уступки Советского Союза Соединенным Штатам и Англии были больше, чем их уступки Советам». Теперь все чаще мелькает утверждение, что Сталин, якобы, «обманул западные державы», но факты – вещь упрямая. В действительности на конференции было подписано секретное соглашение, предусматривавшее вступление Советского Союза в войну с Японией через два-три месяца после капитуляции Германии. Это решение особо приветствовал Рузвельт, поскольку американцы считали, что после капитуляции Германии для разгрома Японии потребуется полтора года. Но Сталин поставил перед союзниками ряд политических условий, на которых Советский Союз «вступит в войну против Японии», а именно: возвращение Южного Сахалина и прилегающих к нему островов, аренда Порт-Артура в качестве советской военно-морской базы, совместная с китайцами эксплуатация КВЖД, получение Курильских островов.

Условия были приняты Рузвельтом и Черчиллем, о чем было составлено специальное соглашение.

На конференции были также согласованы планы принудительных условий безоговорочной капитуляции Германии и общие принципы обращения с нею как с побежденной страной. По условиям соглашения вооруженные силы трех держав в ходе оккупации Германии размещались в строго определенных зонах. Вооруженным Силам СССР отводилась восточная часть Германии. Район «Большого Берлина» должны были занять Вооруженные Силы СССР, США и Англии. Особое место на конференции занял вопрос, поставленный нашей делегацией, о репарациях со стороны Германии. Общая сумма репараций составляла примерно 20 млрд. долл., из них СССР претендовал на половину. Ф. Рузвельт согласился с тем, что Россия должна получать репарации.

Предметом острых политических коллизий стал на конференции польский вопрос. США и Великобритания связывали свои надежды влияния на Польшу с возвращением туда эмигрантского правительства. Руководство Советского Союза исходило из того, что освобождение русскими войсками Польши изменили прежнее недоброжелательное отношение поляков к русским, а на освобожденных территориях уже созданы органы Крайовой Рады Народовой и Польского Комитета национального освобождения, в которых решающую роль играли коммунисты. От состава правительства в Польше зависели ее послевоенные отношения с Советским Союзом. В ответ на реплику У. Черчилля о том, что для Англии Польша — это «вопрос чести», И. Сталин заметил, что «для России этот вопрос как чести, так и безопасности. На протяжении всей истории Польша служила коридором, через который проходили враги России для нападения на нее». СССР высказался за значительное приращение территории Польши на западе за счет установления границы по рекам Одер и Нейсе (Западной) (ныне Ныса-Лужицка) и подтвердил установление границы по линии Керзона на востоке.

Руководители трех союзных держав приняли решение о созыве 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций с целью подготовки устава международной организации безопасности.

**Положение
советских
военнопленных
и репатриация
советских
граждан**

Среди соглашений, подписанных союзниками в Ялте, одно касалось обмена военнопленными. «С теми, кто воевал на стороне немцев, разберутся по их возвращении», – сказал Сталин. По договоренности сторон этот документ носил секретный характер. В нем значилось, что

«все советские граждане, освобожденные союзными войсками», должны быть переданы советским представителям власти в заранее установленных пунктах и порядке. Эта акция носила принудительный характер. «Западники», т.е. жители Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины, оказавшиеся на территории, занятой англо-американскими войсками, обязательной репатриации не подвергались. В мае-июне 1945 г. англичане выдали из своей зоны оккупации Советскому Союзу: казачьи части под командованием Доманова в Лиенце, 15-й казачий кавкорпус генерала фон Паннвица, части генерала А. Шкуро, кавказские части под командованием Клыч Гирея. Принудительная депортация советских военнопленных осуществлялась и из американской оккупационной зоны.

По данным уполномоченного по делам репатриации Ф. Голикова, к 1 марта 1946 г. было репатрировано 5 352 963 советских граждан (3 527 189 гражданских и 1 825 774 военнопленных). После проверки и фильтрации их органами НКВД, НКГБ и контрразведки «СМЕРШ» их распределили следующим образом: по месту жительства (включая спецпоселения) было отправлено 58 %, призвано в армию – 19, зачислено в рабочие батальоны наркомата обороны – около 15, передано в распоряжение НКВД – около 7 % (преимущественно военнопленных). Репатриантам объявлялось, что они сохраняют все права граждан СССР. На практике они столкнулись с совершенно другим. Так, угнанных насильственно в Германию в качестве «остарбайтер» Советская власть нередко рассматривала как людей, совершивших «добровольный выезд во вражескую страну». На родине им приходилось жить в обстановке враждебного отношения, испытывать явную дискриминацию при поступлении на работу, учебу и т.д.

Военнопленные не считались, согласно советским законам, участниками войны: за «сдачу в плен врагу, не вызывавшуюся боевой обстановкой», полагался расстрел. Сам этот факт квалифицировался как измена Родине. Во время войны осво-

божденные из вражеского плена солдаты подлежали проверке, после которой рядовой и сержантский состав, как правило, восстанавливался на военной службе, офицеры же лишались званий и направлялись в штрафные батальоны.

Особым было отношение к лицам, сотрудничавшим в годы войны с немцами. Эта тема в отечественной историографии изучена слабо, публикации архивных документов выборочны, имеют предвзятый характер, оценки их идеологизированы. Наибольшую известность среди тех, кто открыто выступил против советской власти, был попавший в плен летом 1942 г. бывший командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант А. Власов. Движение, которое он возглавил, стало называться его именем. В советской исторической науке оно объявлялось «движением, которого не было», а участники его назывались предателями и изменниками Родины, которым «никаких оправданий нет и не может быть». В работах зарубежных авторов, в первую очередь немецких, власовское движение рассматривается как национальное русское освободительное движение (как открытая оппозиция Сталину и большевистской системе), которое «следовало бы считать оправданным в моральном и политическом отношении», и если бы Гитлер вел войну против Советского Союза не как захватническую, а как освободительную, это привело бы к «крушению сталинского режима».

К концу 1941 г. в фашистском плену оказалось 3,8 млн. солдат, офицеров, политработников и генералов (эта цифра, взятая из немецких источников, завышена, так как включает всех, кто отходил вместе с отступавшими советскими войсками, взятыми затем в окружение). К февралю 1942 г. в лагерях военнопленных оставалось около 1 млн. чел. 280 тыс. из них были отпущены немецкими властями (для службы в вермахте и полиции), свыше 2 млн. погибли. По свидетельству военнопленного, врача по профессии Ф. Чумакова, даже в показательном немецком госпитале «Грос-лацарет-Украина» пленные получали «тот же голодный паек, не дающий шансов на выживание». В этих условиях люди часто шли на сотрудничество с немцами, чтобы просто физически выжить, тут уж было не до политического выбора. И тем не менее, среди перешедших на сторону врага было немало убежденных противников советской власти, которые рассматривали войну как удобное время для сведения с нею счетов. Здесь

было немало репрессированных военных, представителей белого движения, раскулаченных, расказаченных, измученных людей России, дерзнувших в этот черный час поставить на «немецкую карту». Немецкая пропаганда активно использовала в целях идеологической обработки то обстоятельство, что по советским законам попавшие в плен бойцы считались изменниками, дезертирами и подлежали суровой каре. Тем самым внушалась мысль, что их в лучшем случае ждет тюрьма и потому выбор один – сотрудничество с немцами. Были, конечно, простаки, наивно полагавшие, что немцы затеяли «поход на Восток», чтобы «освободить народы России от большевистской тирании».

Коллаборационизм в СССР. По западным оценкам, в немецких частях к середине 1943 г. насчитывалось от 400 до 600 тыс. добровольцев (преимущественно из числа **Власов и власовцы** советских военнопленных). Помимо этого на стороне немцев действовали отдельные боевые части, начавшие формироваться из добровольцев с января 1942 г. Всего за войну было создано 90 пехотных батальонов численностью около 1000 чел. каждый (26 – туркестанских, 15 – азербайджанских, 13 – грузинских, 12 армянских, 9 – северокавказских, 8 – крымских татар, 7 – волжских татар и других народов Поволжья и Урала). К весне 1943 г. была сформирована 1-я казачья дивизия под командованием фон Паннвица. Помимо этого действовал еще ряд частей и соединений, охранных подразделений, вспомогательных немецких команд (к концу 1944 г. в войсках СС числилось 7 дивизий из украинцев, белорусов и прибалтов). Общая цифра коллаборационистов составляет, по мнению зарубежных авторов, около 1 млн. чел. По оценкам советских военных историков, эта цифра является завышенной.

Вопреки мнению отдельных влиятельных лиц в немецком военном командовании (В. Браухич, например и др.), считавших «формирование русской армии для борьбы против большевиков делом неотложно необходимым», Гитлер был решительно против этой идеи. Летом 1943 г. на совещании с фельдмаршалом Кейтелем и начальником генштаба Цейтлером Гитлер сказал: «Мы никогда не создадим русской армии. Это чистая химера», сославшись при этом на опыт истории, которая учит, что «такие национальные движения в моменты кризиса всегда обращаются против державы-захватчика». Правильность этой мысли со временем подтвердилась: в ре-

зультате разгрома немцев под Сталинградом активность восточных легионов резко снизилась. Немцы в срочном порядке расформировали ненадежные части, сохранившиеся переводили во Францию, Голландию, Бельгию, Италию и на Балканы.

В конце 1944 г. началось формирование так называемой Русской освободительной армии (РОА), а 28 января 1945 г. Гитлер назначает Власова главнокомандующим всеми русскими формированиями – новообразованными и возникшими в результате перегруппировок.

История Власова крайне поучительна. По происхождению он из крестьян, кадровый военный, с 1939 г. командир 99-й дивизии в Перемышле; с 1941 – командующий мехкорпусом во Львове, затем комендант Киевского укрепленного района и командующий 37-й армией. Во время Московской битвы командовал 20-й армией, войска которой отобрали у немцев Солнечногорск. Имел отличные военные аттестации, в том числе от Г. Жукова. 15 апреля 1942 г. вступил в должность командующего 2-й ударной армией на Волховском фронте. К этому времени армия находилась почти в полном окружении, в результате последующих боев была разгромлена, более 30 тыс. чел. попали в плен, немногим удалось выйти к своим. 12 июля 1942 г. Власов попадает в руки немецкого патруля и после коротких раздумий принимает решение о сотрудничестве с врагом.

В специальном меморандуме, подготовленном в начале августа 1942 г. вместе с бывшим командиром 41-й стрелковой дивизии полковником Боярским, всю вину за поражение Красной Армии он возлагает на Сталина и его режим, который, по мнению авторов документа, держится на штыках НКВД. В армии и народе, указывалось в нем, «все яснее пробуждается сознание бесполезности и бесперспективности дальнейшего ведения войны». Для свержения правительства и создания «новой России» предлагалось создать из населения оккупированных областей и военнопленных «русскую армию», что должно было «придать оппозиционному движению характер законности, устранить мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных». Впоследствии на допросах Власов признавал, что военнопленные генералы П. Понеделин, М. Снегов и М. Лукин отказались сотрудничать в создании РОА, так как не верили немцам.

Имя Власова более двух лет активно использовалось немцами в антисоветской пропаганде. Но только коренное изменение военной ситуации на советско-германском фронте заставило немцев дать согласие на создание РОА. К апрелю 1945 г. было сформировано три дивизии (одна в полном составе),

противотанковая бригада, военно-воздушные подразделения; открыто офицерское училище. Сухопутные силы РОА насчитывали около 45 тыс. чел. Основу их составляли военнопленные, в том числе прошедшие службу в русских пехотных батальонах и дивизиях СС. Среди ближайшего окружения Власова, составлявшего офицерский костяк РОА, были генерал-майор Ф. Трухин (бывший начальник оперативного штаба ПриОВО), В. Малышкин (бывший начальник штаба 19-й армии), Г. Жиленков (бывший член Военного Совета 32-й армии), С. Буняченко (бывший командир 389-й стрелковой дивизии), Д. Закутный (бывший начальник штаба 21-го стрелкового корпуса) и ряд других офицеров и политработников Красной Армии. Истребительную и бомбардировочную эскадрильи РОА возглавляли Герои Советского Союза С. Бычков и Б. Антилевский. Войска РОА дважды участвовали в боях против советских войск – в феврале и апреле 1945 г. на Одере.

Помимо воинских формирований, сотрудничавших с фашистами, создавались различные национальные комитеты. По замыслу германской верхушки их целью был раскол союза народов нашей страны, неприятие Советской власти. В 1942 г. были созданы северо-кавказский, туркестанский, татарский, калмыцкий, карачаевский, кабардино-балкарский, азербайджанский, армянский, грузинский и другие комитеты. Ведущая роль в них оставалась за эмигрантами. В марте 1945 г. германское правительство признало эти комитеты в качестве самостоятельных национальных правительств своих независимых государств. В ноябре 1944 г. был создан так называемый Комитет Освобождения Народов России (КОНР) под председательством А. Власова. В его задачи входило: свержение сталинского режима и возвращение народам прав, завоеванных в революции 1917 г.; прекращение войны и заключение почетного мира с Германией; создание «новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров».

Власовское движение отразило объективно-глубокий раскол, который не могли скрыть идеологические лозунги о «морально-политическом единстве советского народа». Для солдатской массы, вышедшей преимущественно из крестьян, неизбывной оставались жестокость насильственной коллективизации, ее неприятие, мятежи. Многие офицеры Красной Армии разделяли подобные настроения. Так, по данным контрразведки «СМЕРШ», некоторые генералы (Понеделин,

Артеменко, Егоров, Лизутин, Лукин, Зыбин и др.) в немецком плену высказывали «антисоветские настроения», разводили «агитацию против колхозного строя», «клеветали на руководителей ВКП(б) и советское правительство». Репрессии, охватившие Красную Армию перед войной, усиливали недовольство политическим режимом в СССР. Все это создавало питательную среду для антиколхозных настроений, подавало зыбкую надежду на избавление от деспотизма большевиков с немецкой помощью. Однако очень скоро оккупанты обозначили истинные цели своего «похода на Восток» и поставили людей перед выбором: или встать на сторону Гитлера, или защищать Отечество. В большинстве своем народы выбрали верный путь. Сложнее обстояли дела с теми, кто пошел на службу к врагу. По свидетельству участника власовского движения, «они осознавали, что им отводится роль несения вспомогательной и караульной службы в вооруженных силах, осуществляющих волю политического руководства Германии, а, следовательно, борющихся в сущности не с коммунизмом, а с Россией. Это имело огромное психологическое значение, приводило к возникновению у добровольцев внутренних конфликтов, появлению разочарования, чувства вины перед собственным народом». 2 августа 1946 г. «Правда» опубликовала сообщение о судебном процессе над власовцами и казни 12 человек во главе с А. Власовым. 148 тыс. из них были сосланы на 6-летнее спецпоселение (в эту категорию МВД и МГБ СССР зачисляли служивших не только в РОА, но и в национальных легионах, полиции и др.).

Депортация отдельных народов СССР В годы войны проводилась депортация некоторых народов СССР. Первыми принудительно-му переселению подверглись в 1941–1942 гг. советские немцы (главным образом из республики Немцев Поволжья и с Северного Кавказа). В конце февраля 1944 г. в восточные районы страны было выселено 650 тыс. чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев. Летом 1944 г. их участь разделили около 225 тыс. крымских татар, а также болгар, греков, армян, проживавших в Крыму. В правительственных документах указывались следующие причины выселения: стабилизация политической обстановки в этом регионе и ликвидация бандитизма, очистка территории от «антисоветских, шпионских элементов», наказание за пособничество фашистам и выступление против Советской власти. Депортации подлежало все население указанных национальностей

без исключения и приравнивалось государственными органами к операциям, в которых использовались крупные силы войск НКВД и оперчекистский состав. Так, при выселении чеченцев и ингушей было задействовано 100 тыс. бойцов и офицеров, 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ и «СМЕРШ». Вся эта акция была проведена всего за несколько дней, «организованно и без серьезных случаев сопротивления». Как докладывал Сталину нарком внутренних дел Л. Берия, на месте руководивший операцией, «заслуживающих внимания происшествий нет». Чтобы ускорить перевозку выселенцев к железнодорожным эшелонам, использовались автомашины, полученные незадолго до этого персидским маршрутом по ленд-лизу. За эту операцию более 700 чел. были отмечены боевыми наградами, четверо (Л. Берия, Б. Кобулов, С. Круглов, И. Серов) орденом Суворова I степени.

По данным НКВД, к осени 1944 г. общее число выселенных за время войны составило 1 514 000 чел. Чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы были расселены в Казахской и Киргизской ССР; крымские татары в основном в Узбекской ССР; калмыки – в Красноярском и Алтайском краях, Новосибирской и Омской областях; немцы – в Казахской ССР и Сибири. Весной 1944 г. были отозваны с фронта и отправлены на новые места жительства около 150 тыс. чеченцев, ингушей и карачаевцев. У них изымались военные билеты, им запрещалось ношение погон.

Заключительные операции Красной Армии в Европе. Битва за Берлин

В общем плане кампании Вооруженных Сил СССР на 1945 г. наиболее подробно был разработан первый этап – главный удар на варшавско-берлинском направлении в январе. В результате Висло-Одерской операции войска 1-го Белорусского (командующий Г. Жуков) и 1-го Украинского (командующий И. Конев) фронтов освободили большую часть Польши и вышли на Одер, захватив ряд плацдармов на западном берегу. Проведение этой первой крупной операции за пределами советской территории осложняло отсутствие партизан. Теперь в тылу советских войск активно работала вражеская разведка, проводились диверсии при переброске войск, доставке продовольствия и техники; к тому же узкая железнодорожная колея в Польше и Германии требовала обустройства перевалочных пунктов в местах соединения магистралей.

Самой продолжительной из всех операций 1945 г. стала Восточно-Прусская (13 января – 25 апреля). Германия придавала исключительное значение Восточной Пруссии и захваченным ею землям Польши. Здесь в течение столетий готовился стратегический плацдарм для нападения на Россию. Всю войну немецкое командование совершенствовало многополосную оборону восточнопрусского плацдарма. Укреплялись с большим числом долговременных огневых точек и сооружений крепостного типа, прикрытых с востока противотанковыми заграждениями, сочетались с приспособленными к обороне многочисленными хуторами, с каменными постройками. Прорыв обороны противника проходил медленно, что объяснялось прежде всего тем, что наступление 3-го Белорусского (командующий И. Черняховский) и 2-го Белорусского (командующий К. Рокоссовский) фронтов не было для противника внезапным: ожидая удара, он уплотнил свои бастионы, повысил боеготовность войск, принял ряд других мер для срыва наступления. И тем не менее, в ходе упорных кровопролитных боев наши войска овладели Восточной Пруссией, ликвидировав оборонявшуюся здесь группировку противника. В результате флот Германии лишился важнейших военно-морских баз, что резко ухудшило снабжение Курляндской группировки. 18 февраля скончался от тяжелого ранения И. Черняховский – один из талантливейших молодых военачальников Великой Отечественной войны. Людские потери наших войск в ходе этой операции составили 585 тыс. чел. (в том числе 126 тыс. – безвозвратные).

По мере того, как война подходила к концу, усиливались политические интриги. Весной 1945 г. У. Черчилль предпринимает попытки побудить главнокомандующего армиями западных стран Д. Эйзенхауэра к тому, чтобы взять Берлин раньше Красной Армии. Войска союзников к середине апреля передовыми частями вышли на Эльбу в 100–200 км от Берлина, советские войска – в 60 км на Одере.

Советское руководство, конечно, не исключало возможности, что немцы откроют дорогу союзникам, чтобы те первыми вошли в Берлин. Эйзенхауэр допускал, что советские войска могут блокировать немецкую столицу до подхода англо-американских сил. По расчетам военных советников, в ходе берлинской операции западные союзники могли потерять около ста тысяч человек, что, разумеется, не устраивало Эйзенхауэра. Поэтому

он отверг предложение Черчилля и 28 марта уведомил об этом телеграммой Сталина, который был в курсе этих разногласий. Сталин охотно согласился с решением Эйзенхауэра, заявив на словах, что «Берлин утратил свое прежнее стратегическое значение. Поэтому советское верховное командование намерено выделить второстепенные силы для наступления на Берлин». На деле он поступил прямо противоположным образом.

Как свидетельствует Г. Жуков, 29 марта по вызову Ставки он прибыл в Москву, «имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции». 31 марта в Генштаб прибыл И. Конев с проектом плана наступления войск 1-го Украинского фронта. В Генштабе был свой проект плана, в который были включены и предложения фронтов. 1 апреля Ставка провела итоговое совещание. Наступление на Берлин было решено начать 16 апреля, не дожидаясь 2-го Белорусского фронта, который мог выступить не ранее 20 апреля. Главная роль отводилась армиям Жукова. Именно Жуков обладал всеми необходимыми для этого момента качествами: огромной популярностью в войсках, крутым характером, железной решимостью добиваться победы. Перед ним стояла трудная задача, поскольку сроки поджимали, времени на тщательную проработку операции не оставалось (командиры полков получили устное распоряжение за три дня до наступления, младший комсостав и солдаты — за два часа до атаки). В ходе войны советским войскам еще не приходилось брать столь крупные, столь укрепленные города, как Берлин — площадью около 900 км². Метро и широко разветвленные подземные сооружения давали немцам возможность для скрытых маневров. Каждая улица, дом, канал представляли собой оборонительный рубеж.

Войскам 1-го Белорусского фронта предстояло нанести главный удар с небольшого кюстринского плацдарма, заступить с открытым правым флангом, атакуя в лоб глубоко эшелонированную оборону противника. За первой линией обороны, идущей вдоль Одера, перед наступающими открывались 40–50-метровые зееловские высоты. В 12–15 км западнее реки и протянувшиеся примерно на 20 км по фронту, высоты прикрывались вторым обводом немецкой обороны. У Жукова не было иного выхода, как провести фронтальную атаку. Для нейтрализации преимущества немцев, занимавших выгодную позицию, Жуков решил начать наступление задолго до рассвета, ослепляя противника прожекторами. Однако этот план

имел свои отрицательные стороны. Командующий 3-й армией на этом фронте А. Горбатов считал, что ночное наступление при плотных боевых порядках (с плацдарма шириной в 24 км по фронту наступали четыре общевойсковые и две танковые армии) «неизбежно повлечет к перемешиванию соединений и частей и лишним потерям», а потому считал, что «нецелесообразно брать Берлин штурмом, лучше блокировать его и выходить на Эльбу». Но Ставка распорядилась по-иному. Для прорыва обороны и завершения разгрома фашистской Германии были сосредоточены большие силы и средства. В 1-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах к началу операции насчитывалось (без армейских и фронтовых тылов): живой силы — 1 279 800 чел., танков — 3183, самоходно-артиллерийских установок — 2027, противотанковых орудий — 12 482 (калибра 76 мм и выше), минометов (калибра 88 мм и выше) — 12 411, установок реактивной артиллерии — 2448, зенитных орудий — 2611, автомашин — 73 537, боевых самолетов — 5117. На участках прорыва армий главного удара в среднем на 1 дивизию приходилось около 0,9–1,2 км пространства. Противник располагал 47 дивизиями и 1 пехотной бригадой; в ходе операции было брошено дополнительно против наших войск еще 32 дивизии (включая 5 танковых и 3 моторизованных) и 3 бригады. В расчете на 1 немецкую дивизию приходился участок обороны шириной в среднем 8,2 км.

По характеру выполняемых задач и результатам Берлинская операция делится на три этапа. На первом (16–19 апреля) войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов прорвали одерско-нейсенский оборонительный рубеж, а 2-й Белорусский фронт завершил перегруппировку и проводил разведку боем. На втором этапе (19–25 апреля) войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов по указанию Ставки окружили и расчленили берлинскую группировку врага. На третьем этапе (26 апреля — 8 мая) противник был уничтожен. Советские войска овладели Берлином и соединились с союзниками. Германия капитулировала.

16 апреля в 3 ч по местному времени началась авиационная и артиллерийская подготовка, по окончании которой были включены 143 зенитных прожектора, и пехота, поддержанная танками, атаковала противника. Чем ближе становились зееловские высоты, тем сильнее было сопротивление немцев.

К полудню Г. Жуков понял, что укрепления противника нерушимы и что нужно изменить тактику боя. Посоветовавшись с командирами, он двинул в атаку обе танковые армии, которым, по первоначальному замыслу, предстояло вступить в сражение сразу же после прорыва немецкой обороны перед кюстринским плацдармом. 18 апреля зееловские высоты были взяты ценой больших потерь, и только на следующий день немцы, не выдержав напора, стали отходить на внешний обвод Берлинского района обороны. Каждый день наступления начинался мощной авиа- и артподготовкой продолжительностью до 30–40 мин: шло своеобразное «прогрызание» немецкой обороны.

Более успешно в это время развивалось наступление 1-го Украинского фронта. Здесь к 17 апреля войска прорвали первую и вторую полосу обороны, после чего противник начал отход за р. Шпрее. В этот же день Ставка приказала Коневу двумя танковыми армиями ударить по Берлину с юга. На следующий день Рокоссовский получил приказ двинуть главные силы на юго-запад и нанести удар в обход Берлина с севера. Форсировав Одер в нижнем течении и захватив плацдармы на его левом берегу, части 2-го Белорусского фронта сковали 3-ю танковую армию противника и этим оказали значительную помощь войскам Жукова. Дальнейшее наступление фронта Рокоссовского велось в трудных условиях: воды Одера разлились, отрезав артиллерию от пехоты, и та не могла оказывать ей огневую поддержку. Танки оставались еще на правом берегу реки. К исходу 21 апреля танковые армии фронта Конева вышли к внешнему оборонительному рубежу Берлина, а соединения танковых армий Жукова – к северо-восточной окраине города. Именно накануне решающего штурма Берлина между ними развернулось соревнование за право первому доложить Сталину о прорыве своих войск. В приказе Жукова командующему 2-й гвардейской танковой армией С. Богданову говорилось: «Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 г. любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталина и объявления в прессе». Не отставал в своем рвении и Конев, отдавший своим танковым армиям такое распоряжение: «Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины

Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми».

24 апреля армии 1-го Белорусского соединились с частями 1-го Украинского фронта, взяв город в кольцо. К концу 28 апреля окруженная группировка в Берлине оказалась рассеянной на три части. Советские воины были брошены на штурм последнего бастиона «третьего рейха». Каждая армия действовала в своей зоне, ломая оборону противника от улицы к улице, от дома к дому. По свидетельству Жукова, с 21 апреля по 2 мая по Берлину было сделано 1800 тыс. артиллерийских выстрелов. На третий день боев к Силезскому вокзалу подогнали крепостные орудия, открывшие огонь по центру города (вес каждого снаряда составлял полтонны). 29 апреля начались бои за рейхстаг, а 30 апреля в 14 ч 25 мин над рейхстагом уже развевалось Знамя Победы. В 15 ч 2 мая остатки берлинского гарнизона в количестве 134 тыс. чел. сдались в плен.

Еще до исхода падения Берлина 30 апреля в бункере рейхсканцелярии покончил с собой Гитлер. На следующее утро назначенный начальником штаба Кребс попытался начать переговоры о частичной капитуляции с командующим 8-й гвардейской армией В. Чуйковым, сообщив, что Гитлер мертв, и, стараясь расположить к себе, заявил: «Сегодня 1 мая, великий праздник наших двух народов (1 мая отмечается в Германии как праздник труда)». Чуйков ответил: «Сегодня у нас великий праздник. А как насчет вас, — трудно сказать». Попытка прозондировать почву тем самым была пресечена.

7 мая в Реймсе, что в 150 км от Парижа, немцы подписали акт о безоговорочной капитуляции. По предложению Сталина, в связи с продолжающимся сопротивлением вермахта, союзники согласились считать реймский акт предварительным протоколом о капитуляции. И только 9 мая 1945 года в 0 ч 43 мин маршал Г. Жуков от советской стороны подписал в Берлине акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Битва за Берлин была одной из самых кровопролитных операций заключительного этапа Отечественной войны. В ней обе стороны, не считаясь ни с какими потерями, равно стремились к достижению своих целей. Количество убитых и раненых в войсках 1-го Белорусского фронта составило 179 тыс. чел; потери войск трех фронтов и взаимодействовавших с ними сил флота — 362 тыс.

Георгий Константинович Жуков (1896–1974), родился в Калужской губернии в крестьянской семье. Участник первой мировой войны. Во время гражданской войны участвовал в боях под Уральском и Царицыным, против Врангеля, в подавлении тамбовского восстания крестьян («антоновщины»). В 1939 г. командовал армейской группой советских войск, разгромившей японцев в районе реки Халхин-Гол. С января по июль 1941 г. – начальник Генштаба и заместитель наркома обороны СССР. Член Ставки ВГК, с августа 1942 г. – 1-й заместитель наркома обороны и заместитель Верховного Главнокомандующего. Непосредственно участвовал в разработке и осуществлении стратегических планов ВГК, в подготовке и проведении многих крупных операций. Маршал Советского Союза (с 1943 г.), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956). Командовал Резервным, Ленинградским и Западным фронтами. Герой Московской и Берлинской битв. В 1942–1943 гг. осуществлял координацию действий фронтов во время Сталинградской битвы, по прорыву блокады Ленинграда, в Курской битве и при форсировании Днепра. В марте-мае 1944 г. командовал 1-м Украинским фронтом, затем координировал действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов. В ноябре 1944 г. – июне 1945 г. – командующий 1-м Белорусским фронтом. После войны – главком Группой советских войск в Германии, возглавлял Советскую военную администрацию. В дальнейшем неоднократно подвергался опале (1946–1953 и 1957–1965), обвинялся в «перекосе в дисциплинарной практике» и в «бонапартизме». В 1955–1957 гг. – министр обороны СССР.

В 1969 г. вышли в свет мемуары полководца «Воспоминания и размышления» Ореол опального героя делал его мемуары еще более желанными для массового читателя, который верил, что уж Жуков не побоится сказать правду о войне. Первое издание мемуаров подверглось жесткой цензуре. Последнее, вобравшее все купюры, сделанные в авторском тексте мемуаров, показывает, что принципиальные оценки важнейших событий Отечественной войны маршалом не менялись и не пересматривались. Цензура изъяла те места, где перечисляются недостатки, допущенные, по мнению Жукова, исключительно по вине Сталина: слабая подготовка западного театра военных действий, ошибочное решение о передислокации наших частей во вновь присоединенные районы, недооценка Сталиным роли Генштаба, недостаточное внимание к насыщению Красной Армии новым оружием и средствами радиосвязи, «непонятная доверчивость» Сталина к фальшивым заверениям Гитлера в его «лояльном отношении к Советскому Союзу», просчет в определении наиболее опасного стратегического направления возможного вторжения вражеских сил, репрессии командного состава Красной Армии. Жуков не избегает анализа и собственных ошибок, но все они подаются как вторичные по отношению к главным ошибкам, допущенным Сталиным. Даже в описании хода важнейших стратегических операций Отечественной войны, когда многое решалось мастерством полководца, а не политикой, Жуков сохраняет прежний подход к оценкам действий – своих и Сталина. Фактический материал мемуаров показывает, что Жуков без постоянной поддержки Сталина вряд ли бы состоялся как историческая личность мирового масштаба. Он и был выделен из среды военных не только потому, что имел характер жесткий и бескомпромиссный, но и потому, что как нельзя лучше подходил на роль самого верного и послушного выразителя сталинской воли в войсках. И самого талантливого – тоже. Жуков во главе советских войск в ходе Берлинской операции и невиданного по кровопролитию штурма зееловских высот – лучшее тому подтверждение. Таков был Жуков, так его воспринимали в войсках,

таким он вошел в историю. Эта концептуальная авторская позиция маршала – приписывать неблагоприятный исход военных действий ошибкам Сталина и других военачальников – нашла своих подражателей в лице многих советских маршалов и генералов, оставивших мемуары.

Потсдамская конференция С 17 июля по 2 августа 1945 г. проходила новая встреча глав трех держав в Потсдаме. Делегацию СССР возглавлял И. Сталин, США – президент Г. Трумэн, Великобритании – сначала У. Черчилль, а с 28 июля, после парламентских выборов, в результате которых к власти пришли лейбористы, К. Эттли. Главное место в работе конференции занял германский вопрос. В его решении союзники исходили из следующих целей: полное разоружение, демилитаризация Германии и ликвидация промышленности, которая может быть использована в целях военного производства, уничтожение национал-социалистической партии, в целях прекращения нацистской и милитаристской деятельности или пропаганды; подготовка к реконструкции политической жизни на демократической основе.

В решениях конференции о репарациях отмечалось, что претензии СССР в этом плане будут удовлетворены изъятиями продукции и оборудования из советской зоны оккупации Германии и из германских вложений за границей (в Болгарии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Восточной Австрии). Кроме того, Советскому Союзу предстояло получить из западных зон 25 % всего изымаемого промышленного оборудования, в том числе 15 % в обмен на равноценную сумму продовольствия, угля, различных видов материалов и 10 % – безвозмездно. В феврале 1945 г. при ГКО был создан Особый комитет под председательством Г. Маленкова, в задачи которого входила организация вывоза промышленного оборудования и материалов с территории Германии и Польши. Всего за март 1945 г. – март 1946 г. вынесено 986 постановлений о демонтаже 4389 промышленных предприятий, в том числе в Германии 2885, Польше (немецкая Силезия) 1137, Австрии 206, Венгрии 11, Чехословакии 54, в Маньчжурии 96. Помимо промышленного оборудования вывозились и иные материальные ценности. Некоторые историки, не оспаривая справедливость и правомочность взимания СССР репараций с Германии, считают их «темными деяниями», присущими «тоталитарному режиму» Сталина, хотя история свидетельствует, что война знает одно право – право победителя. Ре-

жим, установленный странами-победительницами для разгромленной Германии, не шел ни в какое сравнение с действиями немецких оккупантов в России. В Потсдаме союзники решили, что после выплаты репараций «германскому народу должно быть оставлено достаточно ресурсов для того, чтобы он мог существовать без помощи извне». Фашисты, применительно к России таких формулировок не делали, хотя Д. Эйзенхауэр свидетельствует, что когда летом 1945 г. он летел в Россию, то не видел ни одного целого дома между западной границей страны и районами вокруг Москвы.

Демократические режимы западных стран в части репараций с Германии не только не отставали, а кое в чем даже опережали СССР, хотя в отличие от СССР территория США ни на йоту не пострадала ни от бомбежек, ни от ведения боевых действий, и, следовательно, Соединенные Штаты не испытывали нужды в станках, оборудовании и другом имуществе Германии. Их цель была другой – поднять научно-технический потенциал своей страны. В одном американском отчете говорилось: «Управление технической службой в Вашингтоне заявляет, что в его сейфах хранятся тысячи тонн документов. Согласно мнению экспертов, свыше 1 млн. отдельных изобретений, фактически касающихся всех наук, всех промышленных и военных секретов нацистской Германии, нуждаются в обработке и анализе. Это собрание документов является единственным в своем роде источником научной мысли, первым полным выражением изобретательского ума целого народа». Сталин в сходной ситуации говорил: «Каждый борется за то, чего ему не хватает».

На Потсдамской конференции союзники подтвердили свое согласие о передаче Советскому Союзу города Кенигсберга с прилегающими к нему районами и пришли к соглашению о западной границе Польши: «впредь до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории, расположенные к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде (ныне Свиноуйсьце) и отсюда вдоль реки Одер до слияния с Западной Нейсе и затем вдоль этой реки до чехословацкой границы, должны находиться под управлением польского государства».

Советская делегация подтвердила в Потсдаме заключенное в Ялте соглашение о вступлении СССР в войну против Японии в согласованные сроки: у него было достаточно основа-

ний для предусмотренной 3-й статьей соглашения денонсации пакта о нейтралитете.

**Разгром
Квантунской
армии** 8 августа 1945 г. советское правительство заявило японскому послу в Москве, что со следующего дня Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией (официально денонсировав еще 5 апреля 1945 г. пакт о нейтралитете, советское правительство фактически информировало Японию о возможности участия СССР в войне против нее). Некоторые отечественные историки не могут согласиться с тем, что война СССР против Японии «была составной частью и продолжением целей и задач Великой Отечественной». Большинство японских историков рассматривают вступление Советского Союза в войну «как вероломный акт». Подобные заявления основываются на формальном подходе к проблеме. Как известно, Император Николай II, давая Витте широкие полномочия на ведение мирных переговоров с Японией в Портсмуте 1905 г., поставил два условия: «Ни гроша контрибуции, ни пяди земли». Россия никогда не признавала справедливыми территориальные уступки, сделанные Японии в 1905 г. Не долг перед союзниками, а долг перед Россией – возвращение захваченных русских территорий – заставил Сталина вступить в войну с Японией. Исторические обстоятельства способствовали принятию такого решения.

В сентябре 1944 г. И. Сталин дал поручение Генштабу подготовить военные расчеты по сосредоточению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке, поскольку до Ялтинской конференции никакой детализации плана войны против Японии не производилось. Весной 1945 г. на Дальний Восток было направлено около 700 танков типа Т-34 и другая боевая техника. В мае-июле в предстоящие районы боевых действий с запада были переброшены четыре армии (в том числе одна танковая), имевшие опыт боевых действий в природных условиях, сходных с условиями на Дальнем Востоке. Главной целью дальневосточной кампании был разгром ударной силы японцев – Квантунской армии.

Советский Союз объявил войну Японии после того, как японское правительство отвергло призывавшую ее к капитуляции Потсдамскую декларацию союзников, в ответ на которую премьер-министр Японии К. Судзуки заявил: «Мы игнорируем ее. Мы будем неотступно идти вперед и вести войну до

конца». Восьмой пункт Потсдамской декларации гласил: «Японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку и менее крупными островами, которые мы укажем». Таким образом, условия капитуляции исключили удержание Японией территорий, не входящих в метрополию, в том числе Южного Сахалина и Курильских островов. После кончины Ф. Рузвельта (12 апреля 1945 г.) новый президент США Г. Трумэн сразу же повел дело к резкому обострению отношений с СССР. Далеко идущие политические цели преследовала Америка, сбросив 6 и 9 августа атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. По расчетам американского и английского командования, для вторжения на Японские острова требовалась 7-миллионная армия (к январю 1945 г. США и Англия смогли сосредоточить на театре военных действий с Японией только 2458 тыс. чел., 19300 самолетов и 711 кораблей основных классов). Политическое руководство обеих западных держав страшилось возможные потери их вооруженных сил. Трумэн настойчиво требовал от Сталина вступления СССР в войну против Японии. При этом, как свидетельствует советник президента США адмирал У. Леги, союзники боялись, что «придется делить как военные усилия против Японии, так и плоды этих усилий». Предприняв атомную бомбардировку, США хотели продемонстрировать всем странам, в первую очередь СССР, свои претензии на абсолютную гегемонию в решении глобальных вопросов в послевоенном мире. Военный аспект применения атомного оружия не стоял у них на первом месте. Недаром К. Судзуки сделал такое заявление на заседании японского высшего совета: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

Маньчжурская наступательная операция (9 августа – 2 сентября) проводилась войсками Забайкальского (командующий Р. Малиновский), 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов (командующие К. Мерецков и М. Пуркаев), силами Тихоокеанского флота (командующий И. Юмашев) и Амурской военной флотилии (командующий Н. Антонов). В операции принимали участие соединения и части Монгольской народно-революционной армии. В рамках этой стратегической операции были проведены Хингано-Мукденская, Харбино-Гиринская, Сунгарийская, Южно-Сахалинская фронтовые наступатель-

ные операции и Курильская десантная операция. Численность советских войск составляла 1 669 500 чел. В составе фронтов насчитывалось 26 тыс. орудий и минометов, 5,5 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 3,8 тыс. боевых самолетов. Сокращению сроков подготовки военной кампании против Японии способствовала доставка в советские дальневосточные порты большого числа автотранспортных средств из США. Для координации действий фронтов и флота было создано главное командование на Дальнем Востоке во главе с А. Василевским.

Главную группировку сухопутных войск общей численностью свыше 1 млн. чел. японское командование продолжало держать против Советского Союза в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах. На территории Маньчжурии, граничащей с СССР, японцы создали 17 укрепленных районов, каждый из которых достигал более 40 км по фронту. Острова Курильской гряды прикрывались береговыми артиллерийскими батареями. Японский солдат воспитывался в духе готовности умереть героем, а если ему грозил плен он, как правило, предпочитал покончить с собой.

Советским планом предусматривалось использовать выгодную для военной акции конфигурацию советско-маньчжурской границы и ударить по японским войскам в трех направлениях: два основных встречных удара – со стороны восточного выступа территории Монгольской Народной Республики и из Приморья, вспомогательный – из района юго-западнее Хабаровска. Целью были окружение и разгром Квантунской армии.

Войска Забайкальского фронта перешли в наступление на хингано-шенъянском направлении в ночь на 9 августа. К исходу первого дня танкисты совершили бросок на 120–150 км. Используя оборонительный рубеж на пограничной реке Аргун и прилегающие укрепленные районы, японцы оказали упорное сопротивление на цзицкайском направлении. Наши войска в Маньчжурии наступали в трудных условиях. Длительные ливневые дожди превратили небольшие горные ручьи в серьезные препятствия. Уровень воды в реках поднялся на 2–4 м. Дороги размыло, долины затопило водой. И тем не менее, наступление стремительно развивалось. На третий день части 6-й танковой армии А. Кравченко перешли через хребет Большой Хинган, неожиданно для японского командования

вышли на Маньчжурскую равнину и овладели городом Лубей. Главные коммуникации фронта противника оказались перерезаны. После гигантского броска через Хинган танковая армия оказалась вдали от баз снабжения. Но, несмотря на дождь и туман, наши летчики за два дня обеспечили танкистов горючим и боеприпасами, после чего наступление продолжалось. Удар, полученный Квантунской армией с северо-запада, оказался настолько сильным, что после него она уже не смогла оправиться.

Успешно развивалось наступление 2-го Дальневосточного фронта, армии которого наступали сразу по нескольким направлениям: с севера из района Благовещенска на Цицикар и из Биробиджана вдоль реки Сунгари на Харбин; с востока — от города Бикина на Боли; 16-я армия наносила удар по Южному Сахалину. Войска фронта теснейшим образом взаимодействовали с флотом и флотилиями. Разлившийся от дождей Амур затруднял боевые действия. Однако к исходу 14 августа войска фронта продвинулись в глубь Маньчжурии на 50–200 км. Попытки японцев задержать наступление на сунгарийском направлении провалились. В это же время наши войска проводили операцию на Курилах, столкнувшись там с большими трудностями, связанными в значительной степени с политическим моментом. Г. Трумэн, зная, что Советский Союз еще не начал боевых действий в этом районе, «забывает» включить Курилы в перечень территорий, где капитуляцию японских гарнизонов должны принимать советские войска. Тогда А. Василевский, по согласованию со Ставкой, принимает решение начать десант наличными средствами, не дожидаясь подкреплений, хотя сил для прикрытия, поддержки и выгрузки тяжелой артиллерии не было; из-за тумана не использовалась авиация; сказывалась удаленность района от баз снабжения. Оборонительные же укрепления японцев при этом были прекрасно оборудованы. На Шумшу было размещено большое число дотов и дзотов, подземные ходы сообщения позволяли скрытно переходить с одного рубежа на другой. Глубина сооружений составляла от 50 до 70 м, в них находились склады, госпитали, электростанции, неуязвимые даже для мощных авиабомб. Помимо огневых точек и артиллерии японцы располагали танками. Тем не менее, наши войска оказались сильнее, проявляя массовый героизм. К 1 сентября освобождение Курильских ост-

ровов было завершено (5 сентября закончился прием военнопленных на островах Малой Курильской гряды).

В это время армии 1-го Дальневосточного фронта наносили удары по Линькоу, Харбину, Гирину. 25-я армия И. Чистякова продвигалась через город Ванцин с поворотом к Корее и затем берегом Японского моря выходила к 38-й параллели, где во взаимодействие с фронтом вступали основные силы Тихоокеанского флота. В наиболее крупных городах Северо-Восточного Китая, Кореи и Ляодунского полуострова – Шэньянь, Чанчуне, Цилине, Порт-Артуре, Даляне, Пхеньяне – высаживались советские воздушные десанты.

Наступление советских войск проходило в условиях упорного сопротивления противника, особенно на подступах к городу Муданьцзян – мощному узлу обороны, который прикрывал Харбинское направление. Сражение за него приняло ожесточенный характер. 16 августа части 26-го и 65-го стрелковых корпусов, хорошо подготовленные для ведения уличных боев, овладели городом.

С 19 августа японские войска почти повсеместно начали капитулировать. В плену оказалось 148 японских генералов, 594 тыс. офицеров и солдат. Людские потери с нашей стороны составили 36 456 чел.

2 сентября был подписан акт о капитуляции Японии, что означало конец второй мировой войны.

В обращении к советскому народу от 2 сентября 1945 г. Сталин заявил: «Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии» (2 февраля 1946 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому вся земля с ее недрами и водами на территории Южного Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью СССР).

Культура в годы войны	Особое место в достижении победы над фашизмом принадлежало науке, литературе, искусству. Уже в самом начале войны президиум Академии наук СССР наметил программу действий на период военного времени, которая включала и новые формы организации научных сил. Одной из таких форм стали целевые

комиссии, объединяющие сотрудников разных институтов, представителей военных ведомств и хозяйственных органов. В августе 1941 г. под руководством президента АН СССР В. Комарова создается Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. Комиссией по геолого-географическому обслуживанию армии руководил А. Ферсман, военно-санитарной комиссией Л. Орбели. Неоценим вклад ученых в развитие отечественного самолетостроения: исследования в области аэродинамики С. Чаплыгина, Б. Юрьева, С. Христиановича, М. Келдыша позволили создать хорошие образцы истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков. В создание отечественных радиолокаторов большой вклад внесли А. Берг, Н. Папалекси и др. В лаборатории Ю. Кобзарева была создана радиолокационная установка по обнаружению и пеленгу самолетов. Результаты этих исследований успешно использовались для обороны Ленинграда и других городов от налетов вражеской авиации. В лаборатории А. Александрова была проведена работа по защите кораблей от магнитных мин, что позволило в сложной боевой обстановке провести размагничивание кораблей на Балтийском, Черном, Каспийском, Баренцевом и Северном морях. Группа ученых во главе с С.Вавиловым создала необходимые для военной техники оптические приборы. И. Бардин руководил работами по получению новых сортов высококачественной стали, с успехом применявшихся в танкостроении и других видах оборонной промышленности. Ученые Н. Семенов, Н. Жаворонков, Я.Зельдович, Ю. Харитон и другие успешно работали над проблемами теории взрыва, химии и технологии порохов. Профессора П.Герцен, А. Савицкий разработали методику лечения огнестрельных ранений, ученые Ю. Джанелидзе, И.Колесников, П.Куприянов – ранений грудной клетки, И. Бабчин и А. Поленов – повреждений центральной нервной системы. Под руководством Н. Бурденко был разработан метод лечения черепа сульфамидными препаратами, А. Богомолец возглавил работу над созданием препарата для лечения переломов костей, В. Филатов со своим коллективом разрешил проблему восстановления зрения при контузиях. Ученые-обществоведы активно включились в политико-просветительскую работу среди населения, в составе лекторских групп совершали поездки в освобожденные от оккупации районы. Преподава-

тели Московского государственного университета подготовили ряд сборников, широко использовавшихся в пропагандистской работе: «Против фашистской фальсификации истории», «Борьба славянских народов против гитлеризма» и др. В годы войны были созданы Академия педагогических наук РСФСР (1943) и Академия медицинских наук СССР (1944), в состав академиков и членов-корреспондентов СССР было избрано около 100 видных ученых, в 1943–1945 гг. были созданы Академии наук в Казахстане, Узбекистане, Армении, Азербайджане, а также Западно-Сибирский, Татарский, Киргизский и Карело-Финский филиалы, Дагестанская и Дальневосточная базы.

Накануне войны страна имела 817 высших учебных заведений с 811,7 тыс. студентов, но в 1941–1943 гг. число вузов сократилось до 460, а количество студентов – до 227 тыс. Для нормализации деятельности высшей школы правительство значительно облегчило правила приема в вузы; от мобилизации в армию освобождались выпускники, а в некоторых вузах – студенты двух последних курсов (студенты 83 вузов и 14 техникумов полностью освобождались от мобилизации). С 1943 г. сеть вузов, в первую очередь военных, начинает расти. За годы войны открыто 60 новых вузов, 25 из которых готовили специалистов для промышленности, транспорта, строительства, связи и сельского хозяйства. За 1940–1945 гг. удельный вес женщин в составе студенчества увеличился с 58 до 81 %.

Большие потери за годы войны понесла общеобразовательная школа: на территории, подвергавшейся оккупации, до войны работало около 33,5 тыс. школ, в которых училось 5 млн. учащихся. Большинство школ немцы варварски разрушили. С 1943 г. создаются вечерние школы для обучения подростков без отрыва от производства.

В годы войны большую роль приобретает идеологическая и массово-политическая работа; 24 июня 1941 г. образовано Советское Информационное Бюро во главе с секретарем ЦК ВКП(б) А. Щербаковым. Особый вид агитационного искусства – «Окна ТАСС», представляющие разновидность политического плаката. Они появлялись ежедневно на стенах домов, на заборах, витринах магазинов одновременно со сводками Информбюро, содержание которых и было чаще всего темами «окон». Ведущими художниками московских

«окоп» были Кукрыниксы, П. Соколов-Скаля, Н. Денисовский, М. Черемных, Н. Радлов, П. Шумихин, Г. Савицкий. Из всех видов изобразительного искусства в начале войны на первое место выдвинулись графика, героический плакат. К запоминающимся характерным образцам этого жанра относятся плакат проживавшего тогда в Москве грузинского художника И. Тоидзе «Родина-Мать зовет!» (1941), работа В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» (1942), плакат Л. Голованова «Дойдем до Берлина» (1944) и др.

К концу первого года войны в Красной Армии издавалось 13 фронтовых, более 60 армейских, несколько сот корпусных и дивизионных газет. К концу войны в Вооруженных Силах выпускалось 4 центральные, 19 фронтовых и флотских, 103 армейские газеты общим тиражом около 3,5 млн. экз. Военными корреспондентами «Правды» работали корифеи советской литературы М. Шолохов, А. Фадеев, Н. Тихонов. В качестве военкоров работали К. Симонов, С. Бабаевский, П. Павленко, В. Закруткин, С. Борзенко, М. Бубеннов, С. Смирнов, М. Джалиль, Ю. Крымов и др.

24 июня 1941 г. одновременно две газеты («Красная Звезда» и «Известия») опубликовали песню Вас. Лебедева-Кумача «Священная война», а музыку к ней написал композитор А. Александров. С 15 октября, когда война подступила к Москве, эта песня была включена в программу ежедневных передач столичного и союзного радио. По одной из современных версий историков «Священная война» была создана в годы первой мировой войны, о чем якобы свидетельствует одна из первых строк песни:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С тевтонской силой темною,
С проклятою ордой!

Эта песня вошла в быт армии и всего народа как гимн мести и проклятия гитлеризму, своеобразный музыкальный символ Великой Отечественной войны. Образцами военной песенной лирики стали песни М. Исаковского «В прифронтовом лесу», «Крутится, вертится шар голубой...», А. Суркова «В землянке», А. Фатьянова «Соловьи», Л. Опанина «Дороги», А. Чуркина «Вечер на рейде» и др.

Особенно прославилась в войну исполнительница русских народных песен Лидия Русланова, первое выступление которой на фронте состоялось в конце июля 1941 г. в районе Ельни. Певица неоднократно выступала в блокадном Ленинграде, на передовых позициях многих фронтов, а также в Берлине. В лучших поэмах военных лет создавался образ воюющего народа. С 4 сентября 1942 г. в «Красноармейской правде» начали публиковать поэму «Василий Теркин» А. Твардовского, герой которой соединил в себе излюбленный образ народного балагура с реалистической правдой о войне. Стремление к действенной поэзии приводит в годы войны многих поэтов в периодическую печать. А. Ахматова пишет, например, стихотворение «Мужество»; лирика М. Исаковского, К. Симонова, А. Суркова, С. Щипачева раскрывала сложность человеческих чувств, утверждала верность как внутреннюю нравственную норму. О женщине, вынесшей на своих плечах огромную тяжесть военных лет, говорится в стихотворении Исаковского «Русской женщине»:

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

Глубочайшие резервы человеческого духа, мужества, стойкости раскрыты в литературных произведениях О. Бергольц «Февральский дневник», «Ленинградская поэма», поэме М. Алигер «Зоя».

Своеобразной летописью-хроникой войны являлись военные очерки М. Шолохова, Н. Тихонова, Вс. Вишневского, Б. Полевого, В. Гроссмана, К. Симонова, А. Платонова и др. Широкой известностью пользовались произведения В. Горбатова «Непокоренные», К. Симонова «Дни и ночи», А. Бека «Волоколамское шоссе» и др. В 1941–1945 гг. продолжает развиваться исторический роман (А. Степанов «Порт-Артур», Л. Раковский «Генералиссимус Суворов», Д. Петров-Бирюк «Дикое поле», А. Толстой «Петр Первый»).

Значительные сдвиги обозначились в драматургии. Лучшие пьесы военных лет – «Нашествие» Л. Леонова, «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука – прошли по всем сценам страны. Пьеса «Фронт» была опубликована на

страницах «Правды» осенью 1942 г., когда немцы рвались к Волге и Кавказу. В ней писатель поставил вопрос о причинах неудач Красной Армии, дал резкую критику военачальников, которые не понимали сложностей современной войны, не желали учиться воевать по-новому. По указанию Сталина все высшие офицеры Красной Армии были обязаны ознакомиться с пьесой и высказать о ней свое мнение.

Жизнь народа в годы войны определяла содержание живописных полотен. В исторических картинах чаще всего воспроизводились эпизоды освободительных войн и народных движений, выражались патриотические чувства современников. Бытовой жанр изображал людей в условиях войны, портреты тех лет – это образы участников и героев войны. В 1942 г. Е. Лансере создал серию из пяти картин «Трофеи русского оружия», в том же году П. Корин создал триптих «Александр Невский». Картина С. Герасимова «Мать партизана» (1943) построена на непримиримом драматическом конфликте двух характеров – русской женщины и фашистского офицера. Широкое обобщение батальной героики Красной Армии дал А. Дейнека в монументальной картине «Оборона Севастополя» (1942). В годы войны развернулось дарование А. Пластова, изобразившего драматические события советской деревни («Фашист пролетел», 1942), подвиги партизан («За родной очаг», 1941), труд женщин, стариков и подростков на колхозных полях («Сенокос», «Жатва», 1945). Главными «героями» военного пейзажа были Москва, осажденный Ленинград, фронтовые дороги (Г. Нисский «На Ленинградском шоссе», 1942; Б. Яковлев «На фронт», К. Юон «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 г.», 1942; А. Дейнека «Окраина Москвы. Ноябрь. 1941»). В области портретной живописи получили известность работы В. Серова, П. Кончаловского, М. Сарьяна, А. Герасимова.

Творчество ваятелей было направлено на прославление подвига героев фронта и тыла (В. Мухина «Партизанка», М. Манизер «Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская», Е. Вучетич «Портрет дважды Героя Советского Союза генерала армии И. Черняховского», Е. Белашова «Непокоренная»).

Во всех республиках создавались бригады артистов, писателей, художников, специальные фронтовые театры (первым был театр «Искра», сформированный из актеров театра им. Ленинского комсомола – добровольцев народного ополчения).

Затем были организованы фронтовые филиалы Малого театра, им. Евг. Вахтангова, комсомольский театр ГИТИСа. За годы войны в составе театрально-концертных бригад на фронтах побывали более 40 тыс. работников искусства, включая И. Москвина, А. Тарасову, Н. Хмелева, А. Яблочкину, М. Царева, Н. Черкасова и др. Помимо современных пьес театры ставили и классику: не сходили со сцены «Без вины виноватые» А. Островского, «Живой труп» Л. Толстого, «Чайка» А. Чехова.

За годы войны было выпущено почти пятьсот киножурналов и 34 полнометражные картины. Первым художественным фильмом о войне был «Секретарь райкома» (режиссер И. Пырьев, 1942). Тема боевой дружбы, любви и верности представлена в фильмах Л. Лукова «Два бойца» и «Жди меня» режиссера А. Столпера. В последний год войны на экраны вышла первая серия фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный», вызвавшая противоречивые суждения. Активно работали республиканские киностудии: Ашхабадская, Ташкентская, Грузинская, Армянская и др.

Источники победы

Отечественная война 1941–1945 гг. стала для русского народа и народов Советского Союза очередной трагической (но и героической одновременно) вехой в ряду переломных событий XX в. Никогда прежде им не противостоял такой мощный, жестокий, бесчеловечный враг, который всего за четыре месяца дошел до Москвы. Для того чтобы устоять, советскому руководству пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам.

А путь до Берлина занял у нашей армии более трех лет тяжчайших, не равных по силе сражений. За это время произошли удивительные события, которые повергли в изумление и друзей, и недругов. Советский Союз не только не сдался под мощью вермахта, как того ожидали и как это происходило с другими государствами, на которые ступил его сапог, но устоял, нашел в себе силы переломить ход гигантского сражения, одержать окончательную, безоговорочную победу. Идей, объединяющей советское общество, притупившей в сознании народа и армии бессмысленность жертв кровавого режима, стала идея защиты своего Отечества как дела правого, дела праведного.

Война, развязанная фашистской Германией против нашей страны, не была обычной войной даже по меркам жестокого

XX в., поскольку велась на уничтожение славян, России, русского народа; вытекающие из этой установки методы войны принципиально отличались от таковых в прежних западноевропейских военных кампаниях. Планы Гитлера осуществлялись целенаправленно и беспощадно, но ходом всей русской истории были обречены на провал: «немцы поставили перед нами вопрос о жизни и смерти и — получили ответ».

Некоторые аналитики утверждают, что более рациональное использование технического и численного перевеса над немцами могло бы привести к победе еще в 1943 г. Но есть один неопровержимый факт: история не знает сослагательного наклонения — мы победили так, как победили.

По последним оценкам, война унесла 27 млн. жизней советских людей. Вооруженные силы СССР потеряли 8 668 400 чел. (без учета погибших в народном ополчении, партизанских отрядах). По данным министерства обороны, соотношение потерь Красной Армии и вермахта определяется как 1,3 : 1 соответственно. Только в летне-осенней кампании 1941 г. мы потеряли 3987,7 тыс. чел. (в том числе безвозвратно — 2841,9 тыс. чел.). Если учесть, что численность личного состава действующих фронтов составляла к началу войны немногим более 3 млн. чел., то получается, что основной кадровый состав армии и флота частично погиб либо попал в плен в первый же год войны. Те, кто уцелели, выжили и выстояли в 1941 г., составили впоследствии костяк армии победителей. За обучение искусству воевать мы заплатили дорогой ценой. Войны, которые ведутся на уничтожение, развиваются по своим законам, а не по правилам шахматной игры. Поэтому наши собственные ошибки, равно как и просчеты противника, не могут служить объективной мерой конечных результатов войны. Важнейшим фактором, действительно влияющим на победу в такого рода столкновениях, является «качество» народа, его характер. И наш противник прекрасно понимал это. В конце 1944 г., когда крах «третьего рейха» стал неизбежным, Гитлер в кругу своих приближенных говорил: «Во имя чего принесли мы все жертвы? Ведь так долго, как она уже продолжается, война не продлится. Этого ни один человек не выдержит — ни мы, ни они. Вопрос только в том, кто выдержит дольше».

Официальная советская историография объясняет победу главным образом преимуществами социалистического строя,

«морально-политическим единством советского народа» и др. Действительный же ход событий Отечественной войны 1941–1945 гг. показал, что, когда решался вопрос жизни нации, советское руководство уповало не на танки и коммунистические доктрины, а на русский народ и его патриотический дух. Своей знаменитой речью 24 мая 1945 г., «за здоровье прежде всего русского народа» Сталин был вынужден признать, что победил в войне именно он, русский народ, в теснейшем союзе со всеми другими большими и малыми народами нашей страны.

Знаменательно, что Героями Советского Союза стали представители 100 наций и народностей страны – 7998 русских, 2021 украинец, 299 белорусов, 161 татарин, 107 евреев, 96 казахов, 90 грузин, 89 армян, 67 узбеков, 63 мордвина, 45 чувашей, 43 азербайджанца, 38 башкир, 31 осетин, 16 туркменов, 15 литовцев, 15 таджиков, 12 киргизов, 12 латышей, 10 коми, 10 удмуртов, 9 эстонцев, 8 карелов, 8 калмыков, 6 адыгейцев, 6 кабардинцев, 4 абхазца, 2 молдаванина, 2 якута, 1 тувинец и др. Беспощадность врага налагала на противоборствующую сторону величайшие испытания, часто непосильные для разума человека, но русский солдат выдержал.

В противовес немецкому солдату, как некоему подобию моторизованного оружия, русский солдат и в войну сумел сохранить лучшие черты своего национального характера: природные ум и скромность; бесстрашие и доблесть, помноженные на должную воинскую и физическую подготовку; оправданный риск; чувство товарищества, доходящее до самопожертвования; умение переносить нагрузки, непосильные для других, а главное – святую веру в справедливый характер войны и в свою окончательную победу.

Вопросу массового героизма наших войск посвящено небольшое число исследований. В годы Великой Отечественной войны актом высочайшего самопожертвования человека во имя победы над врагом стал подвиг Александра Матросова, закрывшего собой амбразуру вражеского дота. Первый такой подвиг, подтвержденный документально, совершил политрук танковой роты Александр Панкратов 24 августа 1941 г. Сейчас в истории известно более 200 героев, совершивших подобное деяние. Сродни матросовскому подвигу такой прием воздушного боя, как таранный удар (первым его применил еще в 1914 г. П. Нестеров). Массовым явлением в годы Отече-

ственной войны стал воздушный таран. Первыми из советских летчиков, совершивших таран в первый же день войны, были И. Иванов, Д. Кокорев, А. Мокляк, Л. Бутелин, С. Гудимов, Т. Малиенко, П. Рябцев – всего 15 чел. Герои шли на таран в боях под Ленинградом, Москвой, на Волге – там, где решалась судьба страны. В целом за годы войны эту легендарную «эскадрилью» составляли 561 летчик-истребитель, 19 экипажей штурмовиков и 18 бомбардировщиков. 33 человека совершили таран дважды, лейтенант А. Хлобыстов – трижды, лейтенант Б. Ковзан – четырежды. Только около 400 чел. смогли посадить свои машины или спастись с парашютом, остальные погибли. Позже, завоевав господство в воздухе, наши истребители все реже прибегали к таранам. А немцы даже в небе над Берлином ни разу не рискнули на таран. В первые месяцы войны обратились к воинским традициям России. Уже 18 сентября 1941 г. Ставка «за массовый героизм, мужество личного состава, высокое воинское мастерство» переименовала 4 стрелковые дивизии (100, 127, 153 и 161-ю) в 1, 2, 3, 4-ю гвардейские. К маю 1942 г. все виды наших Вооруженных Сил имели гвардейские части и соединения. Боевым кредо 33-й гвардейской стрелковой дивизии, ведущей бои за Сталинград, было: «Там, где наступает гвардия, враг не устоит! Там, где обороняется гвардия, враг не пройдет!». В январе 1943 г. 8 гвардейских танковых и механизированных корпусов впервые были удостоены почетных наименований: Сталинградский, Тацинский, Донской, Котельниковский, Зимовниковский, Кантемировский. По твердо установленному правилу гвардейцы в другие полки не переводились, что способствовало созданию слаженности в частях, отличало их боевыми качествами, воспитывало гордость за свою часть, гарантировало успех сражений.

Характер русского воина, воплотившийся в таких эпических фигурах как А. Покрышкин, В. Леонов и им подобные в конечном счете стал тем фундаментом Победы, на котором выстроилось и все остальное.

Александр Иванович Покрышкин – первый в истории страны трижды Герой Советского Союза – прошел войну с первого до последнего дня на передовой, начав с должности командира звена и закончив командиром 9-й гвардейской дивизии (в ней насчитывалось свыше 50 Героев Советского Союза; из них многие – ученики Покрышкина). Принципиальное отличие двух типов воина – русского и немецкого – отчетливо проявляется при сравнении А. Покрышкина с гитлеровским асом Хартманом, который совершил 1404 бое-

вых вылета, принимал участие в 825 воздушных схватках, сбил 352 самолета (документально подтверждается 150 побед Хартмана, об остальных 202 упоминает он в своих письмах к невесте). Показатели А. Покрышкина, на первый взгляд, скромнее. Он совершил свыше 650 боевых вылетов, провел 156 воздушных боев, сбил 59 самолетов противника. В это число из-за пропажи штабных документов не вошло количество самолетов, сбитых Покрышкиным в первые месяцы войны.

Немецкие летчики хорошо понимали, что Покрышкин – это не просто достойный противник, но – явление, которое грозит свести на нет их господство в воздухе и нивелировать образ немецкого летчика – рыцаря-победителя. Как только над полем боя появлялся Покрышкин, по немецким радиостанциям посылался сигнал смертельной опасности: «Внимание! В воздухе Покрышкин!»; многочисленные попытки выследить самолет героя и сбить его во что бы то ни стало (для этой цели немцы использовали даже трофейный советский самолет) кончались ничем.

Весной 1943 г. на Кубани, где развернулась самая ожесточенная битва второй мировой войны за господство в воздухе, стала применяться тактика истребительной авиации, основоположником которой по праву называют А. Покрышкина. И тем не менее, в самый разгар войны, летом 1942 г., руководство полка заводит на Покрышкина «дело по обвинению в нарушении наставлений и инструкций по действиям истребителей», отзывает представление о присвоении ему звания Героя Советского Союза, исключает из партии. Но летчик выстоял. В сознании большинства солдат Красной Армии он был само олицетворение победоносного духа войны. Каждым своим боем, четкими действиями на посту командира, оригинальными приемами (например, посадкой самолетов советской дивизии на трассу Бреслау–Берлин и использование ее в качестве аэродрома в ходе победной операции) Покрышкин на деле доказывал свою уникальность.

Столь же легендарную известность приобрело и имя В. Леонова – дважды Героя Советского Союза.

Виктор Николаевич Леонов начал войну на Северном флоте, рядовым, а закончил в августе 1945 г. командиром разведотряда особого назначения на Тихоокеанском флоте. Всех этих глубоко истинных героев войны роднило драгоценное качество – воевать умением, а не числом, беречь солдатскую жизнь даже в условиях, которые, казалось бы, исключают малейшую надежду. Так, отряд Леонова, насчитывающий около сотни человек, потерял за два года непрерывных действий и десантных операций 9 чел. «Отряд, действуя в тылу врага, всегда уступал ему в численности, в техническом оснащении и в огневой мощи, но мы, – вспоминал Леонов, – всегда побеждали в рукопашном бою. Ни немцы, ни японцы в подобных ситуациях никогда не действовали так решительно, как мы. Те, кто соприкасался с нами вплотную, только защищались, в глазах у них был страх». Воевали немцы, по его словам, расчетливо и умело. Хотя, конечно, больше опирались на свое техническое превосходство.

Война показала, что русский солдат мог пройти боевую выучку прямо на поле брани и в решающий момент превзойти своего врага, хотя действовать ему приходилось под не-

усыпным надзором особых отделов, которые под влиянием поражений в первые дни войны с большим рвением выискивали в войсках «измену». Корни принципиального различия между русским и немецким солдатами прежде всего кроются в глубине народного характера, но разными были и их цели в войне. Одно дело, фашистская идеология с ее сатанинской подоплекой господства «арийской расы» и другое дело – русская психология, сформированная православной верой, истребить которую не способны никакие комиссарские установки, никакие большевистские догматы.

Хартман – конечно был асом, и для немцев, конечно же, героем второй мировой, но выиграл эту войну все-таки Покрышкин! Потому что, будучи русским, боролся за русскую землю, за свою Родину и веру.

Вопросы и задания

- Объясните причины поражения Красной Армии летом-осенью 1941 г.
- Охарактеризуйте деятельность политического и военного руководства СССР на начальном этапе Отечественной войны (ГКО, Ставки ВГК, Совета по эвакуации и др.).
- Дайте развернутую характеристику одного из важнейших сражений 1941 г. на советско-германском фронте (снабдите ответ рисунком или схемой хода основных боевых действий).
- Назовите указы и постановления, регулирующие трудовое законодательство в СССР в годы второй мировой войны и изложите их основное содержание.
- Охарактеризуйте важнейшие направления «восточной политики» фашистской Германии в России; приведите наиболее показательные примеры этой политики.
- Рассмотрите основные этапы складывания антигитлеровской коалиции и борьбы Советского Союза за открытие второго фронта в Европе, дайте характеристику стратегических целей США и Англии во второй мировой войне.
- Укажите масштабы помощи СССР по ленд-лизу; раскройте значение ленд-лиза для военно-промышленного комплекса СССР; назовите конкретные виды вооружения и технологии, поставленные в СССР.
- Назовите факторы, позволившие Советскому Союзу в короткий срок осуществить перевод экономики страны на военный лад; что, по вашему мнению, обусловило победу советской экономики над немецкой.
- Приведите оценки власовского движения, изложенные в отечественной и зарубежной исторической литературе; укажите причины, ко-

- рые привели к депортации отдельных народов СССР в военные годы.
- Охарактеризуйте деятельность Русской Православной Церкви в годы Отечественной войны и объясните исторические обстоятельства, вызвавшие поворот в политике советского государства по отношению к церкви.
 - Объясните содержание понятия «коренной перелом» в ходе Отечественной войны; изложите основные точки зрения и дискуссии по этой проблеме.
 - На примере конкретного сражения завершающего этапа войны раскройте полководческое искусство советских военачальников.
 - С опорой на факты и исторические свидетельства опишите тыловые будни и жизнь советских граждан на оккупированных территориях.
 - Чем объяснить принудительный характер репатриации граждан СССР? Укажите масштабы явления, правовое положение репатриантов и советских военнопленных.
 - Назовите лучшие образцы советской военной техники и имена ее создателей.
 - Перечислите источники победы в Отечественной войне; изложите основные точки зрения по этому вопросу, содержащиеся в отечественной и зарубежной исторической литературе.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
(1946 г. – МАРТ 1953 г.)**§ 1. Экономика страны**

Итоги войны По завершении победоносной войны начался трудный для страны переход к мирному строительству. Население по очень приблизительным данным ЦСУ сократилось за период с 1 января 1941 г. по 1 января 1946 г. с 196,8 до 162,4 млн. чел., т.е. почти на 18 %. Число инвалидов Отечественной войны в 1946 г. составило 2 575 694.

Огромны были и материальные потери. Полностью или частично разрушено 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, около 6 млн. зданий; крова лишились 25 млн. чел. Уничтожены, отобрааны или угнаны в Германию свыше 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота. Материальный ущерб, нанесенный СССР в годы войны составил 2 трлн. 169 млрд. руб. (в ценах 1941 г.), т.е. страна потеряла треть своего национального богатства.

Разруха народного хозяйства СССР была столь катастрофической, что последствия ее могли быть преодолены через многие годы. Сокращение населения и, следовательно, рабочей силы, замена на предприятиях кадров трудоспособного возраста на стариков и подростков, мужчин – женщинами, квалифицированных рабочих – новичками, снижение трудоспособности вследствие плохого питания из-за сокращения поголовья скота в стране; ухудшение жилищных условий; уничтожение или износ технического оборудования; снижение национального дохода и капитальных вложений – все это подтачивало производительность труда, уровень которой не шел ни в какое сравнение с довоенным.

Трудности восстановительного периода усугублялись большими разрушениями на транспорте, исчерпанием запасов сырья, упадком сельского хозяйства, переводом экономики Прибалтийских республик на социалистические рельсы хозяйствования, что влекло за собой ломку прежних социальных отношений и требовало немалых затрат. Война вызвала глубокие изменения в сознании и настроениях людей. Народ отдал для победы все свои физические и духовные силы, все

свои сбережения, десятки миллионов жизней, надеясь, что с миром придет и облегчение. Однако бедность превалировала среди большей части населения страны. Карточная система закрепляла уравниловку в области распределения материальных благ между различными слоями городского населения — оплата труда и нормы выдачи продуктов зависели не столько от квалификации рабочего, сколько от степени тяжести труда (подземные работы, горячие и вредные цеха, нефтяная промышленность, стекольная и др.). Надеяться на быстрый рост народного потребления, который бы стимулировал переориентацию экономики на производство продукции массового спроса, в этих условиях было нереально.

Сказывалась и международная обстановка: в рамках проводимой США «атомной дипломатии» Советский Союз резко ускорил темпы по созданию собственного атомного оружия, что требовало громадных средств.

Большую материальную поддержку оказывал Советский Союз странам народной демократии на этапе их начального становления. Положительным моментом в сложившейся ситуации стало увеличение территории СССР за счет западных областей и на Дальнем Востоке, а также то, что в результате эвакуации предприятий из Европейской России на Восток были заложены основы для дальнейшего развития промышленной базы в азиатской части страны. Но эти «положительные итоги» не шли ни в какое сравнение с потерями, понесенными Советским Союзом в ходе фашистской агрессии, особенно если учесть число убитых, уничтоженных и искалеченных войной миллионов людей.

В труднейшем положении очутилась деревня. Непомерно тяжелая для колхозов хлебозаготовительная политика в годы войны еще более ужесточилась: хлеб забирался из хозяйств подчистую, нередко для выполнения госпоставок местные органы отнимали у колхозников зерно, выданное на трудодни или выращенное в личных хозяйствах. Острый дефицит продуктов питания, создаваемый зачастую искусственно, способствовал активизации поборов колхозного имущества, хлеба, скота со стороны чиновничьего слоя, который превратил это занятие в своеобразную систему кормленчества. Недовольство крестьян росло. К тому же деревня несла более высокие людские потери по сравнению с городом, поскольку система бронирования распространялась на весьма незначительные слои сельского населения.

Помощь международного финансового капитала (в первую очередь США) в этот период была отвергнута советским руководством из-за боязни, что Запад за кредиты потребует политических уступок. Оставался, хотя и непопулярный среди населения, но единственно возможный выход – увеличить налоги на деревню, сохранив для нее законы военного времени и в мирный период.

Послевоенная пятилетка В марте 1946 г. Верховным Советом СССР был принят закон о 5-летнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны на 1946–1950 гг. Первоочередными ставились следующие задачи: восстановление и развитие тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, обеспечение технического прогресса во всех отраслях (чтобы «превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР»); повышение обороноспособности страны и оснащение вооруженных сил новейшей военной техникой. Пятилетним планом предусматривалось восстановление довоенного уровня промышленного производства уже в 1948 г., а к концу пятилетки его превышение на 48 %. В докладе председателя Госплана СССР Н. Вознесенского говорилось о необходимости укрепления роли экономических рычагов (цена, деньги, кредит, прибыль, премия) в организации производства и распределения, о размещении производительных сил страны «с учетом всемерного приближения промышленности к источникам сырья и районам потребления». Ставилась задача развивать в пострадавших районах Европейской России собственную энергетическую и топливную базу, увеличивать объем капиталовложений в экономику более отдаленных районов страны – в Сибири и на Дальнем Востоке.

Николай Алексеевич Вознесенский (1903–1950) родился в Тульской губернии в семье служащего. Окончил Институт красной профессуры, был на комсомольской и партийной работе, преподавал в вузах. С 1935 г. – председатель Ленинградского горплана, в 1938–1941 и 1942–1949 гг. – председатель Госплана и одновременно заместитель (в 1941–1946 гг. – первый заместитель) председателя Совнаркома СССР. В годы Отечественной войны член ГКО. Доктор экономических наук (1935), академик (1943). Кандидат в члены Политбюро в 1941–1947 гг., член Политбюро в 1947–1949 гг. Пал жертвой политической интриги в ходе борьбы за власть среди сталинского окружения. В секретном постановлении правительства (март 1949 г.) отмечалось, что Вознесенский «неудовлетворительно руководит Госпланом СССР, не проявляет обязательной, особенно для члена Политбюро, партийности в руководстве Госпланом и в защите директив правительства в области планирования, неправильно воспитывает работников Госплана, вследствие чего в

Госплане культивировались непартийные нравы, имели место антигосударственные действия, факты обмана правительства, преступные факты по подгону цифр и, наконец, факты, которые свидетельствуют о том, что руководящие работники Госплана СССР хитрят с правительством». Вознесенский был снят с должности председателя Госплана, а затем репрессирован в связи с так называемым «ленинградским делом». Реабилитирован в 1954 г.

В неопубликованных мемуарах Микоян сообщает, что политической карьерой Вознесенский был обязан А. Жданову. «Новая звезда» сумела понравиться Сталину своей работой и он назначил Вознесенского первым замом по экономическим вопросам в Совнарком. «Другие члены Политбюро, – замечает Микоян, – были недовольны этим шагом», что стало главной причиной последующих интриг против Вознесенского. Микоян также указывает на отсутствие у Вознесенского опыта управления хозяйством. Это делало его позиции в Политбюро уязвимыми: «Он никогда не был ни директором, ни секретарем обкома, ни наркомом. Поэтому стиль его работы был несколько канцелярским, бумажным. Для него имел большую силу план. Он недостаточно понимал, что мало принять даже очень хороший план, что главное – обеспечить его выполнение». Микоян сообщает, что в написании книги Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» принимали участие многие ведущие специалисты Госплана.

Закон о первой послевоенной пятилетке вызвал широкие отклики за рубежом. Западная печать с особым пристрастием комментировала ту часть речи Вознесенского, где говорилось о том, что «Россия, используя преимущества советской системы, может опередить капиталистические страны на всех путях прогресса, включая и технологию». Не был обойден вниманием вопрос и о широком развитии исследований в области атомной энергии.

5-летний план ставил слишком трудные задачи для истощенной войной страны. Определяя их, советское руководство исходило из сложившегося на международной арене соотношения сил между двумя различными системами (социалистической и капиталистической). Чтобы не отстать от своих западных конкурентов, усилившихся экономически за годы войны, СССР приступил к восстановлению народного хозяйства на пределе возможного.

С переходом к мирному строительству произошли соответствующие изменения в правительственных структурах. 4 сентября 1945 г. был упразднен Государственный Комитет Обороны, действовавший как временный орган на период войны и чрезвычайного положения в стране. Законом Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 г. Совнарком и наркоматы были преобразованы соответственно в Совет Министров и министерства, поскольку как говорилось в законе, «старое

наименование уже не выражает тот объем компетенции и ответственности, который возлагает Конституция СССР на центральные органы и на лиц, стоящих во главе отдельных отраслей государственного управления» Председателем Совмина СССР и министром вооруженных сил страны был избран И. Сталин. В ближайшее его окружение входили В. Молотов, А. Андреев, А. Микоян, К. Ворошилов, Л. Каганович, Л. Берия, А. Косыгин, Н. Вознесенский, Г. Маленков.

Послевоенный период развития экономики характеризуется неоднократными реорганизациями (1946, 1948, 1953 гг.) — слиянием и разделением министерств, главным образом промышленных. Отчасти это объяснялось неимоверным разбуханием государственного аппарата: за 1928–1955 гг. количество управленцев в промышленности увеличилось с 300 тыс. до 2300 тыс. чел., т.е. в 7 раз, а численность рабочих — в 4,5 раза. С одной стороны, специализация отраслей промышленности вела к увеличению их числа, с другой — к нарушению сложившихся за десятилетия связей между отраслями и предприятиями.

Переключение средств и материальных ресурсов на мирные цели началось с весны 1945 г., а к июню на выпуск гражданской продукции было переведено более 500 предприятий, в том числе — оборонных. Для их перепрофилирования были преобразованы наркоматы (с марта 1946 г. — министерства): танковой промышленности — в министерство транспортного машиностроения, боеприпасов — сельскохозяйственного машиностроения, минометного вооружения — машиностроения и приборостроения. На базе действовавших в годы войны строительных организаций были созданы наркоматы по строительству предприятий тяжелой индустрии, топливных предприятий, военных объектов. Наркоматы черной и цветной металлургии, угольной и нефтяной промышленности были разделены и ведали соответственно западными и восточными регионами СССР.

Особые проблемы стояли перед предприятиями, полностью переключенными в начале войны на производство военной продукции. Так, Уральский завод тяжелого машиностроения в годы войны выпускал танки и самоходные артиллерийские установки. В июле 1945 г. был подготовлен проект о переводе завода на выпуск прокатных станков, мощных экскаваторов, нефтебуровых установок и другого промышленного оборудо-

вания. Для его реализации требовалось не только реконструировать ранее действовавшие цеха завода, но и построить новые, установить около 1000 единиц оборудования, в течение года подготовить целую армию высококвалифицированных рабочих и специалистов. На выпуск мирной продукции переходили и авиационные заводы. Работа по реконверсии социалистической экономики в 1946 г. вскоре принесла свои плоды. За первый послевоенный год заметно увеличился рост производства основных видов продукции машиностроения — турбин, паровозов, вагонов, автомобилей, тракторов, комбайнов, экскаваторов и др.

Предприятия, восстановленные в течение 4-й пятилетки, дали в 1950 г. 1/5 часть добытого в стране угля, 39 % выплавленной стали и проката, 40 — чугуна; на их долю приходилась значительная часть выработанной электроэнергии, продукции машиностроения и металлообработки, химической, легкой и пищевой промышленности. На месте прежних было построено около 3200 предприятий, технически более совершенных и мощных. Восстановление ряда отраслей индустрии полностью завершилось к 1953 г. Параллельно с этим осуществлялась широкая программа нового промышленного и транспортного строительства.

Техническому перевооружению промышленности СССР в значительной степени содействовал вывоз оборудования с немецких и японских предприятий (с территории Германии, отошедшей к Польше, из Австрии, Венгрии, Чехословакии и Маньчжурии). По расчетам Особого Комитета при Совмине СССР, прибывшее в Советский Союз к декабрю 1946 г. энергетическое оборудование позволяло после его ввода в эксплуатацию «увеличить мощность действующих электростанций СССР на 32,5 %» (при этом большая часть его была оснащена современной электротехнической аппаратурой, автоматическими приборами запуска и контроля за работой агрегатов). Значительно увеличивался также парк оборудования машиностроительных министерств: станкостроительной промышленности более чем в два раза (на 109 %), автомобильной — на 85, машиностроения и приборостроения на 83, тяжелого машиностроения на 55 %. В три раза увеличился парк оборудования радиолокационной промышленности (в том числе за счет пользующихся мировой известностью институтов и пред-

приятый фирм «Телефункен», «Сименс» и др.). За счет немецких заводов было положено начало промышленности синтетического жидкого топлива (технология которого для производства бензина, смазочных масел и пр. была основана на базе углей).

Важнейшими объектамистроек в послевоенную пятилетку стали Фархадская ГЭС на Сырдарье в Узбекистане (первая очередь станции была введена в строй в феврале 1948 г.), Нижнетуринская на Урале, Щекинская ГРЭС в Подмоскowie. Особое значение имела разработка нефтяных пластов Каспийского моря (в ноябре 1949 г. была задействована первая скважина в открытом море). За счет роста добычи нефти Азербайджан вышел на первое место в СССР по объему добычи жидкого топлива. Интенсивно велось шахтное строительство в Донбассе, Подмосковном, Печорском угольных бассейнах, на Урале, в Кузбассе, Караганде, Хакасии, Приморье. В первые же послевоенные годы началась разработка крупных газовых месторождений в Саратовской области и на Украине.

Не отставало и дорожно-транспортное строительство. Железнодорожная магистраль Петропавловск—Чу, прошедшая через Казахстан, соединила Западную Сибирь со Средней Азией; продолжалась прокладка железнодорожных линий Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань протяженностью 442 км и Печора—Воркута.

За относительно короткий срок республики Прибалтики, западные области Украины и Белоруссии стали постепенно превращаться в индустриально-аграрные районы. Большая доля расходов покрывалась государством.

Всего за годы первой послевоенной пятилетки было восстановлено или построено заново 6200 крупных промышленных предприятий и множество других объектов хозяйственного значения.

Итоги промышленного развития

По официальным советским данным, 5-летний план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. был успешно выполнен, а важнейшие его задания «значительно перевыполнены». В первую очередь это достижения черной металлургии (выплавка стали и производство проката), добыча угля и нефти, выработка электроэнергии, производство станков и машин, продукция химической промыш-

ленности. В июле 1952 г. комиссия в составе В. Молотова, Л. Кагановича, А. Микояна, М. Сабурова, И. Бенедиктова представила Сталину проект директив пятого 5-летнего плана на 1951–1955 гг. В нем предусматривалось повысить уровень промышленного производства за пятилетие примерно в 1,8 раза (при среднегодовом темпе роста валовой продукции промышленности на 12 %). Для производства средств производства (группа «А») темпы роста устанавливались в размере 18 %, а для производства предметов потребления (группа «Б») – 11. Вдвое должны были возрасти капиталовложения в промышленность.

В январе 1953 г. начальник ЦСУ В. Старовский доложил Сталину о том, что за два года пятой пятилетки среднегодовые темпы прироста в промышленности валовой продукции, а также прирост по важнейшим ее видам (чугун, сталь, прокат, электроэнергия и пр.) превышали плановые задания, но некоторое отставание в темпах прироста наблюдалось в добыче нефти, производстве крупных металлорежущих станков и по некоторым другим показателям. Эти достижения позволили СССР создать к началу 50-х годов значительные сырьевые ресурсы для успешного развития народного хозяйства страны в будущем. Так, государственные резервы хлеба на начало 1953 г. выросли в сравнении с довоенным уровнем в 4 раза, цветных металлов – в 10; нефтепродуктов – в 3,3; угля в 5,1; дров в 2,7 раза. Таким образом, стратегическая цель, о которой говорил в феврале 1946 г. Сталин, была выполнена, так как накопленные запасы были важнейшим условием гарантии СССР «от всяких случайностей».

Именно эти резервы, полученные в результате героического труда всего народа, позволили Хрущеву провести большинство своих реформ и начинаний.

Трудовые ресурсы и производительность труда	Особенно остро стояла проблема трудовых ресурсов. Сразу после войны в город вернулись демобилизованные, заполнившие только отчасти эту брешь, так что приходилось проводить организованный набор рабочих в сельской местности, использовать труд выпускников ремесленных училищ, школ фабрично-заводского обучения, труд заключенных.

Важнейшим фактором, сдерживающим рост производительности труда, являлся низкий уровень механизации трудоемких и тяжелых работ в сырьевых отраслях промышленности,

в строительстве и на транспорте. По сведениям ЦСУ, на начало 1947 г. из 5,1 млн. учтенных промышленно-производственных рабочих на работах, производимых только ручным трудом, было занято 63 % (еще выше был процент занятых ручным трудом в угольной, железо- и меднорудной промышленности, на лесозаготовках, в строительстве). Месячная добыча угля в 1947 г. составляла (в расчете на 1 рабочего) только 80 % от уровня производительности труда в 1940 г., железной руды подземным способом – 64, лесозаготовок – 81 %. В угольной промышленности очень трудоемкие и физически тяжелые операции навалки угля в очистных забоях и погрузка породы в выработках были механизированы на 2–3 %, в то время как на этих работах было занято в 1948 г. более 73 тыс. подземных рабочих. Подобное положение дел не шло ни в какое сравнение с уровнем механизации, достигнутым в США и других промышленно развитых странах.

И после войны продолжали действовать указы, запрещающие под страхом уголовного наказания самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Трудовое законодательство сопровождалось рядом изменений в паспортной системе. С 1940 по 1948 г. НКВД СССР распорядилось взамен паспортов выдавать работникам отдельных отраслей народного хозяйства спецудостоверения. Паспорта, хранящиеся в отделах кадров, выдавались на руки в исключительных случаях (вступление в брак, развод, смена фамилии). Этот порядок распространился на предприятия со сверхтяжелыми условиями труда – в угольной промышленности, черной и цветной металлургии, строительстве предприятий тяжелой индустрии, судостроительной и химической промышленности, а также на железнодорожном, морском и речном транспорте. У рабочих и служащих (включая членов их семей), занятых на строительстве стратегически важных объектов, «изъятие паспортов на хранение» проводилось с конца 40-х годов.

Несмотря на суровость законодательства, текучесть кадров была налицо. Как отмечалось в докладе Управления по распределению рабочей силы летом 1946 г., «заводы черной металлургии зарекомендовали себя с очень плохой стороны. Ранее набранные в порядке мобилизации рабочие, выехавшие на предприятия Урала, пишут своим односельчанам о плохих условиях работы и жизни на заводах чермета: плохое питание, зарплата задерживается, квартирные условия плохие, расчет

рабочему завод задерживает, и рабочий свободно с предприятия уйти не может». По сведениям ЦСУ, в 1950 г. самовольно оставили работу в промышленности и строительстве 321,7 тыс. чел. и совершили прогул – 869,8 тыс. Согласно указу от 26 июня 1940 г. в 1950 г. осуждено за самовольный уход – 209, за прогулы – 514 тыс. чел. В среднем в сфере промышленности, строительства и железнодорожного транспорта текучесть кадров составила за четвертую пятилетку 10–16 %.

Цифра работников в народном хозяйстве сократилась с 31,2 млн. в 1940 г. до 27,3 млн. в 1945, рабочих – соответственно с 19,7 до 17,5 млн. (из них кадровых рабочих с довоенным стажем оставалось примерно 10 %). За первую послевоенную пятилетку численность рабочих и служащих народного хозяйства страны превзошла довоенный уровень, особенно это касается рабочих кадров в строительстве (см. таблицу).

Отрасли народного хозяйства	Численность рабочих и служащих, млн. чел.		
	1940 г.	1945 г.	1950 г.
Общее число рабочих и служащих по всем отраслям народного хозяйства	31,19	27,26	38,27
В том числе:			
Промышленность	10,97	9,51	13,50
из них рабочие	8,29	7,19	10,69
Строительство	1,50	1,48	2,35
из них рабочие	1,28	1,29	2,08

Заклученные и спецпоселенцы Практически ни одна отрасль народного хозяйства не обходилась без труда заключенных. Численность их измерялась следующими цифрами: в 1940 г. – 1 659 992 чел., 1945 – 1 460 677, 1950 – 2 561 351, 1953 – 2 468 524 чел. Для руководства производственной и хозяйственной деятельностью исправительно-трудовых лагерей в составе ГУЛАГа действовали специальные главки: железнодорожного строительства, лесной, горнометаллургической промышленности и др. Министр внутренних дел С. Круглов в 1951 г. докладывал правительству,

что на стройках министерства заключенными выполнено капитальных работ на 14,3 млрд. руб., а предприятиями лагерей и колоний выпущено валовой продукции на сумму 16,3 млрд. руб. Помимо заключенных к концу 40-х годов на спецпоселении находилось около 2,3 млн. чел. Они должны были заниматься «общественно полезным трудом» на тех предприятиях, за которыми закреплялись. В случае уклонения от работы поселение заменялось лишением свободы на 8 лет; лагерем грозили и за побеги с мест поселения. Женщина с воли, вышедшая замуж за спецпоселенца, автоматически становилась спецпоселенкой. И наоборот, спецпоселенка, вышедшая замуж за вольного, снималась с учета. У большинства спецпоселенцев (немцев, северокавказцев, крымчан, калмыков и др.) дети, достигшие 16-летнего возраста, становились на персональный учет спецпоселений. Дети, родившиеся в семьях спецпоселенцев — «власовцев», а также выселенных по указу от 2 июня 1948 г. за «злостное уклонение от трудовой деятельности в колхозах», считались свободными с момента рождения.

Разработка атомной бомбы	В послевоенные годы важнейшим делом советской науки стало создание атомного оружия. Еще в предвоенные годы, задолго до получения какой-либо информации о состоянии разработок в этой области в США, физики Я. Зельдович, Ю. Харитон и И. Курчатов провели расчеты по разветвленной цепной реакции деления урана в реакторе, а Г. Флеров и Л. Русинов экспериментально подошли к определению ключевого параметра цепной реакции — числу вторичных нейтронов. Тогда же Флеров и Петржак открыли самопроизвольное, без облучения посредством нейтронов, деление урана, а с февраля 1943 г. уже вплотную приступили к работе по созданию атомной бомбы. 20 августа 1945 г. особо секретным постановлением ГКО образуется специальный комитет (под председательством Л. Берия), в задачи которого входят все виды работ «по использованию внутриатомной энергии урана» (от научных изысканий до производства атомной бомбы). Технический совет возглавлял крупный организатор военной экономики Б. Ванников; в его состав входили академики А. Алиханов, А. Иоффе, П. Капица, И. Курчатов, В. Хлопин, Ю. Харитон, члены-корреспонденты И. Вознесенский и И. Кикоин. Комитет наделялся чрезвычайными полномочиями, располагал материальными и

иными ресурсами, был полностью независим в своей деятельности. На Берия, помимо прочего, возлагалась организация «закордонной разведывательной работы по получению информации об урановой промышленности и атомных бомбах».

Летом 1948 г. под Челябинском состоялся запуск первого атомного реактора, а через несколько месяцев был принят в эксплуатацию радиохимический завод по выделению плутония из урана. Пуск этих двух объектов комплекса новых предприятий позволил приступить к испытанию первой атомной бомбы, что имело место 29 августа 1949 г. на ядерном полигоне под Семипалатинском. Большую помощь в разработке советскими учеными атомной бомбы оказала разведка: важную информацию поставлял в 1942–1949 гг. Клаус Фукс; из Англии на подводной лодке был доставлен в СССР Бруно Понтекорво; через Чехословакию были переправлены в Советский Союз два крупнейших радиоэлектронщика (американцы по происхождению), и ряд других иностранцев, работающих на советскую разведку. Однако наши ученые не копировали американскую бомбу, а создавали принципиально иную конструкцию, более сложную, с более высоким КПД – и в этом заслуга академика Харитона. Большинство агентов, передававших нам секреты чужих ядерных программ, делали это, как правило, по идейным соображениям, поскольку многие из них разделяли коммунистические убеждения и испытывали горячую симпатию к Советскому Союзу, который боролся с фашизмом.

Денежная реформа и отмена карточек

Важную роль в стабилизации финансовой системы страны сыграли денежная реформа и отмена карточек на продовольственные и промышленные товары в декабре 1947 г.

Правительство планировало сделать это еще в 1946 г., но помешали засуха и голод, охватившие многие районы страны.

В начале 1946 г. в условиях абсолютной секретности правительство приступило к подготовке денежной реформы. За годы войны количество денег, выпущенных государством в обращение, увеличилось с 18,4 до 74 млрд. руб., тогда как объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли составлял в 1945 г. около половины от довоенного уровня. Рост денежной массы был следствием огромных военных расходов, которые привели к образованию бюджетного дефицита и потребовали значительной эмиссии

денег. На руках у населения после войны находилось около 66 млрд. руб. (по ориентировочным расчетам Минфина СССР). Министр А. Зверев в докладе на имя Сталина следующим образом сформулировал цель реформы: «Обмен должен быть проведен на таких условиях, чтобы не только было обеспечено изъятие из обращения всех излишков денег, но чтобы в итоге обмена были в основном аннулированы денежные накопления у лиц, нажившихся в период войны на спекуляциях и другими незаконными путями».

В ходе реформы Госбанк СССР провел обмен старых денег на новые из соотношения 10 : 1 (металлическая монета обмену не подлежала и принималась к платежам по номинальной стоимости). Не подлежали переоценке вклады населения, размер которых не превышал 3 тыс. руб. (число таких вкладчиков составляло около 80 %); остальные вклады переоценивались из соотношения 3 : 2 (если размер вклада не превышал 10 тыс. руб.), свыше 10 тыс. руб. — из соотношения 2 : 1. Одновременно проводилась конверсия всех ранее выпущенных государственных займов в единый двухпроцентный 1948 г. (обмен облигаций прежних займов на новый проводился по курсу 3 : 1). Правительство объясняло необходимость этой меры тем, что за войну произошло снижение покупательной способности рубля, то есть девальвация денег, о «погашать задолженность (по займам) государство должно было новыми полноценными деньгами».

Обмен денег проводился по всей территории СССР с 16 по 29 декабря 1947 г. По отчету Госбанка обменено старых денег 37,2 млрд. руб. (часть денег погибла в годы войны и не была предъявлена к обмену). Значительные денежные суммы перед реформой осели у населения в Узбекской и Грузинской ССР. В результате обмена количество денег, находящихся у населения, резко уменьшилось и составляло около 16 млрд. руб.

Обмен облигаций конвертируемых займов, размещенных по подписке среди населения, планировалось провести летом 1948 г. По расчетам Минфина СССР, эта операция должна была уменьшить государственный долг на 100 млрд. руб. Значительные финансовые выгоды получало правительство и от переоценки счетов кооперативных организаций и колхозов в банках.

Таким образом, денежная реформа в СССР в 1947 г. целиком была проведена за счет интересов трудящихся.

По мнению правительства, реформа позволила ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, ликвидировать крупные накопления, образовавшиеся «у отдельных групп населения в результате высоких рыночных цен, а также спекуляции». Был значительно сокращен государственный долг по займам и уменьшены связанные с ним расходы государственного бюджета.

Проведение реформы явилось необходимым условием отмены карточной системы.

После отмены карточек (проведена в декабре 1947 г. одновременно с денежной реформой) продовольственные и промышленные товары стали продаваться в порядке открытой торговли по единым государственным розничным ценам (взамен коммерческих и пайковых цен). Например, цены на хлеб и крупы устанавливались на 10–12 % ниже пайковых, на другие продовольственные товары – на уровне пайковых; на промышленные товары – повышались в сравнении с пайковыми, но были ниже коммерческих примерно в 3 раза. Так, вводились следующие цены на некоторые товары: хлеб ржаной – 2,80–3,20 (в руб. и коп. за 1 кг); мука пшеничная – 7–9; сахар-рафинад – 13,50–16,50; мясо говяжье – 28–32; масло сливочное – 62–66; соль 1,60–1,80; икра зернистая – 400; водка (0,5 л) – 60; костюм мужской (двойка) – 450 (рублей); полуботинки мужские (1 пара) 288; валенки – 216; чулки женские – 7,50; часы наручные – 900; патефон – 900; мыло хозяйственное (1 кусок) – 5,20; керосин (1 л) – 2,00–2,50; галоши резиновые – 45. Одновременно с отменой карточек вводились нормы отпуска товаров в одни руки, так как товарные фонды страны еще были недостаточны.

Снижение цен После войны правительство неоднократно снижало государственные розничные цены на продукты массового потребления. Данная политика получила различные оценки в отечественной историографии – от восторженных до резко отрицательных. Механизм снижения был основан на том, что государство изымало продукцию сельского хозяйства по низким ценам (через систему обязательных поставок с колхозов и личных хозяйств), а продавало ее по относительно высоким ценам. Так достигалось сразу несколько целей. Во-первых, полученные за счет труда деревни таким способом деньги правительство перераспределяло в пользу промышленности, поскольку приоритет развития

средств производства (группа «А») над производством предметов потребления (группа «Б») лежал в основе «политэкономии социализма». Во-вторых, изъятие из деревни продуктов, необходимых для пропитания самого сельского населения, заставляло последнее непрерывно трудиться в колхозах (и личных хозяйствах) и потому гарантировало государству непрерывность обязательных поставок. Понимая, что в силу необходимости крестьянин вынужден будет выращивать продукцию (на жестко регламентированном в размерах) приусадебном участке, государство обложило его сразу двумя налогами: натуральным (обязательные поставки мяса, шерсти, молока и пр.) и денежным, выплачиваемым с 1939 г. по прогрессивным ставкам. С отменой карточной системы розничные цены на сельхозпродукты снижались (что влекло за собой автоматическое снижение цен на колхозных рынках), а с другой — размеры денежных налогообложений после войны постоянно повышались. В результате этих «ножниц» налицо был объективно достоверный факт: продажа продуктов, произведенных в личных хозяйствах, из года в год увеличивалась. Поскольку во многих колхозах денежная оплата по трудодням не производилась вовсе, продажа продуктов на рынке часто была для сельского населения единственным способом добывания денег для уплаты налогов и займов. Следовательно, снижение цен проводилось целиком за счет деревни, за счет перенапряжения ее сил и резкого ухудшения материального положения.

По идеологическим соображениям правительство не было заинтересовано в поощрении зажиточной прослойки общества, сложившейся за военные годы. Снижая после отмены карточек государственные розничные цены, власти пытались проводить политику не в направлении закрепления социального расслоения, а, наоборот, в плане уравнивания всех со всеми. Как заметил по этому поводу В. Молотов: «Никого не обижать, но и никого не баловать. Только так можно навести порядок. Тут и нужна генеральная линия».

Помимо этого, регулярное снижение цен на продукты питания и промышленные товары являлось мощным средством пропаганды «достижений социализма» среди широких слоев населения, что, безусловно, способствовало укреплению созданной в стране системы и режима личной власти вождя.

Об объемах сумм, получаемых в результате снижения государственных розничных цен в послевоенный период свидетельствуют данные таблицы:

Этапы снижения цен	Сумма снижения цен (млрд. руб. из расчета на год)	
	в государственной торговле	в кооперативной торговле и колхозном рынке
Декабрь 1947 г.	57	29
1948 г. и 1 марта 1949 г.	48	23
1 марта 1950 г.	80	30
1 марта 1951 г.	27,5	7
1 апреля 1952 г.	23	5

Однако несмотря на неоднократное снижение, они в 2–3 раза превышали уровень довоенных цен.

«Золотой» рубль С марта 1950 г. в СССР было прекращено определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара (до этого в 1922 г. червонный рубль был приравнен к довоенному золотому рублю, в 1935 г. валютная стоимость рубля стала выражаться во французских франках, а с 1937 г. – в долларах США). Советский рубль был переведен, как указывалось в постановлении правительства, «на более устойчивую, золотую основу, в соответствии с золотым содержанием рубля», что соответствовало 0,222168 г чистого золота.

Война привела к резкому падению покупательной способности всех валют мира: за 1937–1947 гг. покупательная способность франка снизилась в 12 раз, фунта стерлингов более чем в 2, американского доллара – почти в 2 раза. В условиях подобной нестабильности сохранение прежней практики привязки курса рубля к доллару (в первую очередь при международных расчетах) – значило для СССР идти в фарватере финансовой политики западных стран. Это положение не могло сохраняться по политическим основаниям – в разгаре была «холодная война». Помимо этого, денежная реформа в СССР «ликвидировала последствия второй мировой войны в области денежного обращения и восстановила полноценный совет-

ский рубль». СССР, как страна, добывающая золото и экспортирующая его, имела полную возможность создать для своей валюты устойчивую базу в виде золота (золотой запас страны уже в 1948 г. составлял около 1,5 тыс. т). Не случайно, видимо, Сталин в беседе с экономистами и членами Политбюро по вопросам политэкономии (февраль 1952 г.) заметил: «Мы ведем линию на то, чтобы золото было денежным товаром и добьемся этого. Это, конечно, не значит, что мы будем обменивать денежные знаки на золото. Этого сейчас нет и в капиталистических странах».

Названные обстоятельства учитывались советским правительством при изменении курса рубля (он соответствовал 4 руб. за 1 американский доллар, вместо существовавшего до 1950 г. — 5 руб. 30 коп.) и переводе его на золотую основу. Эта мера позволила СССР добиваться независимости рубля от иностранных валют, начать борьбу за превращение рубля в ведущую валюту стран народной демократии, а в перспективе — других стран. Если две первых задачи были успешно решены, то последняя оказалась не по плечу советской финансовой системе.

Голод 1946–1948 гг. В 1946 г. многие районы страны поразила засуха. Начавшись в Молдавии, она быстро распространилась сначала на юго-запад Украины, затем охватила центрально-черноземную зону, включая север Украины. Валовой сбор зерновых составил в 1946 г. 39,6 млн. т, а государственные заготовки (включая все виды поступления, в том числе возврат государству семенных и фуражных ссуд, натуроплату за работу МТС и др.) — 17,5 млн. т, что было намного ниже уровня предшествующего, а тем более довоенного года. Так, валовой сбор зерновых составил в 1940 г. — 95,5 млн. т. в 1945 — 47,3 млн. В сложившейся ситуации правительство приняло чрезвычайные меры по экономии хлеба — для ряда категорий рабочих и служащих осенью 1946 г. были снижены суточные нормы пайка, сняты с довольствия 85 % сельчан, находящихся на государственном снабжении хлебом, сокращены лимиты для иждивенцев, детей и отдельных категорий работников. В октябре 1946 г. паек получали 59,5 млн. чел., из них — лишь 4 млн. жителей сельской местности, в то время как там проживало в этот период ок. 110 млн. чел. — 36,3 млн. колхозников, 3,8 млн. единоличников и неорганизованных кустарей, 3,5 млн. учащихся, 10,5 млн. занятых в домашнем и подсобном хозяйстве.

Между тем напряженное положение с продовольствием ощущалось до трагедии, связанной с засухой. Уже в первой половине 1946 г. правительство вынуждено было разбронировать в связи с голодом около 3 млн. т зерна из государственного резерва — весьма небольшую часть только что отобранного хлеба. В Курскую, Воронежскую, Тамбовскую, Орловскую области из госрезерва отправлялись семена для летнего дополнительного посева; оказывалась единовременная помощь населению пострадавших районов; кое-где открывались столовые, но все это не могло удовлетворить нужды людей.

Отсутствие гарантированного заработка в колхозах, огромные налоги на личные подворья селян, наконец, голод, приводили к массовому бегству из села, не намного лучше обстояло дело и в городах, население которых находилось на государственном продовольственном обеспечении. Общая цифра потерь от голода и связанных с ним болезней составляла за период с 1947 по 1948 г. около 3 млн. чел. (из них около 1 млн. умерли). И это только по РСФСР. Однако, если бы репахющим фактором, повышающим смертность и снижающим рождаемость населения страны, была только засуха, то в 1948 г. ситуация должна была бы измениться, т.е. неурожая не было, а голод был.

Данные ЦСУ о валовом сборе зерна и его государственном резерве свидетельствуют о том, что в послевоенный период советское правительство располагало запасами, которых вполне хватало для обеспечения хлебом голодающих районов: в январе 1946 г. они составляли 10,1 млн. т, в январе 1949 — 18,8 млн. Значит дело было не в хлебе, а в его распределении, в отношении правительства к своему народу. В 1947 г., когда последствия засухи сказывались особенно сильно, экспорт зерна за границу вырос по сравнению с предшествующим годом с 0,4 млн. т до 2,4 млн. т. В 1946–1947 гг. делались поставки зерна в Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию, Францию, Берлин и другие страны. Как писалось о поставках зерна во Францию — Советское правительство, учитывая «тяжелое продовольственное положение во Франции и просьбу Французского правительства, решило пойти навстречу Франции как своему союзнику». Политическая направленность помощи понятна — поддержать французских коммунистов и повысить их престиж на выборах. Непонятно только, почему эта «щедрость» оказывалась «союзнику» за счет голодающего населения собственной страны.

4 июня 1947 г., как раз накануне уборочной кампании в стране после голодной осени 1946 – весны 1947 г., Президиум Верховного Совета СССР принимает указ «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», по которому только за один год его действия было осуждено в стране около 200 тыс. чел., а за период с 1947 г. по 1953 г. – 1,3 млн. Провинившиеся лишались свободы на срок от 1–8 до 8–25 лет. На срок от 2 до 3 лет каралось «недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении». Естественно, что голод ни в коей мере не затронул партийно-государственную номенклатуру от высшего до районного звена.

Деревня в послевоенные годы	За годы войны резко сократились трудовые ресурсы колхозов. Если в целом численность деревни (с учетом возвратившихся по демобилизации) к концу 1945 г. уменьшилась на 15% (по сравнению с 1940 г.), то число трудоспособных – на 32,5%. Из 16,9 млн. трудоспособных мужчин до войны к началу 1946 г. осталось всего 6,5 млн. Гибель мужиков – главной опоры и защиты деревни – возлагала все тяготы восстановительного процесса на плечи женщин, подростков, стариков. Материально-производственная база колхозов, созданная в годы довоенных пятилеток, почти полностью была разорена – уничтожено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 МТС; истреблена или вывезена в Германию почти четверть довоенного тракторного и комбайнового парка. Сохранившаяся сельхозтехника была предельно изношена; около 11 % тракторов МТС из-за неисправности не работали. Недостаток техники не восполнялся живой тягловой силой, поскольку поголовье лошадей в колхозах не составляло к концу 1945 г. и половины довоенного уровня.

Более чем на четверть сократилась посевная площадь угодий. Из-за недостатка техники и рабочих рук сельскохозяйственные работы проводились с опозданием, что приводило к резкому снижению урожайности. Многие колхозы, особенно очутившиеся в оккупации, не располагали самым насущным для сколько-нибудь нормального ведения хозяйства. Люди жили в тяжелейших условиях, нередко в землянках, без элементарнейших жизненных удобств.

Зарубежная печать комментировала сложившуюся ситуацию как почти безнадежную. «Вся материальная база сельского хо-

зяйства в освобожденных районах рухнула в результате войны, — отмечал в 1946 г. английский еженедельник «Экономист», — Колхозы могут оказаться под угрозой полного развала».

В создавшихся условиях советское руководство принимает решение о скорейшем организационно-хозяйственном укреплении колхозов, создании их в тех районах страны, где их до сего времени не было и где индивидуальные крестьянские хозяйства составляли основу сельскохозяйственного производства (западные области Украины и Белоруссии, Правобережная Молдавия и Прибалтийские республики).

Сделав ставку на первоочередное развитие тяжелой индустрии, правительство смотрело на деревню как важнейший источник сырья, рабочих рук и хлеба, что в значительной степени замедляло восстановление деревни как таковой.

Тем не менее 19 сентября 1946 г. вышло постановление Совмина СССР и ЦК партии «О мерах по ликвидации нарушений устава сельхозартели в колхозах». В нем отмечались получившие широкое распространение факты расхищения земель колхозов и колхозной собственности, злоупотреблений со стороны партийно-советских органов, нарушения выборности правлений и председателей колхозов. В связи с этим постановление обязывало руководителей всех уровней положить конец этим «противоколхозным и противогосударственным» извращениям и нарушениям, а виновных «привлекать к судебной ответственности как уголовных преступников». Для контроля за соблюдением устава сельхозартели, предотвращения его нарушения, решения вопросов колхозного строительства был создан Совет по делам колхозов во главе с членом Политбюро ЦК ВКП(б) А. Андреевым. Совет имел в республиках, краях и областях своих представителей в качестве контролеров от центра, независимых от местных властей.

Деятельность его способствовала организации и совершенствованию оплаты труда, разработке перспективных планов, подготовке руководящих кадров, созданию детских учреждений, конкретизации устава сельхозартели. Однако в целом его влияние на аграрную политику не имело ровно никакого значения: работники центрального аппарата и уполномоченные на местах хорошо знали нужды деревни, но в решении жизненных вопросов ее руководствовались исключительно постановлениями партии и правительства, нередко выступая сторонниками жестких мер.

К концу 4-ой пятилетки многие последствия войны в сельском хозяйстве в основном были преодолены, укрепилась материально-техническая база, в районах, подвергшихся оккупации, восстановлены колхозы, МТС и совхозы, повысился уровень механизации сельскохозяйственных работ, хотя был не везде одинаков в региональном отношении и в плане сельхозработ. На Северном Кавказе, в Поволжье и Западной Сибири подъем пара и зяби был механизирован почти полностью, чего нельзя сказать о северо-западе страны и Нечерноземье. Механизация уборки зерновых значительно отставала: около четверти всех площадей в 1950 г. убиралось вручную, в областях северо-запада и Центра – до половины.

В 1948 г. принимается трехлетний план развития электрификации на селе. К концу пятилетки электроэнергию получали 80 % МТС и 76-совхозов. Большинство электростанций было маломощным (ок. 40 кВт). К государственной электросети колхозы подключались редко, так как она с трудом обеспечивала потребности промышленности. На нужды сельского хозяйства в это время использовалось около 1,5 % электроэнергии, производившейся в стране. В 1950 г. объем валовой продукции сельского хозяйства составил приблизительно 99 % по сравнению с довоенным показателем. Однако заявление члена Политбюро Г. Маленкова на XIX съезде партии (октябрь 1952 г.) о том, что зерновая проблема в стране «решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно», – не соответствовало действительности, поскольку он приводил данные о валовом сборе зерна, основанные на так называемом видовом урожае – состоянии посевов накануне уборки. Действительный же, так называемый амбарный урожай зерна 1952 г. составил 92,2 млн. т и был несколько меньше довоенного (95,6 млн. т).

Большинство заготовительных цен на сельхозпродукты оставались значительно ниже себестоимости, как и в 30-е годы, и возмещали только малую часть затрат на их производство. В 1950 г. среднерасчетная цена зерновых равнялась 8 руб. за 1 ц, а себестоимость – 49 руб. В Белоруссии заготовительные цены на молоко возмещали колхозам всего 25 % его себестоимости, свинины – 5 %. Большая часть продукции изымалась из колхозов через систему так называемых обязательных поставок.

С 1940 г. был установлен погектарный принцип исчисления обязательных поставок государству зерна и риса (живот-

новодческая продукция – с каждого гектара сельхозугодий). Их объем зависел от размеров пашни, закрепленной за колхозом; фактический посев, наличие семян, техники, рабочих рук, погодные условия в расчет не принимались. И хотя за годы войны из-за недостатка средств и рабочих рук многие земли пустовали, хозяйства все равно обязаны были сдавать с них поставки государству. В 1946 г. на один колхозный двор в СССР приходилось в среднем 8,1 га пашни, облагаемой хлебопоставками, в Западной Сибири – 15,1 га. Засеивалось же вдвое меньше, следовательно, с каждого гектара хозяйствам приходилось сдавать вдвое больше зерна, чем до войны. Большой удельный вес в заготовках занимала натуральная оплата, взимавшаяся с колхозов за работу МТС. Ее размер определялся по твердым ставкам в зависимости от группы урожайности, к которой относился данный колхоз (чем выше урожайность, тем выше ставка натуроплаты). В 1951 г. в общем объеме заготовок зерновых культур (1973,6 млн. пудов) натуроплата с колхозов за работы МТС составляла 1089,3 млн. пудов, т.е. более половины. В действующей заготовительной системе отразилось полное экономическое бесправие колхозов: государство «брало» у деревни хлеб и другие продукты за бесценок. О том, что хлебозаготовительные планы были для деревни непосильными, говорят следующие цифры: если в 1944 г. их выполнили около 58 % колхозов страны, то в 1945 – 50, 1946 – 42,1, 1948 – 44,2 %.

Самой трудной для деревни проблемой в послевоенный период оставалась нехватка рабочих рук. Если до войны число их составляло около 32 млн. чел., то в 1946 г. – 21,5, 1947 – 23,0, 1948 – 25,4 млн. По так называемому оргнабору люди вербовались для работы в промышленности, строительстве и на транспорте; часть – преимущественно молодежь – призывалась для обучения производственным профессиям в системе трудовых резервов (ремесленные и железнодорожные училища, школы фабрично-заводского обучения). Ежегодно около 1,2–1,4 млн. чел. привлекались из деревни на сезонные работы, в частности на лесозаготовки в северных и восточных районах страны. За уклонение от них и за невыполнение обязательных заданий виновные привлекались к уголовной ответственности.

Закреплению остающегося населения в деревне способствовала паспортная система – мощный регулятор социально-экономических отношений. Колхозники паспортов не имели и

тем самым прикреплялись к колхозным работам на всю жизнь. Самостоятельно оставить работу в колхозе и уйти в город они не могли, так как, по действующему законодательству, для получения паспорта необходимо было представить в милицию «справку правления колхоза о его согласии на отход колхозника». А такую справку получить было практически невозможно. Столь же бесправным было и положение детей колхозников, которые по достижении 16-летнего возраста автоматически заносились в списки колхозников без заявлений о приеме в колхоз (что противоречило примерному уставу сельхозартели). В условиях нехватки рабочих рук в деревне правительство отклонило в 1949 г. предложенный МВД СССР и поддержанный Л. Берия проект нового положения о паспортной системе, которым предусматривалась «выдача паспортов не только городскому, но и сельскому населению».

За 1949–1951 гг. численность трудоспособных колхозников в стране уменьшилась по сопоставимой территории (без учета западных областей УССР и БССР; Молдавии и Прибалтийских республик) на 2,4 млн. Сокращение происходило не только в областях, где положение с рабочей силой обстояло благополучно, но и там, где в ней испытывалась большая потребность (Центр, Поволжье, Урал). После войны остался без изменений все тот же обязательный минимум трудодней и судебная ответственность колхозников за его невыполнение, установленные указом правительства от 15 апреля 1942г. на период военного времени. Только за 1946–1948 гг. по этому указу было приговорено к «исправительно-трудовым работам» 445 224 чел., в том числе 80 % – женщин. В 1946 г. не выработали минимума трудодней 18,4 % всех трудоспособных колхозников и колхозниц страны, что, по мнению правительственных органов, могло «нанести сильный ущерб и замедлить темпы восстановления общественного колхозного хозяйства». 2 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принимает указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Его инициатором был Н. Хрущев – первый секретарь ЦК компартии Украины, представивший в январе 1948 г. И. Сталину и Л. Берия проект указа. 21 февраля издается указ, по которому сельское население Украинской ССР «злостно уклоняющееся от трудовой деятельности в колхозах», подлежало выселению в «отдаленные районы». 2 июня

1948 г. новый указ распространяет апробированный на Украине метод на всю страну (за исключением западных областей и Прибалтики). Принудительная высылка на спецпоселение на 8 лет применялась в отношении лиц, которым выносился общественный приговор общим собранием колхозников, утвержденный исполкомом райсовета. Однако все эти чрезвычайные меры по укреплению трудовой дисциплины не приносили желаемого результата.

В отечественной историографии преобладает следующая оценка Хрущева: прогрессивный реформатор, который нашел в себе мужество и силы бросить вызов сталинской «тоталитарной системе» и публично осудить культ личности вождя, провести реформы, перейти от конфронтации с капиталистическим миром к «мирному сосуществованию», начать реабилитацию жертв политических репрессий и, в конечном счете, дать возможность советскому народу зажить свободнее и лучше. При этом, правда, признается, что Хрущев сформировался в эпоху Сталина и поэтому, якобы, не смог полностью освободиться от привычных методов руководства страной. В целом, однако, оценка эпохи не просто положительная. От описания хрущевского времени, которое дано в литературе, веет сказочным романтизмом (не случайно один из журналистов назвал Хрущева «последним романтиком»). Приведенной оценкой Хрущев во многом обязан интеллигенции, с которой заигрывал в годы «оттепели», а также партийно-советской номенклатуре, для которой с приходом Хрущева закончились страшные сталинские репрессии и наступил «золотой век». Но для русского мужика Хрущев был и остался не только учеником Сталина, но и продолжателем его дела — жестоким и бескомпромиссным в своем отношении к деревне. Раболопствуя перед вождем, Хрущев с удовольствием давил крестьян. Помимо уже упоминавшейся «инициативы» по выселению украинских мужиков в «отдаленные районы страны» за нежелание трудиться в колхозах, Хрущев предлагал и более радикальные меры. В июле 1948 г. при обсуждении проекта государственного постановления о мерах подъема животноводства, Хрущев писал Сталину: «Наиболее радикальным путем, на мой взгляд, является проведение полного и единовременного обобществления крупного рогатого скота с компенсацией колхозников за проданный на фермы скот. При этом необходимо отказаться от помощи колхозникам в ликвидации бескоровности и принимать меры к удовлетворению их потребности в продуктах животноводства через колхозные фермы». Помимо этого, для «дальнейшего подъема общественного хозяйства колхозов», Хрущев предлагал «сократить размер приусадебных участков колхозников» и «повысить установленный минимум трудодней». Рассуждения сродни плантаторским, с их отношением к человеку как к бессловесной рабочей скотине. В отличие от Хрущева, Сталин понимал государственным умом, что крестьянин еще жив только благодаря личному хозяйству и своей, а не колхозной корове. Лишить мужика того и другого, значило окончательно разорить деревню. Придя к власти, Хрущев уже в качестве самостоятельной политики осуществлял курс на уничтожение личных крестьянских хозяйств, а также продолжил ликвидацию «неперспективных деревень», приведшую к обезлюдиванию российской деревни.

Низкий уровень оплаты труда в колхозах вынуждал крестьянина значительную часть своего времени уделять работе в личном хозяйстве. Согласно действующему законодательству, каждый двор наделялся небольшим участком приусадебной земли, размеры которого колебались от 0,25 до 1 гектара. Крестьянский двор (и колхозный, и единоличный) подлежал обложению государственным натуральным налогом в форме обязательных поставок зерна, мяса, молока, шерсти, яиц, картофеля и других продуктов. Средняя норма поставок для колхозного двора составляла после войны: мяса — 40 кг, яиц — 50–100 штук, молока — 280–320 л. Нормы сдачи продуктов для единоличных хозяйств были значительно выше. Недоимки по поставкам, как правило, не списывались, а переходили на следующий год; суды взыскивали по ним штрафы или описывали в пользу государства крестьянское имущество. Взыскание недоимок с крестьян по поставкам производилось уполномоченными министерства заготовок «в беспорядке», т.е. негласно, без суда и разбирательств. За продукцию, сдаваемую государству, выплачивалась символическая цена. Так, в 1950 г. молоко крестьяне сдавали по 25 коп. за 1 л (при государственной розничной цене 2 руб. 70 коп.), мясо — по 14 коп. за 1 кг (при государственной цене 11 руб. 40 коп.).

Помимо натурального налога крестьянское хозяйство облагалось денежным налогом. Если в 1940 г. средняя сумма налога на 1 колхозный двор равнялась 112 руб., то в 1951 — 523 руб. Налоги выросли почти в пять раз, а земли и скота у крестьян в личном пользовании поубавилось. Сложившуюся после войны систему управления деревней крестьяне рассматривали как враждебную не только своему жизненному укладу, но и существованию.

К концу 1950 г. в Литве в колхозы было объединено 89,1 крестьянских хозяйств, в Эстонии — 91,6, в Латвии — 95,6 %. К лету 1951 г. в западных областях Украины было коллективизировано 98 % крестьянских хозяйств, в западных областях Белоруссии — около 90, на Правобережье Молдавии — 97 %. На базе сплошной коллективизации проходила ликвидация кулачества.

Способы ликвидации кулачества были те же, что и в 30-х годах по отношению к русскому крестьянству: лишение средств производства, передача изъятого имущества и земли

колхозам, выселение кулацких семей. На основе директивных распоряжений МВД СССР и постановлений Совмина СССР, принятых в 1945–1949 гг., выселению из Прибалтийских республик подлежали кулаки с семьями, семьи «бандитов» и «националистов». На спецпоселение в 1945–1949 гг. поступило 142543 чел., высланных из Прибалтики. Насильственная коллективизация и ликвидация кулачества, проведенная в Прибалтике и западных областях Украины, способствовала усилению в этих районах националистического движения, которое велось в форме вооруженного сопротивления советской власти.

В 1950 г. в стране проводилось укрупнение мелких колхозов. В результате этой акции число их сократилось вдвое — с 252 тыс. до 121; произошло насильственное сселение множества мелких деревень, объявленных «неперспективными». Большинство колхозных дворов, подлежащих сселению, просто разорилось, не имело средств для переезда, а колхозы были не в состоянии оказать им помощь. И тем не менее, люди покидали родные места, усиливалась и без того большая стихийная миграция в города.

§ 2. Духовная, культурная и общественно-политическая жизнь

Церковь в послевоенный период	Сложными оставались в послевоенный период взаимоотношения государства и церкви. С одной стороны, религиозные организации за довольно короткий срок значительно укрепили свое влияние. С 1944 г. по 1948 г. от православных верующих в государственные органы поступило более 23 тыс. заявлений об открытии церквей и приходов. Заметнее стала и потребность людей в соблюдении религиозных обрядов. Русская Православная Церковь снова обрела свой высокий авторитет в православном мире. В июле 1948 г. в связи с празднованием 500-летия автокефалии (т.е. самоглавенства, самоуправления, независимости) в Москве состоялось Совецание глав представителей поместных православных церквей. Участники совещания осудили Римскую курию за ее подрывные действия по отношению к Православию и упорное стремление к насаждению унии; главы и представители право-

славных церквей (среди них Патриарх Московский Алексей, избранный на Поместном Соборе в феврале 1945 г. — после смерти в мае 1944 г. Патриарха Сергия) не сочли благовременным для православных церквей участие во Всемирном Совете Церквей, в котором преобладали протестантские учения.

После войны Русская Церковь включилась в миротворческое движение, которое расценивалось многими на Западе как политическая акция. Однако миллионы христиан во всем мире с доверием относились к пастырской озабоченности иерархов Русской Церкви судьбой человеческого рода. Самым деятельным из иерархов этого времени был ближайший помощник Патриарха митрополит Крутицкий Николай.

Вместе с тем в среде высшего партийного руководства по-прежнему господствовали силы, развернувшие антирелигиозную пропаганду в стране, пытаясь придать ей «наступательный и решительный» характер. В 1948 г. под руководством секретаря ЦК ВКП(б) М. Суслова готовится специальное постановление партии о задачах атеистической пропаганды в новых условиях. Сталин не одобрил многие тезисы этого документа. А к концу 40-х годов из лексикона партийных и государственных документов исчезли термины «антирелигиозная» и «атеистическая» работа. На XIX съезде партии (октябрь 1952 г.) вопрос о задачах антирелигиозной пропаганды впервые был обойден стороной.

Высшее и среднее образование	Важнейшей задачей государства в области культурного строительства в этот период стало развитие народного образования и прежде всего — школьного дела. С 1946 г. по 1950 г. в стране было построено и введено в действие (включая восстановленные школы из числа разрушенных в годы войны) 18,5 тыс. школ на 2,5 млн. ученических мест. Из них на 1,3 млн. мест было построено в сельской местности на средства колхозов. Начиная с 1944 г. во всех республиках Союза стали создаваться особые семилетние и средние школы: в городах и рабочих поселках — школы рабочей молодежи. Это новая форма обучения — без отрыва от производства — получила широкое распространение.

К началу 5-ой пятилетки (1951 г.) в СССР в основном завершился переход на всеобщее семилетнее обучение. Увеличилось число школ, техникумов, вузов. За период с 1946 по 1950 г. высшие учебные заведения дали народному хозяй-

ству 652 тыс. специалистов, или в среднем за год 130,4 тыс. чел. (для сравнения — 109,4 тыс. в 1939–1940 гг.). Быстрое развитие получило вечернее и заочное высшее образование. На первом месте по числу заочников были вузы просвещения, поскольку многие высшие учебные заведения, особенно на периферии, испытывали острый недостаток в квалифицированных научно-педагогических кадрах.

**Развитие
послевоенной
литературы
и государствен-
ная политика
в области
художественно-
го творчества**

В 1946–1948 гг. ЦК ВКП(б) был принят ряд специальных постановлений по вопросам литературы и искусства: «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (14 августа 1946 г.), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.), «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» (10 февраля 1948 г.), «О журнале “Крокодил”» (11 сентября 1948 г.) и др., в которых содержались негативные оценки творчества таких деятелей культуры как А. Ахматова, М. Зощенко, В. Мурадели, творчество которых признавалось аполитичным, безыдейным, буржуазным по идеологии. Короче, жесткая регламентация творчества продолжала оставаться стилем руководства партийной верхушки. Мелочная опека, строгая цензура и придирки просто изводили авторов, вынуждая к неоднократным переделкам произведений в угоду партийным догматам и боссам. Например, о фильме А. Довженко «Украина в огне» говорилось, что он является платформой узкого, ограниченного украинского национализма, враждебного политике нашей партии и интересам украинского и всего советского народа». Порочным в идейно-политическом отношении был признан фильм режиссера Л. Лукова «Большая жизнь» о восстановлении Донбасса. На заседании Политбюро, где проходила проработка деятелей кино, А. Жданов сказал: «Показан не тот Донбасс, который мы сейчас имеем; наши люди — не те люди, которые показаны в фильме. Люди Донбасса в фильме показаны извращенно, как люди малокультурные, пьяницы, ничего не понимающие в механизации... артель шахтеров восстанавливает Донбасс на свой риск и при противодействии государственных органов. Дается фальшивая трактовка отношений между государством и народом. Тема восстановления дана между выпивками и любовными похождениями героев». Уничтожающей критике подверглись картины «Свет над Россией» С. Юткевича, «Ми-

чурин» А. Довженко, «Молодая гвардия» С. Герасимова. Для истинных художников это было трагедией жизни. «Я принадлежу человечеству как художник и ему я служу, а не конъюнктурным наместникам Украины моей и их лизоблюдам и гайдукам пьяненьким. Меня убила ненависть и зло великих как раз в момент их малости», — писал в своем дневнике А. Довженко.

Политико-идеологические установки советского руководства сказывались и на развитии послевоенной литературы. «Задача советской литературы, — отмечалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г., — состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия. Поэтому всякая проповедь безыдейности, аполитичности, «искусства для искусства» чужда советской литературе, вредна для интересов советского народа и государства». А в это время наряду с признанными мастерами слова М. Шолоховым, А. Твардовским, Ф. Gladковым, К. Фединым, К. Паустовским, М. Пришвиным в советской литературе появляются новые имена: Э. Казакевич, В. Панова, Б. Полевой, М. Бубеннов, В. Тендряков, М. Луконин, С. Гудзенко, М. Дудин, А. Межиров, К. Ваншенкин и др.

Огромную популярность в нашей стране и за рубежом приобрела «Повесть о настоящем человеке» (1946) Б. Полевого. Фильм, поставленный по ней, пользовался постоянной любовью у советских людей. Не стерты следы ее и по сей день.

В повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946) события показаны глазами непосредственного участника боев — командира батальона, в недавнем прошлом — молодого архитектора Керженцева. Изложение ведется автором от первого лица, подчеркнуто буднично, как и подобает войне, но в этой коллизии будней солдатских — сила и правда, трагизм истории, вера в победу. В романе А. Фадеева «Молодая гвардия» (1945) раскрывается самоотверженная борьба советской молодежи против немецких захватчиков. Однако в «Правде» (декабрь 1947) отмечалось, что Фадеев недостаточно показал руководящую роль партии в организации патриотического подполья. Во вторую редакцию романа (1951) уже были включены сцены, более выпукло показывающие связь комсомольцев со старшими подпольщиками. В поэме А. Твардовского

«Дом у дороги» (1946) с большой художественной силой изображена судьба солдата Андрея Сивцова и его семьи, захваченной при отступлении врагом. В том же 1946 г. Твардовский создает свой подлинный шедевр — «Я убит подо Ржевом» — стихотворение-реквием, в котором погибший солдат из могильного мрака с тревогой вопрошает живых о судьбах спасенного им мира. Военной теме посвящены повести «Звезда» Э. Казакевича, «Зеленый луч» Л. Соболева, «Балтийское небо» Н. Чуковского, «За правое дело» В. Гроссмана. Стремление исследовать истоки подвига народа в Великой Отечественной войне сказалось и на произведениях, обращенных к прошлому. В романах М. Соколова «Искры» (1949), С. Сартакова «Хребты Саянские» (1948–1956), К. Седых «Даурия» (1949), Г. Маркова «Строговы» (1949) читатель знакомится с различными этапами дореволюционной жизни России и гражданской войны. Страницы далекого прошлого русского народа предстают перед нами в романах С. Злобина «Степан Разин» (1951), Е. Федорова «Каменный пояс» (1950–1953), А. Югова «Ратоборцы» (1949), Н. Задонского «Кондрат Булавин» (1946) и др.

Своеобразным лирическим гимном послевоенному времени стала песня М. Исаковского «Летят перелетные птицы». В те же годы Исаковский создал одно из самых искренних, самых скорбных произведений советской поэзии — «Враги сожгли родную хату», в котором рассказывается о русском солдате, покорившем «три державы», об участнике героических боев «за город Будапешт», вернувшимся с войны к развалинам, к могилам: «никто солдату не ответил, никто его не повстречал. И только теплый летний ветер траву могильную качал».

Истрадавшимся людям после войны было нужно то, ради чего они боролись и страдали долгих четыре года, ради чего ковали победу над врагом. «Радость наша больше горя, а жизнь сильнее смерти и громче любой тишины людская песня», — писал Л. Леонов в майские дни 1945 г.

В 1952 г. в журнале «Новый мир» появился очерк В. Овечкина «Районные будни», который стал заметным явлением в советской литературе о колхозной деревне, на которой больше всего отпечатались печальные следы лакировки действительности. Чуть позже появились на эту тему рассказы Г. Троепольского «Из записок агронома» (1953), В. Тендрякова «Падение Ивана Чупрова» (1953) и др.

Значительное место в литературе начала 50-х годов заняла тема борьбы добра и зла. Нравственный конфликт ученого-патриота Вихрова, чьим призванием стало сохранение и умножение лесных богатств Родины, и паразита творческой мысли Грацианского, для которого наука — лишь источник дохода, карьеры и власти, лежит в основе романа Л. Леонова «Русский лес» (1953).

**Искусство
в послевоенное
время**

В послевоенные годы было создано много полотен, изображающих события трагических лет: «Письмо с фронта» (1947) А. Лактионова, «Возвращение» (1947) В. Костецкого, «Отдых после боя» (1951) Ю. Непринцева. На эту тему писали картины Д. Шмаринов, С. Герасимов, Ф. Решетников и др., в которых героем является группа людей, но каждый человек интересен и дорог художнику. Труд и быт русской деревни — родная стихия художника А. Пластова. Его картины «Весна» (1945), «Колхозный ток» (1949), «Ужин трактористов» (1951) — спокойные, повествовательные, без излишнего внутреннего драматизма, полотна.

Не забывали художники и прошлое своей страны — прекрасно эпическое полотно А. Бубнова «Утро на Куликовом поле» (1943–1947).

Заметно обогащается после войны и «лениниана». Появляются «Ходоки у Ленина» (1950) В. Серова, «Выступление В.И. Ленина на III съезде комсомола» Б. Иогансона и др.

В портретной живописи послевоенных лет наряду с образом героя-победителя все большее место занимает образ человека мирного труда. Значительных успехов достигает в этой области П. Корин, обогативший свое творчество глубоким освоением традиций древнерусской живописи художественного наследия А. Иванова и М. Нестерова. Коринский «Портрет скульптора С.Т. Коненкова» (1947) — наглядное тому подтверждение.

На одно из первых мест среди других жанров советской живописи выходит в послевоенный период пейзаж. Здесь — свои достижения, оригинальность, свежесть, например: «Начало апреля», «Ранняя весна» (1952) С. Герасимова, эпические полотна В. Мешкова «Сказ об Урале» (1949), «Просторы Камы» (1950).

Монументальная живопись послевоенного периода все больше склоняется к внешне декоративным излишествам. Однако наряду с эффективными и порой бессодержательными ком-

позициями было создано немало значительного. Это и стенные росписи в театрах и Дворцах культуры, и мозаики на станциях метро, и панно для павильонов СССР на зарубежных выставках.

В 1947–1951 гг. вступили в строй новые станции Московского и первые станции Ленинградского метрополитенов. Многие из них украшались смальтовыми и мраморными мозаиками, фресками, цветной майоликой, витражами, например, цикл мозаичных композиций П. Корина на сводах подземного зала станции «Комсомольская-кольцевая» (1951), которую архитектор А. Щусев задумал как радостный гимн во славу русского народа. Идея его передана в стилизованном под русское барокко декоративном убранстве сводчатого центрального зала. Главное место здесь отведено огромным мозаичным плафонам. Мозаичные картины (каждая площадью около 30 м²) сверкают золотой смальтой. В них наряду с главными событиями Великой Отечественной войны воссозданы события и герои славного прошлого России (Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов, Кутузов). Большой мозаичный цикл, посвященный исконно дружеским связям украинского и русского народов, исполнен коллективом украинских авторов (архитекторы Е. Катонин, Г. Голубев, В. Скругарев, художник А. Мизин) для станции метро «Киевская-кольцевая» (1954).

В послевоенные годы большое внимание уделялось развитию монументальной скульптуры, особенно созданию памятников воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом (1946–1949). Один из таких памятников сооружен скульптором Е. Вучетичем совместно с архитектором Я. Белопольским и художником А. Горпенко в Трептов-парке (Берлин). Символом памятника является советский солдат-пехотинец; одной рукой он прижимает к себе спасенную им маленькую девочку, в другой – тяжелый меч, разрубивший свастику.

В 1947 г. специальным постановлением Совмина СССР принимается решение о строительстве в Москве 7 высотных зданий в 26–32 этажа по единому архитектурному замыслу. Расположенные в когда-то глубоко продуманных (в градостроительном отношении) точках столицы, новые здания радикально изменили исторически сложившийся пространственный облик Москвы. Строительство их оказалось очень дорогим, порою сооружение поглощало «электрический рацион» целого крупного города.

Демографическое состояние советского общества

Социальная политика государства в послевоенный период отразилась и на демографическом состоянии советского общества. Особенно это сказалось на деревне (см. таблицу).

Как видно из таблицы, ежегодный естественный прирост сельского населения в стране в послевоенные годы превосходил соответствующий показатель в городах. При этом городское население увеличилось за 1946–1953 гг. на 15,1 млн. чел., а сельское за эти же годы на 9,9 млн. чел. Главная причина подобного положения заключалась в том, что подавляющая часть подрастающего поколения убегала из деревни в города. При этом использовались все существующие тогда способы: оргнабор, учеба, служба в армии, брак. Особенно эта тенденция усилилась в период укрупнения колхозов и насильственного сселения «неперспективных» деревень. Сокращение числа сельского населения происходило еще и за счет перерастания сельских поселений в городские. Правительство, конечно, пыталось и здесь выправить положение. Вплоть до 1955 г. действовал указ, запрещающий аборт не по медицинским показаниям. За нелегальный аборт устанавливалась уголовная ответственность, которой ежегодно подвергались около 40–60 тыс. женщин. Аборты по медицинским показаниям (болезни сердца, туберкулез и пр.) составляли лишь десятую часть от общего числа.

В июле 1944 г. был принят указ, затрудняющий процедуру развода. В результате только за год число зарегистрированных разводов снизилось: в городе – с 34 до 5,8 тыс. В услови-

Т а б л и ц а

Изменение численности населения СССР за 1940–1953 гг. (тыс. чел.)

Годы	Численность населения (на начало года)		Изменение численности населения (прирост + убыль –)		В том числе за счет естественного прироста	
	город	село	город	село	город	село
1940	63112	130965	–	–	731	1846
1946	65061	97883	–	–	929	1270
1950	69414	109133	+3591	–535	1175	1885
1951	73005	108598	+3799	–624	1283	1892
1952	76804	107974	+3394	–195	1330	1869
1953	80198	107779	+3414	–387	1301	1726

ях гибели миллионов мужчин на фронте миллионы женщин липались надежды на семейное счастье и не диво, что множество их сознательно шло на безбрачное рождение детей. В 1946 г. 752 тыс. детей родились у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, в 1947 – 747, в 1948 – 665, в 1949 – 985, в 1950 – 944, в 1951 – 930, в 1952 – 849 тысяч.

**Политический
режим
в последние
годы жизни
Сталина**

Большое влияние на политическую жизнь страны оказывала борьба за власть внутри верхушки советского руководства. Многое здесь зависело от расположения вождя к тому или иному партийному деятелю. В ноябре-декабре 1945 г., во время отдыха Сталина в Сочи, произошли события, которые положили конец дружественным отношениям вождя со своим ближайшим соратником В. Молотовым. Конфликт вырос из внешне непримечательного обстоятельства: сначала Сталин счел ошибкой публикацию в советской печати без его согласия речи Черчилля с «восхвалением России и Сталина», поскольку расценил этот факт как «угодничество и низкопоклонство перед иностранными фигурами». «Я уже не говорю о том, – писал Сталин, – что советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня». Затем он выразил остальным членам своей знаменитой «пятерки» (так назывался ближайший Сталину круг лиц в Политбюро, который оперативно решал важнейшие вопросы внутренней и внешней политики страны) – В. Молотову, Л. Берия, Г. Маленкову, А. Микояну – серьезное недовольство в связи с появлением в иностранной прессе сообщений об ослаблении цензуры в Советском Союзе и особой роли в этом деле Молотова. Последний заявил на одном из официальных приемов американскому корреспонденту: «Я знаю, что вы, корреспонденты, хотите устранить русскую цензуру. Что бы вы сказали, если бы я согласился с этим на условиях взаимности?» Благодаря молотовскому решению об ослаблении цензуры в западной печати стали появляться острые публикации о положении дел в СССР, в частности о расстановке сил на советском политическом Олимпе. Об этих публикациях, естественно, спецслужбы доложили Сталину. Особый гнев вождя вызвала статья в «Дейли геральд», посвященная «делам в Политбюро ЦК ВКП(б)». В ней, в частности, были и такие строки: «На сегодняшний день политическое руководство Советским Со-

юзом находится в руках Молотова при наличии, конечно, общих директив со стороны Политбюро. Поэтому по всем вопросам, связанным с тем, во что могут вылиться последние события в Иране (подразумевается острейший конфликт между США и СССР, развернувшийся в связи с ультимативным требованием американцев о выводе советских войск из Северного Ирана. — *Авт.*), западным лидерам придется иметь дело с Молотовым без Сталина». Несмотря на признание Молотовым своей ошибки в деле ослабления цензуры, Сталин расценил эту акцию как покушение на его личный авторитет и в ответ указал, что «никто из нас не вправе распоряжаться в деле изменения курса нашей политики», тогда как Молотов присвоил себе это право потому, что западные пасквили «входят в план его работы... лишь бы добиться популярности среди некоторых иностранных корреспондентов». «Я, — писал Сталин, — не могу больше считать такого товарища своим первым заместителем». По существу речь шла о выражении Молотову политического недоверия, после чего он автоматически переставал быть первым среди реальных претендентов на роль сталинского преемника. Сталин отметил в этом деле также и политический аспект: «Одно время Вы поддались нажиму и запугиванию со стороны США, стали колебаться, приняли либеральный курс в отношении иностранных корреспондентов и выдали свое собственное правительство на поругание этим корреспондентам, рассчитывая умиловить этим США и Англию. Ваш расчет был, конечно, наивным». Как свидетельствует вся предшествующая политическая деятельность Молотова, он не был рядовым членом Политбюро, а играл ключевую роль в сталинском окружении, поскольку именно ему поручались наиболее деликатные дипломатические миссии (подготовка и подписание договора о ненападении с Германией в 1939 г., визит в Берлин в 1940 г. и переговоры с Гитлером, важнейшие встречи с руководителями союзных держав в годы Отечественной войны). Его связывала со Сталиным многолетняя дружба, он работал в Политбюро еще при Ленине, что окружало его имя дополнительным ореолом в среде партийной элиты. И хотя после указанных событий Молотов продолжал принимать участие в принятии политических решений, сталинским доверием уже не пользовался. Об этом убедительно свидетельствуют документы Политбюро.

В декабре 1946 г. в связи с избранием Молотова почетным членом Академии наук (с санкции Политбюро), он отправляет в адрес Академии благодарственную телеграмму, которая заканчивается словами «Ваш Молотов». Неусыпный вождь пишет вновь избранному академику: «Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почетные члены? Что значит подпись «Ваш Молотов?» Мне кажется, что тебе как государственному деятелю высшего типа следовало бы иметь больше заботы о своем достоинстве». Эта сталинская реплика вполне рисует психологический климат внутри его окружения и ту колоссальную дистанцию, которая отделяла его — создателя системы, не придававшего серьезного значения академическим «цацкам», от всех его сподвижников, наделенных огромными полномочиями, властью и чинами.

Окончательную точку в политических взаимоотношениях двух этих личностей поставили события 1949 г. В январе были арестованы все участники так называемого процесса Еврейского антифашистского комитета, обвиняемые в «антисоветской националистической деятельности», а в марте 1950 г. в роли обвиняемой по этому делу фигурировала уже жена Молотова — П. Жемчужина. При голосовании в ЦК предложения об исключении ее из партии, Молотов воздержался от голосования. Такая позиция могла объясняться двумя причинами. Во-первых, благородными чувствами, не позволявшими Молотову предать жену. Последующее его поведение опровергает данное предположение. Следовательно, более близким к действительности можно признать следующее объяснение: как политик советской формации Молотов мог заявить свою линию, идущую в разрез с мнением вождя, только в том случае, если рассчитывал при голосовании заручиться поддержкой других членов ЦК. Этого не произошло. Оставшись в одиночестве, он изменил свою тактику и покаялся. Но Сталин уже раскусил этот демарш Молотова и потому расценил его поведение как особую политическую линию с далеко идущими целями, а не как личную обиду, основанную на проявлении человеческого чувства. Молотов в специальном заявлении признал свой проступок «политически ошибочным» и голосовал за решение ЦК. Молотов также казался в том, что «не удержал Жемчужину от ложных шагов и связей с антисоветскими еврейскими националистами, вроде

Михоэлса», являющегося одним из главных деятелей ЕАК. Следовательно, покаяние Молотова было вынужденным, маскирующим истинные цели его политики. Тогда-то для политической дискредитации Молотова, и чтобы показать его истинное лицо, до сведения членов Политбюро, не посвященных в события 1945 г., был доведен материал переписки между членами сталинской «пятерки» в ноябре-декабре 1945 г. «Об ошибках Молотова», а также и его заявление в связи с исключением из партии Жемчужиной и осознанием собственной вины.

Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) (1890–1986) родился в Вятской губернии в мещанской семье. Видный советский партийный и государственный деятель. В 1921–1930 гг. – секретарь ЦК партии, в 1930–1941 гг. – председатель Совнаркома СССР, в 1941–1957 гг. заместитель председателя Совнаркома (Совмина) СССР. В 1941–1945 гг. член ГКО, в 1939–1949 гг., 1953–1956 гг. – нарком (министр) иностранных дел СССР. В 1957 г. за участие в «антипартийной группе» снят с высших партийных постов, в 1962 г. – исключен из партии, в 1984 г. – восстановлен. Член Политбюро (Президиума) ЦК в 1926–1957 гг. Ближайший сподвижник Сталина.

В последние годы жизни Молотов работал над мемуарами, которые до сих пор не опубликованы (хранятся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории). В оценке событий советской истории он исходил из абсолютизации идей Ленина и Сталина, правильности и неизменности их курса, направленного на построение в СССР коммунистического общества. Одновременно он не скрывал своих расхождений со Сталиным по отдельным вопросам тактического характера. Несмотря на ссору с вождем в 1945 г., отразившую борьбу за власть внутри высшего руководства, Молотов никогда не расходился со Сталиным в главном – основах советской политики. Поэтому политическую линию Хрущева Молотов квалифицировал как «оппортунистическую», с этих же позиций он критиковал и косыгинскую реформу. Молотов был убежден, что такой важный показатель эффективности экономики как производительность труда, при социализме должен быть в первую очередь результатом энтузиазма народных масс. Усиление фактора материального стимулирования труда рабочих и колхозников, что было характерно для экономической политики времен Хрущева и Брежнева, приводило, по мнению мемуариста, к постепенному и непрерывному расслоению советского общества на бедных и богатых, порождало материальное неравенство людей, способствовало усвоению массами «буржуазной» психологии. Эти настроения, отмечал Молотов, серьезно затронули и партийные слои. Утрата контроля над народом – главное зло, ведущее, по мнению Молотова, к «коррозии» советской власти. Он неоднократно обращался в ЦК и Политбюро с конкретными предложениями по корректировке внутри- и внешнеполитического курса СССР. «Ни бездоказательные ссылки на «опыт СССР», ни искажающие существо дела попытки опереться на высказывания Ленина 1921–23 гг., – писал Молотов, – ни в коей мере не могут оправдать произведенный в середине пятидесятых годов поворот в экономической политике партии, в основе которого лежит отказ от принципа научного социализма о

несовместимости социализма и товарно-денежных отношений. Этот поворот имеет определенно ревизионистский характер и находится в явном противоречии с проводившимся до этого марксистско-ленинским курсом политики партии».

Молотов имел за плечами колоссальный опыт политической борьбы и активно участвовал в «социалистическом преобразовании» России, которое сопровождалось насилиями и миллионными человеческими жертвами. Будучи от природы умным и волевым человеком, Молотов хорошо понимал, что любое отклонение от основ социалистической системы (а допущение товарно-денежных отношений являлось именно отклонением) подрывает ее. Поэтому для него писание мемуаров – это не попытка свести счеты с вчерашними политическими оппонентами и уж, конечно, не борьба за власть, которая была к этому времени безвозвратно утеряна, а предостережение опытного политика своим преемникам. В отличие от недалековидного Хрущева, Молотов твердо знал, что пропаганда советского образа жизни и ценностей, направленная против одного из основных инстинктов человека – инстинкта частной собственности – может быть эффективна только в условиях полной изоляции страны от остального мира и полного отсутствия того типа экономических отношений, который свойственен так называемому «капиталистическому обществу». Незыблемость государственной политики, страх человека перед наказанием за ее нарушения, непрерывная пропаганда «преимуществ социалистического строя» – все это вкуче создавало в обществе определенные представления, многолетнюю привычку к подобной жизни и убежденность в ее правильности и неизменности. Любые отступления или попытки соединить достоинства капиталистической и социалистической системы, подрывали последнюю в корне. В конечном итоге прав оказался Молотов – советская система распалась после того, как действия «реформаторов» зашли за критическую черту. Отсюда и молотовская оценка Хрущева, кажущаяся на первый взгляд суровой и безапелляционной: «Саврас без узды» – «безусловно».

В марте 1946 г. секретным постановлением правительства было образовано Бюро Совета Министров (председатель Л. Берия, заместители – Н. Вознесенский, А. Косыгин). Помимо должности заместителя председателя Совмина СССР и поста руководителя атомного проекта Берия было поручено «наблюдение за работой» министерства внутренних дел, госбезопасности и государственного контроля. Существенно изменилась структура аппарата ЦК партии: после упразднения производственно-отраслевых отделов в нем остались два управления (кадров, агитации и пропаганды) и два отдела (оргинструкторский, внешней политики). На ключевом посту оказался молодой функционер А. Кузнецов, год проработавший первым секретарем Ленинградского обкома и горкома партии. К нему от Г. Маленкова перешло руководство управлением кадров ЦК ВКП(б) и работой по распределению кадров в партийных, советских и хозяйственных организациях. Куз-

нецов стал также членом секретариата ЦК; в сентябре 1947 г. ему поручили курирование министерства госбезопасности. В апреле 1946 г. были арестованы бывший министр авиапромышленности А. Шахурин, командующий ВВС А. Новиков, что дало основание в мае того же года вывести Маленкова, который курировал авиапромышленность в годы войны и ранее возглавлял управление кадров, из секретариата ЦК.

Прочные позиции в руководстве занимал А. Жданов – одновременно член Политбюро, Оргбюро и секретариата ЦК партии – трех высших руководящих органов. Он занимался преимущественно вопросами пропаганды и идеологии. В октябре 1946 г. Политбюро принимает следующее решение: «1. Поручить комиссии по внешнеполитическим делам Политбюро (шестерка) заниматься впредь, наряду с вопросами внешнеполитического характера, также вопросами внутреннего строительства, внутренней политики. 2. Пополнить состав шестерки председателем Госплана СССР тов. Вознесенским и впредь шестерку именовать семеркой». Отныне эта семерка – И. Сталин, В. Молотов, Л. Берия, А. Микоян, Г. Маленков, А. Жданов, Н. Вознесенский – стала определять внутреннюю и внешнюю политику страны (при бесспорном лидерстве Сталина в решении больших и «малых» вопросов этой политики). За последующие шесть лет протокольные заседания Политбюро состоялись лишь дважды (решения принимались методом устного опроса), секретариат ЦК стал фактически отделом кадров. Вся практическая работа по управлению страной сосредоточилась в Совмине СССР. В нем были созданы восемь бюро, между которыми распределялось большинство министерств и ведомств. Их председатели – Г. Маленков, Н. Вознесенский, М. Сабуров, Л. Берия, А. Микоян, Л. Каганович, А. Косыгин, К. Ворошилов входили в Бюро Совета Министров. Теперь его возглавил Сталин, первым его заместителем стал Молотов. В последующие годы в высшем руководстве происходила перестановка ключевых фигур. Серьезным ущемлением прав отдельных членов Бюро Совмина стал перенос в Политбюро решения проблем, связанных с министерствами иностранных дел, внешней торговли, государственной безопасности и вооруженных сил.

Ряд отечественных историков считают, что члены «семерки» (затем, по мере роста этой группы лиц, «восьмерки» и «девятки») присвоили себе «неконституционное право опре-

делать судьбу страны и ее населения», что они встали над советами и над партией. Более прозаически эту сверхцентрализацию власти в государстве, которая сложилась в условиях военных лет, определил в своих воспоминаниях В. Молотов: «Сталин, его авторитет был настолько высок, что где тут собирать по каждому сложным вопросам пленумы и прочее. И если бы мы собирали по каждому вопросу демократические решения, это бы нанесло ущерб государству и партии, потому что затягивалось решение вопроса... В этих сложных условиях не всегда формальный демократизм решает дело».

Летом 1948 г. резко ослабло влияние Жданова, но укрепились позиции Маленкова. Вскоре после смерти Жданова (август 1948 г.) началось преследование той части партийно-государственного аппарата, которая была связана с ним и, по предположениям конкурентов, могла реально претендовать на власть. Секретарю ЦК ВКП(б) А. Кузнецову, председателю Совмина РСФСР М. Родионову и большому числу партийных работников, в разное время связанных с этими людьми, были предъявлены обвинения во фракционности, в попытке противопоставить ленинградскую парторганизацию всей ВКП(б), в русском шовинизме (за предложение создать Бюро ЦК по РСФСР и Компартию РСФСР). Следствие по этому так называемому ленинградскому делу МГБ вело под личным контролем и участии Маленкова. В октябре 1950 г. были приговорены к расстрелу Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков, Капустин, Лазутин. После расправы над «центральной группой» в разных городах страны состоялись судебные процессы, на которых были вынесены приговоры и другим лицам, которые проходили по «ленинградскому делу».

Изменения в составе политического руководства страны были зафиксированы на XIX съезде партии. Состав высших партийных органов — Политбюро и Секретариата — был значительно расширен, что ослабляло позиции старой «сталинской гвардии» и тех, кто выдвинулся в военные и первые послевоенные годы. На высшие посты в партии пришли люди, возглавлявшие в большинстве своем местные партийные организации и сравнительно новые для аппарата ЦК (В. Андрианов, А. Аристов, С. Игнатьев, В. Кузнецов, Л. Мельников, Н. Михайлов, П. Пономаренко, Л. Брежнев, Н. Пегов и др.).

Летом 1952 г. была осуждена группа лиц, связанных с работой Еврейского антифашистского комитета (С. Лозовский,

И. Фефер, П. Маркиш, Л. Штерн и др.). Все они обвинялись в проведении «шпионской и националистической деятельности». В январе 1953 г. ТАСС сообщило об аресте «врачей-вредителей» из кремлевской поликлиники. Большинство историков связывают эти политические процессы главным образом с той острой борьбой за власть, которая с особой силой разгорелась в последние годы жизни Сталина.

Идеология и наука	Реализация идеологических догм сказывалась на всех сторонах жизни советского общества, начиная с быта и кончая генной инженерией.

Так, на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) в августе 1948 г. монопольное положение в агробиологии заняла группа академика Т. Лысенко. Лысенко в своих выкладках обосновывал ложный тезис о существовании СССР двух диаметрально противоположных биологий: материалистической – советской мичуринской и идеалистической –вейсманистско-менделистской и метафизической. Водоразделом между ними было, по мнению Лысенко, отношение ученых к хромосомной теории наследственности – ученые, признающие эту теорию, объявлялись реакционерами, проводниками буржуазных воззрений в науке. Президиум АН СССР безоговорочно поддержал решение сессии ВАСХНИЛ и постановил закрыть ряд лабораторий, объявленных очагами реакционного морганизма. Были освобождены от работы многие ученые – научные противники Лысенко и Вильямса, независимо от того, были ли они генетиками, физиологами, морфологами, почвоведом или медиками. Изымались и уничтожались учебники, книги, программы, основанные на морганизме-менделизме. Приказом министра сельского хозяйства предписывалось прекратить все работы, связанные с селекцией в животноводстве.

Вредное влияние лысенковского тезиса распространилось и на другие отрасли науки – медицину, почвоведение, кибернетику. Были объявлены вне закона медицинские исследования, связанные с наследственными заболеваниями; реакционными и идеалистическими были признаны теория относительности Эйнштейна, теория резонанса Полинга и ряд других физических концепций. Немало демагогических статей было включено в сборник «Философские проблемы современной физики», вышедший в 1952 г. Однако И. Курчатов, возглавлявший группу физиков, известил Сталина о том, что

вовлечение физиков в «философскую дискуссию» может сорвать график разработки новой бомбы. Только тогда физиков оставили в покое.

После войны культ Сталина достиг своего апогея — архитекторы, скульпторы, живописцы, поэты, политические деятели, ученые соревновались за право увековечить в камне, слове, музыке, живописи образ вождя, его слова и мысли. Для многих, в первую очередь фронтовиков, имя Сталина олицетворяло победу, достигнутую под руководством вождя в Отечественной войне, именно это обстоятельство играло важную роль в непомерном возвеличивании Сталина, чем он и воспользовался в полной мере. Имя Сталина приобрело глубоко символическое значение: при жизни все достижения народа и страны связывались с ним, после смерти — все ошибки, поражения и заблуждения эпохи приписывались ему.

Последние работы Сталина В этой связи большой интерес вызывают последние работы вождя, позволяющие до некоторой степени понять его цели как государственного деятеля. В 1947 г. в ученых кругах прошла дискуссия по философии, в 1950 — по языкознанию, в 1951 — по политэкономии. Последняя послужила для Сталина поводом к написанию работы под названием «Экономические проблемы социализма в СССР». Теоретические проблемы экономики социализма (политэкономии социализма), разбору которых была посвящена сталинская работа, вызывали огромный интерес не только среди обществоведов, но и у технической интеллигенции. «Вы так четко и убедительно выделяете и устанавливаете законы природы, которые лежат в основе функционирования нашей социалистической структуры общества, — писал Сталину в июле 1952 г. академик П. Капица, — что даже неспециалисту они интересны и понятны... Если я об этом говорю, то чтобы поставить перед Вами вопрос, как могло случиться, что марксисты, поставившие во главу научный метод подхода к социальным проблемам, только на четвертом десятке социализма всерьез занялись отысканием тех законов природы, которые лежат в основе нашего хозяйства?». Видимо, эта реплика академика чрезвычайно задела вождя, о чем свидетельствуют его подчеркивания в тексте письма. Но теоретические размышления были нужны Сталину только для того, чтобы лучше обосновать правильность своего практического курса по руководству страной.

Согласно решению XIX съезда основные положения новой работы должны были лечь в основу переработанной Программы КПСС. Как политик-реалист Сталин опирался не столько на теоретические высказывания своих предшественников — К. Маркса, В. Ленина, сколько на хорошо знакомую ему до малейших деталей практику так называемого социалистического строительства. Широко известны его слова, сказанные им в обращении к ученым-экономистам: «Маркс не дал и не мог дать ответа на все случаи. Если вы все будете искать у Маркса, — пропадете. Надо иметь собственную голову». По свидетельству видных ученых, в частности академика Е. Варги, Сталин «хорошо знал “Капитал” Маркса и труды классиков. Очень много читал, вообще был весьма образованным человеком» и, в отличие от преемников, сам писал свои сочинения. Д. Волкогонов, автор первой в советской историографии объемистой книги о Сталине, утверждает, что последние работы вождя «готовились другими». Однако их стиль и содержание дают основание сомневаться в правильности выводов Волкогонова, по мнению которого вождь к концу жизни «застыл в своем понимании мира» на уровне 30-х годов. Такая оценка довольно тривиальна, если соотнести ее с фактологией истории: победа в войне, успехи в восстановлении народного хозяйства, создание атомной бомбы — все это как раз говорит об обратном. Другое дело, что методы и средства социалистического строительства, основы внутренней политики оставались неизменными, так как, по мнению Сталина, без них было бы невозможно «осуществлять непрерывный рост народного хозяйства». За теоретическими рассуждениями Сталина (о «товарном производстве при социализме», «законе стоимости», «основном экономическом законе социализма») стояла одна практическая цель: убедить партийный, государственный, научный и иные элитные слои советского общества, а в случае несогласия — навязать в качестве директивы, подлежащей обязательному выполнению, в том, что главной его задачей является создание идеально организованной государственной машины управления, которая была бы способна регулировать все природные и общественные процессы (включая экономику). Существующая в Советском Союзе система отношений — политическая, экономическая, социальная — была, по мнению Сталина, далека от идеальной. Ее совершенствование должно было вестись не по капи-

талистической схеме хозяйствования, а на собственной, социалистической основе. Поэтому товарное производство, поощрение «частнособственных инстинктов» крестьян, половинчатая (в сравнении с совхозами) колхозная система — не приближали, а наоборот, отдаляли его от цели. И Сталин это ясно дал понять тем, кто ратовал за учет интересов населения при выработке экономической политики.

С первой задачей по созданию мощного, самостоятельного народного хозяйства, независимого от капиталистического окружения, тесно увязывалась другая — перспективы существования социализма и капитализма на планете. И здесь, с учетом мирового опыта первой половины XX столетия, Сталин приходил к выводу, что борьба буржуазных государств за рынки сбыта намного острее противоречий между двумя общественными системами, и что междоусобные войны внутри капиталистического лагеря неизбежны. Им трактовалась как ошибочная позиция тех ученых, по мнению которых, в силу новых международных условий войны уходят в прошлое. В частности, академик Варга считал, что, во-первых, противоречия между социализмом и капитализмом на рубеже 40–50-х годов сильнее, чем внутриимпериалистические; во-вторых, в империалистическом стане США имеют подавляющее превосходство над своими конкурентами и не нуждаются в военных средствах для их подчинения, чтобы помешать войне между европейскими государствами; в-третьих, опыт двух мировых войн убедил буржуазных политиков в том, что военные столкновения имеют очень плохие последствия для империализма.

Однако спор о генеральной линии государства — мирное сосуществование или курс на мировую пролетарскую революцию — не утратил своей актуальности и после смерти Сталина. Особую остроту он приобрел в период охлаждения отношений между СССР и КНР. Принципиальная оценка внешнеполитической советской доктрины в годы «холодной войны» принадлежит выдающемуся русскому философу И. Ильину. «Советские коммунисты, — писал Ильин летом 1948 г., — предпочитают революцию — всегда и везде; войну — только там, где она не грозит Советам разгромом; но угрозу войны — везде и всегда, поскольку эта угроза не рискует сорваться в невыгодную войну».

§ 3. Международное положение и внешняя политика Советского Союза

Истоки и причины «холодной войны»

Исход второй мировой войны: разгром мощных военных монстров Германии и Японии свидетельствовал и об изменении соотношения сил в мире. Союзные войска четырех держав – СССР, США, Великобритании и Франции оккупировали территорию Германии и Австрии в соответствии с решениями Потсдамской конференции. Политическое влияние Советского Союза распространялось на Польшу, на оккупированную советскими войсками часть Германии, Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Югославию, Румынию. Страна, истощенная войной, нуждалась в мире, восстановлении экономики и людских ресурсов, укреплении и защите своих границ. Вопреки утверждениям ряда американских историков, СССР не разрабатывал планы агрессии против других стран, в частности США, у него не было для этого необходимого флота (авианесущих кораблей всех классов, десантных судов); до 1948 г. практически не обладал стратегической авиацией, до августа 1949 г. – атомным оружием. Разработанный в конце 1946 г. – начале 1947 г. «План активной обороны территории Советского Союза» имел исключительно оборонительные задачи. С июля 1945 г. по 1948 г. численность советской армии сократилась с 11,4 до 2,9 млн. чел.

В отличие от СССР США стали господствующей мировой державой, обладающей огромной экономической, воздушной, морской и атомной мощью. В результате эффективной стратегии – получение материальных выгод «с большими прибылями и минимальной ценой» – Соединенные Штаты Америки увеличили валовой национальный продукт в 1,7 раза (без учета инфляции). В войну они потеряли всего 300 тыс. убитыми. Доллар стал самой устойчивой валютой, а Нью-Йорк – самым большим финансовым рынком мира. В стране не только быстро завершился перевод экономики на выпуск мирной продукции, но была преодолена инфляция, поднята заработная плата рабочим, сохранено технологическое производство и самая высокая в мире производительность труда. Экономическое могущество США, развившаяся за годы войны промышленная и финансовая экспансия в другие страны способствова-

ли претензиям Соединенных Штатов на роль мирового гегемона.

В 1945 г. в послании президента Трумэна конгрессу говорилось, что победа во второй мировой войне поставила американский народ перед необходимостью править миром. В последующих планах Белого дома предусматривалось прекращение союзных отношений с СССР. В сентябре 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов одобрил идею нанесения США первого удара по потенциальному противнику. Тогда же был разработан меморандум с предложением «отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории». В 1949 г. американским планом войны с Советским Союзом («Дропшот») намечалось сбросить на 100 городов нашей страны 300 атомных бомб в первом ударе. Как свидетельствуют рассекреченные документы, американские военные планы второй половины 40-х годов основывались на следующих положениях: война с СССР — реальность, если не удастся «отбросить» мировой социализм; СССР и его союзники не должны достигнуть уровня США в военном и экономическом отношении; США должны быть готовы первыми использовать ядерное оружие.

В западной историографии начало «холодной войны» связывают с послевоенной политикой Советского Союза, которая якобы носила агрессивный характер. В последнее время сторонники этой версии появились в нашей стране. Данная точка зрения восходит к послевоенным выступлениям западных политиков, в частности, У. Черчилля. Миф об агрессивных устремлениях СССР использовался на Западе для идеологической обработки населения в угодном для властей направлении. В своих мемуарах Черчилль пишет, что разгром Германии повлек за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными союзниками, поскольку война против общего врага была «почти единственным звеном, связывающим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству». За этими словами ясно проглядывает неприятие того факта, что в результате победы и создания в Восточной Европе политических режимов, друже-

ственных СССР, была похоронена мечта западных стран, направленная на «возведение» вокруг нашей страны «санитарного кордона» с целью изоляции ее от Европы. Советский Союз занял на международной арене подобающее ему место, которое Россия утратила в результате поражения в первой мировой войне, и не он вернулся к политике «русского империализма», а отставной премьер-министр пытался после второй мировой войны повлиять на общественное мнение в нужном ему направлении, чтобы продолжить традиционную для Англии антирусскую политику. В марте 1946 г., выступая в американском колледже в Фултоне в присутствии президента Г. Трумэна, У. Черчилль сформулировал цели «братской ассоциации народов, говорящих на английском языке», направленной против растущей опасности для «христианской цивилизации» со стороны «коммунистических или неофашистских государств». Для этого, как он считал, необходимо, чтобы США и их западные союзники (Англия и Канада) сохраняли монополию на секретные сведения или опыт в отношении атомной бомбы, объединили под единым руководством и для совместного использования свои военно-морские силы, авиацию и базы. Основную угрозу мировому сообществу Черчилль видел в росте влияния коммунистических партий в странах Европы, которые, по его мнению, «действуют в полном единении и абсолютном повиновении указаниям, получаемым от коммунистического центра».

Поскольку, отмечал Черчилль, русские уважают только военную силу, западные страны должны отказаться от прежней доктрины равновесия сил и перейти к созданию значительного перевеса в военной мощи над Советским Союзом. Речь Черчилля удачно камуфлировала тот простой факт, что к этому времени ударная военная сила США и Англии уже значительно превосходила советскую. Они имели 167 авианесущих кораблей и 7700 палубных самолетов (у нас их не было), в 2,3 раза больше подводных лодок, в 9 раз – линкоров и больших крейсеров, в 19 раз – миноносцев, а также четыре воздушные армии стратегической авиации, в составе которой имелись бомбардировщики с дальностью полета 7300 км (радиус действия советской авиации не превышал 1500–2000 км). В заключение Черчилль сказал: «Я не верю в то, что Советская Россия хочет войны. Она хочет плодов войны и

безграничного распространения своей силы и своих доктрин».

Речь отставного премьера получила незамедлительную реакцию. В феврале того же года в ответ на запрос госдепартамента США временный поверенный в делах США в СССР Д. Кеннан направил в Вашингтон секретный доклад. В нем Советский Союз обвинялся в агрессивных намерениях по отношению к США, в стремлении «разрушить наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства с тем, чтобы обеспечить безопасность советской власти». После этого Кеннана отозвали в Вашингтон, где он возглавил отдел политического планирования госдепартамента США.

Политические планы западных стран, и в первую очередь Соединенных Штатов Америки, разработанные для руководства во взаимоотношениях с Советским Союзом, получили в историографии название «доктрины сдерживания». По оценке бывшего президента США Буша, его страна проводила эту политику до конца 80-х годов. В этой необъявленной «холодной войне» использовались все средства. По свидетельству бывшего директора ЦРУ С. Тернера, «К 1953 г. машина тайных операций была запущена на полный ход, определяя политические и военные события и распространяя пропаганду в 48 странах». В самой Америке, чтобы погасить доброе отношение населения к народам Советского Союза конгресс США устраивает специальное расследование «коммунистической подрывной деятельности» (уже к 1949 г. в картотеке комиссии по расследованию антиамериканской деятельности значился 1 млн. американцев).

В 1946 г. разгорелись острые дискуссии между бывшими союзниками по вопросам послевоенного устройства мира: в ООН, где начал обсуждаться вопрос о контроле над атомной энергией (СССР отверг американский план Баруха и предложил свой, который не был принят США); на Парижской конференции по вопросу о мирных договорах со странами – бывшими союзницами гитлеровской Германии – Румынией, Венгрией, Болгарией, Италией (компромисс был достигнут на сессии совета министров иностранных дел в Нью-Йорке в ноябре того же года). В Германии разгорался конфликт в связи с сепаратным объединением американской и английской оккупационных зон (создание «Бизонии») и закрытием их границы с советской. В сентябре 1946 г.

Разгар «холодной войны»

госсекретарь США Бирнс поставил под сомнение незыблемость границы по Одру-Нейсе, что вызвало серьезную озабоченность советской стороны. Как свидетельствуют рассекреченные документы, советское руководство было готово принять западную концепцию политического устройства Германии (отказ от диктатуры одной партии и возможность допущения вновь на территории советской зоны социал-демократической партии, прекратившей там свою деятельность после создания СЕПГ, апрель 1946 г.). В обмен Запад должен был признать законность такой формы репараций с Германии для советской стороны, как поставки из текущей продукции, т.е. за счет поставок в СССР товаров народного потребления и промышленной продукции, произведенной немецкими предприятиями преимущественно в советской оккупационной зоне, а частично и западной. На состоявшейся в декабре 1947 г. лондонской сессии (СМИД) (совет министров иностранных дел) новый госсекретарь США Дж. Маршалл сделал от имени своего правительства заявление, направленное на немедленное прекращение репарационных поставок Советскому Союзу из Германии. К этому заявлению присоединились министры иностранных дел Англии и Франции. Позиция западной стороны аргументировалась тем, что репарации из текущей продукции «понижат жизненный уровень немцев до такой степени, что Германия превратится в очаг беспокойства в центре Европы». Это, по их мнению, могло навсегда задержать восстановление германской и европейской экономики. Попытки Молотова привести контраргументы не имели успеха. Согласно оценкам, всего по репарациям СССР получил оборудования и материалов на 3,7 млрд. долларов, что почти в три раза меньше предполагаемого.

Позиция США, поддерживаемая полностью зависимыми от них западноевропейскими державами, соответствовала выдвинутому ранее доктрине Трумэна и плану Маршалла.

В связи с гражданской войной в Греции и отказом Англии в дальнейшей поддержке правых сил этой страны, Трумэн в марте 1947 г. потребовал от конгресса выделить 400 млн. долларов на помощь Греции, заявив, что «всеобщий мир требует американского лидерства в борьбе против тотальной агрессии, прямой или косвенной в любом районе земного шара». Ни для кого не осталось секретом, что под тотальным агрессором подразумевался Советский Союз.

Составной частью американской политики, направленной на интеграцию европейских государств в новую мировую экономическую систему под покровительством США, стал разработанный летом 1947 г. план Маршалла, согласно которому выделенные за 1949–1952 гг. для промышленной реорганизации Европы американские кредиты, займы и субсидии составили более 20 млрд. долларов. Этот план не только помог стабилизации европейской экономики, но и закрепил разделение мира на две части – Восток и Запад. План Маршалла продолжал и политику, начатую на Бреттон-Вудской конференции в июле 1944 г., тогда СССР отказался от вступления в созданные Международный Валютный Фонд (МВФ) и Международный Банк Реконструкции и Развития (МБРР) по политическим соображениям. Советское правительство понимало, что в условиях финансового превосходства США Советскому Союзу отводится в этих организациях второстепенная роль, с чем он согласиться не мог (планировалось, что США будут иметь в них 38,1 % голосов, Англия – 15,6, СССР – 12,4). Тем более, что под видом экономической помощи США создавали в Европе мощный бастион против «советского экспансионизма».

Именно план Маршалла сделал возможной денежную реформу в западных оккупационных зонах Германии. Американцы печатали новые денежные знаки и торопили немцев с подготовкой новой конституции. Когда 17 июня 1948 г. было официально объявлено о денежной реформе, СССР 24 июня закрыл железнодорожное и автотранспортное сообщение с Западным Берлином. По соглашению между странами-победительницами район так называемого Большого Берлина выделялся в особый и занимался войсками четырех держав (СССР, США, Англии и Франции), для чего им выделялось по одному сектору. В городе действовала союзная комендатура, управляющая жизнью города. Берлин находился на территории советской оккупационной зоны, поэтому его блокада нашими войсками ставила союзников перед острой проблемой обеспечения жизнедеятельности подчиненных им секторов Берлина, в том числе продовольствием. На этом и строился советский расчет. Однако американцы решили проблему снабжения города воздушным путем. Сталин в сложившейся ситуации предложил снять блокаду в обмен на отказ союзников от идеи создания отдельного западногер-

манского государства. Предложение не было принято (блокада была снята только в мае 1949 г.). 23 мая 1949 г. последовало соглашение между верховными комиссарами трех оккупационных зон – США, Англии и Франции – о создании Федеративной Республики Германии со столицей в Бонне (официальная дата – сентябрь 1949 г.). А в октябре этого же года была провозглашена Германская Демократическая Республика на территории советской оккупационной зоны. Берлинский кризис завершился расчленением Германии. Следующим шагом западных держав, способствующим расколу мира и закреплению этого раскола в военном отношении, стало подписание в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. Атлантического пакта (НАТО) между США, Великобританией, Францией, Канадой, Италией и рядом других европейских стран, согласно которому каждая из сторон обязалась оказывать немедленную помощь, «включая применение вооруженной силы», любой участнице пакта в случае «вооруженного нападения против одной или нескольких из них в Европе или Северной Америке». В 1952 г. в НАТО вступили Турция и Греция. Таким образом, компромисс между двумя политическими системами, сложившийся в результате войны с фашизмом, был окончательно разрушен.

В августе 1949 г. в Советском Союзе было успешно проведено испытание первой атомной бомбы. А в сентябре американские самолеты, патрулирующие Аляску, зарегистрировали следы радиации, исходящие из Сибири. Это известие (наряду с заявлением ТАСС о том, что Советский Союз располагает атомным оружием) вызвало в американской администрации разногласия в вопросах о ядерной политике. Физик Р. Оппенгеймер, руководивший созданием американской атомной бомбы и главный консультант комиссии по атомной энергии США, выступил против создания термоядерного оружия; решительным противником создания водородной бомбы был руководитель отдела политического планирования госдепартамента США Кеннан, который в знак протеста ушел в начале 1950 г. в отставку. Его преемник П. Нитце разработал документ о национальной безопасности, который основывался на следующем положении: «СССР стремится к мировому господству, советское военное превосходство все более увеличивается, в связи с чем переговоры с советским руководством невоз-

можны». Отсюда делался вывод о необходимости наращивания американского военного потенциала (в 1949 г. в распоряжении США было около 250 атомных бомб, в 1950 – свыше 400). Доклад был одобрен Трумэном, а военный бюджет США за 1951–1953 гг. вырос с 13 до 50 млрд. долларов. Таким образом СССР был вынужден включиться в навязанную ему гонку вооружений.

Участие СССР в корейской войне Кульминационным пунктом противостояния двух держав стало участие обеих в корейской войне (25 июня 1950 г. – 28 июля 1953 г.).

После победы коммунизма в Китае и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики, соотношение сил в Юго-Восточной Азии коренным образом изменилось. К тому же Япония в результате поражения перестала играть в этом регионе доминирующую роль. Ее место заняли Соединенные Штаты. В январе 1950 г. госсекретарь Д. Ачесон заявил, что «периметр обороны» США на Тихом океане проходит от Алеутских островов через Японию и Окинаву к Филиппинам, т.е. минуя Корею. Советские и американские войска находились на территории Кореи по обоюдному соглашению для принятия акта капитуляции японской армии (советские – к северу, американские – к югу от 38-й параллели). В конце 1948 г. советские части были полностью выведены из Северной Кореи. Летом 1949 г. США вывели свои войска из Южной Кореи, оставив там около 500 советников, предварительно оснастив южнокорейскую армию вооружением.

Причины корейской войны и участие в ней Советского Союза по-разному освещаются в историографии. Западные историки рассматривают эту проблему с позиций «борьбы между СССР и США за влияние в Азии», а саму войну – как стратегическое соперничество сверхдержав, переросшее из локального конфликта между Северной и Южной Кореей по поводу того, кому править страной. Отечественные историки тоже склоняются к такой точке зрения.

Вопреки утверждениям Северной Кореи (ее версия была в свое время принята за основу и в нашей стране), именно она, а не Южная Корея, первой начала военные действия. Решение о нападении на своего соседа северокорейский лидер Ким Ир Сен принял после того, как заручился поддержкой со стороны Сталина и Мао Цзэдуна, о чем сообщает в своих мемуа-

рах Н. Хрущев, свидетельствует большое количество архивных документов на эту тему. По мнению большинства западных историков, позиция Сталина в корейском конфликте строилась с учетом ряда важнейших фактов: обладание СССР атомной бомбой, рост национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии, заявление американской стороны о том, что ее мировые оборонительные рубежи обходят Корею. Президент Трумэн полагал, что Москва сознательно стремилась втянуть США в вооруженный конфликт на Дальнем Востоке, чтобы развязать себе руки в других стратегически важных районах мира и прежде всего в Европе.

25 июня 1950 г. северокорейские войска пересекли 38-ю параллель, быстро разбили южнокорейцев (американский генерал Дин был пленен) и прижали остатки войск к морю в районе Пусана. В результате чего госдепартамент заявил, что отныне США «будут считать Россию ответственной за войну коммунистической Северной Кореи против Южной Корейской Республики». В разразившемся конфликте проблема собственно корейская занимала Запад меньше всего, поскольку он рассматривал войну как возможность проверки того, «во что обойдется сохранение Южной Кореи как оплота против коммунизма в Азии». США заявили, что «с СССР нельзя вести переговоры, пока он не согласится со своим поражением на всех фронтах холодной войны».

Совет Безопасности ООН единогласно (с начала 1950 г. СССР бойкотировал СБ в знак своего протеста против участия в нем представителя Тайваня вместо законного представителя КНР) принял резолюцию, обвинившую КНДР в агрессии. В этой связи США не только послали свои сухопутные войска для войны с Северной Кореей, блокировав авиацией северокорейское побережье, но и, под эгидой «войск ООН», использовали для ведения боевых действий вооруженные силы 15 союзных государств (2/3 «войск ООН» составляли американцы).

Советское правительство сначала оказывало КНДР помощь вооружением, боевой техникой, материальными ресурсами, а в конце ноября 1950 г. перебросило в северо-восточные районы Китая несколько авиадивизий, участвующих в отражении налетов авиации США на территорию Северной Кореи и Китая (в октябре 1950 г. в Корею были отправлены китайские добровольцы). В небе Кореи воевал Иван Кожедуб. Само-

леты корейской народной армии все были советского производства, в том числе и самые современные – МиГ-15 и МиГ-15бис. Советским летчикам пришлось столкнуться с большими трудностями в этой войне: незнакомый театр военных действий, преимущество американцев в системе радиолокации (их посты наведения были расположены почти на всех корейских островах вплоть до китайской границы), огромное превосходство в численности истребительной авиации американцев и их союзников. Согласно официальным данным, общие потери советских частей и соединений составили 299 чел., в том числе 138 офицеров. По сообщениям иностранной прессы, в ходе корейской войны советские суда осуществляли десант на восточном побережье центральной Кореи, а советские бомбардировщики совершали налеты на Сеул.

Война шла с переменным успехом. В сентябре 1950 г. США произвели мощный десант в тылу северокорейской армии – 50 тыс. пехоты с танками, артиллерией, надежным авиационным прикрытием, и вдвое превосходящими силами «войск ООН» нанесли контрудар на пусанском плацдарме. В октябре южнокорейские и американские силы вышли к пограничным с Китаем рекам Ялу и Тумынь. Вступление в войну КНР – отрядов китайских добровольцев численностью до 200 тыс. чел., оснащенных советским оружием, заставило войска противника отступить, что способствовало активизации правых сил в политических кругах США, которые требовали использовать события в Корее для «превентивной войны» против КНР и СССР. Президент Г. Трумэн не пошел на это.

В июне 1951 г. представитель СССР в Совете Безопасности ООН заявил, что прекращение огня и взаимный отвод войск от 38-й параллели был бы в интересах обеих сторон; в ноябре была достигнута в этом плане некоторая договоренность. Однако война не прекратилась. В июле 1952 г. американская авиация (в соответствии с планом «Насос») развернула бомбовый террор КНДР и ее столицы Пхеньяна (всего за войну ВВС США совершили в Корее более одного миллиона вылетов, т.е. почти столько, сколько во время второй мировой войны). 28 июля 1953 г. в Корее установился мир. По предварительным оценкам, потери США составили около 140 тыс. чел., их союзников – 13 тыс. Южнокорейская армия потеряла около 200 тыс. Потери китайцев и северокорейцев составили около

2 млн. чел. Из 20-миллионного населения Южной Кореи около 1 млн. чел. стали инвалидами, свыше 10 млн. жителей остались без крова.

Корейская война преподала миру серьезный урок: она показала не только пределы силы мощнейшей в мире державы, но и непримиримость двух противоборствующих систем. Процесс нормализации отношений между США и СССР после корейской войны не мог быть ни быстрым, ни простым. Выступая на XIX съезде партии, Маленков заявил: «Позиция СССР в отношении США, Англии, Франции и других буржуазных государств ясна... СССР и сейчас готов к сотрудничеству с этими государствами, имея в виду соблюдение мирных международных норм и обеспечение длительного и прочного мира». Однако Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», которую можно рассматривать как своеобразное завещание его политическим преемникам, предостерегал: «Империализм все же сохраняется, остается в силе, следовательно, остается в силе также неизбежность войн. Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм».

СССР и страны народной демократии	Внешнеполитические шаги Советского Союза в послевоенный период носили в известной степени вынужденный характер. Экономическому и финансовому давлению западных стран, открыто заявивших о себе как вершителях судеб всего мира, СССР противопоставил политику консолидации тех стран Восточной Европы, где были сильны позиции коммунистов и где он мог бы единолично контролировать ситуацию.

Экономической, политической и общественной моделью развития стал для этих стран Советский Союз. Во-первых, он обладал опытом ведения планового хозяйства, во-вторых, конфронтация с Западом вынуждала советское руководство к быстрым и решительным действиям по отношению к новым союзникам; нередко эти действия носили необоснованный характер, противоречили природно-экономическим условиям партнеров, нарушали сложившиеся в них до войны экономические и культурные традиции. В годы войны коммунисты стран Восточной Европы играли важную роль в движении Сопротивления. После войны задачи борьбы за национальное освобождение и возрождение государственности они сочетали с задачами изменения характера власти, коренных пере-

мен в социально-политическом строе общества и внешней политике, что порождало внутренний конфликт и противоборство с теми силами, которые ориентировались на эмигрантские правительства и западные державы.

11 апреля 1945 г. заключен договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве СССР с Югославией, 21 апреля договор с Польшей, в последующем – с другими странами народной демократии. Становление нового политического режима в Румынии происходило при полном контроле из Москвы; под прямым воздействием ее чехословацкая делегация отказалась в 1947 г. от участия в Парижской конференции. Одновременно Советский Союз брал на себя обязательства перед Чехословакией «восполнить ущерб, связанный с ее обособлением от Запада». Помимо продукции тяжелого машиностроения и металлургии, Сталин обещал ей (как и болгарам, югославам и полякам) поставки зерна. В декабре 1948 г. был проведен V съезд болгарской компартии, в программе которого индустриализация, коллективизация и культурная революция выступали как основа преобразования общества, а марксизм-ленинизм как его идеологические скрепы. Многопартийная система увязывалась с наличием партий социалистической ориентации, безоговорочно признававших руководящую роль коммунистов.

В сентябре 1947 г., по инициативе Советского Союза, коммунистические и рабочие партии 9 стран – Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, СССР, Франции, Чехословакии, Югославии – учредили Информационное бюро (Коминформ).

Во время советско-болгарской встречи в Москве в июне 1946 г. Сталин заявил, что возрождать Коминтерн в какой бы то ни было форме не целесообразно, что нужен совершенно новый, информационный орган, который бы периодически собирался для обмена опытом и принимал решения неопязательного характера. Затем под воздействием острой конфронтации с Западом этот принцип международного сотрудничества был отброшен, поскольку противоположный лагерь не дремал и тут. Чтобы оторвать страны Восточной Европы от Советского Союза, им было предложено участвовать в плане Маршалла, но при одном условии – отказа от ориентации на СССР. Одновременно с этим министры иност-

ранних дел Англии и Франции в своих публичных заявлениях настаивали на привлечении СССР к плану Маршалла, разумеется, надеясь «на отказ Советов сотрудничать». Советский Союз эту тактику, конечно, понимал и если поначалу, отказавшись от участия в Европейской экономической конференции (Париж, июль 1947 г.), рекомендовал своим восточноевропейским союзникам послать туда делегации, то затем воспротивился этому. Например, чехословакам Сталин заявил: «своим участием в Париже вы продемонстрируете, что позволяете использовать себя как орудие против СССР»..

На первом совещании Коминформа, состоявшемся в целях конспирации в Польше (сентябрь 1947 г.) Жданов дал подробный анализ расстановки политических сил в мире, подчеркнул, что в послевоенный период образовались два лагеря — «лагерь империалистический и антидемократический, имеющий своей основной целью установление мирового господства и разгром демократии, и лагерь антиимпериалистический и демократический, имеющий своей основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма». Он подверг при этом критике французских и итальянских коммунистов за неумение работать с народными массами, за утрату влияния в своих странах.

Наметившимся кризисом в отношениях Москвы со странами Восточной Европы стал советско-югославский конфликт, разразившийся в 1948 г. До этого отношения между двумя странами отличали редкое взаимопонимание и координация действий еще со времен сотрудничества в военные годы. Советское руководство рассматривало компартию Югославии как наиболее «зрелую», «выдержанную в идейно-политическом отношении» организацию, оказывая этой стране большую помощь в развитии экономики и укреплении обороноспособности. А в июне 1948 г. в «Правде» была опубликована резолюция Информбюро о положении в компартии Югославии, в которой утверждалось, что КПЮ «за последнее время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма-ленинизма», что югославское руководство заимствует «клеветническую пропаганду о перерождении ВКП(б) и СССР» и что «здоровые силы» КПЮ должны сменить своих руководителей, если те не смогут «честно признать свои ошибки и ис-

править их». По мнению большинства историков, одной из причин, повлиявших на резкое изменение в позициях Москвы, стало негативное отношение Сталина к стремлению компартии Югославии стать «руководящей» партией на Балканах; его также настораживала возможность объединения болгар и югославов в федерацию, что, по его мнению, могло вызвать ослабление позиций СССР в этом регионе. На советско-болгарских переговорах (февраль 1948 г.) Сталин оказал откровенный нажим на союзников с целью направить процесс югославо-болгарского объединения в устраивающее СССР русло. Чтобы избежать сталинского варианта федерации, И. Броз Тито заявил, что условия для этого еще не созрели. В дальнейшем отношения сторон все ухудшались, и 29 ноября 1949 г. была опубликована вторая резолюция Информбюро под названием «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Положение резко обострилось: руководство КПЮ сменило оборонительную позицию, которую оно до того занимало, и развернуло кампанию против СССР, стран народной демократии и коммунистического движения. В результате нормальные дипломатические отношения Югославии со странами Восточной Европы были прерваны, на югославских границах с соседями возникла напряженность, сопровождавшаяся демонстрацией силы и отдельными вооруженными стычками. В ООН также начались столкновения между югославской и делегациями социалистических стран. А с 1950 г. полностью прекратились экономические связи СССР и стран народной демократии с Югославией.

В советско-югославском конфликте историки придают первостепенное значение прежде всего политическому аспекту и личности Сталина. Возможно, они и правы. А возможно, более близок к истине И. Ильин, по мнению которого «Европа создала тип человека и культуры, не подходящий для коммунизма», и как только Тито понял, что «оборонять страну, враждуя с крестьянством, невозможно, и что коллективизация хороша лишь за столом в беседах с марксистским идеологом Моше Пияде..., (он) вводит в Югославии что-то вроде нэпа». В политическом плане советско-югославский конфликт определялся более серьезными мотивами.

В январе 1949 г. из шести стран — Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии был создан Совет

Экономической Взаимопомощи (СЭВ). В задачи его входили: обмен хозяйственным опытом, техническая взаимопомощь, вопросы снабжения сырьем, продовольствием, машинами, оборудованием и др. Формально таможенных пошлин на торговлю не было, но практически имел место крайний протекционизм. СССР имел огромный внутренний рынок; в экспорте его преобладало сырье, вследствие чего советское хозяйство было менее чувствительно к изменениям за его пределами. Другие члены СЭВ располагали узким рынком сбыта, основную долю их экспорта составляла готовая продукция. С самого начала европейские страны, находившиеся после войны под советским влиянием, вынуждены были принять жесткие нормы советской экономической модели (первоочередное развитие тяжелой промышленности). В отношениях с СЭВ Советский Союз руководствовался не столько экономическими, сколько политическими мотивами.

СССР и КНР После образования КНР отношения между
в первые годы Китаем и Советским Союзом на протяжении
сотрудничества длительного времени были самыми дружественными. 14 февраля 1950 г. между обеими странами был подписан договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. По воспоминаниям тогдашнего замминистра иностранных дел СССР Н. Федоренко, присутствовавшего при переговорах в качестве переводчика, «согласование основных положений договора между Сталиным и Мао Цзэдуном проходило спокойно, без каких-либо расхождений. Собеседники понимали друг друга с полуслова». Одна из статей договора содержала взаимные гарантии по оказанию военной или иной помощи в случае, «если одна из сторон подвергнется нападению Японии или ее союзников». Именно это обстоятельство заставило американское правительство ограничить в то время размах войны в Корее. «Если бы мы напали на коммунистический Китай, — писал в своих воспоминаниях Г. Трумэн, — то должны были ожидать русского вмешательства». Помимо договора были согласованы положения Соглашения между СССР и КНР о китайской чаньчунской железной дороге (так стала именоваться КВЖД), Порт-Артуре и Дальнем. Советский Союз исходил при этом из тех положительных изменений, которые произошли в Китае (создание народного правительства, объединение страны, политика

дружбы и сотрудничества с СССР, способность государства отстоять свою независимость и территориальную целостность).

Сталин высоко оценивал значение победы революции в Китае для судеб мира. По свидетельству И. Ковалева – личного представителя Сталина при Мао Цзэдуна, советский вождь так отреагировал на просьбу китайцев о помощи: «Мы, конечно, окажем новому Китаю всю возможную помощь. Если социализм победит и в Китае и наши страны пойдут одним путем, то победу социализма в мире можно считать обеспеченной. Нам не будут угрожать никакие случайности. Поэтому мы не можем жалеть сил и средств для помощи китайским коммунистам».

Поначалу отношения между обеими странами складывались довольно непросто. Так, еще до подписания в 1950 г. договора Мао Цзэдун поднял перед Москвой вопрос о присоединении Монголии к Китаю; сложным был вопрос с предоставлением кредита Китаю. Советское правительство соглашалось передать КНР все права на управление дорогой, включая принадлежащее ей имущество (предусматривалось, что передача прав будет совершена сразу после заключения мирного договора с Японией). На тех же условиях планировался вывод советских войск с территории совместно используемой морской базы Порт-Артур и передача порта Дальнего (Дальний был передан Китаю, несмотря на то, что мирный договор с Японией подписан не был). Была достигнута договоренность о предоставлении 1-процентного кредита Китаю в сумме 300 млн. долларов. Вопрос о ядерном оружии, вопреки ныне распространенной точке зрения, не затрагивался. По свидетельству Федоренко, «Мао Цзэдун во время переговоров со Сталиным вообще не поднимал вопрос о ядерном оружии. Об этом зашла речь значительно позже, не в 1950 г., а в 1958 г. в Пекине, когда Хрущеву, возглавлявшему правительственную делегацию, пришлось вести переговоры с Мао Цзэдуном».

Вопросы и задания

- Охарактеризуйте изменения, происшедшие в результате войны в народонаселении Советского Союза, настроениях людей, в сфере материального производства.

- Укажите важнейшие направления восстановительного процесса народного хозяйства СССР в первую послевоенную пятилетку, главные итоги и приоритеты развития советской экономики.
- Назовите причины послевоенного голода, масштабы явления и последствия.
- Оцените послевоенную политику советского правительства в области идеологии и культуры, укажите цели этой политики.
- Назовите факторы, решающим образом повлиявшие на становление социалистической системы, дайте ее краткую характеристику.
- Объясните истоки «холодной войны» и перечислите ее важнейшие события, укажите причины, приведшие к участию СССР в корейской войне, масштабы советского вмешательства.
- Проанализируйте деятельность Коминформа и роль этой организации в советско-югославском конфликте.
- Назовите важнейшие послевоенные политические процессы, объясните с какими событиями внутренней и международной жизни они были связаны.
- Дайте характеристику важнейших черт политической, идеологической и экономической систем, созданных за годы правления Сталина.

РАЗДЕЛ V

**От Советского Союза
к современной
России**

§ 1. Курсом реформ

Начало десталинизации общества 5 марта 1953 г. умер Сталин. Спустя 9 дней, Г. Маленков сдал свои полномочия секретаря ЦК и занял пост председателя Совета Министров. В секретариат ЦК КПСС были избраны Н. Хрущев, М. Сулов, П. Пospelов, Н. Шаталин, Н. Игнатьев. После смерти Сталина вновь стали собираться пленумы ЦК; иногда они проводились совместно с заседаниями Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР. В марте МГБ и МВД преобразуются в единое МВД и принимается указ об амнистии осужденных «бытовиков» и других заключенных, кроме «контрреволюционеров», крупных расхитителей, бандитов и злостных убийц. 4 апреля газеты сообщили, что 15 осужденных «врачей-отравителей» реабилитированы.

Весной-летом у Маленкова и других «наследников» зазвучали первые нотки критики Сталина, пока еще в безличной форме. В июле 1953 г. на Пленуме ЦК КПСС с докладом о преступлениях Л. Берия выступил Г. Маленков. За антипартийные и антигосударственные действия Берия и его подручные были осуждены в порядке, установленном законом 1 декабря 1934 г. по ст. 58 УК РСФСР.

После смены верхушки МВД начался демонтаж ГУЛАГа. В 1953 г. Дальстрой передается Министерству горно-рудной промышленности; на базе Главного управления шоссейно-дорожного строительства МВД образовано общесоюзное министерство автотранспорта и шоссейных дорог. Новое руководство стремилось отмежеваться от насилия и репрессий конца 20-х – начала 50-х годов. Большую роль в проведении этого курса играли Г. Маленков и избранный в сентябре 1953 г. первым секретарем ЦК КПСС Н. Хрущев. Многие мероприятия проводились исподволь, без огласки. Именно так в 1953 г. были ликвидированы Особое совещание при министре внутренних дел и прокуратура войск МВД, Верховный суд получил право пересматривать постановления по делам спецподсудности («троек», Особого совещания и коллегии ОГПУ). В 1953 г. отменили обязательный минимум выработки трудо-

дней в колхозах, введенный в мае 1939 г. С 1954 г. военные прокуроры приступили к реабилитации незаконно осужденных. Были подвергнуты ревизии «ленинградское дело» и процесс Еврейского антифашистского комитета. По отдельным категориям правонарушений вводилось условное досрочное освобождение после отбытия половины срока.

Крупнейшим событием на пути десталинизации общества явился XX съезд партии. На закрытом заседании в ночь с 24 на 25 февраля 1956 г. с докладом о культе личности выступил Н. Хрущев. На основе подлинных документов он резко осудил массовый террор, развязанный Сталиным в 30–50-е годы, нарушение принципов коллективности руководства, злоупотребление властью, утрату государственного контроля за деятельностью органов внутренних дел и госбезопасности. Сделанные разоблачения в определенной мере оздоровили морально-политическую атмосферу в советском обществе. Непоследовательность и противоречивость критики культа личности выразилась в главном акценте на преступлениях Сталина против партии, а не народа, в жестком противопоставлении Сталина Ленину, половинчатости разоблачений. Всю ответственность за негативные явления в жизни социалистического общества Н. Хрущев возложил на Сталина. Комплекс основополагающих черт культа личности представляется ныне обширнее, чем во времена Хрущева. Преувеличение роли конкретной личности невозможно без создания массы «безличностей». Избыточная концентрация власти привела к исчезновению властных полномочий в среднем и низшем звеньях управления, превратила их в «приводные ремни». Несменяемость и отсутствие ротации руководящих кадров породили не просто замкнутость управленческих структур — сформировалась иерархия, система вождей (главный вождь, вождь Красной Армии, вождь железнодорожников, тяжелой промышленности и т.д.) Власть приобрела облик харизматического левиафана. Связь партии с массами осуществлялась через посредников, наделенных правом толковать, разъяснять, наделять благодатью. Необходимыми условиями культа личности были формирование чрезвычайных обстоятельств, форсированный тип развития народного хозяйства, нераздельность ветвей власти при выводе репрессивного аппарата из-под общественного контроля. Культовый строй игнорировал объективные закономерности в области мате-

риальной заинтересованности, разделения труда, широко опираясь на внеэкономическое принуждение. Все эти черты усиливали тенденции к самоизоляции режима, сравнения и сопоставления были губительны для него. Наряду с нарушением связей в международном пространстве, узкоклассовая политика прервала их и во времени, искусственно расчленив российскую историю, отказавшись от преемственности ее основных проблем. После XX съезда была создана комиссия по расследованию нарушений законности в период культа личности, которую возглавил В. Молотов, сняты огульные обвинения против чеченского, ингушского, балкарского, калмыцкого народов, месхетинцев, курдов, немцев Поволжья, крымских татар и греков, облегчен режим проживания спецпереселенцев в Средней Азии, Казахстане, Сибири, Якутии, на Сахалине, в Заполярье, восстановлено (1957–1958) четыре автономии из шести утраченных при Сталине. Осенью 1956 г. исправительно-трудовые лагеря были реорганизованы в колонии. Отмена в апреле 1956 г. постановлений от 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г. об особом порядке ведения дел о политическом терроризме резко ограничила пополнение тюрем и лагерных зон. Рабочих и служащих перестали судить за самовольный уход с работы и прогулы. 11 сентября 1957 г. указ Президиума Верховного Совета СССР запретил присваивать при жизни имена государственных и общественных деятелей. В особых случаях это могло иметь место только посмертно, всякого рода наименования в честь здравствующих деятелей отменялись.

Оздоровление общества протекало неоднозначно, с частыми отступлениями от провозглашенных норм, с умеренной дозой критики, дабы не обнажать перед внешним врагом «наших язв». Очень многое здесь зависело от того, кто персонально будет стоять у руля государства. Борьба за чистоту марксизма-ленинизма объективно сопровождалась соперничеством за конкретный вариант дальнейшего развития страны, иногда принимая форму схватки за власть. В разряд преступлений Л. Берии зачислялась его попытка замириться с югославскими ревизионистами, в 1955 г. в число идейных отступников записали Г. Маленкова. Его обвинили в демагогических уступках крестьянству по снижению размеров налогов на личные подворья, ориентации на изменение межотраслевых пропорций в пользу производства товаров народного

потребления, выдвижении антимарксистского тезиса о невозможности победы в ядерной войне. В июне 1957 г. из руководящих органов партии за противодействие «исправлению ошибок и недостатков, порожденных культом личности», были выведены Г. Маленков, Л. Каганович, В. Молотов и «примкнувший к ним» Д. Шепилов. Через четыре месяца Хрущев и Булганин, занявший место Маленкова, добились снятия с поста министра обороны Г. Жукова с освобождением его от работы в Президиуме ЦК КПСС и в самом ЦК якобы за линию на свертывание партийной работы и руководства КПСС в армии и флоте. «Персональные дела» возникали одно за другим, власть все больше концентрировалась в одних руках. С марта 1958 г. Хрущев начал совмещать высшие посты в партии и государстве; с политической сцены ушел Н. Булганин. Отсутствие авторитетных соратников сослужило в дальнейшем Н. Хрущеву плохую службу — рядом с ним почти не осталось людей, или готовых сказать «нет», или хотя бы поправить «первого». В номенклатурной среде вызывали раздражение попытки ликвидации «конвертов» высокопоставленным чиновникам со второй зарплатой (содержимое конвертов удалось срезать только наполовину), снятие доплат «за погоны» сотрудникам МВД, отказ от награждения орденами и медалями за выслугу лет, установление норм кадровой ротации на всех уровнях партийной иерархии. Вместе с тем, значительное обновление руководства и сосредоточение властных полномочий в руках одного лица создавали предпосылки для дальнейшего продвижения реформ.

Реформирование законодательства

Крупным успехом внутренней политики 50-х годов явилось доведенное до конца преобразование советской юстиции. Этапной для общества стала декабрьская сессия Верховного

Совета СССР в 1958 г., утвердившая Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик. «Основы» закрепили ослабление централизации в законотворчестве и заложили фундамент разработки уголовных кодексов в каждой из союзных республик, так как прежде многие субъекты Союза ССР следовали статьям УК РСФСР. Были приняты законы об отмене лишения избирательных прав по суду, об уголовной ответственности за уголовные и воинские преступления и другие законодательные акты. Из перечня наказаний исключались «объявление врагом народа» и временное удале-

ние за пределы СССР. В соответствии с УК РСФСР 1960 г. количество статей об ответственности за политические преступления снизилось с 17 до 10, в том числе «расстрельных» статей — с 12 до 7. Максимальный срок лишения свободы сократился с 25 до 15 лет с последующей 5-летней ссылкой. Отменялась смертная казнь для лиц до 16 лет, вводились исключительно меры принудительного воспитательного воздействия в отношении подростков до 14 лет, устанавливался особый список правонарушений 14–16-летних, за которые они могли подвергнуться уголовному наказанию — заключению в специальные колонии. Трудовые коллективы и общественные организации получили право ходатайствовать об условном осуждении и передаче правонарушителя на перевоспитание. Если раньше судимости могли погашаться только по незначительным преступлениям, то с 1958 г. допускалась реабилитация по всем их видам. Подчеркивалось, что вынесение уголовных наказаний производилось только судом, провозглашался еще недавно считавшийся буржуазным принцип презумпции невиновности, по которому запрещалось перелagать на подсудимого обязанность доказывания собственной безвинности, все уголовные дела должны были разрешаться только на основании закона. Архаичные юридические нормы 20-х годов о частной собственности на торговые и промышленные предприятия с наемным трудом, о несостоятельности частных лиц, об ответственности предпринимателей за недобросовестную конкуренцию, давно исчезнувшем праве содержать частные медицинские, просветительские и научно-исследовательские организации были пересмотрены. Правила рассмотрения производственных конфликтов 1928 г. заменялись положением о трудовых спорах 1957 г. Прекратились судебные преследования рабочих и служащих за самовольный уход с работы или прогулы, после XX съезда были отменены обязательные поставки сельхозпродуктов со дворов колхозников и трудящихся совхозов.

Социальные преобразования	Законодательная реформа переплеталась с преобразованиями в социальной сфере. Государство сначала значительно сократило подписку на займы, а потом и вовсе отказалось от них, подняло зарплату низкооплачиваемым работникам, повысило размер необлагаемого налогом минимума зарплаты, значительно увеличило пенсии по инвалидности и старости. Ра-

бочий день вновь сокращался до 6–7 ч, подросткам устанавливался 6-часовой рабочий день. В предпраздничные и праздничные дни продолжительность рабочей смены сокращалась. Рабочая неделя уменьшилась на 2 ч. Было отменено уголовное преследование за аборт. С 1958 г. казна перестала брать с одиноких женщин за бездетность – Президиум Верховного Совета СССР отменил взимание налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, имевших детей. В мае 1960 г. принимается закон об отмене с 1 октября 1962 г. всех налогов с зарплаты рабочих, служащих, однако накануне его введения в действие, в связи с дополнительными расходами бюджета по обеспечению населения продовольствием, товарами широкого спроса и укреплению обороноспособности, сроки освобождения от налогов были перенесены впредь «до особого распоряжения». С конца 50-х годов началась продажа товаров длительного пользования в кредит. В июле-ноябре 1964 г. был принят комплекс мер по пенсионному обеспечению колхозников. Символично, что июльское представление проекта закона «О пенсиях и пособиях членам колхозов» было последним выступлением Н. Хрущева на сессии Верховного Совета. Другое решение законодателей повышало зарплату работников, занятых непосредственным обслуживанием населения на 21 %, в том числе просвещенцам – на 25 %, медикам – на 23 % и т.д. Одновременно предусматривалось завершить повсеместное введение минимальной заработной платы до уровня, близкого к прожиточному минимуму.

Причины непоследова- тельности реформ 1953– 1964 гг.	Деятельность Н. Хрущева часто делят как бы на два периода. Даже такой художественный прием, как черный и белый камни в памятнике скульптора Э. Неизвестного на могиле Н. Хрущева подчеркивает неоднозначность его политической биографии, противоречивость и непоследовательность Хрущева как государственного деятеля. Очевидно, о последовательности можно говорить тогда, когда последующие лозунги не отрицают предыдущих. С этой точки зрения, политика Сталина, Хрущева, Брежнева является традиционной, основанной на ортодоксальных представлениях о социализме как первой фазе коммунистической формации, производственных отношениях, скроенных «на вырост», противоречиях, разграниченных по линии борьбы старого с новым, передового с отсталым, лучшего с хорошим и пр. Де-

сятилетиями сохранялась вера в беспредельность концентрации общественного производства, в основной экономический закон социализма, приоритетность тяжелой индустрии, особенность товарно-денежных отношений и т.д. Теоретически Хрущев следовал за Сталиным в определении социализма от противного, противопоставляя стихийности, загниванию и углублению кризиса у одних, плановость, восходящую и динамичную линию развития – у других. Контрапунктом тезиса о несовместимости капитализма с новейшей техникой было утверждение о глубоком внутреннем единстве науки и производства при социализме, равнозначности экономического и социального прогресса в условиях советской демократии. Со времен XVIII съезда ВКП(б) (1939) Н. Хрущев ставил знак равенства между победой над главными капиталистическими странами в размерах промышленного производства на душу населения и переходом от первой фазы коммунизма ко второй. При Хрущеве страна вышла на намеченные Сталиным рубежи: по нефти – в 5-й пятилетке, стали и углю – в 6-й, чугуну – еще через 5 лет. Однако перелома в социально-экономическом развитии не произошло. Сталинский вывод, что все в конечном итоге зависит от производства чугуна, оказался ошибочным. Тем не менее в 1958 г. Н. Хрущев повторно поставил задачу «в ближайшие 15 лет не только догнать, но и превзойти крупнейшие капиталистические страны по производству важнейшей продукции на душу населения». Вновь был дан прогноз 2–3-кратного роста. Из расчетов С. Струмилина, А. Засядько и других плановиков скороспелые экономические выкладки на 10-ти и 20-летние периоды с выводом о построении коммунизма в 80-е годы перекочевали в программу КПСС. Вместе с тем были отвергнуты предложения о включении в теоретический партийный документ директив о завершении в 60-х годах полной электрификации аграрного сектора экономики и всего народного хозяйства страны, ряд других радикальных экономических проектов. Первый секретарь ЦК партии заявил на XXII съезде, что «неправильно было бы включать в Программу то, чего мы еще не можем сделать. Такими обязательствами и посулами мы бы только дискредитировали Программу». В программные документы коммунистической партии был включен «моральный кодекс строителя коммунизма», в рассказированном виде представленный уже в

материалах XVIII съезда ВКП(б). Несомненным новаторским решением начала 60-х годов стало включение в программу и устав КПСС мер по предотвращению возникновения нового культа — введение норм систематического обновления состава партийных органов разных уровней (ротация кадров), установление предельных сроков их созыва, регламентирование порядка замещения номенклатурных должностей в партии и т.д.

§ 2. Хозяйственное развитие страны в 1953–1965 гг.

Совершенствование хозяйственного механизма в СССР началось с аграрного сектора. В начале 50-х годов в село вкладывали всего лишь около 20 % от общей суммы капиталовложений в промышленность. Крестьянству приходилось расплачиваться за опыты с засевом украинских черноземов яровой пшеницей и укрупнением колхозов, за манипуляции с нормами выработки, превышение пределов накопления неделимых фондов в общественном животноводстве, измерение его эффективности не килограммами и метрами, а головами и хвостами. В 1953 г. только 22 % колхозов были электрифицированы, большинство крестьянских изб продолжало освещаться свечами, керосиновыми лампами и даже лучинами. Электричество мелких колхозных станций обходилось в 10 раз дороже энергии государственных районных электростанций (ГРЭС), но подключение к ним считалось расхищением общенародной собственности, поскольку колхозы учитывались по другой строке сметы расходов. Существенным каналом перекачки средств из деревни были МТС. Натуроплата за их работу составляла половину попадавшего в госфонды хлеба. Положение в сельском хозяйстве было подробно рассмотрено на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС. Доклад на нем был первым крупным выступлением нового Первого секретаря ЦК Н. Хрущева. Основными причинами отставания сельского хозяйства были названы материальная незаинтересованность колхозников, противоречие личного и общественного, низкий уровень механизации труда, отсутствие толкового руководства в колхозах, совхозах и МТС.

Для оздоровления экономики аграрного сектора было на-

мечено установить более обоснованные цены на сельхозпродукцию, перейти к планированию снизу, упорядочить налоговую политику, поднять материальную заинтересованность колхозников. В перспективе предполагался переход к пенсионному обеспечению членов колхозов и смягчение ограничений паспортного режима. Коллективные хозяйства получили право вносить изменения в свои уставы в соответствии с местными условиями. Был взят курс на рост денежных доходов колхозов. И уже в 1954 г. налоги на крестьянство были уменьшены вдвое по сравнению с 1952 г. и стали взиматься не с дохода, а по размеру земельного участка. Нормы поставок с личного подворья были снижены, недоимки за прошлые годы списаны. Закупочные цены в следующее пятилетие выросли в 3 раза, денежные доходы колхозов в 1957 г. к 1952 г. в расчете на каждый колхозный двор увеличились в 2,3 раза, выдача денег на трудодень — в 3 раза. Ситуация в сельском хозяйстве и положение колхозников заметно улучшились. В течение пяти лет после сентябрьского пленума среднегодовой прирост продукции аграрного сектора превышал 7 %. Больше (10 %) было только при нэпе.

Целина

На сентябрьском пленуме 1953 г. в последний раз прозвучало необоснованное утверждение об успешном решении зерновой проблемы в СССР. Фактическим признанием необеспеченности зерном было решение, принятое на февральско-мартовском (1954 г.) Пленуме ЦК КПСС о широком включении в хозяйственный оборот целинных и залежных земель. Хотя в директивах XIX съезда КПСС эта задача не ставилась, принятое решение нельзя назвать неожиданным. Когда в 1946 г. сильнейшая засуха поразила основные хлебородные районы европейской части СССР, в зерновых зонах Казахстана, Западной Сибири и Алтая сбор урожая к предыдущему году вырос в 1,5–2 раза. Наверное, тогда многим вспомнилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. о подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах на востоке СССР. Те же районы были выбраны и в 1954 г.: Алтайский и Красноярский края, Новосибирская, Омская, Челябинская области РСФСР, Акмолинская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Кустанайская, Семипалатинская, Восточно-Казахстанская области Казахской ССР. Постановление предписывало провести учет пахотнospособных угодий, расширение пашни вести прежде всего на землях, не

требовавших крупных вложений, организовать на целине колхозы, совхозы, машинно-тракторные станции и мастерские, построить крытые навесы для сушки зерна, направить в Приобье и другие регионы специалистов и технику. Новоселам воспрещалось применение мелкой вспашки паров и взмет-зьяби. Освоение целинных и залежных земель в 50–60-е годы осуществлялось в традиционных формах широкомасштабной плановой кампании по созданию новой зерновой базы страны, способной принести быструю отдачу. В 1953 г. заготовки хлеба едва достигли 31 млн. т зерна и были меньше продовольственных потребностей населения и других затрат государства. Разница покрывалась госрезервами.

Уже в три первых целинных года было распаханно свыше 32 млн. га земли – столько же, сколько прирастила к своему земельному фонду вся страна в 20-е – 30-е годы. В результате заготовки хлеба выросли до 54 млн. т, валовой сбор зерна увеличился в 1953–1956 гг. с 82,5 до 125 млн. т. Особенностью целины были относительная дешевизна выращенного урожая и высокая товарность зернового производства. С начала 60-х годов средства, вложенные в новые земледельческие районы, стали приносить прибыль.

Через год после решения о выходе на целину личную ответственность за неблагополучное положение сельского хозяйства возложили на Г. Маленкова. От его имени в печати была опубликована записка с просьбой об освобождении от обязанностей председателя Совета Министров СССР. Резервный запас зерна государства в середине 50-х годов подошел к концу. 1956 г. принес облегчение. После засушливого предыдущего года первый крупный успех достигнут на целине. 40 млн. га распаханых земель (в том числе 23,6 млн. га под зерновые) обеспечили миллиард пудов казахстанского хлеба. Урожай был такой, что из-за отсутствия элеваторов тысячи пудов убранного зерна сваливали в поле в гурты. На следующее лето созревшей частью урожая засыпали овраги и русла рек. Было решено продолжить освоение целинных и залежных земель, не требовавших больших затрат. Большой вклад в распашку целины внесла молодежь – без комсомольского призыва при обычном переселении на ее освоение потребовалось бы более двух пятилеток. В 50-е годы целина Восточной Сибири и Дальнего Востока в зерновое производство не вовлекалась. Надо было поднять урожайность в местах традици-

онного земледелия, обновить технику в обжитых районах. Тем не менее, при вовлечении в сельскохозяйственный оборот зауральской целины и залежи, только в лесных районах европейской части страны было утрачено 15 % пахотных угодий. Да и потери сельскохозяйственной продукции в 75,6 млрд. руб. были сопоставимы с денежными доходами всех колхозов страны. На самой целине, несмотря на предупреждения ученых (А. Бараев, Т. Мальцев и др.), разрушение плодородного слоя глубокой вспашкой через 2–3 урожая обернулось крупными потерями. Усилилась водопроницаемость земель, выдувание почвы породило «черные» бури. Ветровая эрозия повредила сотни тысяч гектаров легких почв в Зауралье, Павлодарской, Кокчетавской, Целиноградской областях, Красноярском крае. Только в Казахстане около 35 % пахотнопригодных земель попали в зону бедствия.

Н. Хрущев умел признавать ошибки и в феврале 1964 г. заявил, что из-за эрозии часть новых пахотных угодий Сибири и Казахстана будет переведена в пастбища. Тогда же он перестал противиться парованию пахотных земель, согласившись на ежегодный пар в 20 % земель, которые нуждались в отдыхе. Целина стала значительным хозяйственным и политическим достижением СССР. Урожай в 1–1,5 млрд. пуд. на новых землях превратились в привычные, зернохозяйства выдавали на-гора в основном товарный хлеб. Целина обеспечивала стране заготовку в 1956–1958 гг. каждой второй, а потом – минимум – каждой четвертой тонны хлеба. За освоение целинных и залежных земель звания Героя Социалистического Труда были удостоены 272 целинника, 1 млн. 340 тыс. чел. были отмечены специальной медалью.

**Кукурузная
«лихорадка»** Уже в 1954 г. в сельском хозяйстве СССР начались эксперименты по районированию кукурузы, в том числе в зоне северного земледелия. Московским комсомольцам, отъезжавшим на целину, Хрущев говорил: «Нам необходимо иметь больше кукурузы. И не только для того, чтобы ее ели люди, а главным образом на откорм птицы, свиней и других видов скота... Для этого в первую очередь нам нужна кукуруза». Успех на целине подстегнул проведение другой широкомасштабной кампании. В январе 1956 г. ЦК КПСС постановил впредь считать распространение кукурузы важнейшей партийной задачей. Под расширение посевов кукурузы планировалось развитие живот-

новодства на 1959–1965 гг. Темпы прироста крупного рогатого скота намечалось поднять втрое, были разработаны высокие нормы содержания скота на 100 га земли. Для продвижения кукурузного пояса на север и восток по стране разъехались уполномоченные, развернулась агитационная работа, проводились партмобилизации, молодежные призывы. В начале 60-х годов четверть зернового поля страны была занята кукурузой. Основная часть посевов (свыше 80 %) отводилась на корма.

Засушливый 1962 год до крайности обострил нехватку пшеницы и ржи. Дефицит зерна был восполнен закупкой за границей. Н. Хрущеву пришлось свою точку зрения на кукурузу изменить: «Мы не присягаем навеки какой-либо одной культуре... Приоритет должен быть отдан урожаю... Нужно не бояться пересмотреть структуру и, если нужно, пойти на сокращение посевов кукурузы в засушливой зоне». Причины неудачи с кукурузой имели как объективный, так и субъективный характер. Главными среди них являлись неблагоприятные природно-климатические условия, ошибки в районировании посевов, низкие технологические навыки, отсутствие нужных гибридных сортов. По первоначальному замыслу рост кормовой базы и увеличение количества скота должны были обернуться унавоженными полями. Практика показала, что без минеральных удобрений высоких урожаев кукурузы не будет. Таким образом, получила толчок новая кампания по созданию промышленности минудобрений и химизации сельского хозяйства, отдача которой пришлась уже на 70-е годы. Новое значение слова «химик» появилось в русском языке вскоре после Пленума ЦК КПСС 1963 года. Так стали называть условно-досрочно освобожденных правонарушителей, отправленных на стройки химической индустрии.

Переустройство хозяйственного уклада колхозников В декабре 1959 г. на Пленуме ЦК Н. Хрущев предложил на базе укрупнения мелких колхозов и совхозов приступить к хозяйственному переоснащению и развитию специализации сельского производства, перепланировке сельских поселений на небольших площадях, началу строительства для жителей села 2-этажных зданий городского типа с последующим увеличением этажности. Идея создания агрогородов развивалась на январском (1961 г.)

Пленуме ЦК и XXII съезде КПСС, указавшем на чрезмерную дороговизну переустройства села по традиционному усадебному типу. Сселение мелких деревень способствовало росту численности жителей в сельских поселках. В 1959 г. на один населенный пункт РСФСР приходилось 187 жителей, а в 1970 – уже 226. Доля дворов колхозников, с ограничениями пользовавшихся электричеством, увеличилась в 1958–1964 гг. с 30 % до 68 %. Выросла энергообеспеченность сельскохозяйственного производства. Однако одновременно с упорядочением инфраструктуры возникло разряжение сельской местности домашними очагами, центрами производственных связей и культуры, усилилась миграция деревенского населения. Разделение сельских поселений на «перспективные» и «неперспективные» приобрело характер лихорадки. В разряд неперспективных попадали деревни, в которых не было сельскохозяйственных производственных комплексов с капитальными зданиями и сооружениями. С учета снимались не только мелкие, но и средние по численности населения села, тысячи пригородных поселков были включены в состав городов. Особенно пострадала нечерноземная полоса. Между переписями населения 1959 и 1989 гг. Россия потеряла 141137 деревень из 194598 утраченных по СССР.

Благосостояние крестьянства в 50-е–80-е годы напрямую связывалось с укрупненными колхозами и совхозами. Во всех аграрных начинаниях тех лет виден расчет на скорую и весомую отдачу общественного производства. Коллективный земельный строй должен был не только обеспечить земледельца, но и способствовать сокращению размеров личных подсобных хозяйств. Задача сворачивания личных подсобных хозяйств была унаследована от политического курса 30–40-х годов. Урезки сельского подворья проводились под флагом борьбы с разбазариванием общественных земель, ликвидации нарушений устава сельхозартели, нормирования количества скота в индивидуальном пользовании. В 1956 г. новый примерный устав колхоза поставил размеры личных усадеб в зависимость от того, ушла молодежь из данного двора в город или нет. Устав также возводил новые препоны для реализации продукции личных хозяйств на рынке, в очередной раз уменьшал нормы содержания скота в личном подворье. Мало того, в конце 50-х годов партийное решение обязывало совхо-

зы за два-три года выкупить скот у своих работников. К «добровольной» продаже коров усиленно склоняли и колхозников. Увеличение поголовья общественного стада являлось составной частью плана трехкратного роста колхозно-совхозного производства. За пять лет наступления на частный сектор (1956–1961) рыночные цены на продовольствие подскочили на 30–40 %. Обобществление буренок провели в сжатые сроки, однако стадо колхозного крупного рогатого скота не увеличилось, а сократилось на 3 млн. голов. Содержать выкупленных животных было негде, кормить нечем, большая часть их шла на бойню. За идеалы коллективного труда в общем хозяйстве бездумно жертвовали чужими огородами, крестьянскими худобами, домашней птицей. Личные подсобные хозяйства рассматривались как резерв подъема экономики отстающих колхозов и совхозов. Летом 1963 г. Хрущев вновь обрушился на якобы раздувшиеся крестьянские хозяйства, теоретизируя о том, что к лучшей жизни следует идти не от личного, а от общего.

В результате в 1958–1964 гг. размеры приусадебных участков в колхозах сократились на 12 % (до 29 соток), в совхозах – на 28 % (до 18 соток), производство мяса и молока в личном хозяйстве упало на 20 %. 27 октября 1964 г. ЦК КПСС принял постановление об устранении необоснованных ограничений развития подсобных хозяйств. В конце года Госбанк открыл кредитование сельских тружеников на приобретение коров и телят. Но передышка была недолгой. В 1969 г. наступление на личное подворье возобновляется. В 1970 г. треть колхозников не имела своих коров, столько же – свиней, две трети – овец.

Вместе с тем в 70-е–80-е годы колхозы и совхозы превратились в важное условие развития личных хозяйств. Они обеспечили им возможность специализироваться на картофеле и животноводстве, выделяли пастбища и сенокосы, продавали сено, солому, сочные корма, зерно и хлеб на корм скоту, используя для этого миллионы гектаров угодий, на порядок больше того, чем располагали личные хозяйства. Несмотря на большие затраты физического труда, личное подворье существовало во многом благодаря экономическим, технологическим и организационным связям с общественным хозяйством.

Международное экономическое соревнование и развитие сельского хозяйства Примерно с середины 50-х годов колхозы и совхозы стали развиваться особенно интенсивно. За четыре года после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС заготовки зерна увеличились на 20 % (пшеницы – на 43), картофеля – 48, свеклы – 75, овощей – 79 %. Заготовки и закупки скота выросли на 48 % (свинины – в 3 раза), яиц – на 65 %, животного масла – на 68 %, молока и молочных продуктов – на 90 %. В мае 1957 г. Н. Хрущев заявил, что в ближайшие годы СССР не только догонит, но и перегонит США в производстве мяса, молока и масла на душу населения. Для этого надо будет в течение ближайших 15 лет удвоить-утроить производство в решающих отраслях сельского хозяйства и промышленности. Поставленная экономическая задача преследовала не только хозяйственные и социальные цели. Прежде всего предполагалось на практике доказать преимущества советского общественного строя перед капиталистическим.

В поисках средств усиления нажима на деревню в 1958 г. государство продало технику МТС колхозам. С преобразованием МТС кооперативно-колхозная собственность впервые была поставлена в один ряд с общенародной, но проделали эту операцию по-старому. Государство включило стоимость проданной техники в состав капиталовложений в сельское хозяйство. Колхозы сразу прогнулись от долгов. Еще до реорганизации было подсчитано, что даже при рассрочке платежей в 5–10 лет, во многих хозяйствах оплата трудодней снизится процентов на семь. Постановление же от 18 апреля 1958 г. предусматривало получение денег в максимально сжатые сроки. В итоге за 1958–1961 гг. задолженность колхозов государству выросла на 25 %. Откачка средств из деревни усиливалась ростом цен на сельскохозяйственные машины, запчасти и ремонтные услуги в 2–2,5 раза. В 1965 г. село переплатило за промышленную продукцию полмиллиарда рублей. От повышения закупочных цен на продовольствие в 1958–1959 гг. воздержались. На декабрьском (1959 г.) Пленуме ЦК партии Н. Хрущев заявил, что рабочие уже обижаются из-за увеличения заработка колхозникам. В результате в постановлении пленума было записано: «Оплата труда колхозников не должна опережать уровень

зарплаты рабочего данного района или области». В 1959 г. государство заготовило зерна меньше, чем израсходовало, животноводы недополучили 27 млн. т зернофуража. Тем не менее, путем многократного повторного счета, по производству молока и масла на душу населения Советский Союз превзошел США. 19 декабря 1959 г. Н. Хрущев признал, что задача догнать и перегнать США по мясу в ближайшее время невыполнима. И это несмотря на то, что в СССР, в отличие от Запада, в статистику включали субпродукты, сало, жир, мясо птицы, кроликов, лошадей, верблюдов и т.д. Причем не в убойном весе, а при продаже скота перед перегоном. Скупка скота личных подсобных хозяйств и убой молодняка колхозных ферм обеспечили в 1959 г. рост госзакупок мяса на 36 %. Особенно отличился Рязанский обком КПСС, замахнувшийся на выполнение 7-летнего плана в 2–3 года. Не хотели отставать и Тула, Курган, Воронеж, Краснодар. На короткое время мясо и масло появились в магазинах и снова исчезли. Объективно СССР имел возможности подтянуться к США по производству отдельных важнейших сельхозпродуктов. Потребление молока и масла в США сокращалось, основную часть сахара американцы ввозили, в избыточный товар превратились шерстяные ткани и т.д. В 1957–1961 гг. объемы американской экономики практически не росли. Однако и в СССР все отрасли сельского хозяйства, кроме льноводства, являлись убыточными. За 1955–1964 гг. планы закупок зерна выполнялись только трижды – в 1956, 1958 и 1964 гг. В 1961 г. своего урожая не хватило и зерно впервые за четыре десятилетия закупалось за границей. В 1963 г. страна вновь столкнулась с зерновыми затруднениями. Реальные площади целинных распахов были меньше объявленных, медленно росла урожайность в старых зерновых районах. Увеличилась нагрузка на животноводство, спрос на мясо-молочную продукцию почти повсеместно опережал предложение. По некоторым показателям, например, надоям молока на корову, в 1958–1964 гг. произошло снижение показателей. В сложившихся хозяйственных условиях выделенные государством на развитие сельского хозяйства средства не дали ожидаемой отдачи. С годами продовольственная проблема все более превращалась в политическую.

Предпосылки хозяйственной реформы готовились в процессе экономических экспериментов 50-х – 60-х годов на путях децентрализации управления, расширения прав хозяйствующих субъектов и реконструкции структуры народного хозяйства. В мае 1957 г. был принят закон об управлении промышленностью через Советы народного хозяйства (совнархозы), подчиненные непосредственно Советам Министров союзных республик. В РСФСР было создано 70 совнархозов, на Украине – 11, в Казахстане – 9, Узбекистане – 4, в остальных республиках – по одному. Одновременно упразднялось 141 министерство союзного, союзно-республиканского и республиканского подчинения.

Совнархозы позволили перенести решение многих хозяйственных вопросов на региональный уровень, освободиться от дублирования отдельных видов промышленного производства различными ведомствами, сократить затраты на неоправданные перевозки грузов. В рамках совнархозов произошло зарождение производственных объединений, возросла оперативность управления предприятиями и стройками. Первоначальные результаты деятельности совнархозов обнадеживали, однако вскоре обнаружились недостатки новой системы. Главным из них было то, что совнархозы управляли не отраслями, а группами предприятий. Набирали силу местнические тенденции при распределении продукции, возникли затруднения с осуществлением общегосударственного планирования, проведением скоординированной научно-технической политики, обмена опытом организации производства. В 1960–1963 гг. в индустрии прокатилась очередная волна преобразований: госкомитеты по отраслям промышленности, ответственные за разработку единой отраслевой политики, дробились, ликвидировались, занимались переделом функций, меняли подчиненность. Сами совнархозы укрупнялись, над ними надстраивались новые управленческие звенья (общесоюзные СНХ, ВСНХ и т.д.). С 1961 г. рост промышленного производства приостановился. Однако опыт совнархозов не ослабил внимания политического руководства к экономическим преобразованиям. Направление дальнейшего движения определила третья Программа КПСС (1961), которая подчеркивала роль экономических методов управления производством, возрастающее значение таких хозяйственных рычагов, как прибыль, цена, рентабельность. На основе этих про-

граммных установок на страницах научной и партийной печати развернулось обсуждение проблем экономического развития СССР. Оно показало, что широкая общественность поддерживает ориентацию на прибыль в качестве ведущего экономического показателя, передачу разработки производственных планов в рамках согласованных заданий непосредственно предприятиям, расширение прав предприятий по материальному поощрению своих работников, увязку премиальных выплат с рентабельностью, отказ от планирования по достигнутому уровню, преодоление штурмовщины и других негативных явлений советской экономики. В первые месяцы 1964 г. на ряде предприятий страны развернулось опытное внедрение новых систем премирования рабочих и служащих. Так, на швейных фабриках «Большевичка» (Москва) и «Маяк» (г. Горький, ныне – Нижний Новгород) за производственный ориентир взяли покупательский спрос и определили новые нормативы премирования трудящихся.

В первой половине 60-х годов к проблемам материальной заинтересованности работников и экономической выгоды предприятий неоднократно обращался Н. Хрущев. С 1962 г. обобщением опыта хозяйствования, анализом тенденций экономического роста и выработкой курса на обновление производственного потенциала занималась подкомиссия А. Косыгина. В середине 1964 г. ее итоговые документы поступили в Конституционную комиссию Верховного Совета СССР.

Решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС был закреплен переход к твердым планам заготовок сельхозпродуктов, плановые задания колхозам и совхозам снижались до реального уровня и провозглашалась самостоятельность планирования производства в пределах государственных заданий. Количество отчетных показателей, устанавливаемых сверху, ограничивалось, закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию повышались в 1,5–2 раза, вводилась льготная оплата сверхпланового урожая, снижались цены на запчасти и технику, уменьшались ставки подоходного налога на крестьян. Резкой критике на пленуме были подвергнуты ошибки и просчеты, допущенные в сельском хозяйстве «в последние годы». Мероприятия, намеченные мартовским пленумом и устранение перегибов, допущенных в сельском хозяйстве в предшествующее десятилетие, обеспечили колхозам и совхозам многомиллиардную выгоду.

Переломным моментом в становлении многоотраслевой экономической реформы явился сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК партии. Была восстановлена отраслевая система управления промышленностью, перестроен механизм планирования. Валовые показатели выпуска продукции уступили место объему реализованной продукции. Обобщающие результаты хозяйствования получили выражение в заработной прибыли. Из отчислений от прибыли на предприятиях создавались фонды развития производства и материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства.

В рамках единого государственного плана предприятия и объединения переводились на хозяйственный расчет. Вводилась оптовая торговля средствами производства, оптовые промышленные цены приближались к розничным. Положение о государственном предприятии расширяло права среднего звена управления в планировании и развитии производства. Количество отчетных показателей сокращалось, вместо валового выпуска устанавливались задания по реализации продукции. Натуральные показатели менялись на стоимостные, зарплата была поставлена в зависимость от перевыполнения плана, уровня рентабельности и размеров прибыли. Поскольку реформа не была единовременным актом, в 1970 г. на хозрасчет был переведен аппарат союзного Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления. В первой половине 70-х годов после ликвидации главков на двух-трехзвенную систему управления перешли угольная, нефтяная и химическая отрасли.

Предпринятые меры позволили увеличить темпы прироста валового общественного продукта и национального дохода, основных видов продукции промышленности и отраслей группы «Б», в частности, среднегодовой рост производительности труда составил 7,4 % (в предшествующей пятилетке – 5,8 %).

Основные недостатки реформы 1965 г.

Однако позитивные тенденции закрепить не удалось. Развитие экономики вновь замедлилось, реформа забуксовала. Как правило, исследователи отмечают два ее основных изъяна: непоследовательность (противоречивость принимаемых решений, отступления от линии материальной заинтересованности, единства интересов работника, предприятия и общества в целом) и некомплексность реформы (изменения в экономике вне связи с демократизацией производственных

отношений). Реформа предоставила предприятиям широкое поле для маневра, но не создала хозяина, поскольку господство государственной собственности и отчуждение работника от средств производства сохранялись. Конечно, передовики советской промышленности доказывали, что и при огосударствлении средств производства, при имеющемся технологическом оборудовании можно показывать образцы продуктивного труда. Очевидно, дело не столько в форме собственности, сколько в том, чтобы право собственности было неотделимо от права хозяйствования.

Не сработал ряд основных положений реформы. Во-первых, не всегда давал ожидаемые результаты принцип зависимости экономического стимулирования от темпов реализации продукции (валового показателя) и рентабельности. Там, где перспективы роста лимитировались потребностями народного хозяйства или количеством и качеством природных ресурсов, сразу возникали трудности с формированием фондов экономического стимулирования, а значит, и с внедрением научно-технических новшеств, которые финансировались из фонда развития производства. Во-вторых, сам принцип платы государству за производственные фонды как бы предполагал ограниченную ответственность и самостоятельность, ибо какой же хозяин будет себе в убыток копить машины, оборудование и т.п. В-третьих, оказалась преувеличенной, абсолютизированной роль прибыли – обобщающего экономического показателя, положенного в основу рентабельности.

Наиболее опытные экономисты сразу же, еще до сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, обратили на это внимание. Рядовой коммунист писал в Госплан СССР, что «развернувшаяся в стране дискуссия по вопросам совершенствования руководства и планирования промышленности не дала ощутимой пользы, более того – она приносит явно возрастающий вред». И он был прав, так как большинство участников дискуссии стремилось стимулировать получение сверхплановой продукции и сверхплановой прибыли, тогда как нормальная экономика должна отдавать предпочтение выполнению сложного и напряженного плана вместо перевыполнения желательного для предприятия «легкого» и прибыльного. Но первая тенденция взяла верх. При этом значительная часть предприятий индустриального сектора утратила побу-

длительные мотивы к совершенствованию производства, так как хозяйственники стали получать прибыль не методом повышения производительности труда, улучшения качества продукции, снижения издержек производства, а использованием таких источников, как необоснованное повышение цен, формальное обновление выпускаемой продукции, упрощение технологии при одновременном снижении качества изделий и др.

Целые отрасли с подвижной номенклатурой выпуска, с многотысячными коллективами рапортовали о своем преуспевании, соревновались, выполняли и перевыполняли планы, а в отчетах год от года все большее место занимала непроизведенная стоимость, за которую исправно начислялась зарплата и премии. Другими словами, реформаторы внедри-ли в хозяйственный механизм элементы инфляции. Это устраи-вало всех, кроме потребителя. Одни получали незарабо-танные деньги, другие, используя «резервы», обеспечивали себе бесхлопотное существование, стяжав славу опытных хо-зяйственников и организаторов производства, третьи, при благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре, избавля-лись от необходимости что-либо менять или совершенствовать. Плохо прикрытый обман государства (получение прибыли за непроизведенную продукцию) был бы невозможен без заинте-ресованности и попустительства со стороны самого государ-ства. Искусственное накручивание стоимостных объемов про-изводства путем двойного, тройного исчисления, превратилось в отлаженное производство прибыли, значительная часть ко-торой в виде налога с оборота (т.е. государственного дохода) оседала в казне.

Реформа оказалась не в ладах с научно-техническим про-грессом. Для обеспечения стабильной работы, гибкости и ма-невренности производства, его открытости новинкам науки и техники предприятию жизненно важен определенный резерв мощностей, а принятая система премирования нацеливала на полную загрузку производственного оборудования, так как даже при самом незначительном невыполнении напряженно-го плана понижала заработки.

Оставался открытым вопрос и об эффективном стимулиро-вании малых и средних предприятий, которые были наибо-лее отзывчивы к научно-техническому прогрессу, но их фон-

ды материального поощрения и развития производства объединялись в руках вышестоящего хозяйственного органа, что лишало их права самостоятельно распоряжаться прибылью. Да и в материально-техническом обеспечении реформа оставила приоритеты за индустриальными гигантами.

В условиях фактического сохранения затратного хозяйствования предприятия зачастую вынуждены были отказываться от внедрения нового, так как оно было связано с экономией — времени, материалов, труда, денег.

В мае 1965 г. на обсуждении основ реформы в союзном Госплане отмечалось, что «наша беда состоит... в том, что нет заинтересованности в проведении мероприятий, которые сказываются через длительное время, ради которых надо пойти на экономический риск... Если это не будет устранено, то новая система не будет действовать. Она даже может принести вред. Возьмем предложение о введении платы за фонды. Если материальная заинтересованность будет ограничена, как сейчас, месяцами, кварталами, в лучшем случае — годом, то каковы же результаты будут? Можно заранее сказать, что первое время они будут положительные и это будет радовать авторов системы... Уменьшится спрос на новые фонды, будет реализована часть избыточных продуктов. Пройдет время и там опять нужна новая техника, новое оборудование, которое нужно будет в больших размерах для того, чтобы пойти на покупку фондов, надо пойти на риск, а это будет бить по материальным интересам работников». Кроме того, сохранение поквартальной системы подведения итогов соцсоревнования тоже подрывало научно-техническое развитие производства.

Опытные хозяйственники видели просчеты в реформе. Б. Братченко, в то время министр угольной отрасли, предупреждал горняков, что без коренного изменения хозяйственной работы на предприятиях отрасль в самые ближайшие годы потеряет и ту небольшую рентабельность, которую она получила при пересмотре оптовых цен на топливо. Возглавлявший газовую промышленность А. Кортунوف также отмечал недостатки реформы, связанные с материальным поощрением трудящихся. Критические замечания по реформе делали и экономисты. В 1969 г., когда темпы народнохозяйственного развития еще шли в гору, они обратились к партийному и государственному руководству с письмом-предостережением:

без дальнейшего углубления реформы произойдет спад в развитии экономики. Подобные примеры можно было бы умножить, что свидетельствует о том, что реформа, провозглашенная в сентябре 1965 г., лишь подлатала старый хозяйственный механизм, но радикально не изменила его. Она подняла только верхний пласт резервов экономики, что обеспечило кратковременный рост отдельных показателей в развитии отраслей в годы «золотой» пятилетки, но не сумела направить их по пути стабильности.

Могло ли быть иначе, если весной 1969 г., когда развернулись дебаты по поводу цен, Председатель Совета Министров СССР заявил, что это сейчас не главный вопрос. Главным вопросом он считал то, что «министерства не почувствовали полной ответственности за продукцию, которая удовлетворяла бы народное хозяйство. Создается дефицит». Хозрасчет был таков, что тот рубль и ту копейку, в которые обходились эти общественные потребности, считать не хотели.

Создание топливно-энергетического комплекса страны В 60-е годы страна перешагнула из века угля в эпоху нефти и газа. Курс на перестройку структуры топливного комплекса был взят в 1956–1961 гг. Изменение отраслевых соотношений по пути опережающего развития углеводородного горючего отражали отход от экстенсивных методов ведения хозяйства в пользу его интенсификации. Перелом произошел в 60-е годы, когда общая добыча топлива выросла в 1,76 раза, нефти – в 2,4, газа – в 4,3 раза. Производство угля развивалось весьма медленными темпами (за 10 лет оно увеличилось на 16 %). В 1963 г. суммарная добыча нефти и газа впервые с СССР превысила долю угольного топлива, в 1965 г. их удельный вес в суммарной топливодобыче превзошел половину. Еще через три года не первое место в структуре топливно-энергетического баланса вышла нефть. Резко, на три четверти выросла производительность добычи минерального топлива, причем более половины прироста достигалось за счет структурного фактора – ускоренного подъема нефтяной и газовой индустрии. В отдельных регионах основой топливоснабжения стал природный газ. Хозяйство страны получило огромный экономический выигрыш от сокращения темпов разработки месторождений каменного и бурого угля, поскольку производительность труда в угледобыче ниже,

чем у нефтяников и газовиков (в 10 и 50 раз), а себестоимость топлива выше (в 6 и 34 раза). Один крупный газопромysel (около 450 рабочих) выдавал столько же топлива, сколько 30–50 шахт с 70 тыс. рабочих.

Развитие открытой добычи угля, расширение производства нефти и газа снизили затраты на 1 т топлива на 12 %. Внедрение природного газа в коммунально-бытовой сектор сдерживалось отсутствием необходимого количества магистральных трубопроводов и газораспределительных сетей. Эффективность добычи, транспортировки и использования газового топлива позволила в 60-е – в первой половине 70-х годов условно высвободить из топливного хозяйства около 800 тыс. чел. Только в 1959–1965 гг. затраты на газовую индустрию окупились дважды. Повышение удельного веса нефти и газа в топливном балансе лишь на 1 % сберегало обществу 950 млн. руб. Всего суммарная народнохозяйственная экономия в 1956–1970 гг. составила около 30 млрд. руб., тогда как общие затраты на нефтяную и газовую промышленность в тот период равны 30,1 млрд. руб. Угольная промышленность постепенно преодолела кризис начала 60-х годов, когда добыча почти не росла. В 1963–1964 гг. решено продолжать развитие заполярной «кочегарки» – Печорского угольного бассейна. Выросли объемы финансирования и других бассейнов. Во второй половине 60-х годов направления развития топливной промышленности были уточнены. Наша страна одной из первых в мире пересмотрела взгляд на уголь как неконкурентоспособное топливо. В 70-е годы можно говорить о складывании единого топливодобывающего комплекса на новой прогрессивной основе, с исчислением показателей по замыкающей отрасли (угледобыче).

Огромно социальное значение реконструкции топливно-энергетического комплекса. Широкое использование природного газа в технологических процессах способствовало упрощению производственных конструкций, повышению КПД агрегатов, улучшению качества продукции, снижению затрат на строительство. Оно принесло в промышленность улучшение условий труда, сокращение физического труда, более высокую культуру производства и экологическую защищенность крупных городов. Сельское хозяйство получило не только нефтепродукты для растущего парка тракторов, комбайнов,

автомобилей, но и вытесняемое из промышленности угольное топливо. Произошла так называемая минерализация топливоснабжения деревни. Сжиженный и сетевой природный газ использовали в быту около 100 млн. чел. В газифицированных жилищах годовая экономия свободного времени составляла 45 рабочих дней. Расход топлива на приготовление пищи снижался в 12 раз. По душевому потреблению газа в 70-е годы СССР уступал только США.

Важный аспект совершенствования отраслевой структуры заключался в отказе от пищевого сырья при производстве химических изделий (синтетического каучука, технического спирта, кормовых белков), расширении производства аммиачных удобрений и ядохимикатов, нетканых материалов и пр. Спрос на нефть и газ быстро рос и в других странах. В связи с этим сформировался устойчивый внешнеэкономический спрос на нефть и газ.

В 60-е годы геологоразведочные работы на нефть и газ развернулись по всей стране. В 1969 г. по доказанным запасам газа СССР обошел США. В 1983 г. Советский Союз вышел на первое место в мире по добыче газа. Свыше 30 % мировых запасов угля также было сосредоточено в СССР.

В начале 70-х годов Советский Союз был единственной страной, полностью базировавшей свое развитие на собственной топливно-энергетической базе. В процессе ее формирования было преодолено множество трудностей. В 50-е – 60-е годы изменение соотношений доли угля, нефти и газа происходило на базе месторождений горючих ископаемых европейской части страны. Истощение запасов в этом регионе привело к снижению и удорожанию приростов добычи. Уникальная по запасам Западно-Сибирская нефтегазовая провинция, открытая геологами летом 1964 г., принесла уверенность в долгосрочности политики совершенствования топливной индустрии. Если в 1960 г. почти вся нефть и газ добывались в европейской части СССР, то в середине 80-х годов две трети общесоюзной добычи нефти и более 60 % газа обеспечивала Западная Сибирь. В условиях отдаленных топливных баз развернулось создание новой отрасли – трубопроводного транспорта.

До конца 50-х годов строились изолированные магистральные газопроводы, затем началась прокладка перемычек для создания единой газоснабжающей системы европейской час-

ти Союза. Эта работа в основном была завершена в 1970 г. Были охвачены сотни месторождений, проложено более 60 тыс. км газопроводов. Топливная промышленность развивалась в целом настолько быстро, что вся экономика СССР стала зависеть от природного фактора. Резкое ухудшение обстановки в топливно-сырьевых областях в 1976–1985 гг. предопределили общее снижение экономической активности.

Развитие строительства В 50-е – 80-е годы в стране одновременно велось от 100 тыс. до 300 тыс.строек, материальные средства и силы строителей расплывались, начинался долгострой. Государство несло убытки, а конторы и управления стремились к освоению все новых и новых площадок, поскольку основной критерий оценки работы строителей (объем строительно-монтажных работ) расходился с конечной целью – возведением и сдачей готового объекта. В 1969 и 1979 гг. было предписано оплачивать труд строителей по конечному результату, но ведомства отстояли начисление зарплаты в доле от суммы освоенных денег. Работа бригады на один наряд была опробована в жилищном строительстве в подмосковном Зеленограде коллективом Н. Злобина, в промышленном строительстве – бригадой мурманских строителей В. Серикова. Подряд на возведение дома или выполнение какого-либо объема работ с распределением заработка по трудовому вкладу в середине 70-х годов применяли 16,5 % строительных бригад. Производительность хозрасчетных коллективов была на 15 % выше, чем в других бригадах, а себестоимость работ ниже. Подрядный метод использовался также в машиностроении и других отраслях (в Калуге, на Урале, в Тольятти). Его повсеместное внедрение сдерживала неспособность хозяйственного механизма точно и в срок выполнять обязательства по предоставлению фронта работ, обеспечению сырьем, материалами, машинами, оборудованием. Другими словами, эти коллективы в своем большинстве были поставлены в более благоприятные организационные условия, нежели их соседи. Разрушение «тепличного» эффекта на участках передовиков вело к сворачиванию массового бригадного подряда, выступлению «маяков» против расширения практики оплаты по единому наряду. А в 1985 г. так работала каждая вторая строительная бригада (48,7 %), ресурсов на всех не хватало.

Крупный прорыв в 50-е – 60-е годы был сделан в жилищном строительстве. Решения 1954–1957 гг. открыли дорогу индустриализации домостроения и широкому внедрению типовых проектов. На основе стандартных конструктивных схем трудоемкость возведения жилья снизилась примерно в 3–4 раза, стоимость строительства уменьшилась на 25 %, сроки сдачи – до 1,0–1,5 мес. В 1958 г. в повестку дня в качестве практической задачи был поставлен лозунг посемейного расселения. В конце 50-х – первой половине 60-х годов по темпам строительства и количеству вводимой площади СССР обогнал все капиталистические страны и вышел на первое место в мире.

В конце 50-х – первой половине 60-х годов по темпам строительства и количеству вводимой жилой площади СССР вышел на первое место в мире. Этому во многом способствовало широкое привлечение средств населения, за счет которых возводилась почти половина новых домов. Только в 20-е годы этот показатель был выше и достигал 90 %, в середине 80-х годов около 70 % жилищного строительства финансировалось уже из госбюджета. С 1956 по 1985 г. государственные капиталовложения в жилищное строительство выросли в 3 раза.

Развитие индустриального домостроения потребовало перераспределения фондов из производственной сферы в социальную, увеличения выпуска кирпича и цемента, битума и мягкой кровли, сантехники и лифтов. На рубеже 50-х – 60-х годов заново создавалась целая отрасль экономики. В разных концах страны один за другим поднимались домостроительные комбинаты, в середине 80-х годов насчитывалось свыше 600 таких предприятий. При этом основную часть расходов по эксплуатации жилфонда несло государство. Население оплачивало не общую (полезную) площадь коммунальных квартир, а только жилую их часть по расценкам 1928 г. Доля квартплаты в среднем заработке рабочего составляла примерно 5 % и была одной из самых низких в мире. Осуществление долговременной жилищно-строительной программы было отражено в Конституции СССР 1977 г., провозгласившей право советских граждан на жилище.

§ 3. Социально-экономическое положение страны в 70-е – первой половине 80-х годов

**Снижение
динамики
хозяйственно-
го развития
СССР**

Курс на укрепление социально-экономической стабильности советского общества, заложенный в основание политических решений с начала 70-х годов, обернулся отказом от обновления производительных сил. От пятилетки к пятилетке падали главные экономические показатели. Не радовала среднегодовая производительность труда по группе ведущих отраслей: 8-я пятилетка – 6,8 %, 9-я – 4,4 %, на исходе 10-й – уже 3,8 %. Статистика сигнализировала о замедлении в 70-е годы темпов роста национального дохода. Но и такая нисходящая поступательность сопровождалась снижением качества роста. Ударное финансирование «решающих» участков хозяйства в ущерб всем прочим деформировала экономику: производственная сфера подавляла хозяйственную периферию, тяжелая промышленность – легкую и т.д. Практически все товары попали в разряд дефицитных. Доля неудовлетворенного спроса в приросте личных сбережений увеличилась в 70-е годы примерно в 2,5 раза. «Пустые», или «горячие» деньги убивали торговлю, девальвировали ту часть труда, которая по определению не могла превратиться в товарные ценности. Через 10–15 лет либеральные публицисты скажут, что денежные сберегательные вклады старших поколений, якобы не заработаны. В конце 70-х годов натужное дыхание экономики было услышано специалистами, был составлен реалистический доклад правительству, но «опытные хозяйственники», 40 лет просидевшие в правительстве, вынесли по нему вердикт – анализ не состоятелен и не может быть взят за основу для директивных решений. Недовольство состоянием экономики вылилась в еще одну попытку обновления хозяйственного механизма методом частных реформ. Документом, определившим систему таких мер, стало принятое 12 июля 1979 г. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усиления воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Хотя провозглашалась ориентация производителей на конечный результат и на запросы потребителя, директивные задания ру-

ководящих инстанций остались краеугольным камнем планирования.

Наиболее серьезным структурным изменением в конце 70-х — начале 80-х годов был подвергнут аппарат управления аграрным сектором экономики. В феврале 1979 г. Совет Министров СССР утвердил положение о производственном объединении в сельском хозяйстве. Реально они стали функционировать с 1982 года. Суть изменений заключалась в том, чтобы объединить промышленные и сельские организации и предприятия и тем самым повысить производительность труда в сельском хозяйстве, уменьшить ведомственную разобщенность. Агропромышленные объединения напоминали в снятой форме совнархозы рубежа 50-х — 60-х годов. Как и большинство экспериментов того периода, они не смогли разрешить насущных проблем сельского хозяйства и к 1985 г. практически прекратили свое существование.

Просчеты экономической политики 70-х годов со всей очевидностью выявились в 11-й пятилетке, когда, даже по официальным данным, национальный доход стал сокращаться.

Неэффективность советского экономического механизма отразилась на структуре экспорта СССР. За 1970–1985 гг. доля топлива и энергоносителей в общем экспорте страны возросла с 15 до почти 53 %. Целое десятилетие ежегодные поступления в казну от реализации нефти и нефтепродуктов колебались на уровне 16 млрд. долл. Ресурсы нефтедолларов были исчерпаны в середине 80-х годов. Падение мировых цен на углеводородное топливо лишило отечественную экономику крупной валютной подпитки. Негативные последствия изменения международной хозяйственной конъюнктуры отягощались почти двукратным падением доли экспорта машин и оборудования в суммарном вывозе товаров из СССР за тот же пятнадцатилетний период.

Функции теневой экономики	Некоторые компенсирующие функции в народном хозяйстве СССР выполняла так называемая теневая («черная») экономика. Экономическая «тень» в СССР существовала всегда, однако наиболее заметна она стала после «оттепели» конца 50-х — начала 60-х годов. В 60–70 годы начала складываться прослойка врачей, помогавших больным по месту своей службы за дополнительную плату, укрепился рынок репетитор-

ских услуг в сфере образования, распространилась практика предоставления услуг по повышенным тарифам, в товарный оборот включался принадлежавший гражданам жилищный фонд. К середине 80-х годов треть спроса населения СССР на услуги погашалась частными лицами. При этом только четвертую часть незарегистрированных услуг специалисты относили к уголовно наказуемым. Остальные компенсировали неразвитость бытового и других секторов обслуживания населения. Тем не менее параллельная система поставила под сомнение одно из достижений советского строя — бесплатность образования, здравоохранения и жилья. В данном случае государство само генерировало эту часть теневого хозяйства, поскольку доля потребления в СССР в валовом национальном продукте была на треть ниже, чем в других странах. Восполнялась эта недостача доступными населению методами в основном без капитализации дополнительного заработка. Более того, само государство также было заинтересовано в существовании скрытых экономических форм поощрения и поддержки. С помощью приписок, составлявших по сведениям контрольных органов 1,5–3 % объема производства, выводиловки и других элементов фиктивной экономики проводились доплаты за тяжелые условия труда, его непрестижность, повышался минимальный уровень заработка. В «тень» были сдвинуты многие номенклатурные привилегии. Для себя и для других государство поставило строгий запрет: материальные средства и ценности, выведенные за рамки публичного хозяйства, не должны делать новые деньги и распространяться на средства производства. Посягательства на монополию в области финансов, предметов и орудий труда сурово карались по ст. 153 УК РСФСР до пяти лет лишения свободы с конфискацией имущества. Несмотря на это, директора предприятий укрывали от учета сотни тысяч тонн металла, дефицитных труб, тысячи километров кабельных изделий, создавали многомиллионные запасы оборудования. В обменные фонды хозяйственников входили топливо, кирпич, продовольствие, услуги. Неформальные отношения придавали гибкость системе карточного фондированного снабжения, повышали мобильность производства.

Оперативные хозяйственные связи вне государственного контроля способствовали также росту нетрудовых доходов,

превращению служебных кабинетов высоких должностных лиц в доходные места, выпуску и реализации «левой» неучтенной продукции, перераспределению доходов между социальными группами. Наряду с использованием деформаций хозяйственного механизма, теневые структуры занимались целенаправленной формовкой таких изъянов в аппарате управления, которые способствовали их обогащению. В полной мере результаты этой деятельности проявились в 80-е годы, когда накопления теневиков стали экспертно исчисляться суммами, сравнимыми с отдельными статьями годового дохода государства. По приблизительным оценкам капиталы теневой экономики в начале 80-х годов оценивались в 80 млрд. руб. Естественным продолжением происходивших в социально-экономической и духовной сферах процессов стал рост преступности. Только с начала восьмидесятых годов цифра преступлений возросла почти вдвое, в том числе разбоев и грабежей – в 2 раза, взяточничества – в 3. Наиболее пораженными коррупцией оказались торговля и сфера обслуживания. Пик преступности в доперестроечное время отмечается в 1984 г. Между тем в прессе и официальных документах шла речь о сокращении преступности.

Социальные процессы	Болезненные явления в сфере экономики непосредственно отражались на социальных процессах. Ручным и малоквалифицированным трудом было занято свыше 50 млн. чел., усиливалась уравниловка в зарплате и распределении материальных благ. Так, уровень оплаты квалифицированного и неквалифицированного труда к середине 80-х годов почти сравнялся, тогда как еще в 50-е годы внутриотраслевой разрыв между двумя категориями работников составлял в среднем три-четыре раза. Наблюдалось падение престижа сложного квалифицированного труда. Рост реальных доходов населения сокращался и к концу 70-х годов прекратился. Недостаточные усилия были в области улучшения жилищных условий, продовольственного снабжения, организации транспорта, медицинского обслуживания, образования. При росте с середины 60-х до середины 80-х годов национального дохода примерно в 3 раза, реальные доходы населения выросли чуть более чем в 2 раза. По неофициальным данным, средняя реальная заработная плата с 1970 по 1985 гг. снизилась на 20 %. Попытки увязать ее

рост с повышением производительности труда гасились низким товарным наполнением рубля. Опережающими темпами росли общественные фонды потребления. Однако если в 1970 г. заработная плата рабочих и служащих и выплаты и льготы из общественных фондов потребления соотносились как 74:26, то к 1987 г. это соотношение было равно 70:30. На практике это означало расширение сферы административного их распределения, у работника изымалось право самостоятельно распоряжаться заработанными средствами. В 70-е – 80-е годы советский рабочий получал в виде заработной платы лишь около трети стоимости созданного им продукта. Средства, отторгнутые из фонда потребления, направлялись в военно-промышленный комплекс, на «стройки века», вкладывались в «интернациональную помощь», «незавершенку».

Набравшая темпы урбанизация вела к росту количества городов и укрупнению масштабов городских поселений. Так, численность городского населения выросла со 136 млн. в 1970 г. до 180 млн. чел. в 1985 г. при сокращении за те же годы сельского населения со 105,7 млн. до 96,2. Горожане составляли уже почти 2/3, в отдельных республиках и регионах страны – до 3/4 всего населения.

Менялась социальная структура общества, увеличивались численность и удельный вес рабочих и служащих при соответствующем сокращении колхозного крестьянства. Так, рабочие в 1970 г. составляли 57,4 % населения, служащие – 12,1, колхозное крестьянство – 20,5 в 1987 г. – соответственно 61,8; 16,2; 12 %. При том, что к середине 80-х годов около 70 % населения имело высшее и среднее образование, качество подготовки специалистов часто не отвечало общественным потребностям.

Партия и общественные организации	Партия, этот становой хребет советской социально-экономической системы, продолжала разрастаться. Число ее членов к 1985 г. достигло 19 млн. В 70-е годы практически не оставалось промышленных предприятий истроек, колхозов и совхозов, учреждений и учебных заведений, в которых не было бы первичных партийных организаций. С 1971 по 1986 гг. их количество выросло с 369,7 тыс. до 440,4 тыс. По сути, все они были инструментом прямого вмешательства партии во все сферы общественной жизни, средством политического и идеологического контроля.

Разрастались не только партийные, но и государственные структуры. Новые министерства и ведомства появлялись почти каждый год. Если в октябре 1965 г. было образовано 29 общесоюзных и союзно-республиканских министерств, то уже к 1975 г. их насчитывалось 135, к середине 1980-х около 160. Каждое из них обладало разветвленным аппаратом. Увеличение аппарата управления, в котором работало к середине 80-х годов около 18 млн. чел. или около 1/7 части всего трудоспособного населения СССР, привело к тому, что он стал самым настоящим оплотом бюрократии.

Составным элементом этой системы были общественные организации. В 60-е – 80-е годы их число быстро увеличивалось. Наряду с профессиональными союзами и комсомольской организацией появилось много новых или «обновленных» объединений общественности. Это – Комитет советских женщин, Советский комитет защиты мира, Комитет молодежных организаций, советский Красный Крест и другие. В большинстве своем они являлись бюджетными организациями, а руководящие посты в них бронировались за партийно-государственной номенклатурой. Утрата элементов демократизма четко обозначилась и в профсоюзах, и в комсомоле, членство в них постепенно становилось формально-обязательным.

Кризис доверия к внешней и внутренней политике партии нарастал. Этот процесс несколько приостановился в связи со смертью в 1982 г. Л. Брежнева. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Ю. Андропов, долгие годы возглавлявший КГБ. Генеральный секретарь ЦК КПСС обладал, по сути, неограниченной властью, поэтому смена политического лидера страны означала чрезвычайно много. Жесткие административные меры по наведению элементарного порядка и возрождению на всех участках производства дисциплины труда были положительно восприняты широкими слоями трудящихся.

Критическое отношение Ю. Андропова к наследию Брежнева объяснялось желанием оздоровить, укрепить и модернизировать советский строй. В центр своей непродолжительной деятельности на посту Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. Андропов поставил преодоление догматических наслоений в марксизме-ленинизме, определение исторического места советского социализма, проблему реализации трудящимся прав хозяина в условиях государственной собственности.

§ 4. Укрепление международного положения страны

**Частичное
преодоление
наследия
начального
этапа «холодной
войны»**

Через несколько месяцев после смерти Сталина закончилась война в Корее. Советский Союз восстановил дипломатические связи с Израилем, прерванные в феврале 1953 г. Грузинская и Армянская ССР отказались от территориальных притязаний к Турции, Карело-Финская ССР завершила свою недолгую историю и на правах автономии вошла в РСФСР. Без какой-либо увязки с трудным германским вопросом в мае 1955 г. СССР подписал Государственный договор о восстановлении суверенитета Австрии. В том же году июльская встреча лидеров четырех держав-победительниц в Женеве обозначила потепление мирового политического климата, усталость народов от конфронтации. В апреле 1956 г. прекратило свою деятельность Информационное бюро коммунистических и рабочих партий Европы, что способствовало ослаблению раскола мирового сообщества.

В ответ на настойчивое обсуждение в 1950–1953 гг. Генеральной Ассамблеей ООН вопроса о германских и японских военнопленных СССР подготовил условия для установления прямых дипломатических, торговых и культурных связей с Западной Германией и Японией. В сентябре 1955 г. Москву посетил канцлер ФРГ К. Аденауэр. Стороны договорились о прекращении состояния войны, установлении дипломатических отношений и возвращении в Германию немецких военных преступников, осужденных в СССР. В октябре следующего года были нормализованы отношения с Японией. СССР отказался от всех репарационных претензий, согласился на репатриацию военнопленных японцев, осужденных в СССР, поддержал просьбу Японии о ее вступлении в ООН. Восстановление советско-японских дипломатических отношений сопровождалось согласием правительства СССР в случае подписания мирного договора между двумя странами передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. Исполнение взятого обязательства было заблокировано заключением в 1960 г. японо-американского соглашения о безопасности, выдвижением дополнительных территориальных претензий на острова Кунашир и Итуруп, нагнетанием русофобии в Японии.

В 1954 г. СССР вступил в ЮНЕСКО, организацию ООН по вопросам образования, науки и культуры и Международную

организацию труда (МОТ), в 1958 г. возобновил членство во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

**Отношения
со странами
народно-
демократичес-
кого блока**

В мае 1953 г. обозначилось сближение с Югославией. Через два года Н. Хрущев заявил в Белграде, что в Советском Союзе искренне сожалеют о конфронтации 1948–1953 гг. и решительно отмечают наслоения этого периода.

В подтверждение этого 2 июня 1955 г. Н. Булганин и И. Броз Тито подписали советско-югославскую декларацию, в которой провозглашались принципы неделимости мира, независимости мирного сосуществования от идеологии и различий в общественном устройстве; невмешательства во внутренние дела, несмотря на любые экономические, политические, идеологические причины; признания права народов самостоятельно выбирать конкретные формы развития социализма, отказ от враждебной пропаганды и дезинформации, осуждения агрессии и борьбы за политическое и экономическое господство над другими странами. СССР предоставил Югославии кредиты под сырьевые поставки из СССР на строительство химических заводов. На XX съезде КПСС (февраль 1956 г.) выводы о многообразии форм перехода различных стран к социализму, необходимости мирного сосуществования и появившихся возможностях избежать войны, были закреплены в партийных документах. Основные внешнеполитические тезисы КПСС оспорили китайские коммунисты. Они также не согласились с политической оценкой деятельности Сталина и, вопреки упреждениям советских специалистов, провозгласили теорию «большого скачка» в экономике. В начале 60-х годов из-за идеологических разногласий и взаимной необоснованно резкой критики, обвинений советской стороны в обуржуазивании, ревизионизме и т.п. СССР временно прекратил экономическую помощь Китаю. Между двумя компартиями развернулась открытая борьба, а в 1963–1965 гг. КНР выдвинула территориальные претензии на 1,5 млн. км² азиатской части СССР. В Пекине полагали, что вооруженные столкновения с империалистами неизбежны, а в результате ядерной войны восторжествует мировой социализм. Во имя торжества идеалов китайского коммунизма допускалась гибель в ядерном пекле миллионов людей. Подобные взгляды представляли серьезную угрозу человеческой цивилизации. При поддержке Советского Союза в КНР были со-

зданы первоклассные предприятия по производству реактивных истребителей «МиГ», современных бомбардировщиков «Ту-16» и артиллерийских систем. Китайские специалисты были ознакомлены с советскими достижениями в области ядерных технологий. СССР передал своему азиатскому союзнику лицензии, техническую документацию и боевые образцы баллистических ракет наземного и морского базирования, противокорабельных и зенитных ракетных комплексов и другой военной техники. В середине 60-х годов китайские заводы наладили выпуск собственных ракет средней дальности. В КНР высоко ценили созданный военно-промышленный потенциал и не собирались разоружаться впредь до полного уничтожения капитализма. «Леваки» из ЦК КПК выступали за поддержку национально-освободительных движений извне, превращение общедемократических международных профессиональных, женских и студенческих организаций в чисто коммунистические. Настроения маоистов нашли отклик в ряде стран Латинской Америки, Азии и Африки, что означало появление второго центра мирового коммунистического движения.

**Политика
«кризисной
дипломатии»**

Советская международная доктрина предусматривала активный поиск взаимопонимания со всеми государствами, однако в период тройственной агрессии Англии, Франции и Израиля против Египта (конец октября – начало ноября 1956 г.) СССР решительно потребовал прекратить вторжение. В советском послании премьер-министру Англии А. Идену говорилось: «В каком положении оказалась бы сама Англия, если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного истребительного оружия. А ведь такие страны могли бы в настоящее время и не посылать к берегам Англии военно-морского или военно-воздушного флотов, а использовать другие средства, например, ракетную технику». Чтобы не было сомнений в серьезности намерений Советского Союза заявлялось: «Мы полны решимости применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Ближнем Востоке». Аналогичная нота была передана французскому премьеру. На грани военного поражения Египта боевые действия были прекращены. Суровым испытанием для внешнеполитической доктрины СССР стали венгерские события конца октября – начала ноября 1956 г. Восстание против навязанной Венгрии советской модели социализма было по-

давлено с помощью силы. Военно-политическая стабильность послевоенной Европы была сохранена.

Суэцкий кризис положил начало так называемой «кризисной дипломатии» Н. Хрущева, при которой разрешение противоречий сторон происходило не до кризиса, а в ходе его развития. Примерами такой политики являются также Берлинский кризис в октябре 1961 г. и Карибский ракетный кризис октября 1962 г. Размещение 42 советских ракет на Кубе и ответный американский «карантин» поставили мир на порог термоядерной войны. Советское правительство заявило 23 октября 1962 г., что «если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар» и привело Вооруженные Силы СССР в состояние повышенной боеготовности, направило часть Военно-Морского Флота к берегам Америки. Участникам конфликта удалось согласовать механизм разрешения кризиса и избежать непоправимых роковых последствий для мира.

**Политика
публичной
дипломатии**

В 1954–1964 гг. советские руководители посетили десятки столиц государств Европы, Азии и Америки. Визиты в Москву нанесли видные политики и предприниматели США, Англии, Франции, ФРГ, Италии, Югославии, Китая, Индии, Египта, Индонезии и многих других стран. Политика публичной дипломатии на уровне двухсторонних отношений, предложенная миру в середине 50-х годов, была продолжена в Организации Объединенных Наций. Дважды, в 1959 и 1960 г., Н. Хрущев участвовал в заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, где от имени СССР поставил на обсуждение проблему всеобщего разоружения, предложил декларацию о представлении независимости колониальным странам и народам, выступил за выборы трех генеральных секретарей ООН – от капиталистических, неприсоединившихся и социалистических государств, за прием в члены организации Китайской Народной Республики. В 50-60-е годы СССР преодолел недооценку политической роли стран третьего мира, в практику советской дипломатии впервые широко вводились экономические инструменты взаимодействия с ними.

Приверженность политике мира подкреплялась твердой линией на защиту суверенитета СССР. В 50-е – первой половине 60-х годов в воздушном пространстве СССР (в Закавказье, на Севере, Дальнем Востоке и на Урале) было сбито 39 американских самолетов. Советское правительство добилось прекраще-

ния американских полетов над СССР, вывода в 1963 г. американских ракет средней дальности из Турции и Италии. Укреплению мира способствовало заключение в Москве 5 августа 1963 г. Договора между СССР, США и Великобританией о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой и соглашение о нераспространении ядерного оружия (1964).

В целом СССР удалось достичь снижения накала «холодной войны» и упрочить свое положение одной из двух мировых сверхдержав.

**Международное
положение во
второй полови-
не 60-х — нача-
ле 80-х годов**

К середине 60-х годов сравнительно с первыми послевоенными годами мир оказался в существенно изменившейся ситуации. Обозначившиеся тогда противоречия между союзниками по антигитлеровской коалиции вылились теперь в жесткое противоречие двух

оформившихся общественно-политических систем. Восточная Европа находилась под полным контролем СССР, тогда как Западная — в прочном военно-политическом и экономическом союзе с США. «Холодная война» была в самом разгаре. Основным объектом борьбы «социализма» и «капитализма» являлись страны «третьего мира», образовавшиеся на развалинах мировой колониальной системы. СССР и США, стоявшие за ними основные военно-политические блоки НАТО и Организация Варшавского Договора, избегали прямой военной конфронтации. Однако соперничество за влияние в развивающихся странах оставалось весьма острым, и нередко приводило к локальным военным конфликтам.

Соревнование двух систем разворачивалось и в экономической сфере, причем в 60-е — 80-е годы оно становилось все более жестким. Запад имел в нем явное преимущество: выгоднее были стартовые позиции, причем в США в годы второй мировой войны экономический потенциал значительно вырос. Более совершенной была и система кооперации развитых стран, тогда как в «социалистический блок» входили, помимо СССР, страны, игравшие несущественную роль в мировом хозяйстве, многие из которых понесли огромный ущерб в годы войны. Затяжное формирование механизма международного разделения труда в рамках СЭВ мешало координации народнохозяйственных планов и осуществлению совместных проектов. В результате уже в середине 80-х годов в Западной Европе уровень международного разделения труда оказался на порядок выше, чем в Восточной. Крупным ша-

гом вперед в интеграции стран СЭВ явилась принятая в 1971 г. комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества, рассчитанная на 15–20 лет. Наиболее масштабными совместными экономическими проектами были строительство нефтепровода «Дружба» и газопровода «Союз», участие союзных стран в освоении сырьевых ресурсов Сибири и Средней Азии, строительство промышленных предприятий в разных странах. Советский Союз поставил в восточноевропейские страны в 1965 г. 8,3 млн. т. нефти, в 1975 г. – около 50 млн., а к началу 80-х годов – 508 млн. т. Цены на советскую нефть были значительно ниже мировых цен, так как СССР взял на себя обязательство поставок сырья по более низким расценкам.

Активно развивалось сотрудничество в рамках организации Варшавского Договора (ОВД). Почти ежегодно в 80-е годы проводились общие маневры, в основном на территории СССР, Польши и ГДР.

Частичные реформы «советской модели социализма» ни в одной из стран восточноевропейского блока не привели к качественному росту эффективности производства.

Реакцией на кризис «советской модели социализма» в странах Восточной Европы и события «чехословацкой весны» 1968 г. явилась так называемая «доктрина Брежнева». Главное ее содержание составила «теория ограниченного суверенитета» социалистических стран. Она была провозглашена Генеральным секретарем ЦК КПСС на V съезде Польской объединенной рабочей партии в ноябре 1968 г. Ее выдвижение свидетельствовало о том большом внимании, которое уделялось внешней политике в конце 60-х – начале 70-х годов.

«Доктрина Брежнева» признала наличие слабых звеньев в социалистическом фронте, возможность реставрации капитализма в силу объективных трудностей и ошибок субъективного характера, вероятность войны с империалистическим окружением, чрезвычайность такой акции как военная помощь дружественной стране в защите социалистического суверенитета. Л. Брежнев подчеркнул, что суверенитет социалистического государства есть общее достояние всех марксистов-ленинцев: «Когда возникает угроза делу социализма в одной стране, угроза безопасности социалистического сотрудничества в целом – это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран». Политика «невмешательства», по

его мнению, прямо противоречила интересам обороны братских государств. Для того чтобы не уступить, не отдать буржуазии ни грана завоеванного, не допустить отступления от марксизма-ленинизма требуется прочно придерживаться «общих закономерностей социалистического строительства».

Термин «доктрина» как система установок не прижился в советском внешнеполитическом лексиконе, его нет ни в одном официальном партийном или государственном документе. Но существование «доктрины Брежнева» никогда не опровергалось политическими руководителями СССР, поскольку она расширяла содержание коренного идеологического постулата КПСС — «принципа пролетарского интернационализма». В то же время «доктрина Брежнева» выражала политику, нацеленную на закрепление территориально-государственного устройства в Европе послевоенного периода.

Попытки народно-демократических преобразований подавлялись как извне (введение войск стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г.), так и изнутри (движение «Солидарность» в 1980–1981 гг. и его запрет с введением военного правления в Польше).

Китайский вариант реформ образца 50–60-х годов обусловил жесткую конфронтацию СССР и КНР. В 1969 г. на советско-китайской границе произошли вооруженные столкновения (в районе о. Даманский и др.). Лишь после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и смерти Брежнева в 1982 г. отношения между двумя странами нормализовались. К маоистскому течению в период после «пражской весны» добавился «еврокоммунизм», провозглашавший автономию национальных компартий, приоритет национальных ценностей, отрицание «диктатуры пролетариата» и утверждение демократических механизмов прихода к власти и руководства обществом. Авторитет социализма оставался высоким преимущественно в тех странах третьего мира, которые получали военно-финансовую и техническую помощь СССР. Для Советского Союза это была еще одна статья огромных расходов в ущерб собственным экономическим и социальным программам.

Отношения с капиталистическими странами	Взаимосвязи с развитыми капиталистическими странами постепенно приобретали все более конструктивный характер. С середины 60-х годов начали улучшаться отношения с Францией, что стало отправным моментом для политики разрядки, осо-

бенно в Европе. Последовавшие затем соглашения с ФРГ получили развитие в ряде договоров европейских государств. К середине 70-х годов к процессу нормализации отношений с СССР ненадолго присоединилась Англия. Особое значение имело Общеввропейское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе в Хельсинки в 1975 г. Активизировались переговоры по ряду конкретных проблем, связанных с ограничением вооружений. В 1972 г. была подписана, а в 1975 г. вступила в силу конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсического оружия и об их уничтожении — первая в истории международных отношений реальная мера по разоружению.

В 1973 г. в Вене начались переговоры 19 государств о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Обсуждение строилось на принципах равенства обязательств, ненанесения ущерба безопасности какой-либо из сторон, отказа от односторонних военных преимуществ.

Значительный прогресс был достигнут в советско-американских отношениях. В ряде соглашений, положивших начало процессу разрядки международной напряженности, согласовывались принципы советско-американского взаимодействия в сфере стратегических вооружений, снижавшие угрозу войны. В 1974 г. был подписан договор об ограничении испытаний ядерного оружия под землей.

Во второй половине 70-х годов разрядка напряженности пошла на убыль. В 1979 г. США создают «силы быстрого развертывания», провозглашают «новую ядерную стратегию» со ставкой на «упреждающий» удар. Очевидной ошибкой политического руководства СССР было введение в 1979 г. «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан.

В целом, в 70-е — первой половине 80-х годов советская дипломатия добилась существенных успехов. Однако политическое руководство не сумело политически использовать достижение военно-стратегического паритета с США и результаты разрядки для радикального обновления советского общества. Более того, нередко активная внешняя политика была обременительна для страны и сдерживала поступь экономики в целом.

§ 5. Наука, образование, культура и идеологическая практика

Развитие науки и техники. Научно-техническая революция

В июне 1955 г. Председатель Совмина СССР Н. Булганин публично заявил, что страна с 2–3-летним опозданием стоит накануне особо-го этапа, далеко превосходящего по своему значению промышленные революции, вызванные появлением пара и электричества. Впервые упомянутая в Советском Союзе НТР уже меняла представления о мире, делала его меньше, усиливала взаимозависимость стран и континентов, создавала новые отношения вчерашних равновеликих держав. Вместе с тем, переход к НТР не был одномоментным. В ряде ключевых направлений научно-технического прогресса Советский Союз еще в 1950-е годы оказался на уровне или впереди лучших мировых достижений. Такая материально-вещественная их реализация как первая советская ЭВМ (1949), первая в мире АЭС (1954), запуск первого искусственного спутника планеты (1957), начало эксплуатации атомного ледокола «Ленин» (1959) стали выдающимися победами отечественной научной и инженерной мысли. Каждое из названных достижений опиралось на широкий круг уникальных теоретических разработок. При осуществлении ракетно-космических программ были созданы новые специальные виды топлива, жаропрочные конструкционные материалы, исключительно надежные приборы управления, средства радиосвязи и телеизмерений, миниатюрные радио-детали, солнечные батареи. Тем не менее, первые ЭВМ, АЭС, спутники и другие крупные научно-технические достижения 50-х годов больше принадлежали фундаментальной и экспериментальной науке, экономическое их значение было весьма ограниченным. Так, и первая в мире атомная электростанция, и первые электронно-вычислительные машины начала 50-х годов были экономически убыточны. Автоматическое производство по изготовлению автомобильных поршней оказалось самым расточительным способом выпуска этих деталей.

Лишь в начале 1970-х годов впервые была поставлена задача перехода от отдельных, пусть даже блестящих завоеваний науки и техники к широкому освоению новинок НТР в народном хозяйстве и выхода советской индустрии на качествен-

но новый технический уровень, «соединить достижения НТР с преимуществами социализма». Новые орудия и средства труда, новые источники энергии ознаменовали полномасштабное вступление в НТР тогда, когда произошел переход к стадии их технически и экономически целесообразной эволюции. Так, ввод в промышленную эксплуатацию атомных энергоблоков и прочное положение АЭС в энергетике относится к концу семилетки. В 1963–1964 гг. были пущены Белоярская АЭС им. Курчатова и Ново-Воронежская АЭС. Мощность каждой из них по сравнению с Обнинской станцией возросла в 20 раз и достигла 100 тыс. кВт. Пуск АЭС на Урале и в центре России доказывал большое значение атомных электростанций как промышленных энергетических предприятий. Если первенец атомной энергетики 1954 г. назывался экспериментальной АЭС Академии наук, то Белоярская и Ново-Воронежская АЭС вошли в состав Министерства энергетики и электрификации СССР. Именно в то время началось формирование отраслевого отряда рабочих и служащих, занятых в атомной энергетике, число которых к середине 1990-х годов возросло почти до 2 млн. чел. Период создания и освоения промышленных АЭС – отправная точка революционных изменений в индустриальной энергетике. Аналогичные этапные отметки в развитии других отраслей и направлений (освоение космоса, электронно-вычислительная техника и т.д.). Первые искусственные спутники Земли прикладного назначения были выведены на орбиту уже в середине и второй половине 60-х годов: «Молния», «Метеор», спутники серии «Космос». Несомненно, что запуск первого спутника Земли 4 октября 1957 г., полет Ю. Гагарина в космос 12 апреля 1961 г., другие достижения отечественной космонавтики явились большой победой советской науки. Огромная заслуга в этом принадлежит отечественным ученым под руководством академика С. Королева. Космические исследования способствовали развитию различных направлений науки и техники, постепенно приобретая прикладное значение. С начала 70-х годов средства на космонавтику стали выделяться тем же порядком, что и на развитие других народнохозяйственных отраслей.

Даже на примере космонавтики, казалось бы далекой от непосредственных нужд экономики сферы научно-технического прогресса, видно, как постепенно – и радикально – воз-

растала связь науки с практикой. НТР вызвала ускоренное развитие отраслей науки, непосредственно связанных с народным хозяйством. Внедрение в производство новых технологий и более совершенной техники приносило большой экономический эффект.

Изменения охватили самые разные направления НТР. Через 13 лет после появления первой советской цифровой вычислительной машины в СССР начинается серийный выпуск транзисторных вычислительных машин, а еще через два года (1964) ламповые модели снимаются с производства. Настоящий переворот в производстве ЭВМ произошел на рубеже 60–70-х годов на основе новой элементной базы, появления микропроцессоров и сложных интегральных схем – вычислительная техника третьего-четвертого поколений впервые соединила в себе компактность, быстродействие, относительную дешевизну, стала доступной значительному кругу учреждений, предприятий, организаций. Это было событие исключительного значения. Не случайно создание производственных АСУ начинается через 20–30 лет после появления первых опытных и серийных образцов вычислительной техники в 1948–1953 гг.

Большинство обществоведов ищет истоки научно-технической революции в рабочей машине, давшей толчок промышленной революции конца XVIII – начала XIX вв., непосредственно воздействующий на предмет труда и преобразующий его. В современных условиях электронная техника преобразует так называемый мягкий товар, или же предмет труда – информацию и, таким образом, ЭВМ также может рассматриваться как рабочая машина. Следовательно, ЭВМ также может внести революционные изменения, особенно на первом этапе НТР. В целом же микропроцессорная революция создала предпосылки для появления новой нематериальной отрасли общественного производства (программостроение, накопление «ноу-хау» и т.д.). Под воздействием НТР границы народного хозяйства все больше расходятся с границами традиционного понятия «общественное производство». Полностью соответствуют тезису «открытие без применения не дает революционного сдвига» представления о глобальности НТР. Запуск первого спутника в октябре 1957 г. не только дал миру новое средство коммуникативности – земной шар превратился в общий дом. Дальнейшее развитие носило следы разновременности и выявило новую сторону НТР как глобального процесса: на-

брав силу «у них», она сделала неотвратимыми перемены в социально-экономических структурах у нас. Однако опосредованное воздействие НТР может вполне проявиться лишь после того, как революционные изменения в науке, технике, производстве произошли в наиболее индустриально развитых странах. Так как это имело место в 60-х годах, то и в СССР опосредование не могло возникнуть раньше 60–70-х годов, исключая военно-техническую область. Отметим также сложившиеся в 40-х – 60-х годах приоритеты в промышленном освоении достижений НТР. Преуспев в запуске искусственного спутника Земли, наша страна уступила в области телевидения, транзисторов, компьютеров, радаров, полимеров, лазеров, станков с ЧПУ, роботов и т.д. Счет промышленным АЭС также открыла зарубежная индустрия.

Дополнение критериев развертывания научно-технической революции требованиями массового освоения в народном хозяйстве новинок НТР, относительного и абсолютного удешевления наукоемкой продукции позволяет отнести начальный этап НТР в СССР к 60-м – началу 70-х годов.

В начальной, неразвитой фазе, НТР выявляет прежде всего свои технические и экономические слагаемые (научные же формируются как их предпосылки и органично входят в основу НТР). На более зрелой ступени эволюции научно-технической революции на первый план входит еще один, пожалуй, коренной критерий НТР – социальный. Современная научно-техническая революция – не только и не столько изменения в науке или технической оснащенности, сколько глубочайшее социальное преобразование, так как всякая революция является таковой лишь в той мере, в какой она изменяет общество. Вне человека и общества термин «революция» лишен смысла. В связи с этим нельзя не отметить порочность методологического приема, закрепившегося в общественном сознании при изучении НТР – вычленении проблемы социальных последствий научно-технической революции, что ведет к утрате комплексности понятия «НТР», лишает ее одной из сущностных средств.

НТР в военной сфере сразу же заявила о своем глобальном характере. Новое оружие массового уничтожения и неведомые дотоле уникальные средства его доставки превратили науку в планетарную силу, объединившую различные страны и континенты. Все стали соседями, особенно остро про-

явилась взаимозависимость мира. Вместе с тем появление атомного оружия и его применение резко ухудшило геополитическое положение Советского Союза. Дороговизна нововведений ограничивала развитие НТР в широком объеме, поэтому очень быстро сложился узкий круг держав с особо весомым голосом в мировом сообществе.

В середине 50-х – 60-е годы росло число научно-исследовательских учреждений и количество научных работников. В области фундаментальных исследований имелась возможность опереться на высокий научный потенциал, созданный в Советском Союзе в 30-е – 40-е годы. Этот раздел науки оказался наиболее защищен от произвола сталинизма. Хотя первую в мире АЭС строила страна со средним пятиклассным образованием, по доле молодежи, обучавшейся в вузах, СССР был на третьем месте в мире после США и Канады, целая плеяда выдающихся российских ученых удостоилась Нобелевской премии: по химии – Н. Семенов (1956), по физике – П. Черенков, И. Франк, И. Тамм (1958), Л. Ландау (1961), Н. Басов и А. Прохоров (1964). Были достигнуты большие успехи в развитии кибернетики, ядерной физики, астрофизики, в исследовании космоса, в изучении земной коры и морских глубин. Количество нобелевских лауреатов было обратно пропорционально степени секретности изучавшихся проблем.

В годы «холодной войны» в России создавались целые наукограды, трудившиеся почти исключительно на оборону, например, Арзамас-16, носивший в разное время имена Кремлев, Арзамас-75, Шатки-1, Москва Центр-300, а бывший глубинным русским городом Саровом (ВНИИЭФ), Челябинск-70 (ВНИИТФ). Семья номерных городов-спутников быстро разрасталась: Красноярск-26 (Железногорск), Пенза-19, Томск-7 (Северск), Челябинск-65 (Озерск), Свердловск-45 (Лесной), Златоуст-36 (Трехгорный), Заречный, Зеленогорск, Новоуральск, Снежинск и т.д. Во второй половине 50-х – начале 60-х годов предпринимается масштабная попытка приближения науки к производству с переброской сложившихся научных коллективов и высших учебных заведений в провинцию. С 1957 г. близ Новосибирска создается Академгородок, число научных сотрудников в котором росло вплоть до 1991 г. Академики М. Лаврентьев, С. Христианович и их соратники сделали ставку на привлечение в научный центр талантливой молодежи, развитие фундаментальных исследований,

прочные и широкие связи НИИ с производством посредством опытных и экспериментальных баз и конструкторских бюро, включением в структуры университета физматшколы и прочих образовательных учреждений. Такая структура Академгородка облегчала реализацию принципиально новых идей. Собратья Новосибирского академгородка появились в Иркутске, под Москвой, в Екатеринбурге. В 1960 г. на месте окской деревни Пущино появился первый подмосковный наукоград. Усилиями выдающихся отечественных ученых — академиков Несмеянова, Иерусалимского, Белозерцева в короткие сроки создан мощный биологический центр с 8 НИИ и информационно-вычислительным комплексом. Пущинские ученые были удостоены многих самых высоких отличий, в том числе двух Ленинских, 12 государственных и других премий. С 1966 г. в Пущине развернули работы по радиоастрономии. Через некоторое время Пущино стало одним из 30 наукоградов Подмосквья (Троицк, Черноголовка, Дзержинск и др.). В отличие от Новосибирска эти и другие научные центры не имели производственных мощностей прикладного назначения и непосредственного выхода научных изысканий в практику.

Запуск первого в мире искусственного спутника Земли вызвал большой международный резонанс, в США даже была создана специальная комиссия по изучению причин отставания Америки в этом плане. Расследование пришло к заключению, что расходы СССР на образование составили в 1950 г. 10 % национального дохода, тогда как в США — 4. За океаном выделили на образование крупные суммы по федеральному и местным бюджетам, наметили создание 100 новых научных центров, разработали меры по привлечению и финансированию будущего частных фирм. В результате расходы США на образование в 1975–1985 гг. росли в 3 раза быстрее национального дохода и достигли 12 % его общей суммы. СССР, напротив, оказался единственной развитой страной, в которой расходы на образование отставали от роста национального дохода. К середине 80-х годов эти затраты составляли всего 7 % от его объема. С 1975 г. темпы роста численности работников науки начали снижаться. Медленно улучшались качественные характеристики подготовки занятого населения. В 1975 г. расходы СССР на науку составляли 74 % от расходов США, тогда как в 1980 г. — 68, 1986 г. — 58%. Доля Советского Союза в миро-

вых затратах на науку в 1975 г. составляла все-таки 21 %, но в 80-е годы упала до 12 %. Медленно улучшались качественные характеристики подготовки занятого населения. Средний уровень образования занятых в народном хозяйстве увеличился с 6,7 лет в 1959 г. примерно до 10 лет в середине 80-х годов (при затратах на образование 12–14 лет, желательных для современного этапа НТР).

Специалисты оказались ахиллесовой пятой отечественной НТР. Анализ аварий на советских АЭС показал, что треть всех нештатных ситуаций, представлявших опасность для населения, была связана с низким уровнем подготовки персонала. По ряду дополнительных характеристик инженерный корпус имел невысокие показатели. В 50-е годы зарплата советского инженера почти вдвое превышала заработок среднего рабочего и была выше оклада конторского служащего, что соответствовало мировым тенденциям. Однако темпы роста заработной платы рабочих значительно выросли, и в 70–80-е годы во многих отраслях отечественной промышленности инженер получал меньше рабочего. Дипломированные специалисты все чаще уходили на рабочие должности (в 1983 г. цифра эта увеличилась по сравнению с 1970 г. в 6 раз). В первой половине 80-х годов среднемесячная зарплата ИТР в промышленности была выше зарплаты рабочих в среднем на 11 %, т.е. вдвое меньше оптимального расхождения. В строительстве ИТР зарабатывали меньше рабочих. Таким образом, подрывались основы нормального развития НТР. Тем более, что и рабочие получали немного. Доля заработной платы и социальных отчислений в затратах на промышленное производство составляла 14 % (в США – 35 %). При столь дешевой рабочей силе дорогостоящее оборудование окупалось лишь в течение века при необходимости завершения цикла в 7–8 лет. Вакансии ИТР все чаще заполнялись женщинами (40 % в СССР, 6 % в США), не всегда справлявшимися с жестким ритмом инновационных процессов. Недостаток обслуживающего персонала почти на 80 % превращал инженера в управленца, занятого организационно-экономическими вопросами. В результате, превосходство СССР над капиталистическими странами в количестве ИТР и научных сотрудников сводилось на нет. И хотя Советский Союз внес весомый вклад в решение общецивилизационных проблем человечества, постепенно эффективность советской на-

уки падала. Подсчеты науковедов показали, что на 60-е годы приходится пик научных открытий в СССР за послевоенный период — 46 % (34 % — на 50-е годы, 18 % — на 70-е годы, 2 % — на 80-е годы.). В начале 70-х годов 25 % достижений мировой науки приходилось на СССР (через 20 лет — 10%). Устойчивые традиции русской научной школы успешно подкреплялись эффективной системой среднего и высшего образования, сложившейся в СССР в 50-е годы. Первое удвоение численности научных кадров в СССР произошло в 50-е годы, второе — в 1960–1967 гг.

В 70-е годы СССР стал терять ранее завоеванные позиции в сфере освоения космоса (США осуществили престижный проект высадки на Луну, а в 80-е — первыми создали возвращаемый на Землю космический корабль многоразового использования), в самолетостроении, ряде других отраслей науки и техники. Далеко позади СССР оказался в области компьютеризации. Даже традиционная политика опережающего развития военных отраслей с максимальной концентрацией в них материальных и кадровых ресурсов в новых исторических условиях стала давать сбои, так как эти отрасли все больше зависели от общего технологического уровня народного хозяйства, от неэффективности экономических механизмов.

Развитие НТР и даже элементов научно-технического прогресса более ранних стадий сдерживалось действовавшим экономическим механизмом, что имело весьма негативные последствия и для развития производительных сил общества, и для социальной сферы. В середине 1980-х гг. свыше 50 млн. чел. в промышленности, строительстве и на транспорте были заняты ручным трудом, характерным для доиндустриальных технологий. Продолжавшийся количественный рост работников материального производства отражал низкий уровень производительных сил, не соответствующий современным требованиям.

Народное образование	Научно-технический прогресс предъявлял повышенные требования к развитию системы народного образования, прежде всего, к средней школе. С 1954 г. в советской школе восстанавливается совместное обучение мальчиков и девочек. В конце 50-х годов была проведена перестройка народного образования. В учебном 1956/57 году отменяется плата за обучение старшеклассников, учащихся средних специальных учебных заведений и студентов

вузов. В декабре 1958 г. закон установил вместо семилетнего образования обязательное восьмилетнее, десятилетняя школа преобразовалась в среднюю 11-летнюю с производственным обучением. С 1959 г. в учебные планы старших классов был включен труд на производстве. Эта реформа сказалась неоднозначно на системе народного образования. С одной стороны, приближение школы к жизни и ее политехнизация, несомненно, способствовали более быстрому пополнению промышленности и сельского хозяйства рабочими кадрами. Однако сокращение часов на общеобразовательные предметы в связи с обучением производственному труду снизило качество образования, усложнив тем самым значительной части школьников поступление в институты и техникумы. В 1961 г. каждый второй абитуриент, поступающий в вузы РСФСР, получил «неуд». Замена семилетки всеобщим 8-летним образованием подтолкнула школу к завышению оценок при аттестации учащихся. В качестве поощрения молодежи к труду на производстве в институтах вводились льготы для абитуриентов с 2-3-летним производственным стажем, расширялась система вечернего и заочного специального образования, повышалась роль рекомендаций с производства, отменялись льготы медалистам.

К 1963 г. переход к обязательному 8-летнему образованию был в основном завершен, однако в школах отсутствовали учебные цехи и мастерские, а промышленные предприятия не имели условий для организации производственного обучения школьников. В 1964 г. было принято решение о возвращении школ к десятилетнему сроку обучения.

В 60-е – 70-е годы происходил быстрый количественный рост учащихся со средним образованием. Однако необходимость дальнейшего совершенствования средней общеобразовательной школы, повышения уровня учебной и воспитательной работы сохранялась. Кризисные тенденции в развитии советского общества не могли не отразиться на развитии духовной сферы в целом, прежде всего на образовании. Цифры выглядели здесь вполне благополучно, хотя имелись большие различия в уровне и качестве образования городского и сельского населения, жителей больших и малых городов и т.д. Особенно оптимистично выглядели показатели уровня образования молодежи, среди которой уже к середине 1970-х годов почти 90 % имели среднее образование. Качество образования и уровень подготовки выпускников средней школы

не только не повышался, но зачастую снижался. Педагоги 50–70-х годов были первым поколением учителей, работавших с детьми без отсева и отбора, без внешних побуждений учеников и их семей к добросовестному обучению.

Решить проблемы средней школы можно было только в рамках более широких общественных изменений. Эту взаимозависимость вновь проигнорировали организаторы школьной реформы 1983/84 гг. Школу пытались сориентировать на нужды затухающей экономики доиндустриальной стадии. Уже в 1985–1986 гг. реформа была свернута. Поиски форм новой школы продолжались на уроках педагогов-экспериментаторов С. Лысенковой, В. Шаталова, И. Волкова, В. Караковского, М. Щетинина, Е. Ильина, Ш. Амонашвили и др. В целом высокий уровень преподавания поддерживался постоянным притоком в школу учительских кадров высшей квалификации. С начала 50-х годов за последующие 30 лет удельный вес учителей, окончивших вузы, увеличился с 14 до 74 %.

Весьма острые проблемы стояли и перед высшей школой. В первой половине 70-х годов было принято решение о повышении роли университетов в подготовке дипломированных специалистов. Целый ряд педагогических институтов был укреплен научно-педагогическими кадрами, получил материальную поддержку и приобрел университетский статус. К 1985 г. число университетов достигло 69.

Развитие культуры

Смерть Сталина повлияла на художественный монументализм, фасадную архитектуру и другие ипостаси культуры 30-х – 40-х годов. Наряду с внешне-

ними изменениями, в культуре происходили содержательные перемены. Пришло в движение само понятие «культура». Вновь, как и в 20-е годы, культура перестала являться исключительно синонимом идеологии. Еще не оформилась культура разных социальных страт, но единообразие во многом уже утратилось. В значении «второй природы», всего того, что создано человеком, парадная идеологическая составляющая культуры также отступала, уступая место прагматизму, простоте и искренности, иногда в ущерб гармонии с природой и историческим наследием. Расширение полномочий союзных республик обогатило культуру постсталинского периода этнографическими элементами. Во все-союзный круг чтения, помимо московских и ленинградских авторов, втягивались произведения литературной провинции – Читы, Курска, Воронежа, Иркутска, Омска и др. Проис-

ходило укрупнение культурной вселенной. Оказалось, классовый подход к культуре оставлял пространство для честного, неприукрашенного искусства, интереса к личности, индивидуальности, а не только к коллективу. Сворачивалась удавшаяся в эпоху культа личности тенденция расчеловечивания культуры, воплотившаяся в бесконечных производственных, школьных и пр. повестях и романах. За культурой, сферой специфической, был признан особый профессиональный статус, попытки вытащить писателей, композиторов, ученых из кабинетов и сблизить таким образом с народом, пошли на убыль. С литературы сняли путы теории бесконфликтности. «Изъятие конфликта или замена его недоразумением равносильно смерти литературы», – говорилось на II Всесоюзном съезде писателей. В 1954 году был опубликован новый роман И. Эренбурга, по которому получила название эпоха десталинизации, – «Оттепель». Началась реабилитация писателей – жертв культа личности, через прозу В. Овечкина и других публицистов в литературе появился так называемый «острый позитив». Столкновение двух начал облекалось в нем в форму борьбы новаторов и ретроградов, причем победа оставалась за первыми. Рядом с феноменом дозированной правды нередко пробивал собственную дорогу неконтролируемый контекст того или иного произведения. Никакая иная национальная литература не обучила своих читателей столь совершенным навыкам чтения между строк. В то же время сохранились установки на высокие гражданские идеалы, проявления лучших человеческих качеств литературных героев.

В киноискусстве была снята установка на съемку только безусловных шедевров с опытными сценаристами, режиссерами, актерами. После пика периода малокартинья в 1951 г. (6 художественных полнометражных лент) на экранах появились новые талантливые актеры театра и кино, кинопрокат познакомил зрителей с такими выдающимися работами как «Тихий Дон», «Летят журавли», «Дом, в котором я живу», «Идиот» и др. В 1958 г. киностудии выпустили 102 художественных фильма. Была заложена высокая традиция развития интеллектуального кино, которая была подхвачена в 1960–1970 гг. Многие мастера отечественного кинематографа получили широкое международное признание (Г. Чухрай, М. Калатозов, С. Бондарчук, А. Тарковский, Н. Михалков и др.).

С середины 70-х г. в кинематографе была введена система государственных заказов, художников пригласили со-

средоточиться на постановках фильмов историко-революционной, военно-патриотической и морально-бытовой тематики. Некоторым представителям киноискусства разрешали снимать, но запрещали показывать, ограничивали просмотры клубными программами. Творчество многих деятелей искусства и литературы не вписывалось в каноны «социалистического реализма», призванного воспевать достижения системы и оправдывать ее существование, было по сути оппозиционным партократии и исповедовавшейся ею идеологии.

Идеологические процессы в обществе Самыми большими в период «оттепели» 50-х и начала 60-х – были, безусловно, сдвиги в сфере общественного сознания. Концепция «возврата к ленинизму», романтизация революции и коммунистической идеи, очищение от грехов сталинизма какое-то время имели несомненный успех, консолидировали власть и общество, породив культурный феномен «шестидесятников».

Съезды писателей в 1954, 1958, 1959 гг., художников (1957), композиторов (1957), совещания строителей и архитекторов (1954), историков (1962), периодические встречи с творческой интеллигенцией в 1957, 1962 и 1963 гг., расширение экспозиционной деятельности музеев и выставочных залов оживили культурную жизнь страны и партийную идеологическую работу. Крупномасштабные реформы касались методов, а не целей коммунистического строительства. Впрочем, ради торжества материалистического мировоззрения реформаторы не останавливались ни перед сносом древних исторических памятников, ни перед ломкой общественного сознания. Начальственный разнос художникам-абстракционистам 1 декабря 1962 г. в Манеже поломал много творческих судеб, существенно обеднил советское искусство. Значительно более тяжелые последствия для духовного развития общества имел воинствующий атеизм.

С конца 50-х годов начинаются гонения на Русскую Православную Церковь. Число церковных приходов сократилось с 15 тыс. в 1959 г. до 11,5 в 1964 г., было закрыто три четверти уцелевших к тому времени монастырей; у них было изъято свыше 1 тыс. га земли, при этом в РСФСР действовали только два монастыря – в Загорске (Сергиев Посад) и Печорах с общим числом монахов 113 чел. Из 8 духовных семинарий в СССР уцелели только три – в Москве, Ленинграде и Одессе. Среди невосполнимых утрат были Киево-Печерская

Лавра, кафедральный собор в Новгороде, множество неприятельных храмов российской глубинки, часто построенных на средства верующих. Принудительная «приходская реформа», проведенная под давлением государства по постановлению Священного Синода от 19 апреля 1961 г. (оно действовало до 1988 г.), лишила священников всех административно-хозяйственных функций. Пастыри оказались в своих приходах на положении наемных служащих религиозной общины, попали в зависимость от исполнительных органов приходского совета. Тысячи священников вместе с семьями лишились средств к существованию. В 1961–1962 гг. при перерегистрации духовенства всем им было объявлено, что требы на дому и панихиды на кладбищах должны совершаться только по специальному разрешению местных властей. Желающих креститься, венчаться или совершить иную какую церковную потребу регистрировали, уличенных прорабатывали по месту работы или учебы, увольняли, исключали. После 1964 г. кампания по разрушению церквей прекратилась, однако количество приходов сокращалось. К 1985 г. на территории России осталось всего 6806 храмов.

Во второй половине 60-х годов КПСС вынуждена была искать ответы на актуальные, жизнью поставленные вопросы. К теоретико-методологическим поискам подталкивала очевидная несостоятельность тезиса третьей программы партии о строительстве коммунизма как непосредственной задачи, которую в основном следовало решить к началу 80-х годов. Для «снятия» проблемы была сконструирована концепция «развитого социализма» (тезис о его построении был выдвинут Брежневым в 1967 г.). Эта концепция позволяла, с одной стороны, констатировать «большие успехи», достигнутые страной под руководством партии, а с другой – избежать какой-либо определенности относительно сроков достижения конкретных целей: повышения благосостояния народа, демократизации общества, перехода к общественному самоуправлению. Концепция «развитого социализма», согласно которой существовавший в стране порядок объявлялся высшим достижением социального прогресса, по существу, создавала теоретическую базу для увековечивания сложившейся системы. Советская реальность представлялась как высшее достижение человечества, а проблемы, кризисные процессы оправдывались в качестве отдельных негативных явлений и недостатков. Такой

подход в принципе закрывал возможность осмысления реальных противоречий советской жизни, а значит, и их решения. Вновь была подвергнута переоценке советская история, свернута критика сталинизма, преданы забвению факты массовых репрессий. Сильной стороной теории развитого социализма были протесты против забега вперёд, нацеленность на проблемы современности, повышенное внимание к экономическим факторам зрелости общества, тяга к стабилизации. XXIV съезд КПСС официально закрепил вывод о построении в СССР развитого социалистического общества, был провозглашен курс на «повышение эффективности производства», но реального механизма для реализации этой цели не было. Наоборот, к этому времени был исчерпан импульс, данный экономической реформой 1965 г.

Квинтэссенцией теоретических установок брежневской администрации стал принятый в 1977 г. Основной закон СССР – «Конституция развитого социализма». В 6-й статье она закрепляла монопольное положение КПСС в политической системе, определив Коммунистическую партию как руководящую и направляющую силу общества, ядро его политической системы. Такого пункта не было даже в сталинской конституции.

И хотя страна в целом в конце 70-х – первой половине 80-х годов находилась в состоянии политической стагнации, лучшие представители отечественной науки, культуры и искусства постоянно будировали общество, напоминали о необходимости перемен: идеи обновления превратились к середине 80-х годов в реальную политическую силу.

Вопросы и задания

- Выделите новые элементы советской внешней политики 1953–1964 гг.
- Как происходила реструктуризация экономики в 50–60-е годы и каковы были ее результаты. В чем заключалось единство экономических и социальных реформ этого периода?
- Назовите основные черты советского образа жизни в 50–70-е годы.
- В чем проявилась противоречивость курса КПСС в деревне (1953–1982 гг.)?
- Каковы основные достижения хозяйственной реформы 1965 г. и причины ее неудачи.
- Охарактеризуйте основные положения «доктрины Брежнева».
- В чем заключается сущность и глобальный характер научно-технической революции?

§ 1. Новый курс Горбачева

Апрельские перемены 10 марта 1985 г. после смерти К. Черненко новым генеральным секретарем был избран пятидесятитрехлетний М. Горбачев. Возвышение Горбачева не было неожиданностью. В последние месяцы жизни Черненко именно Горбачев фактически проводил заседания секретариата и Политбюро.

В своем первом выступлении в качестве генсека и на мартовском Пленуме М. Горбачев по традиции пообещал продолжить курс своего предшественника. Однако уже 23 апреля 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС он сообщил о планах широких реформ, направленных на всестороннее обновление общества, краеугольным камнем которых было названо «ускорение социально-экономического развития страны».

Экономические преобразования намечалось осуществить на основе новой инвестиционной и структурной политики, предполагалось перенести центр тяжести со строительства новых объектов на модернизацию уже имевшихся предприятий. Но главным объявлялось ускоренное развитие машиностроения. По замыслу авторов реформ, производство машин и оборудования должно было опережать другие отрасли промышленности примерно в 1,7 раза.

Особое внимание уделялось активизации «человеческого фактора», через укрепление дисциплины и стимулирование новых форм труда.

Выступая на Пленуме, М. Горбачев заявил: «Особенно актуален сегодня вопрос об укреплении порядка и дисциплины... И здесь прежде всего нужно строже спрашивать с руководителей коллективов, которые несут персональную ответственность за дисциплину... каждый должен заниматься своим делом, добросовестно выполнять свои прямые обязанности». Все преобразования, разумеется, должны были осуществляться в рамках социализма.

Одним из первых шагов, направленных на достижение поставленных целей, стали постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Закон «О госприемке».

В течение 1985–1986 гг. производство алкогольных напитков в стране сократилось вдвое, а госбюджет не досчитался с 1985 по 1988 г. около 67 млрд. руб. Повсеместно резко выросло самогоноварение. В конце концов в 1988 г. антиалкогольная кампания провалилась.

На основании Закона «О госприемке» были созданы службы государственных инспекторов по надзору за качеством промышленной продукции. К 1 января 1987 г. такие службы уже действовали практически на всех крупных промышленных предприятиях СССР.

Большой энтузиазм у населения, особенно среди учительства, вызвала широко разрекламированная школьная реформа.

Несмотря на туманность провозглашавшихся целей и неясность средств советское общество с воодушевлением восприняло новый курс. Давало себя знать негативное отношение к затхлой и надоевшей всем практике последних лет. Общество ждало перемен, и новое руководство, уловив эти ожидания, использовало их в целях укрепления своего положения.

Развернувшаяся кампания открывала дорогу для чистки аппарата, замены кадров и укрепления власти новой команды Горбачева. Заявив о курсе на обновление, она уже и дальше должна была идеологически подпитывать сама себя, параллельно заменяя кадры.

У большинства партийно-государственной элиты не было ясного представления о причинах и характере кризиса советского общества. Главное заключалось в том, что М. Горбачев и его окружение, используя механизм партии, навязали обществу определенный тип действия, внушая, что «иного пути нет». Сподвижник Горбачева А. Яковлев признал, что именно через механизм партии предполагалось сломать систему: «Сначала тоталитарный режим надо было сломать через тоталитарную партию, другого пути не было потому что, только используя ее тоталитарный характер, выражавшийся как в организованности, так и в дисциплине и послушании» можно было сломать тоталитарный режим».

В сентябре 1985 г. Председателем Совмина был назначен Н. Рыжков, сменивший на этом посту престарелого соратника Л. Брежнева Н. Тихонова. Министром иностранных дел стал Э. Шеварднадзе. К началу 1987 г. было заменено 70 % членов Политбюро, 60 % секретарей областных партийных организаций, 40 % членов ЦК КПСС. От политической дея-

тельности были отстранены Г. Романов, В. Гришин, В. Щербицкий, Д. Кунаев, Г. Алиев. В феврале 1986 г. был смещен со своего поста первый секретарь Московского горкома КПСС В. Гришин. На его место был назначен первый секретарь Свердловского горкома КПСС Б. Ельцин. Всего за один год он сместил почти всех работников партийного аппарата, бывших опорой прежнего руководителя.

В феврале 1986 г. состоялся XXVII съезд КПСС, который изменил Программу партии. Вместо устаревших положений о построении коммунизма был провозглашен курс на совершенствование социализма. Партия обещала удвоить к 2000 г. экономический потенциал страны, а также предоставить каждой семье отдельную квартиру.

Съезд одобрил Закон о трудовых коллективах, предусматривавший создание на промышленных предприятиях советов трудовых коллективов, которые наделялись правом избирать руководителей, регулировать заработную плату и отчисления на социальные нужды. Тем самым власти как бы обращались к народу, стремились опереться на него. Однако, на практике реализация закона привела к дезорганизации производства, на многих предприятиях деятельность администрации оказалась парализованной.

После XXVII съезда М. Горбачев стал сравнивать начатые преобразования с революцией. На встрече с партийным активом Хабаровска летом 1986 г. он прямо заявил: «Я бы поставил знак равенства между словами перестройка и революция».

В своей изданной огромным тиражом сначала на Западе, а затем в СССР книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» М. Горбачев так разъяснял суть своего подхода: «Разумеется, Советскую власть мы менять не собираемся, от ее принципиальных основ отступать не будем. Но изменения необходимы, причем такие, которые укрепляют социализм, делают его политически богаче и динамичнее».

Действительно, формально ни одна из основ социализма не подвергалась сомнению: ни государственная собственность на средства производства, ни руководящая роль партии и др.

В 1987 г. М. Горбачев провозгласил политику «гласности». Средствам массовой информации было позволено начать широкую кампанию критики существующего общества и его

истории под лозунгом «возвращения к ленинским нормам». Журналисты сначала робко, а затем все интенсивней стали критиковать историю советского государства.

К 1988 г. произошел буквально взрыв интереса к прошлому страны. Однако открытый «антисталинизм» незаметно перерастал в отрицание опыта и достижений народа за весь советский период, породив у значительной части общества ощущение тупика, в котором оказалась страна.

Экономические изменения Первый год перестройки дал некоторые положительные результаты в экономике. Итоги развития народного хозяйства в 1986 г. выглядели несколько лучше, чем в предыдущем. Однако ускоренного развития машиностроения не получилось. Несмотря на сообщения о росте производства, в стране усилился товарный голод. Дефицит государственного бюджета в 1985 г. составил 17–18 млрд. руб., а в 1986 г. он вырос в три раза.

Горбачев объяснял образование бюджетного дефицита главным образом просчетами прежнего руководства и недооценкой масштабов кризиса, в котором оказалась страна. А также тем, что в результате снижения цен на сырую нефть на мировом рынке в 1985–1986 гг. доходы от экспорта нефти упали на одну треть. Но главной причиной, все-таки, были неправильно выбранные приоритеты. Сказались также огромные затраты на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы.

26 апреля 1986 г. взорвался один из реакторов Чернобыльской атомной электростанции. Тысячи квадратных километров территории нескольких областей Украины, Белоруссии и Российской Федерации оказались зараженными. Десятки тысяч людей подверглись радиоактивному облучению. Сотни военнослужащих и пожарников, принимавших участие в ликвидации последствий страшной аварии, погибли от лучевой болезни. Затраты государства составили десятки миллиардов рублей.

То, что руководство страны не сообщило сразу о подлинных масштабах трагедии, послужило поводом для мощной кампании критики системы.

§ 2. Перестройка политической системы и экономические новации

Новая стратегия Горбачева В январе 1987 г. на очередном Пленуме ЦК КПСС Горбачев изложил новую идеологию и стратегию реформ.

Вместо «ускорения» была выдвинута задача коренной перестройки общественного строя. Отсутствие ощутимых результатов в экономике Горбачев объяснил действием некоего «механизма торможения», кроющегося в самой системе, точнее в системе управления, сложившейся в стране с 30-х годов. Позднее этот механизм был определен как «командно-административная система». Все чаще наряду с «перестройкой» стали употреблять слово «демократизация». Появился лозунг «Больше демократии». Предстояло избавиться от деформаций социализма и вернуться к «ленинским нормам».

Предполагалось, что через демократизацию будет осуществляться непосредственное управление трудящихся на производстве. В избирательной системе предусматривалось введение состязательности, альтернативности выборов. Демократизация, по словам ее вдохновителей, должна была разрушить командно-административную систему, внедрить состязательность во всех сферах жизни, создать естественный механизм динамичного развития всего общества.

В действительности же был выбран объект тотальной критики, на который нужно было списать все промахи перестройки, — бюрократия. По существу «демократизация» стала средством для замены номенклатурных кадров.

Экономические реформы, которые ожидались народом, как бы откладывались во времени, а главной становилась борьба с бюрократией и переход к демократическим принципам управления.

Идеологом гласности или, как его называли в прессе, «истинным архитектором перестройки» считался А. Яковлев. Под его руководством в ЦК стали регулярно проводиться совещания с руководителями средств массовой информации. Сам Яковлев развивал идеи «демократического социализма», многообразия его моделей, настаивал на приоритете «общечеловеческих ценностей» над классовыми, выступал поборником рыночных отношений.

Огромную популярность приобрели литературно-художественные и общественно-политические журналы, такие как «Новый мир» (гл. ред. С. Залыгин), «Знамя» (Г. Бакланов), «Огонек» (В. Коротич), «Наш современник» (С. Викулов) и др. В течение короткого времени были опубликованы практически все ранее запрещенные произведения — М. Булгакова «Собачье сердце», А. Платонова «Котлован», Л. Замятина «Мы», романы А. Солженицына, в том числе его «Архипелаг ГУЛАГ». Тиражи изданий выросли многократно.

Была воссоздана картина репрессий 20–30-х годов. Разоблачение сталинизма сопровождалось реабилитацией его жертв. Была создана комиссия ЦК КПСС по реабилитации, которую возглавил Яковлев.

В публицистике остро дискутировался вопрос о возможности демократической альтернативы командно-административной системе. Альтернативу искали в новой экономической политике начала 20-х годов, разработанной В. Лениным. Однако чем больше искали идей демократии у Ленина, тем теснее оказывались рамки социалистического подхода. «Гласность» посеяла сомнения в социализме как в системе.

Вместо прежних идей «ускорения» и совершенствования социализма в общественном сознании стала оформляться мысль о необходимости и даже о необратимости радикальной рыночной реформы.

Особенно на этом поприще преуспели такие экономисты и публицисты как В. Селюнин, А. Нуйкин, П. Бунич, Г. Попов, Н. Шмелев, О. Богомолов, Л. Абалкин. Они предлагали перейти к хозрасчетному социализму, в основе которого лежали принципы самофинансирования, самокупаемости и самоуправления предприятий. По мысли авторов, между предприятиями должна была возникнуть конкуренция, цены на продукцию должны были регулироваться рынком, допускалось даже банкротство предприятий. Социалистическим оставалось лишь признание того, что хозяевами предприятий станут трудовые коллективы, которые получали право выбирать администрацию, утверждать производственные показатели, решать социальные вопросы.

В июне 1987 г. Пленум ЦК КПСС принял программу экономических реформ, предусматривавшую переход к преимущественно экономическим методам управления. Тем самым было положено начало трансформации системы.

Законодательно концепция хозрасчетного социализма получила свое оформление в виде Закона о государственном предприятии (объединении), вступившем в силу с 1 января 1988 г. Согласно Закону роль центральных министерств сводилась к подготовке контрольных цифр и определению госзаказа, который предлагалось все время снижать (в 1988 г. он был на уровне 85 %). Продукция, произведенная сверх госзаказа, могла реализовываться по рыночным ценам. Предприятия получили свободу в выборе партнеров.

Реализация закона разбалансировала сложившуюся систему управления всем народнохозяйственным комплексом, но так и не решила главную задачу – обеспечение эффективности производства.

Промышленные предприятия, освободившись от опеки министерств, столкнулись с отсутствием необходимой инфраструктуры, посреднических организаций, товарно-сырьевых бирж. Чтобы выжить, они стали энергично бороться за госзаказ.

По расчетам экономистов в 1988 г. более 30 % предприятий в стране были убыточными. Трудовые коллективы вместо заботы о повышении эффективности производства воспользовались правом повышать цены, сократили выпуск дешевых товаров.

Переход к строительству «хозрасчетного социализма» серьезно повлиял на всю идеологию реформ.

Постепенно место глобальных общечеловеческих ценностей заняли такие понятия, как «рынок», «акционерная и частная собственность», «разделение властей», «парламентаризм», «правовое государство».

Новая доктрина получила теоретическое воплощение в решениях XIX Всесоюзной партконференции, состоявшейся 28 июня – 11 июля 1986 г.

М. Горбачев представил экономические неудачи следствием консерватизма партаппарата, командно-административной системы, бюрократизма. И отсюда был сделан вывод – механизм управления государством должен быть радикально демократизирован.

Конференция завершилась победой Горбачева и его сторонников. Было принято 6 резолюций: «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки», «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О борьбе с бюрократизмом», «О меж-

национальных отношениях», «О гласности», «О правовой реформе», «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны».

В своем докладе Горбачев провозгласил цель создания в СССР механизмов «свободного формирования и выявления интересов и воли всех классов и социальных групп», ввел понятие «правового государства», провел мысль об исключении партийных органов из хозяйственного управления и лишении их государственных функций, закреплении последних исключительно за Советами. Советы же предлагалась преобразовать по законам парламентаризма.

Было решено избрать Съезд народных депутатов СССР, состоящий из 2250 чел., две трети которых должны были избираться населением, а одна треть представлять общественные организации. Съезд должен был принимать важнейшие решения. Из своей среды он формировал Верховный Совет, который должен был работать на постоянной основе.

В соответствии с установками XIX партконференции 12-я внеочередная сессия Верховного Совета СССР в декабре 1988 г. приняла Закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР». Изменения касались избирательной системы, был внедрен принцип альтернативности при выборах народных депутатов, а также введен институт Съездов Советов.

Попасть в консервативные Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР было трудно, а Съезд открывал возможности для широкого представительства различных групп и фактически был призван вобрать в себя новых «демократических» лидеров. Народу предстояло самому привести к власти людей, ориентированных на радикальную ломку системы. По сути дела решения XIX партконференции открыли дорогу политическому радикализму.

Выборы 1989 года Подготовка к выборам народных депутатов сопровождалась появлением большого количества различных так называемых неформальных движений и групп. Возникли политические и дискуссионные клубы, такие как «Московская трибуна», которые быстро превратились в организационные группы по выдвижению кандидатов в народные депутаты.

Прошедшие в марте 1989 г. выборы стали своеобразной революцией против партийного аппарата. Накануне выборов в

Москве прокатилась волна массовых митингов. По московскому округу, получив почти 90 % голосов, прошел Б. Ельцин. Осенью 1987 г. на заседании ЦК КПСС Б. Ельцин выступил с критикой темпов реформ. На пленуме московского горкома он был подвергнут жесткой критике за волюнтаризм, его обвинили даже в нанесении удара ножом в спину партии. На XIX партконференции Б. Ельцин обратился с просьбой о своей «политической реабилитации», но был раскритикован. Уйдя с поста первого секретаря МГК КПСС, он больше года оставался в тени, работая председателем Госстроя СССР. Но в начале 1989 г. активно включился в политическую борьбу.

В Ленинграде депутатами стали независимые кандидаты, будущие лидеры «демократической фракции» на Съезде — А. Собчак, Ю. Болдырев, А. Денисов и др.

Среди избранных от общественных организаций оказались А. Сахаров, Р. Сагдеев, Н. Шмелев, С. Аверенцев, В. Иванов, П. Бунич, Н. Петраков, А. Яковлев, Г. Лисичкин, Ю. Карякин, В. Гинзбург.

Съезды народных депутатов СССР 25 мая 1989 г. открылся 1-й Съезд народных депутатов СССР. Всего было избрано 2250 депутатов.

Съезд избрал Горбачева Председателем Президиума Верховного Совета. Его заместителем стал А. Лукьянов. Также были избраны 542 депутата Верховного Совета СССР. Съезд утвердил Председателя Совмина Н. Рыжкова, Председателя Верховного суда Е. Смоленцева, Генерального прокурора А. Сухарева, Главного государственного арбитра Ю. Матвеева.

Во время политической дискуссии радикально настроенные депутаты обрушились с критикой на правительство за проводившуюся политику. В качестве главного фактора, сдерживавшего реформы, были названы монопольные интересы ведомств. Обвиняя правительство в промедлении с переходом к рынку, эти силы одновременно критиковали его за рост цен.

В политической сфере предлагалось ввести институт президентства при прямом его избрании, а также проводить референдумы по важнейшим вопросам жизни страны.

Съезд завершился образованием двух направлений сторонников перестройки — умеренного, во главе с М. Горбачевым, и радикального, в виде оформившейся Межрегиональной депутатской группы, в которую вошли Ю. Афанасьев, А. Соб-

чак, Г. Попов, Ю. Черниченко, Б. Ельцин. Духовным лидером группы был академик А. Сахаров.

Радикалы, в отличие от М. Горбачева, делали упор на полный демонтаж существовавшей системы и встали в оппозицию к власти.

Группа сразу же получила поддержку значительной части столичных средств массовой информации. Газеты «Московские новости», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», журнал «Огонек» по сути дела стали ее рупорами.

Революции в странах Восточной Европы осенью 1989 г. подтолкнули демократическую оппозицию к более решительным действиям.

На 2-м Съезде народных депутатов А. Сахаров от имени Межрегиональной группы выдвинул требование отмены 6-й статьи Конституции СССР, закреплявшей руководящую роль компартии (14 декабря академик скоропостижно скончался).

Новый лидер Межрегиональной группы Б. Ельцин выступил со своей концепцией реформ, потребовав от правительства радикальных шагов в деидеологизации управления, в борьбе с бюрократией.

Горбачев, стремясь удержаться у власти, был вынужден подлаживаться под лозунги своих критиков. В начале 1990 г. он согласился с требованием отмены 6 статьи Конституции, предложив принять новую платформу КПСС, в которой признавались политический плюрализм, смешанная экономика и многопартийность; признавалась необходимость введения поста президента.

Находясь на посту Председателя Президиума Верховного Совета, Горбачев превратился, по сути дела, в спикера и практическим управлением не занимался.

Изменения в КПСС Важнейшую роль в распаде системы сыграло то, что М. Горбачеву удалось расколоть партакноменклатуру, часть которой стояла на старых позициях. Другая была обязана всем Генеральному секретарю, третья, предвидя заманчивые перспективы обогащения, готовилась к новой для себя роли, четвертая делала карьеру в республиках. В партии место первого стал занимать второй эшелон руководителей, менее отягощенный старыми партийными традициями и более приспособленный к переменам, почувствовавший перспективы для себя в будущем. Факти-

ческой оппозиции линии М. Горбачева в партии не было. В результате курс на реформы стал средством дальнейшего разрушения системы, условием для трансформации общественного строя.

Реальное противоречие заключалось в том, что для осуществления масштабных экономических преобразований требовалась твердая политическая власть. Сохранение политической системы не отвечало интересам второго и третьего эшелонов партноменклатуры, на которые и опирался М. Горбачев. Последовательное ослабление партии и провозглашение либеральных принципов на деле означало утрату влияния КПСС и возникновение новых политических структур. В стране появилось «демократическое движение», получившее самую широкую трибуну, а вскоре в ходе выборных кампаний, и организованные формы.

Общественные движения и переход к многопартий- ности	В январе 1990 г. демократические силы работали новую тактику, суть которой заключалась в создании левоцентристской коалиции.

Приближались выборы Съезда народных депутатов РСФСР. Видя, что в союзном руководстве и на Съезде им не удастся получить большинства, радикалы решили добиться победы в России, чтобы, объявив ее суверенитет, устранить союзный центр от реальной власти.

21–22 января был создан блок «Демократическая Россия». Его костяк составили представители Межрегиональной депутатской группы. Платформа блока включала: требования отмены 6-й статьи Конституции и ликвидации партийных организаций на производстве и в госучреждениях, превращение Верховного Совета в постоянно действующий орган. Она требовала немедленного введения рынка, но при этом добивалась сохранения фиксированных цен.

Параллельно с созданием «Демократической России» появилась и «Демократическая платформа в КПСС». Ее организаторами стали ректор Московской высшей партийной школы В. Шостаковский и преподаватель научного коммунизма В. Лысенко. Создание платформы было нацелено на превращение КПСС в партию парламентского типа.

Между тем в самой партии углублялся кризис, она, в результате политики ее лидера, все больше отстранялась от власти. Еще раньше отказавшись от монополии на идеологию, КПСС уже не могла обосновать свое право руководить страной. Падение

ние авторитета партии и ее последующее самоустранение на практике вело к развалу союзного государства. Последствия развернутой кампании тотальной критики реального социализма оказались гораздо серьезней, чем можно было предположить. Сложность ситуации заключалась в том, что расширению этой кампании невозможно было противостоять. Любой, попытавшийся противиться этому, предупреждавший об опасности, тут же подвергался массированному идеологическому прессингу.

Благодаря разочарованию в итогах начатой «перестройки» и активной пропаганде в массовом сознании россиян произошли существенные изменения. Распространились смутные надежды на возможность выхода из углубляющегося кризиса в рамках иного выбора, с опорой на рыночные ценности.

Колебания Горбачева вызывали критику как справа, так и слева. Постоянное лавирование ослабляло власть. По опросам общественного мнения, Горбачева в октябре 1990 г. поддерживали 21 %, тогда как в декабре 1990 г. — 52 %.

На этом фоне демократическая оппозиция получила мощного лидера в лице бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК Б. Ельцина.

В середине марта 1990 г. состоялся 3-й съезд народных депутатов. 6-я статья Конституции СССР была отменена. Возникла дискуссия о выборах Президента. Часть депутатов выступала за избрание его всенародным голосованием, другая — съездом. Последних поддерживали представители республик, которых явно не устраивал вариант избрания Президента всенародным голосованием. Избрание на съезде, делавшее пост Президента менее легитимным, представлялось более удобным. Не устраивало это и сторонников Ельцина, принявших программу борьбы за суверенитет РСФСР.

Единственным реальным кандидатам стал М. Горбачев, который и был избран первым Президентом СССР.

В июне 1989 г. в Ленинграде был создан Объединенный фронт трудящихся (ОФТ), который в январе 1990 г. выступил с инициативой создания РКП, а уже в июне состоялся учредительный съезд Российской коммунистической партии, первым секретарем которой был избран И. Полозков, бывший первый секретарь Краснодарского обкома КПСС. Заметным деятелем в РКП стал Г. Зюганов. Горбачеву, благодаря наличию в рядах РКП своих сторонников и умеренности ее лидеров, удалось удержать РКП под контролем.

В 1990 г. в рамках Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР сформировалась группа «Союз», которую поддерживали несколько сотен депутатов. В конце 1990 г. на основе этой группы сформировалось всесоюзное политическое объединение «Союз». Лидерами группы выступили полковники Н. Петрушенко, В. Алкснис, а также Е. Коган и Ю. Блохин. Они обвинили Горбачева в развале страны, в превращении ее в перспективе в колониальный придаток Запада, ликвидации Варшавского договора, высмеивали его идею «общеевропейского дома», доказывая, что СССР в этот дом на равных условиях никогда не пустят. Предъявлялись также обвинения в неспособности погасить очаги межнациональных конфликтов, в отказе от защиты русских.

Поворотным пунктом для КПСС стал ее XXVIII съезд, после которого только за один год из партии вышли 4 млн. чел. Съезд одобрил резолюцию «К гуманному демократическому социализму», признававшую плюрализм, частную собственность и разделение властей.

Предвыборная кампания подтолкнула образование новых партий. В течение 1990 г. образовались Социал-демократическая, Демократическая, Конституционно-демократическая, Республиканская и другие оппозиционные КПСС партии. Практически все вновь образованные партии, называвшие себя социалистическими, на деле пропагандировали либерализм. За короткое время люди, еще вчера являвшиеся членами КПСС и даже активистами, стали ее противниками.

Экономическая
борьба
с центром

В апреле 1990 г. в Правительстве СССР была разработана программа экономических реформ, предполагавшая быстрое включение рыночных механизмов, свободу предприятий, начало разгосударствления собственности. Но

Президетский Совет и Совет Федерации посчитали, что в условиях падения доверия к союзным ведомствам со стороны республик и населения эта программа не пройдет.

31 июля 1990 г. состоялась встреча М. Горбачева и Б. Ельцина, они договорились о разработке экономической программы, альтернативной правительственной. Была создана комиссия под руководством академика С. Шаталина и заместителя Председателя Совмина РСФСР Г. Явлинского.

Б. Ельцин в октябре 1990 г. заявил, что Россия может самостоятельно приступить к радикальной реформе с соответ-

ствующим разделом бюджета, собственности, армии, вооружений, таможни и др. Борьба за экономический суверенитет России от СССР становилась бескомпромиссной.

В ноябре 1990 г. на заседании с руководителями союзных республик М. Горбачев предложил программу из восьми пунктов по выводу СССР из кризиса. Предлагались экстренные меры по наведению порядка и укреплению дисциплины на транспорте. Но эти предложения натолкнулись на энергичное сопротивление лидеров республик и прежде всего Б. Ельцина, увидевших в этом попытку Горбачева сохранить собственную власть.

Победа Ельцина В конце декабря 1990 г. состоялся 4-й Съезд народных депутатов СССР. Съезд принял ряд поправок к Конституции, расширивших права Президента: он получил право непосредственно руководить правительством, преобразованным незадолго до этого в Кабинет министров, возглавил Совет Федерации и Совет безопасности. На должность вице-президента был избран бывший комсомольский и профсоюзный работник Г. Янаев. На съезде о своей отставке объявил Э. Шеварднадзе. Ушел в отставку и председатель союзного правительства Н. Рыжков.

17 марта 1991 г. состоялся референдум о сохранении СССР. Большинство жителей страны (71,3 %) высказались за сохранение Советского Союза.

Итоги референдума были восприняты Горбачевым как его политическая победа. 28 марта собрался Чрезвычайный Съезд народных депутатов РСФСР. На съезде среди коммунистической части депутатов произошел раскол. Группа депутатов во главе с А. Рудким заявила о создании фракции «Коммунисты — за демократию» и о своей поддержке Ельцина. Его поддержали и шахтеры Кузбасса, принявшие ряд резолюций в поддержку радикальных депутатов. Б. Ельцину с помощью Р. Хасбулатова удалось получить от Съезда дополнительные полномочия и согласие на проведение в июне 1991 г. выборов Президента России.

Власть и влияние Горбачева таяли на глазах. Он терял доверие и поддержку консерваторов и при этом уже не мог рассчитывать на союз с радикалами.

В апреле 1991 г. перед депутатами Верховного Совета СССР выступил премьер-министр В. Павлов, который раскрыл катастрофическую картину развала экономики страны. Глав-

ную причину он видел в развале межреспубликанских связей. Бюджет недополучил около 40 % запланированных поступлений из республик. Производство упало за год на 5 %, а национальный доход – на 10 %.

24 апреля состоялся Пленум ЦК КПСС, где впервые был поставлен вопрос о недоверии Горбачеву, но ему благодаря удачному маневру – заявлению лидеров 9 республик (включая Б. Ельцина) о совместных мерах по экономической стабилизации и скором заключении союзного договора – все же удалось сохранить пост Генерального секретаря.

12 июня 1991 г. Б. Ельцин одержал убедительную победу на выборах Президента РСФСР.

§ 3. Распад СССР

Углубление межнациональ- ных проблем	К середине 80-х годов резко проявился кризис национально-государственного устройства СССР.

Ослабление центральной партийно-государственной власти, опасение за свое дальнейшее положение заставили местную партийно-государственную элиту искать союза с национальной интеллигенцией, начавшей борьбу за доминирование в общественном сознании населения союзных и автономных республик. Контуры будущего объединения, способного взорвать всю структуру СССР, приняли явные очертания уже на начальном этапе перестройки.

1986 г. стал годом межнациональных столкновений. В марте-апреле произошли стычки в Якутске между студентами якутами и русской молодежью.

17–19 декабря в Алма-Ате под предлогом того, что на пост первого секретаря ЦК КП Казахстана вместо Кунаева был назначен Колбин тысячи молодых казахов устроили беспорядки. Погибли двое русских дружинников, свыше тысячи человек обратились за помощью в медицинские учреждения. Для восстановления порядка впервые были применены войска.

В январе 1987 г. на Пленуме ЦК М. Горбачев подчеркнул, что в условиях расширения демократии и самоуправления, когда происходит бурный рост национального самосознания всех наций, «особую важность приобретает своевременное и справедливое решение возникающих вопросов... в интересах

расцвета каждой нации и народности, в интересах всего общества».

Интернационализм в доперестроечное время означал де-факто советизацию и русификацию. Интернационализм в новых условиях означал поощрение национальных движений при определившейся роли центра, который претендовал на роль некоего наднационального образования, но в республиках ассоциировался с русской властью. Не являясь властью русских и не формулируя их интересы, центр тем не менее давал добро на национализм местных титульных наций. Наднациональный центр, оставшись без наднациональной идеи, объективно работал против единого государства.

Борьба за «неотъемлемые права народов» неизбежно превращалась в борьбу против единого государства.

Одной из форм борьбы за национальную независимость стала критика советской истории. В августе 1987 г. в связи с годовщиной заключения советско-германского пакта о ненападении в Прибалтике прошли демонстрации с требованием опубликования секретных протоколов, восстановления правды о массовых депортациях в сталинские времена.

Первой проверкой прочности государства, его способности решать сложные межнациональные проблемы в новых условиях стали события в НКАО (Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана). В октябре 1987 г. армяне, проживавшие в Нагорном Карабахе, потребовали воссоединения с Арменией. В феврале 1988 г. в области прошли студенческие забастовки под лозунгами отделения Карабаха от Азербайджана. А 20 февраля сессия областного Совета обратилась к Верховному Совету Азербайджанской ССР с просьбой передать область из состава Азербайджана в состав Армении, одновременно сессия просила Верховный Совет СССР поддержать это решение. В Степанакерте и Ереване прошли националистические митинги. Большинство азербайджанцев, проживавших в Армении, вынуждено было бежать.

27–29 февраля в Сумгаите, где скопились тысячи азербайджанцев, бежавших из Армении, произошли погромы, в результате которых, только по официальным данным, погибли 32 чел. Всего пострадало 197 чел.

24 марта ЦК КПСС и Совмин СССР приняли постановление «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана».

жанской ССР в 1988–1995 гг.». На нужды области было выделено 400 млн. руб. Это был первый конфликт, связанный с произвольно установленными административными границами. Уже тогда наметилась будущая тенденция превращения административных границ в государственные.

Борясь против унитаризма, республики фактически закладывали основу для будущих территориальных конфликтов.

Центральная власть уже не могла и не хотела решать вопрос территориального переустройства. Республики, которые в результате существовавшего административно-территориального деления приобрели дополнительные территории, стремились закрепить существовавшие границы.

Центральная власть стала заигрывать с республиками, обрушиваясь с критикой на союзные министерства и ведомства, упрекая их в том, что они не считаются с мнением субъектов федерации. Фактически был выбран курс умиротворения сепаратистов. Чем больше союзная власть делала уступок, чем больше она занималась самокритикой, тем требовательней и настойчивей становились республики.

На состоявшейся 28 июня 1988 г. XIX Всесоюзной партконференции была поставлена задача привести «в соответствие с радикальной экономической реформой права союзных республик», «оценить многие нормативные акты, регулирующие взаимодействие Союза и республик», «уточнить положение, права и обязанности союзных, автономных республик, других национальных образований».

Связывая обострение национальных проблем с недостатками развития Союза ССР, власти пошли не по пути усиления централистских начал с опорой на большинство населения, а по пути расширения прав республик, утверждая, вслед за националистами, что все беды идут не от порочного принципа национально-государственного устройства Союза, а от недостаточного его развития. Был выбран путь поощрения децентрализации, передачи республикам целого ряда управленческих функций, перехода на принципы хозрасчета, установления прямых хозяйственных связей. Фактически была поддержана идея придания языкам титульных наций статуса государственных.

18 мая в Баку состоялся митинг протеста против изгнания азербайджанцев из Армении. 22 мая началась забастовка в Степанакерте, вызванная слухами о том, что якобы Е. Лига-

чев, находясь в Баку, заявил, что вопрос Нагорного Карабаха решен и больше обсуждаться не будет.

В июне, почти одновременно, Верховный Совет Армении дал согласие на вхождение НКАО в состав Армянской ССР, а Верховный Совет Азербайджана принял решение о сохранении автономной области в составе Азербайджана. Сессия областного Совета НКАО еще раз обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой рассмотреть решение Верховного Совета Армении.

12 июля областной Совет Нагорного Карабаха принял решение о выходе из состава Азербайджанской ССР.

На заседании 18 июля 1988 г. Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев решения Верховных Советов Армянской ССР и Азербайджанской ССР, пришел к выводу о невозможности передачи НКАО в состав Армении. Выступавший на заседании М. Горбачев возложил вину за события в Нагорном Карабахе на некие кланы, «которые хотят держать все главные сферы жизни в республике в своих руках», в то время как перестройка выводит на политическую арену трудящихся. Нагорный Карабах, по его мнению, был использован как повод для того, чтобы подстегнуть национальные чувства, скрыть накопившиеся проблемы. Он обвинил антидемократические силы в организации давления на органы власти, в том числе и на Президиум Верховного Совета СССР.

18–21 сентября в Нагорном Карабахе произошли вооруженные столкновения между армянами и азербайджанцами. В Степанакерте и Агдамском районе было введено особое положение.

Обвиняя некие коррумпированные, антиперестроечные силы в разжигании националистических страстей, союзные власти решили опереться на «широкие слои общественности в республиках в поддержку перестройки». Фактически они выступили покровителями создания так называемых народных фронтов.

Особенно ярко это проявилось в Прибалтике, где летом 1988 г. национальное движение стало приобретать организованные формы.

В августе 1988 г. член Политбюро А. Яковлев посетил Литву и Латвию. Он поддержал идею создания народных массовых организаций в поддержку перестройки. В октябре в Тал-

лине и Риге состоялись учредительные съезды Народных фронтов Эстонии и Латвии, организации «Саудис» в Литве, образовался оргкомитет Народного Фронта Белоруссии.

В своих программных документах «народные фронты» провозглашали борьбу за полный суверенитет республик, за пересмотр решений 1939 г.

В октябре были опубликованы проекты законов «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР» и «О выборах народных депутатов СССР», которые были использованы народными фронтами для усиления кампании борьбы за суверенитет.

16 ноября 1988 г. Верховный Совет Эстонской ССР утвердил изменения и дополнения к Конституции республики, позволяющие ее высшим органам власти приостанавливать действие законодательных актов Союза ССР. Также была принята Декларация о суверенитете. 17–18 ноября Верховный Совет Литовской ССР принял дополнение к Конституции о придании литовскому языку статуса государственного. В начале декабря аналогичное решение принял и Верховный Совет Эстонии.

1 декабря было объявлено о создании рабочей группы по подготовке предложений о разграничении компетенции Союза и республик. Механизм организованного распада был запущен.

В это же время резко обострилась обстановка в Закавказье. Десятки тысяч беженцев устремились из Армении в Азербайджан и из Азербайджана в Армению. В Азербайджан из Армении бежали от националистов 165 тыс. чел., из Азербайджана в Армению более 140 тыс. Даже страшное землетрясение в Армении, унесшее жизни более 45 тыс. чел., не остановило вражду.

В Баку начался многодневный митинг, вскоре охвативший всю республику. Положение осложнилось настолько, что Президиум Верховного Совета СССР вынужден был издать указ о неотложных мерах по наведению порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР. 24 ноября в Баку, Нахичевани и Кировабаде было введено особое положение 5 декабря ночью войска очистили от митинговавших площадь Ленина в Баку. В городе начались массовые беспорядки.

12 января 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР ввел особую форму управления в Нагорном Карабахе, подчиненную напрямую союзным органам.

В конце 1988 г. в Прибалтийских республиках стали фор-

мироваться общественные организации, пытавшиеся противостоятъ национал-сепаратизму. В Эстонии был создан Объединенный совет трудовых коллективов (ОСТК), в Латвии прошел учредительный съезд Интернационального фронта трудящихся.

В апреле на площади перед Домом правительства в Тбилиси начался многодневный несанкционированный митинг под лозунгами «Независимость – Грузии» и «Долой Российскую империю».

Растерявшись перед мощным национальным движением, Бюро ЦК Компартии Грузии обратилось в ЦК КПСС с просьбой ввести чрезвычайное положение, и на состоявшемся совещании в ЦК было решено направить в Тбилиси войска.

В ночь с 8 на 9 апреля 1989 г. во время вытеснения войсками митингующих с площади погибли 16 чел. Стали распространяться слухи, что солдаты убивали безоружных, в том числе женщин и детей саперными лопатками. В действительности, большинство, как позже было установлено, погибли в результате давки. Эти события дали мощный толчок развитию националистического движения в Грузии.

18 мая 1989 г. Верховные Советы Литвы и Эстонии осудили советско-германский договор 1939 г., потребовав признать незаконность его с момента подписания. Чуть позже к этому требованию присоединился и Верховный Совет Латвии.

В мае 1989 г. Верховный Совет Латвии принял закон о придании латышскому языку статуса государственного и Декларацию о государственном суверенитете республики, а в июле соответствующий закон.

На проходившем в Москве 25 мая – 9 июня 1-м Съезде народных депутатов СССР было решено создать комиссию для политической и правовой оценки советско-германского договора 1939 г. Для Прибалтийских республик принятие такого решения съездом означало подготовку условий для признания незаконности вхождения этих стран в СССР, т.е. фактической оккупации их Советским Союзом.

На 1-м Съезде впервые устами писателя В. Распутина было сказано о возможности выхода из СССР Российской Федерации. Русофобия, сопровождавшая деятельность национальных движений во всех республиках, стимулировала защитную реакцию русского национализма. Подталкивала к казалось бы логичному решению – обретению независимости от центра.

Однако центр и был русским государством. Но отсутствие воли в защите территориальной целостности неизбежно выставляло его как некое антирусское имперское образование.

Вспышки национализма, сопровождавшиеся убийствами и погромами в мае-июне, произошли в Узбекистане (в Фергане), в Казахстане (Новый Узень).

29 мая Верховный Совет Армянской ССР принял указ о признании 28 мая 1918 г. Днем восстановления армянской государственности.

В августе в Латвии был опубликован закон «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Латвийской ССР», объявлявший о суверенитете Латвии. 22 августа накануне годовщины подписания пакта Молотова-Риббентропа было опубликовано заключение комиссии Верховного Совета Литовской ССР. Комиссия пришла к выводу, что, поскольку эти договоры незаконны, то они не имеют юридической силы, Декларация о вступлении Литвы в СССР и Закон СССР о принятии Литовской ССР в состав СССР не действуют.

В ответ ЦК КПСС 27 августа принял жесткое заявление «О положении в республиках Советской Прибалтики», а 30 августа Постановление «О кризисных явлениях в общественно-политической жизни Литовской ССР». Но в начале сентября на встрече с руководителями Прибалтийских республик Горбачев назвал заявление ЦК вынужденной мерой, подчеркнув, что надо «искать пути решения вопросов суверенитета республик».

19 сентября был созван Пленум ЦК по национальному вопросу. На Пленуме предлагалось значительно расширить права союзных республик, разграничить полномочия союзного центра и республик, придать новый статус автономным образованиям.

После Пленума Президиум Верховного Совета СССР принял постановление о первоочередных мерах по совершенствованию законодательства СССР в области межнациональных отношений. Верховным Советом СССР были предоставлены широкие права в экономике Прибалтийским республикам, Белоруссии и Свердловской области. На Политбюро вновь звучало предложение о новом Союзном договоре.

Конец 1989 г. не принес перемен. Сепаратизм после Пленума не угас, а усилился. 23 сентября закон о суверенитете принял Верховный Совет Азербайджанской ССР. Верховный

Совет Литвы признал присоединение республики к СССР в 1940 г. незаконным. В ноябре Верховный Совет Грузии принял поправку к Конституции о праве вето на союзные законы.

Начавшийся 1990 г. принес новое обострение обстановки в Закавказье. 31 декабря – 2 января в Нахичеванской АССР (Азербайджан) прокатилась волна массовых беспорядков. Толпы людей разгромили инженерно-технические сооружения на азербайджано-иранской границе. В результате сотни километров обустроенной границы были разрушены. Центр ответил рядом постановлений, осуждавших акты вандализма, а заодно отмечавших несоответствие Конституции СССР законов, принятых Верховными Советами Армении и Азербайджана по Нагорному Карабаху.

13 января 1990 г. в Баку произошли армянские погромы. В Армении комитет «Карабах» объявил мобилизацию. Верховный Совет СССР ввел чрезвычайное положение в НКАО и других районах. 19 января объявила о своей независимости Нахичеванская АССР.

В Баку в связи с обострением обстановки было введено чрезвычайное положение. Был отстранен от должности первый секретарь ЦК КП Азербайджана А.-Р. Х. Везиров. Руководство Бюро ЦК возглавил А. Муталибов. В ночь с 19 на 20 января в Баку были введены войска. Боевики Народного фронта открывали огонь, войска были вынуждены отвечать. В результате при восстановлении порядка погибли десятки мирных граждан.

Так же, как и в случае с разгоном митинга в Тбилиси, ввод войск стал поводом для роста сепаратизма в Азербайджане. 22 января Верховный Совет Азербайджанской ССР объявил Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении чрезвычайного положения в Баку актом агрессии против республики.

В Молдавии организация «Единство» объявила об отделении Тирасполя от Молдавской ССР и его присоединении к России.

В начале февраля массовые националистические беспорядки, сопровождавшиеся убийствами и погромами, произошли в Душанбе.

В марте в Литве, Латвии и Эстонии победу на выборах в республиканские парламенты одержали сторонники независимости. Первыми же документами, принятыми литовским парламентом, стали акт «О восстановлении независимого

Литовского государства», отмена действия на территории республики Конституции СССР и Конституции Литовской ССР, утверждение временного Основного закона Литовской Республики на основе Конституции 1938 г.

16 марта Верховный Совет Грузии принял декрет о гарантиях защиты суверенитета республики, первым денонсировав Договор 1921 г. и Союзный договор 1922 г.

Проходивший в марте Съезд народных депутатов СССР объявил недействительными решения Верховного Совета Литвы о провозглашении ее независимости до установления законного порядка выхода республики из состава Союза ССР.

30 марта Верховный Совет Эстонии принял закон «О государственном статусе Эстонии», в котором отрицал законность государственной власти СССР и провозглашал курс на восстановление независимости Эстонии.

В мае 1990 г. Верховный Совет Латвии принял декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики.

Союз, Россия и республики Главным событием, повлиявшим на все последующее развитие страны, стал открывшийся 16 мая 1990 г. 1-й Съезд народных депутатов России, в повестку дня которого был включен вопрос «О суверенитете России, Союзном Договоре и народовласти». 29 мая Б. Ельцин был избран Председателем Верховного Совета РСФСР, а 30 мая он на пресс-конференции уже заявил о том, что после принятия Декларации о суверенитете России, она станет во всем самостоятельной и ее законы будут выше союзных. Б. Ельцин предложил начать переговоры с республиками о новом Союзном договоре без каких-либо предварительных условий.

12 июня 1990 г. 1-м Съездом народных депутатов РСФСР была принята Декларация о государственном суверенитете России. В этот же день Совет Федерации решил создать рабочую группу по подготовке Союзного договора из представителей всех республик. Совет предложил создать Союз суверенных государств, сочетающий элементы федерации, конфедерации и сообщества.

Вслед за Россией в течение нескольких месяцев декларации о суверенитете приняли Узбекистан, Молдавия, Украина, Белоруссия, Туркмения, Армения, Таджикистан и Казахстан.

Пока речь шла о суверенитете в составе СССР. Но логика развития национального движения подталкивала к радикаль-

ному решению — полной независимости. Национальные движения на своих съездах принимали решения о курсе на независимость. Так, проходивший 27–28 октября второй конгресс «Руха» на Украине заявил об отказе от поддержки перестройки и взял курс на достижение государственной независимости Украины.

Суверенизация России положила начало двусторонним связям республик в обход союзного центра. 28 июля на встрече в Юрмале с российской делегацией лидеры Прибалтийских государств заявили об отказе участвовать в переговорах о заключении Союзного договора, но готовы вести переговоры о двустороннем договоре с Россией. Свою позицию они подтвердили 1 августа, приняв заявление Совета Балтийских государств о том, что не считают возможным участвовать в разработке нового Союзного договора. Б. Ельцин говорил даже о едином фронте Прибалтийских государств и России против Центра.

1 сентября было заключено соглашение о всестороннем сотрудничестве между РСФСР и Грузией. 22 сентября подписан Договор о принципах межгосударственных отношений РСФСР и ССР Молдова.

Ельцин в августе совершил поездку по России, побывав в Татарии, Башкирии и ряде российских городов. Ему важно было заручиться поддержкой автономий, стремившихся добиться для себя повышения статуса. В это время уже обозначились контуры роста национал-сепаратизма в российских автономиях.

Провозглашение независимости республик в составе СССР подталкивало автономии к одностороннему решению о повышении своего статуса. Рассматривая себя как равноправные субъекты в составе будущего Союза, они, видя рост национализма в новых государствах, вовсе не хотели подвергнуться ассимиляции. Суверенные же республики, за исключением России, вовсе не спешили строить свою государственность на основе реализации национально-территориального принципа. В ряде новых независимых государств появились самопровозглашенные республики. Так, в Молдавии была провозглашена Гагаузская Республика, в Грузии декларации о суверенитете приняли Абхазия и Южная Осетия.

В августе состоялись консультации между рабочими группами Верховных Советов РСФСР и СССР по подготовке Союз-

ного договора, а также консультативные встречи с представителями 12 союзных республик. 30–31 августа проходило совместное заседание Совета Федерации и Президентского совета, на котором обсуждались итоги этих консультаций. Было решено создать Подготовительный комитет по разработке нового Союзного договора в составе полномочных делегаций республик во главе с их высшими руководителями и при участии Президента СССР.

Дискуссия шла вокруг двух концепций договора. Сторонники первой исходили из того, что союзные структуры ликвидируются, а республики устанавливают между собой горизонтальные связи и на этой основе создают Союз. Приверженцы второй исходили из необходимости сохранения существующей союзной вертикали управления, но при условии ее реформирования.

Реальные политические условия и общественное мнение было на стороне первых. В общественном сознании уже было сформировано негативное отношение к союзным структурам. Процесс двусторонних договоров, выбивающих почву из-под Союзного центра, уже начался. Этот процесс стимулировался переходом к рыночным отношениям. В преддверии предстоящего передела собственности власть над конкретной территорией (а, следовательно, распоряжение находящимся там имуществом) стала гораздо привлекательней принципов интернационального единства.

18–19 августа проект нового Союзного договора был направлен в Верховные Советы СССР и республик для обсуждения.

В декабре 1990 г. 4-й Съезд народных депутатов СССР обсудил проект Союзного договора и принял постановление, в котором назвал Союзный договор важнейшим фактором стабилизации обстановки в стране, признал целесообразным, чтобы дальнейшую работу по подготовке и заключению договора проводил Подготовительный комитет из числа высших должностных лиц республик. Верховному Совету СССР и Президенту СССР было поручено определить меры по обеспечению нормального функционирования всех органов власти в Союзе до заключения нового Союзного договора. 24 декабря Съезд принял решение провести референдум по вопросу о сохранении Союза ССР. Фактически населению предлагалось обсудить целесообразность сохранения целостности своего государства!

16 января 1991 г. Верховный Совет СССР принял постановление об организации референдума по вопросу о сохранении СССР. 17 марта вопрос, вынесенный на референдум, был сформулирован следующим образом: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свобода человека любой национальности».

Из принявших участие в голосовании 148,6 млн. чел. (80 % имевших право голоса) 113,5 млн. высказались за сохранение Союза (76,4 %).

Вывод, который был сделан руководством страны из итогов референдума, не предполагал прямого обращения за поддержкой к народу в отстаивании территориальной целостности. Напротив, с еще большей силой стали говорить о необходимости скорейшего подписания Союзного договора.

Ново-Огаревский процесс 23 апреля в загородной резиденции Президента СССР в Ново-Огарево состоялась встреча руководителей девяти республик и М. Горбачева, во время которой было сделано «Совместное заявление», названное журналистами заявлением «9+1». В нем говорилось о том, что для преодоления кризиса первоочередной задачей является заключение с учетом итогов референдума нового Союзного договора. Правда, итоги трактовались не столько в пользу государственного единства страны, сколько в пользу обновления, понимаемого как закрепление суверенитета республик. Республики присматривались к центру, точнее, к его способности контролировать ситуацию. Малейшее колебание тут же использовалось для продвижения к полной независимости. Во главе почти всех республик уже стояли президенты, избранные народом и, следовательно, не зависевшие от ЦК КПСС, тогда как реально в стране действительно наднациональной властной структурой оставалась партия.

В заявлении предполагалось, что после подписания и ратификации (процедура, характерная для фактически независимого государства) не позднее чем через 6 месяцев должна быть принята новая Конституция, куда Союзный договор войдет составной частью.

22 мая, усмотрев противоречия в проекте Союзного договора, Верховный Совет СССР потребовал привести текст договора в соответствие с итогами референдума 17 марта 1991 г.

24 мая в Ново-Огареве состоялось первое заседание Подготовительного комитета, созванного в соответствии с решением 4-го Съезда народных депутатов СССР для работы над проектом нового Союзного договора. В заседании приняли участие руководители всех союзных и автономных республик. 17 июня Подготовительный комитет закончил подготовку текста Союзного договора и направил его Верховным Советам республик и парламенту Союза. Проект был опубликован в печати. Вокруг проекта разгорелись споры. Одни связывали с его подписанием разрешение кризиса в стране, другие видели в нем еще один шаг на пути к полной дезинтеграции Союза.

Согласованный в конечном итоге проект предусматривал, что государства, образующие Союз, являются полноправными членами международного сообщества, равно как и Союз является субъектом международного права. Государства могут входить в состав Союза непосредственно, или в составе другого государства. В последнем случае отношения между ними регулируются договорами, Конституцией государства, в состав которого они входят, и Конституцией Союза. Для РСФСР была применена особая формула: отношения между Россией и республиками регулируются федеративным договором и Конституцией СССР. Конституция России не упоминалась. Это было достижением автономий. Участники договора признавали границы друг друга, что в условиях, когда республики становились субъектами международного права, вело к международно-правовому закреплению их как межгосударственных. С учетом свободы выхода из состава Союза это означало, что Союзный договор обеспечивал благоприятные условия становления национальной государственности республик. Договор закреплял собственность республик на землю, недра, воды. В пределах своих полномочий республики могли приостанавливать действия союзных законов, самостоятельно определять государственные языки. Языком межнационального общения объявлялся русский.

Таким образом, Советский Союз как единое государство фактически переставал существовать. Но вместе с ним распалась и Российская Федерация.

Этот проект было решено опубликовать. На 20 августа было назначено его подписание.

Август 1991 г. До этого события М. Горбачев собирался отдохнуть в Крыму на только что отстроенной даче в Форосе.

Незадолго до отъезда, 29 июля, он в конфиденциальной обстановке в Ново-Огареве встретился с Б. Ельциным и Н. Назарбаевым. Три лидера обсудили возможные кадровые перестановки в высшем руководстве СССР после подписания Союзного договора. Конкретно речь шла о смещении премьера В. Павлова, министра обороны Д. Язова, министра внутренних дел Б. Пуго и председателя КГБ В. Крючкова.

Выступив 2 августа по телевидению с сообщением о предстоявшем подписании Союзного договора, 5 августа Горбачев отправился в Форос.

Тем временем в Москве шла интенсивная подготовка к введению чрезвычайного положения.

18 августа в Форос приехали Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников и Плеханов. Они показали М. Горбачеву предполагаемый состав будущего ГКЧП и предложили подписать указ о введении в стране чрезвычайного положения. Но неожиданно для себя получили категорический отказ. Это сразу же превращало всех инициаторов в заговорщиков.

По возвращении в Москву они объявили о недееспособности Президента.

Утром 19 августа, за день до подписания нового Союзного договора, по каналам ТАСС было передано заявление высшего руководства страны, в котором говорилось о том, что в связи с «невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР», его полномочия переходят к вице-президенту Г. Янаеву. В целях преодоления угрожавших суверенитету страны политической, межнациональной и гражданской конфронтаций, хаоса и анархии, исходя из результатов всенародного референдума о сохранении Советского Союза, «идя навстречу требованиям широких слоев населения» о необходимости принятия решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе» в отдельных местностях страны вводилось чрезвычайное положение. Для управления страной в условиях режима ЧП образовывался государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в составе: О. Бакланов – первый заместитель председателя Совета обороны СССР, В. Крючков –

председатель КГБ СССР, В. Павлов – премьер-министр СССР, Б. Пуго – министр внутренних дел СССР, В. Стародубцев – председатель Крестьянского союза СССР, А. Тизяков – президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Д. Язов – министр обороны СССР, Г. Янаев – и. о. Президента СССР.

Своими постановлениями ГКЧП объявил о приостановлении деятельности политических партий и общественных организаций, препятствующих нормализации обстановки, о расформировании действовавших вопреки Конституции СССР структур власти, запрете митингов и демонстраций, установлении контроля над средствами массовой информации.

Для того, чтобы успокоить население, предполагалось осуществить целый ряд экономических и социальных мер: снизить цены на отдельные товары, оказать помощь селу и др.

В ответ на заявление ГКЧП в своем обращении «К гражданам России» Президент РСФСР Б. Ельцин, исполнявший обязанности Председателя Верховного Совета РСФСР Р. Хазбулатов и Председатель Правительства РСФСР И. Силаев назвали действия ГКЧП «реакционным антиконституционным переворотом», объявив все его действия незаконными и не подлежащими исполнению. Призвав граждан России к всеобщей бессрочной забастовке, а военнослужащих не участвовать в перевороте, они потребовали немедленного созыва Чрезвычайного съезда народных депутатов СССР.

Началось открытое противостояние ГКЧП и российского руководства.

Б. Ельцин издал указ, в котором квалифицировал действия Комитета как государственный переворот, а все его решения незаконными на территории Российской Федерации; должностные лица, исполняющие решения ГКЧП, предупреждались об уголовной ответственности.

Другим указом Б. Ельцин переподчинил себе «все органы исполнительной власти Союза ССР, находящиеся на территории России, в том числе КГБ СССР, МВД СССР, Министерство обороны СССР. В обращении к солдатам и офицерам он выразил уверенность, что они не пойдут против своего народа.

В ответ исполнявший обязанности Президента СССР Г. Янаев объявил указы Президента РСФСР противоречащими Конституции СССР, а следовательно не имеющими юридической силы.

По решению ГКЧП в Москву были введены войска. Улицы города были наводнены солдатами и боевой техникой.

В целом население страны сохраняло спокойствие. Призыв российских руководителей к всеобщей забастовке остался без ответа. Лишь вокруг Дома Советов собрались несколько десятков тысяч москвичей, в основном интеллигенция и студенты, готовых защитить Президента.

В ночь с 20 на 21 августа в туннеле на пересечении Садового кольца и Калининского проспекта возбужденная толпа попыталась задержать колонну боевых машин, двигавшихся в сторону Смоленской площади. В результате несчастного случая погибли трое молодых людей.

21 августа в Форос вылетели Д. Язов, В. Крючков, О. Бакланов, А. Лукьянов и др. Горбачев отказался встретиться с ними. Спустя несколько часов в Форос прибыла уполномоченная Верховным Советом РСФСР делегация во главе с вице-президентом А. Руцким и премьером И. Силаевым.

Лидеры ГКЧП были арестованы. Горбачев вернулся в Москву, полностью отмежевавшись от своих соратников.

23 августа на встрече с депутатами Верховного Совета РСФСР Горбачеву фактически было предъявлено ультимативное требование о роспуске КПСС, которое он принял.

Ельцин подписал Указ о приостановлении деятельности Компартии РСФСР. Бывшая партийная собственность была конфискована. Были закрыты коммунистические газеты «Правда», «Советская Россия», «Гласность», «Московская правда», а также газета «День».

На пути
к беловежскому
соглашению

Августовские события привели к усилению дезинтеграции страны.

Уже 20 августа парламент Эстонии принял постановление о государственной независимости республики, а днем позже Конституционный закон о государственном статусе республики принял парламент Латвии.

24 августа Верховный Совет Украины провозгласил республику независимым государством. В постановлении говорилось, что этот шаг предпринят «исходя из смертельной опасности, нависшей над Украиной в связи с государственным переворотом в СССР 19 августа 1991 года».

25 августа о своей независимости объявила Белоруссия. До конца месяца ее примеру последовали Молдова, Азербайджан, Киргизия, Узбекистан.

Руководство России в полной мере воспользовалось благоприятной ситуацией, возникшей в результате провалившегося путча для укрепления российской государственности.

22 августа Б. Ельцин издал указ «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», которым предусматривалась передача всех предприятий и организаций союзного значения, находящихся на территории республики, в собственность России. Под юрисдикцию России переводились целые отрасли хозяйства. Было прекращено финансирование союзных министерств, за исключением Министерства обороны, МПС и Минатома. 28 августа 1991 г. Россия установила контроль над Государственным банком СССР и Внешэкономбанком СССР.

Союз распадался на глазах. М. Горбачев, видя как власть ускользает из рук, предпринимал лихорадочные усилия для возобновления процесса подписания Союзного договора. На проводимых им совещаниях руководителей республик формально подтверждалась необходимость подписания договора. Однако реальные действия политических элит союзных республик шли в направлении их дальнейшей суверенизации. Для закрепления успеха им было необходимо устранить препятствие в лице Съезда народных депутатов СССР, сохранявшего свою конституционную легитимность.

1 сентября М. Горбачев провел совещание с руководителями республик. 2 сентября на открывшемся внеочередном 5-м Съезде народных депутатов СССР с заявлением от имени Президента СССР и высших руководителей союзных республик выступил Н. Назарбаев. В заявлении предлагалось, в целях недопущения дальнейшего распада структур власти и до создания новой государственной системы, образовать Совет представителей народных депутатов от союзных республик, Государственный Совет в составе Президента СССР и высших должностных лиц союзных республик, а для координации управления народным хозяйством – Межгосударственный экономический комитет. Предполагалось подписать Союзный договор, заключить экономический союз. В заявлении говорилось о подготовке Конституции, проект которой должен быть рассмотрен и утвержден парламентами союзных республик, а окончательное принятие осуществлено на съезде уполномоченных представителей союзных республик.

Руководители республик просили Съезд народных депутатов о поддержке обращения союзных республик в ООН с просьбой о признании их субъектами международного права.

Съезд одобрил предлагаемые меры, приняв постановление «О мерах, вытекающих из совместного заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик и решений внеочередной сессии Верховного Совета СССР». А также принял Закон СССР «Об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период».

5 сентября Съезд завершил работу. Фактически произошел его самороспуск.

Одним из первых шагов Госсовета СССР стало признание независимости Латвии, Литвы и Эстонии вопреки недавно принятому закону о порядке выхода из СССР.

1 октября в Алма-Ате состоялась встреча руководителей 13 республик, на которой обсуждался проект Договора об экономическом сообществе в рамках СССР. 4 октября парафированный текст Договора был опубликован. 11 октября на заседании Госсовета обсуждались проблемы Союзного договора и Договора об экономическом сообществе.

18 октября Договор об экономическом сообществе был подписан Президентом СССР и руководителями 8 республик (кроме Украины, Молдавии, Грузии и Азербайджана).

В то же время процесс суверенизации продолжился. 27 октября была провозглашена независимость Туркмении.

4 ноября 1991 г. состоялось заседание Государственного Совета, на котором обсуждались вопросы ускорения экономической реформы, а также сохранения Союза. Более конкретно обсуждались судьбы армии, МИДа, КГБ и других структур Союза государств. На заседании Б. Ельцин поддержал маршала Е. Шапошникова, высказавшись за единые вооруженные силы. С резкой критикой он выступил против МИДа за поддержку путчистов. Через день М. Горбачев направил членам Госсовета проект Договора о Союзе Суверенных Государств с учетом поступивших замечаний.

Союз в документе определялся как «Союз Суверенных Государств (ССГ) – союзное демократическое государство, осуществляющее государственную власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники Договора».

Однако Украина, парафировавшая Договор об экономическом сообществе, не намерена была создавать союзное государ-

ство. Л. Кравчук, на пресс-конференции 8 ноября, после возвращения из Москвы заявил, что самое главное – провести референдум о независимости Украины, создать национальную армию, ввести собственную валюту. Что же касается Союза, то Украина, по его словам, не ратифицирует Договор, если за ним будут стоять какие-либо центральные органы власти. По его словам, «никакого центра вообще быть не должно, кроме координационных органов».

25 ноября главы государств собрались в Ново-Огареве для парафирования текста Договора. Однако под предлогом того, что на Украине 1 декабря проводился референдум, а без Украины ни о каком государстве не может быть и речи, парафирование не состоялось. Решили направить текст Договора Верховным Советам государств и Верховному Совету СССР для рассмотрения и подготовки окончательного текста.

27 ноября был опубликован пятый и последний проект Договора о Союзе Суверенных Государств. В этот же день состоялось последнее заседание Госсовета СССР, на котором обсуждалась ситуация в Нагорном Карабахе.

1 декабря на Украине состоялся референдум. 90,3 % голосовавших высказались за независимость Украины. Л. Кравчук был избран президентом Украины.

2 декабря Б. Ельцин заявил о признании независимости Украины. Одновременно в Казахстане президентом был избран Н. Назарбаев (98,8 % голосов).

3 декабря Верховный Совет СССР одобрил проект Договора. На следующий день Горбачев обратился к Верховным Советам республик с призывом поддержать проект.

8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще Б. Ельцин, Л.Кравчук и С. Шупкевич объявили: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование».

Соглашение об образовании СНГ было ратифицировано 10 декабря Верховными Советами Украины и Белоруссии.

11 декабря о своем присоединении к СНГ заявили Армения и Киргизия. 12 декабря Соглашение о создании Содружества Независимых Государств ратифицировал Верховный Совет РСФСР.

Выступая на четвертой сессии Верховного Совета РСФСР, Б. Ельцин заявил: «Главный итог состоит в следующем. Три республики, которые выступали учредителями СССР, приос-

становили процесс стихийного, анархичного распада того общего пространства, в котором живут наши народы. Была найдена единственно возможная формула совместной жизни в новых условиях – Содружество Независимых Государств, а не государство, где никто не имеет независимости». «Соглашение, – продолжал он, – является базой для динамичного развития нового типа связей между суверенными государствами. Положен конец самому главному препятствию к этому – союзному центру».

На следующий день в Ашхабаде состоялась встреча глав государств Средней Азии и Казахстана, на которой идея СНГ была в основном одобрена. 16 декабря Верховный Совет Казахстана принял закон о государственной независимости республики.

18 декабря Совет Республик Верховного Совета СССР принял заявление, в котором выразил понимание соглашения России, Белоруссии и Украины о создании СНГ.

В течение последующих двух дней были упразднены МИД СССР и Госбанк СССР.

21 декабря в Алма-Ате состоялось подписание Декларации глав одиннадцати государств в поддержку беловежского соглашения, в которой говорилось, что с образованием СНГ Союз Советских Социалистических республик прекращает свое существование.

25 декабря в 19 час. М. Горбачев выступил по телевидению с заявлением: «В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР». В 19 час. 38 мин над Кремлем красный флаг СССР был заменен трехцветным российским.

§ 4. Внешнеполитическая деятельность Горбачева и его команды

Концепция «нового политического мышления» и ее реализация

Внешняя политика во времена перестройки сыграла роль ускорителя внутренних преобразований; в эти годы изменения во внешнеполитическом курсе становились как бы обоснованием необходимости внутренних преобразований.

Идеологической базой проводившегося М. Горбачевым внешнеполитического курса стала концепция «нового политичес-

кого мышления», в основе которой лежала идея взаимозависимости и целостности мира, провозглашался отказ от решения проблем с применением силы, вместо традиционного баланса сил провозглашался баланс интересов при приоритете общечеловеческих ценностей.

В июле 1985 г. место главы внешнеполитического ведомства страны занял бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. Шеварднадзе. Были заменены десять из двенадцати заместителей министра, большинство начальников управлений.

Во внешней политике «горбачевского периода» условно можно выделить два этапа: 1985–1988 и 1989–1991 гг. Первый характеризовался сближением и демонстрацией максимальной открытости между Западом и СССР, налаживанием мостов и достижением первых договоренностей, которые воспринимались как результат окончания «холодной войны». Второй совпал с распадом социалистической системы, ликвидацией Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи, характеризовался фактически односторонними уступками Советского Союза.

Новый внешнеполитический курс был официально утвержден на XXVII съезде КПСС, на котором было заявлено, что отныне приоритетными являются глобальные проблемы экономики, экологии, сохранения мира; принципы социалистического интернационализма уступают место общечеловеческим ценностям. М. Горбачев определил три основных направления деятельности: преодоление конфронтации между Востоком и Западом, с которым ставилась задача достичь партнерских отношений; урегулирование региональных конфликтов; признание существовавшего миропорядка и отказ от идеологических предпочтений в отношениях с другими государствами.

За время своего руководства страной М. Горбачев как никакой другой руководитель государства в мире совершил множество зарубежных поездок. Важнейшее значение имели его встречи с президентом США Р. Рейганом в Женеве в ноябре 1985 г., в Рейкьявике в октябре 1986 г., в Вашингтоне в декабре 1986 г., в Москве в июле 1988 г.

8 декабря 1987 г. в результате интенсивных консультаций была достигнута договоренность о ликвидации в Европе советских и американских ракет средней и малой дальности.

Советский Союз взял на себя обязательства уничтожить 1752 ракеты, США — 869. Это соглашение было дополнено установлением системы взаимного контроля. СССР помимо этого ликвидировал часть своих ракет средней и малой дальности, размещавшихся в Сибири и на Дальнем Востоке. С военной точки зрения Советский Союз пошел на значительные односторонние уступки США. По инициативе советского руководства были также уничтожены ракеты малой дальности «Ока», не попадавшие под условия договора.

На переговорах в течение 1985–1987 гг. СССР настаивал на отказе США от развертывания системы противоракетной обороны космического базирования, известной как СОИ (стратегическая оборонная инициатива). Однако в конце концов СССР снял свои возражения, не получив при этом никаких гарантий от США в том, что они не попытаются осуществить эту программу в будущем.

Значительно улучшились отношения с Китайской Народной Республикой. В мае 1989 г. состоялся первый за последние 30 лет визит главы СССР в КНР.

Развивались отношения со странами Юго-Восточной и Южной Азии, с государствами Латинской Америки, ЮАР. В то же время СССР продолжал оказывать помощь странам, заявлявшим о своей приверженности «социалистическим идеалам» — Алжиру, Анголе, Эфиопии, Ираку, Сирии.

В отношениях с социалистическими странами Восточной Европы наметились существенные перемены. Руководство этих стран фактически лишилось поддержки Советского Союза.

В 1989–1991 гг. произошли фундаментальные изменения во внешнеполитическом положении СССР. В феврале 1988 г. М. Горбачев объявил о выводе войск из Афганистана, который начался 15 мая. В феврале 1989 г. последний советский солдат покинул Афганистан, война, продолжавшаяся почти десять лет, закончилась. Вывод войск свидетельствовал о том, что СССР уже не мог обеспечивать свое силовое присутствие в других регионах мира.

В этот период практически во всех социалистических странах к власти пришла оппозиция. Польша, Чехословакия и Румыния заявили о сокращении своих обязательств в Организации Варшавского Договора.

Произошло резкое снижение торгового оборота между СССР и восточноевропейскими странами. Экономическое сотрудни-

чество между вчерашними социалистическими партнерами сократилось вследствие переориентации экономик на западные страны и отказа от прежней политики заниженных цен. Военное сотрудничество совсем прекратилось. В марте 1991 г. официально перестала существовать Организация Варшавского Договора.

В течение 1990 – начале 1991 г. СССР заключил соглашения со всеми восточноевропейскими государствами о выводе своих войск с их территории, который осуществлялся в спешном порядке.

Важнейшим событием этого периода стало объединение Германии. В ноябре 1989 г. рухнула берлинская стена, около тридцати лет разделявшая немецкий народ. К власти в ГДР пришла христианско-демократическая партия, поставившая своей целью скорейшее объединение страны. СССР согласился на объединение Германии и обещал вывести свои войска в течение 4 лет, получая взамен экономическую помощь в размере 10 млрд. немецких марок, которые должны были пойти на обустройство выводимых из Германии войск и обещание, что на территории ГДР не будут размещены войска НАТО. В октябре 1990 г. ГДР перестала существовать.

Летом 1989 г. неожиданно для многих стран Ирак оккупировал соседний Кувейт. Коалиция западных государств во главе с США при поддержке со стороны СССР и других тогда еще социалистических стран, с согласия ООН силой оружия заставила Ирак уйти с оккупированных территорий. По решению ООН против Ирака были применены экономические санкции. Фактически СССР отказался от поддержки своего старого партнера, с которым до этого имел тесные экономические связи. Ирак был должен СССР несколько миллиардов долларов. Введенное ООН по инициативе США экономическое эмбарго против Ирака особенно больно ударило по экономическим интересам СССР.

Внешняя политика СССР конца 80-х годов была полностью ориентирована на установление тесных связей с Западом. Советское руководство стремилось к развитию экономических связей с капиталистическими гигантами, рассчитывая на помощь в разрешении внутренних экономических проблем. Однако Запад обуславливал оказание такой поддержки обязательными внутривластными изменениями в СССР.

В 1990 г. США предоставили СССР режим наибольшего благоприятствования в торговле, но не сняли ограничения на поставку в СССР высокотехнологичного оборудования, прежде всего компьютеров большой мощности. Оказывая экономическую помощь СССР, западные страны исходили из своих долгосрочных целей.

К концу 1991 г. в мире произошли огромные перемены, суть которых сводилась к распаду некогда могучего социалистического содружества и глобальному ослаблению позиций СССР.

Вопросы и задания

- Охарактеризуйте основные положения внутри- и внешнеполитического курса перестройки, укажите ее достоинства и недостатки.
- Дайте характеристику основным общественным и политическим течениям эпохи «перестройки».
- Назовите важнейшие причины распада СССР и те последствия, к которым он привел.
- Раскройте основные этапы политического союза и противостояния Горбачева и Ельцина. Назовите причины, позволившие Ельцину стать лидером России.

§ 1. Экономические реформы и их последствия

Начало реформ На состоявшемся в конце октября 1991 г. 5-м Съезде народных депутатов Б. Ельцин заявил, что настал момент для перехода к решительному реформированию экономики. Обозначив программу своих действий и обратившись к населению за поддержкой, он подчеркнул, что предстоящие меры будут болезненны, но предлагаемый им путь — единственно возможный в сложившихся условиях. Трудности и лишения, по словам Президента, будут ощущаться в течение года, но к осени 1992 г. начнется «стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей». Был определен день перехода к радикальным реформам — 1 ноября 1991 г., который, по настоянию республиканских лидеров, был перенесен на 2 января 1992 г.

План сводился к либерализации цен, ускоренной приватизации, земельной реформе с введением права купли-продажи земли, реформированию банковской системы. Чтобы несколько смягчить положение населения, которому предстояло выдержать резкое повышение цен, предусматривались некоторые меры социальной защиты.

Так как реформы требовали твердого руководства, Президент заявил о своей готовности возглавить правительство. В связи с этим он запросил у Съезда согласия на предоставление ему дополнительных полномочий, позволявших изменять структуру высших органов исполнительной власти (с последующим утверждением Верховным Советом), определять персональный состав правительства. После бурных дебатов Съезд одобрил основные принципы предлагавшихся реформ и сроком до декабря 1992 г. наделил Ельцина дополнительными полномочиями. Избранный на Съезде Председателем Верховного Совета Р. Хасбулатов призвал Съезд и Верховный Совет активно помогать Президенту.

Краеугольным камнем заявленных реформ было освобождение цен из-под контроля государства. Сторонники этого шага доказывали, что разовое освобождение цен быстро приведет к установлению сбалансированного соотношения цен и спроса.

Сократит избыточную денежную массу, наполнит товарами прилавки, будет способствовать конкуренции. И в конечном итоге приведет к оживлению и росту экономики. Рыночные отношения самиотрегулируют производство. В то же время противники либерализации предупреждали, что в условиях монополизированной советской экономики освобождение цен само по себе не приведет к росту конкуренции предприятий в борьбе за потребителя. Напротив, отпуск цен, особенно на сырье, энергоносители и транспортные услуги приведет к фактическому банкротству большинства предприятий, резкому падению производства, массовой безработице и обнищанию большей части населения страны. Они обращали внимание и на тот факт, что практически нигде в мире монетаристская модель не была реализована в чистом виде. В тех же странах, которым пришлось выходить из кризиса, начиная от США времен «великой депрессии» и заканчивая Японией, всюду огромная регулирующая роль принадлежала государству.

Подвергалась жесткой критике и программа ускоренной приватизации, которая, по мнению ее критиков, приведет не к появлению эффективного собственника, а к растаскиванию государственной собственности.

Созданное Президентом правительство, возглавляемое вице-премьером Е. Гайдаром, отказалось от предложений по реформированию экономики на основе ведущего регулирующего воздействия государства и сохранения за ним контроля в базовых отраслях. Акцент делался на ускоренное формирование собственников, которые могли стать прочной опорой реформ и власти. Интеллигенция и служащие, а также часть квалифицированных рабочих, ставшие социальной базой в борьбе против всевластия КПСС в условиях перераспределения собственности уже не могли быть надежной опорой. Так называемый средний класс советской эпохи, проголосовавший за демократию и рынок, не был классом собственников. Создать такой класс ускоренными темпами и было задачей правительства реформ, чтобы не утратить власть.

Начало радикальных реформ открыло период перехода к иному социально-экономическому строю. Благодаря энергичному воздействию на население средств массовой информации многие россияне оказались подготовленными к отказу от прежнего строя. Власти удалось нейтрализовать возможное

неприятие его негативных сторон. Мало кто отдавал себе отчет, что будет означать для него лично отказ от ставших привычными низких цен на товары и услуги первой необходимости, бесплатного медицинского обслуживания, образования, жилья, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Трудности и обстановка углублявшегося экономического кризиса, прежде всего дефицита всего необходимого и раздражение от длинных очередей, парализовали волю к критическому осмыслению предлагавшихся реформ у большинства населения.

Вместе с тем, рост цен с января 1992 г. превзошел все ожидания. Вместо оптимистичных прогнозов их увеличения в 3–5 раз и пессимистичных – в 8–10 раз, в течение одного 1992 г. цены подскочили в 36 раз! Рост заработной платы и социальных выплат не успевали компенсировать снижение покупательной способности населения.

Однако оказавшееся в новых условиях население начало приспособливаться к росту цен. Очень важным моментом стало преодоление психологического барьера неопределенности и бездеятельности. Многие люди стали надеяться на свои силы, постепенно осознавая, что государство уже не будет заботиться о них, как прежде. В то же время перед теми, кто поверил в возможность занятия предпринимательством в России, открылись новые перспективы.

Однако либерализация цен не включила механизм конкуренции. Предприятия-монополисты пошли не по пути снижения издержек, а по пути повышения цен на свою продукцию. В стране шло падение производства. В особенно критическом положении оказались предприятия военно-промышленного комплекса. Предполагалось, что именно эти предприятия, обладавшие высокими технологиями и современным оборудованием, обеспечат прорыв отечественной промышленности на мировой рынок. Произошло же резкое сокращение государственного оборонного заказа и экспорта вооружений. Одновременно у государства не оказалось средств на проведение конверсии. В итоге в оборонных отраслях резко сокращалось производство, сотни тысяч высококлассных специалистов вынуждены были уйти в другие отрасли хозяйства, прежде всего в торговлю.

Не оправдались надежды и на быстрое реформирование сельского хозяйства. Фермерское движение без финансовой под-

держки со стороны государства не могло встать на ноги. Передел же колхозно-совхозной собственности, во-первых, не мог дать достаточных материальных средств, а во-вторых, он натолкнулся на сопротивление как самих крестьян, так и руководителей колхозов и совхозов. Сельскохозяйственное производство сокращалось и страна все больше зависела от продовольственного импорта.

Реформы разворачивались без соответствующей законодательной базы. В этих условиях от них выиграли прежде всего те, кто наживался за счет менее расторопных сограждан. 29 января 1992 г. Президент издал указ «О свободе торговли», предоставивший равные права каждому, кто собирался заняться предпринимательством в сфере торговли. Указ подтолкнул к занятию торгово-посреднической деятельностью сотни тысяч людей. Рост торгово-посреднических операций происходил на фоне падения объема промышленного производства и престижа производительного труда. Скрытая безработица, простой предприятий, с одной стороны, примитивная торгово-посредническая деятельность, с другой, вели к резкому расслоению общества и как следствие к росту социальной напряженности.

В тяжелом положении находилось не только производство, но и социальная сфера, наука, система здравоохранения и образования. Закрылись многие НИИ, лаборатории, резко ухудшилось материальное положение ученых и преподавателей, что стало основной причиной их оттока в коммерцию или за границу. Только в 1992 г. в коммерцию ушли 90 тыс. ученых. Численность научно-педагогических работников сократилась на 27 %.

Внутренние соотношения доходов различных социальных групп российских граждан доперестроечного времени гораздо более соответствовали аналогичным пропорциям в западных странах. Но после начала радикальных преобразований в российском обществе произошли резкие подвижки социальной структуры. По данным Российской Академии наук, к концу 1993 г. слой богатых в стране составил 3–5 %, среднеобеспеченных – 13–15, бедных – 40, живших за чертой бедности – 40 %. По данным других социологов, к средним слоям следовало отнести всего лишь 7 % населения, к бедным – 25, находящимся за чертой бедности – 65 %.

До начала радикальных преобразований в стране, если судить по доходам, был средний класс, к которому относились служащие, высококвалифицированная часть рабочего клас-

са, интеллигенция, государственные служащие. Именно эта часть населения оказала максимальную поддержку начатым Горбачевым преобразованиям. Но в ходе реформ именно этот слой меньше других что-либо выиграл.

Сокращение производства привело к росту безработицы. И только инерция системы и традиционная политика директора удерживала страну от массового выброса на улицы миллионов безработных. В условиях России ссылки на безработицу, как на необходимый фактор повышения эффективности труда и мобильности рынка рабочей силы, оказались неоправданными. Плановая экономика страны и характер размещения предприятий, отсутствие свободного и доступного рынка жилья сделали проблему безработицы настоящим бедствием. В стране есть города и поселки, судьба которых напрямую зависит от работающих там предприятий. Люди, занятые в местной промышленности, были не в состоянии найти работу по месту жительства и не имели возможности переехать в другой регион.

Официально регистрируемые Федеральной службой занятости безработные составляли лишь небольшую часть фактически безработных в стране. Скрытая безработица, когда значительная часть рабочих переводится на неполную неделю, а то и вовсе посещает предприятия, но не работает, стала массовым явлением. Директорам предприятий стало даже выгодно отправлять работников в принудительные неоплачиваемые отпуска, чем увольнять их. Поскольку в этом случае пришлось бы платить пособие по безработице.

Социальную напряженность, вызванную падением производства, снижала так называемая вторичная занятость: совместительство, работа во временных трудовых коллективах, в которых были задействованы в 1994 г. 8 млн. чел., из них 3 млн. занимались торгово-посреднической деятельностью. На конец 1994 г. потенциальная безработица в стране по оценкам специалистов составляла 9,9 млн. чел., или 13,2 % всего трудоспособного населения страны. Тогда как официальный статус безработного имели всего 1,5 млн. чел., или 2 % экономически активного населения, но это спасало обстановку, поскольку на начало 1995 г. Государственный фонд занятости мог обеспечить финансирование региональных программ занятости только при уровне безработицы не более 3 % трудоспособного населения.

По отдельным регионам безработица достигла катастрофических для местного населения размеров. Например, в Ивановской области в начале 1995 г. безработных было около 40 % всех трудоспособных жителей. Причем более 40 % составляли люди с высшим и средним специальным образованием. В Москве и Санкт-Петербурге, Белгородской, Саратовской, Ульяновской областях более половины всех безработных составляли люди с высшим и средним специальным образованием.

Приватизация Приватизация должна была покончить с монополией государства в сфере производства, стимулировать заинтересованность производителей в результатах своего труда, сделать каждого в той или иной степени собственником.

Долгие дискуссии о путях приватизации завершились принятием схемы, по которой на руки гражданам выдавались приватизационные чеки. Это пропагандировалось как наиболее справедливый путь приватизации, или, как чаще говорили, разгосударствления предприятий, поскольку каждый гражданин через чеки становился как бы совладельцем всего государственного имущества, получая свою долю. Всего было роздано 146 млн. чеков. Гражданам предложили выбрать для себя схему реализации чека: либо использовать его при закрытой подписке на акции своего предприятия, либо участвовать в чековой аукционе; либо купить акции чекового инвестиционного фонда (ЧИФ) – таковых было создано 646, либо продать. Таким образом, граждане не на прямую должны были осуществить свое право на участие в приватизации, а либо через акционирование своих предприятий, разместив свои чеки там, либо передав их в специально для этого созданные чековые инвестиционные фонды.

На практике приватизационные чеки, получившие в народе название «ваучеры», оказались втянуты в спекулятивный оборот. Многие граждане продавали свои чеки сомнительным коммерсантам, или отдавали их в ЧИФы, рассчитывая на получение в будущем дивидендов. Реальная стоимость ваучеров быстро падала, а население спешило от них избавиться, так как были установлены довольно жесткие сроки их реализации. В результате приватизационные чеки аккумулировались в руках спекулянтов, легализовавшихся теневиков, и в значительной мере у администрации предприятий, чиновников, создавших побочные коммерческие структуры, кото-

рые специально занимались сбором приватизационных чеков у населения и работников предприятий.

Важнейшей чертой ваучерной приватизации стал беспрецедентный темп ее проведения. В начале июля 1994 г. вице-премьер правительства А. Чубайс заявил: «Ни в одной стране мира подобного масштаба программа в подобные сроки мирным образом не совершалась. Россия сделала это впервые не только в своей истории, но и вообще в истории. Этот факт сегодня невозможно отрицать. Невозможно отрицать и тот факт, что именно программа российской приватизации сделала необратимой, пожалуй, всю программу российских экономических реформ».

Фактически бескровно произошел передел собственности. Секрет заключался в том, что на первом этапе собственность как бы передавалась тем, кто ею и так владел, или, по крайней мере, ощущал себя владельцем. 3/4 акционировавшихся предприятий избрали второй вариант приватизации, т.е. 51 % акций оставался в руках предприятий. Директора государственных предприятий стали главами акционерных обществ, ничего не потеряв. Напротив, создав к этому времени коммерческие структуры при предприятиях и сохраняя в них контроль, они даже получили возможность постепенно завладеть значительной долей акций приватизируемых предприятий. Однако в самом механизме приватизации были заложены возможности для перераспределения собственности в другие руки. Но на первом этапе получилось, что большинство населения и, в первую очередь директорский корпус, оказались заинтересованы в ее успехе.

30 июня 1994 г. Госкомимущество заявило, что чековая приватизация завершилась. Как было сказано в официальном отчете, главным ее результатом «явилось создание широкого слоя частных собственников, который сформировался благодаря введению в обращение приватизационных чеков, а также условий для становления рынка ценных бумаг». 40 млн. граждан стали акционерами созданных в ходе приватизации АО или чековых фондов. К 1 июля 1994 г. было приватизировано 75,4 % предприятий торговли, 66,3 – предприятий общественного питания, 76,4 % предприятий обслуживания населения.

Большинство акционеров не стали и не могли стать эффективными собственниками. Чтобы участвовать в управлении пред-

приятием, нужно было обладать, по крайней мере, 10 %-ным пакетом акций. Что для обыкновенных держателей было невозможно. С другой стороны, не оправдались надежды включившейся в приватизацию части населения и на получение дивидендов. С прибылью работали в 1994 г. не более 10 % приватизированных предприятий. Следовательно, и получить дивиденды по приобретенным акциям могли не более 10 % акционеров. То же относилось и к так называемым ЧИФам. Из 646 фондов лишь 136 начислили во втором квартале 1994 г. скромные дивиденды. Поступление доходов от приватизации в бюджет, на которые ссылались начиная ее, также оказались куда меньше ожидавшихся. За два года в бюджеты всех уровней поступило всего лишь 1 трлн. руб., что в два раза меньше доходов, полученных от приватизации в Венгрии.

Вопреки ожиданиям сократились иностранные инвестиции в экономику: с 2921 млн. долл. в 1993 г. до 768 млн. долл. за 9 мес. 1994 г. При этом инвестиции шли в основном не в обрабатывающую промышленность, не в высокотехнологичные отрасли, а в добывающие. Доля валютных инвестиций в топливно-энергетические отрасли за 9 мес. 1994 г. поднялась с 25 до 63 %, тогда как в машиностроение наоборот упала с 17 до 3 %.

Механизм проведения приватизации был нацелен на то, чтобы в максимально короткие сроки раздать государственную собственность с учетом того, что действительных капиталов для приобретения собственности по рыночным ценам в стране не было. Общая номинальная величина ваучерного фонда (около 1,5 трлн. руб.) примерно соответствовала балансовой стоимости основных производственных фондов России на конец 1991 г. Но после либерализации цены выросли в 20 раз, тогда как соответствующая переоценка стоимости основных фондов была проведена только в середине 1993 г. Таким образом величина ваучерного фонда относительно стоимости предприятий была завышена, что позволило через чековые инвестиционные фонды фактически обеспечить передачу государственной собственности новым владельцам по низким ценам.

500 крупнейших приватизированных предприятий России стоимостью не менее 200 млрд. долл. были фактически проданы за 7,2 млрд. долл. США.

Например, такое крупное предприятие как автомобильный завод им. Лихачева в Москве был продан за 4 млн. долл.,

тогда как стоимость его основных фондов составляла на момент продажи не менее 1 млрд. долл.

Проводимая приватизация, не сопряженная со структурной перестройкой промышленности, привела к тому, что подавляющая часть возникших на базе государственных приватизированных предприятий оказалась на грани банкротства, а население, получившее акции, превратилось в неэффективных инвесторов. Тенденция к разукрупнению предприятий в процессе приватизации привела к тому, что нарушились целостные технологические комплексы и связи между смежными предприятиями. Приватизация осуществлялась без учета специфики предприятий оборонного комплекса страны, их роли в выполнении государственного оборонного заказа. Чем не преминули воспользоваться иностранные компании, действовавшие через посреднические фирмы, зарегистрированные в России. Они стали скупать акции важных для обороны страны предприятий. Повышенный интерес иностранных компаний был в таких отраслях как электроника, авиация, ракетостроение, атомная энергетика, выпускавших конкурентоспособную продукцию.

В частных руках иностранных компаний оказались предприятия машиностроения, нефтегазодобычи и переработки, электроэнергетики, водного, речного и авиационного транспорта, объекты связи. Государство фактически потеряло контроль над предприятиями цветной металлургии, где более 90 % акций перешли в руки западных компаний. Общее количество акций, приобретенных иносфирмами в Российском акционерном обществе «ЕЭС России» на конец 1994 г. составило 17 %. Фирма Baldwin Enterprises (США) через подставную фирму купила более 10 % акций оборонного завода «Компонент», который на 87 % от общего объема выпуска продукции выполнял оборонные заказы Генштаба Вооруженных Сил. Концерн «Сименс» приобрел 20,8 % акций АО «Калужский турбинный завод», который производит паротурбинные установки для атомных подводных лодок. Американские фирмы «Боинг», «Сикорский» через российские фирмы и чековые фонды приобрели 28 % акций вертолетного завода им. М. Миля.

Государственная Дума Российской Федерации в июле 1994 г. признала итоги первого этапа приватизации неудовлетвори-

тельными. В своем анализе итогов приватизации Комитет Госдумы по собственности и приватизации писал, что политика приватизации привела к обострению социально-экономического кризиса в стране и создала условия, серьезно затрудняющие выход из него. «Этого можно было бы избежать, — говорилось в заявлении, — если бы процесс приватизации не был подчинен достижению чисто политических целей руководства Госкомимущества — всеми возможными способами ускорить процесс передела государственной и муниципальной собственности». Декларировавшиеся цели не были достигнуты. 1994 г. стал годом наибольшего спада производства и инвестиционной активности, резко ускорилась деиндустриализация страны, разрушался научно-промышленный потенциал. Снизилась реальная заработная плата и продолжительность жизни населения, обострилась угроза деградации народа.

Вопреки ожиданиям, инвестиционная активность не возросла, а напротив, снизилась. За год объем капитальных вложений снизился на 26 %. Спад промышленного производства в 1994 г. составил 21 %, а в наукоемких отраслях от 22 до 62 %.

Провозглашавшаяся структурная перестройка обернулась дальнейшим усилением сырьевой ориентации экономики страны. Производство электромашин сократилось на 46 %, металлорежущих станков на 52, легковых автомобилей на 17, тракторов на 68, химических волокон на 43 %. Особенно резко сократилось производство в легкой промышленности: трикотажных изделий стали производить на 51 % меньше, обуви на 51, сложной бытовой техники на 40–50 %.

Россия все больше стала приобретать облик слаборазвитой страны, на потребительском рынке которой преобладают импортные товары: до 35 % в 1994 г. против 23 % в 1993 г.

Ухудшилось материальное положение граждан. Если заработная плата выросла за 1994 г. в 2,5 раза, то цены — в 3,2 раза. Реальная заработная плата снизилась на 22 %.

В 1994 г. превышение смертности над рождаемостью составило 920 тыс. чел. (в 1993 г. — 770 тыс.). Заболеваемость так называемыми социальными болезнями (сифилисом, краснухой, дифтерией) выросла в 2–3 раза.

Взаимоотношения России с республиками

После распада СССР начался новый этап в развитии российского федерализма. Российское руководство попыталось отойти от разработки Федеративного договора и сделать упор на разграничение полномочий между федеральными органами власти и органами государственной власти республик в составе Российской Федерации. Однако республики, утратив возможность стать субъектами Союза, встали на защиту Федеративного договора.

Татарстан и Башкортостан выступили за подписание прямого договора с Российской Федерацией, тринадцать республик выступили за подписание Федеративного договора, и только четыре республики согласились подписать вместо Федеративного договора Соглашение «О разграничении полномочий...» В конце 1991 – начале 1992 г. в ряде республик прошли съезды национальных движений под лозунгами борьбы за национальную независимость. В Татарстане Курултай татарского народа образовал альтернативный Верховному Совету республики орган – меджлис. Острая обстановка сложилась в Чечено-Ингушетии.

Начавшиеся в России реформы, суть которых заключалась в переделе государственной собственности, подхлестнули активность местных элит в борьбе за суверенитет. Руководители Татарии, Башкирии и Якутии взяли на себя инициативу передела собственности в пользу местной элиты. Эта инициатива была поддержана в Карелии, Коми, Чувашии, Туве и других республиках. Местные власти требовали, чтобы Россия стала федерацией национальных государств с преимущественными правами титульных национальностей на территорию, ресурсы, производственные мощности, официальный статус языка.

31 марта 1992 года Федеративный договор был подписан. Однако он не устранил противоречия в государственном устройстве страны. Сохранилось неравенство субъектов Федерации, необязательность по отношению к федеральным налогам, политике центра. Татарстан и Чечня вообще не подписали Договор, Башкортостан подписал, оговорив для себя особые права в установлении международных и внешнеэкономических связей, в налогообложении, организации законодатель-

ной и судебной систем, прокуратуры и адвокатуры. А сама республика определялась как самостоятельный субъект Российской Федерации.

Руководство семи республик провели на сессиях Верховных Советов решения о верховенстве республиканских Конституций над российской, закрепив за собой право выхода из Федерации, а Татарстан, Якутия, Башкортостан – право самостоятельно определять внутреннюю политику республики, Чечня и Тува – объявлять военное положение. В 1992–1993 гг. Татарстан, Башкортостан, Чечня, Тува, Саха (Якутия) перестали отчислять налоги в федеральный бюджет. И это тогда, когда центр помогал стабилизировать экономику 43 субъектам Российской Федерации, в том числе 19 республикам, среди которых – Якутия, Карелия, Тува, Алтай, Бурятия, Ингушетия, Калмыкия и др.

В то же время все решительней стали возражать против ущемления своих прав края и области. В Вятке и Туле были предприняты попытки принять свои конституции, в печати был опубликован проект объединения Иркутской области с Красноярским краем. Свердловская область объявила о создании Уральской республики. Давление областей оказало воздействие на процесс подготовки новой Конституции, предусматривавшей выравнивание прав субъектов Федерации. Эта Конституция была одобрена большинством принявших участие в голосовании граждан России.

В 1991–1993 гг. в Татарстане происходили массовые выступления национал-сепаратистов под лозунгами независимости. В Казани и Набережных Челнах даже были предприняты попытки создания отрядов народного ополчения. Однако избранному президентом Татарстана М. Шаймиеву удалось, умело маневрируя между национал-сепаратистами и ориентированной на Москву парламентской оппозицией, сохранить в республике мир. Татарстан первым принял Декларацию о суверенитете и провел референдум, благодаря которому оговорил свой особый статус как суверенного государства, субъекта международного права, ассоциированного с Российской Федерацией. Конституционный суд Российской Федерации не признал это решение.

Республика начала проводить самостоятельную экономическую политику, оставляя у себя практически все налоги, ранее отправлявшиеся в центр, используя созданные за мно-

гие десятилетия производственные мощности, запасы нефти, и добились существенных результатов.

15 февраля 1994 г. между Россией и Татарстаном был подписан договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан». Обе стороны рассматривали договор как свой успех. Федеральная власть видела в договоре путь сохранения целостности государства. Татарстан – закрепление своего особого статуса.

Договор положил начало процессу превращения России в договорную федерацию. Примеру Татарстана последовали большинство республик и некоторые области. Республики, столкнувшись с экономическими трудностями, быстро поняли большую привлекательность для себя нахождения в большом государстве, но при фактически полной власти на своей территории. В России возникли острые конфликты по территориальному вопросу. Поводом послужило принятие Верховным Советом Российской Федерации закона о реабилитации репрессированных народов.

В конце 1992 г. произошел вооруженный конфликт между осетинами и ингушами в Пригородном районе Республики Северная Осетия. Там было введено чрезвычайное положение. В 1993 г. в районе был убит вице-премьер России В. Поляничко. В декабре 1993 г. Б. Ельцин подписал Указ о порядке возвращения беженцев-ингушей в Северную Осетию, который, однако, практически оказалось невозможно выполнить.

Но особенно острый характер приобрела борьба за независимость в Чечне.

Чеченская проблема	Еще осенью 1990 г. в Чечено-Ингушетии прошли съезды и сходы местных родовых тейпов. Созданы были военизированные формирования.

Из представителей тейпов был сформирован Чеченский национальный съезд, состоявшийся 23–25 ноября 1990 г. в Грозном. На съезде был избран Исполком, председателем которого стал генерал Д. Дудаев, бывший в то время командиром дивизии ВВС, расквартированной в Эстонии.

27 ноября 1990 г. Верховный Совет тогда еще Чечено-Ингушской республики под председательством первого секретаря Чечено-Ингушского обкома КПСС Д. Завгаева принял декларацию о государственном суверенитете республики.

В Исполкоме Общенационального конгресса чеченского народа победили радикальные слои, поддержанные Д. Дудаевым. Последний призвал к роспуску Верховного Совета, как выполнившего свою задачу после принятия декларации о суверенитете. Состоявшийся в мае-июне 1991 г. второй Общенациональный конгресс чеченского народа, избравший Д. Дудаева председателем Исполкома, провозгласил независимость Чеченской республики и ее выход из состава РСФСР и СССР. Единственным законным органом власти был объявлен Исполнительный комитет Общенационального конгресса чеченского народа.

После августовских событий 1991 г. под предлогом борьбы со сторонниками путчистов 3-я сессия Конгресса объявила о низложении Верховного Совета Чечено-Ингушской республики. Вооруженные отряды захватили здания республиканского Совета министров, радио и телецентра, и распустили Верховный Совет, при этом был убит председатель городского совета г. Грозного В. Куценко.

Четыре члена Совета во главе с Д. Дудаевым издали ряд законов и постановлений, создававших правовую базу для деятельности Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа как верховного органа власти, и объявили от имени Совета о разделении Чечено-Ингушской республики на суверенные Чеченскую Республику и Ингушскую Республику в составе РСФСР. Когда 5 октября оставшиеся 7 членов Совета попытались отменить решения «четырех», Исполком Конгресса распустил Временный Высший совет «за подрывную и провокационную деятельность» и принял на себя функции «революционного комитета на переходный период со всей полнотой власти». Общенациональный конгресс чеченского народа постановил провести выборы президента и парламента Чеченской Республики 27 октября 1991 г. Президентом был избран Д. Дудаев, одновременно был избран и парламент Чеченской Республики.

2 ноября Внеочередной 5-й Съезд народных депутатов РСФСР принял постановление «признать проведенные в Чечено-Ингушской республике 27 октября 1991 года выборы в высший орган государственной власти (Верховный Совет) и Президента республики незаконными, а принятые ими акты не подлежащими исполнению».

В соответствии с постановлением Съезда вице-президент А. Руцкой издал распоряжение о создании Оперативного штаба по кризисной ситуации в Чечне, который подготовил указ о введении в Чечне чрезвычайного положения. Однако реализация указа натолкнулась на сопротивление союзных властей. Посланный в г. Грозный ОМОН был блокирован вооруженными боевиками и оказать сопротивление не смог. Верховный Совет РСФСР вынужден был отменить решение о введении чрезвычайного положения в Чечне.

Новый режим в Чеченской Республике устоял и стал укрепляться. Первым указом Д. Дудаева стал указ об объявлении суверенитета Чечни. В конце 1991 г. в республике захватываются государственные и военные объекты, склады с вооружением Северо-Кавказского военного округа, начинают формироваться собственные регулярные воинские части. В апреле 1993 г. Дудаев распустил парламент. 5–6 июня 1993 г. президентская гвардия разогнала митинг сторонников парламента. В Чечне окончательно утвердился авторитарный режим.

Между тем продолжалось финансирование республики из федерального бюджета. Крупные суммы в валюте перечислялись в Чечню некоторыми частными банками. Чеченские власти исправно получали квоты на вывоз за рубеж больших партий нефти и нефтепродуктов. Российское правительство не контролировало поступление денежных средств от торговли нефтью и нефтепродуктами Чечней. С прекращением Центральным Банком России с июня 1992 г. расчетов с Чеченским национальным банком государство и вовсе утратило контроль над прохождением огромных денег. Особым промыслом в Чечне стало изготовление фальшивых российских денег и проведение незаконных финансовых операций с так называемыми фальшивыми «авизо» (платежные бумаги), по которым было получено более 4 трлн. руб.

Фактически Чечня превратилась в особую зону России, в которой осуществлялся беспощадный ввоз и вывоз товаров, незаконная торговля нефтепродуктами, нелегальная торговля оружием, финансовые спекуляции. На территории республики осуществлялся прямой разбой и грабеж на участке Грозненского отделения Северо-Кавказской железной дороги. В 1993 г. нападениям подверглись 559 поездов, разграблено около 4000 вагонов. В 1992–1994 гг. погибли 26 железнодорожников.

ников. Чечня стала крупным производителем и перевалочным пунктом торговли наркотиками. Преступники со всей страны могли спокойно укрываться в Чечне от уголовного преследования. Указом Дудаева от 26 октября 1991 г. все вооружение и военная техника воинских частей Российской Федерации на территории Чечни были объявлены ее собственностью. К маю 1992 г. боевиками Дудаева было захвачено 80 % боевой техники и 75 % стрелкового оружия. 6 июня 1992 г. Дудаев потребовал вывести с территории Чечни все российские войска на этот раз уже без вооружения и техники. Во избежание кровопролития военнослужащие и члены их семей были спешно эвакуированы. Дудаев приступил к созданию регулярной армии. Законом от 24 декабря 1991 г. была введена обязательная служба в армии всего мужского населения. К июню 1992 г. численность регулярных войск составила до 15 тыс. чел. Готовясь к неизбежному конфликту с федеральной властью России, дудаевцы создали вокруг Грозного три линии обороны, в горах были организованы партизанские базы.

Еще до прихода к власти Дудаева в Чечено-Ингушской республике происходило вытеснение русских, которые своим трудом создали основу промышленной базы этой республики. За годы правления Дудаева этот процесс принял характер неприкрытого геноцида. Русские составляли в Чечне до 1991 г. 30 % населения. С 1991 по 1995 г. республику покинули свыше 200 тыс. чел., главным образом русские. В то же время около 40 % чеченцев проживали вне Чечни.

Чечня при режиме Дудаева переживает острый социально-экономический кризис. В республике закрывались школы, больницы, вузы, остановилось производство, не выплачивались пенсии, безработица достигла 70 % трудоспособного населения.

К лету 1994 г., когда влияние Дудаева в результате кризиса стало ослабевать, при поддержке федеральных государственных структур в Чечне активизировалась антидудаевская оппозиция.

29 ноября 1994 г. состоялось заседание Совета безопасности России, на котором было принято решение о начале военных действий. 30 ноября Президент Б. Ельцин подписал секретный Указ «О мероприятиях по восстановлению конституционной

законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». В соответствии с указом была создана группа руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения. Однако чрезвычайное положение так и не было введено, что лишило российские вооруженные силы и войска МВД правовой основы их нахождения в Чечне и было использовано для дискредитации действий российского руководства. Восстановление конституционного порядка предполагалось завершить в течение 25 дней. Но операция оказалась плохо подготовленной.

Когда российские федеральные войска подошли к г. Грозный, там находились до 15 тыс. боевиков, до 60 орудий и минометов, 30 установок «Град», 50 танков и др. Численность же штурмующих составляла около 5 тыс. чел. Боевая техника оказалась совершенно не подготовленной к боям в условиях города, в результате 1 января 1995 г. за четыре часа была полностью уничтожена 131 особая мотострелковая бригада. Благодаря невероятным усилиям к 22 февраля город был взят.

В течение марта–июня 1995 г. федеральные войска очистили от боевиков почти все крупные населенные пункты Чечни, загнав их в горы. Поскольку в этих населенных пунктах не была создана федеральная администрация, села снова превращались в опорные пункты дудаевцев. Большой урон федеральным войскам нанесли назначаемые из Москвы временные прекращения огня, в ходе которых дудаевцам удавалось перегруппироваться и восстановить свои силы. Во время одного такого «перемирия» в честь дня Победы было убито более 150 солдат и офицеров российской армии.

Война в Чечне расколола российское общество. Средства массовой информации в большинстве своем развернули невиданную кампанию травли собственных вооруженных сил, выполнявших приказ по восстановлению в Чечне конституционного порядка. СМИ занялись не просто критикой правительства России за непродуманную акцию, а фактической дискредитацией государства. Приводя чеченскую точку зрения на действия российских войск в Чечне, они героизировали дудаевцев, давая западным странам повод для оказания финансового и политического давления на Россию.

Летом 1995 г. дудаевские формирования находились на грани окончательного разгрома. Дальнейшие операции по уничтожению террористических групп с успехом могли решать подразделения внутренних войск. Однако произошло событие, которое радикально изменило ход действий.

В июле 1995 г. группа чеченских боевиков во главе с Ш. Басаевым захватила небольшой город Буденновск в Ставропольском крае в 150 км от границы с Чечней. Были захвачены свыше 1500 заложников, в том числе дети и женщины. Убиты 93 чел., 234 ранены. На спецподразделения, начавшие плохо подготовленный штурм городской больницы, куда террористы загнали заложников, оказывался постоянный моральный прессинг. Штурм был неожиданно прерван и правительство России пошло на переговоры с террористами, фактически выполнив все их требования. После событий в Буденновске в Чечне начались переговоры с представителями Дудаева. Переговоры парализовали действия силовых ведомств и спецслужб, привели к проникновению в села и города Чеченской Республики дудаевских боевиков, а также способствовали полной утрате достигнутой победы в Чечне над сепаратистами. В Грозном было совершено покушение на секретаря Совета безопасности О. Лобова и командующего контингентом войск в Чечне генерала Романова. Русские, оставшиеся в Чечне, опасаясь своего окончательного истребления, стремились к одному – уехать из республики. Строители, приехавшие восстанавливать объекты в Чечне, подвергались нападениям боевиков. За лето-осень 1995 г. было убито несколько десятков строителей.

Федеральная власть продемонстрировала неспособность довести подавление вооруженного мятежа до конца.

Весной 1996 г. федеральные войска и части МВД продолжали блокировать боевиков в горных селениях. Одновременно федеральные власти совместно с правительством Национального возрождения Чечни во главе с Д. Завгаевым пытались наладить мирную жизнь в республике, восстановить ее хозяйство. Создавались органы самоуправления в освобожденных от дудаевских боевиков районах. Стала функционировать местная милиция. Но провокации и убийства российских солдат не прекращались. Под видом мирных жителей в города и села равнинной части Чечни, в том числе в Грозный,

практически беспрепятственно проникали боевики. Погибшего Д. Дудаева сменил вице-президент Чечни З. Яндарбиев.

В российском обществе зрело недовольство неспособностью властью разрешить конфликт. Стало очевидным, что военное разрешение конфликта в создавшихся условиях невозможно.

В августе 1996 г. боевики, проникшие в Грозный, захватили город. Российские войска и части МВД неожиданно получили приказ отступить.

В сентябре в Дагестане в поселке Хасавюрт секретарь Совета безопасности А. Лебедь и начальник штаба чеченских боевиков А. Масхадов подписали соглашение о прекращении войны, в котором договорились о выводе российских войск, начале переговоров о статусе Чечни. Чеченские лидеры рассматривали это соглашение как фактическое признание независимости республики. В ноябре 1996 г. Президент Б. Ельцин подписал Указ о выводе из Чечни остававшихся там частей внутренних войск МВД. Чеченская кампания завершилась.

§ 3. Кризис власти

Постепенно вокруг Верховного Совета РСФСР и Съезда народных депутатов стали концентрироваться силы, недовольные ходом реформ в России. В апреле 1992 г. Хасбулатов прямо заявил, что Верховный Совет возглавил оппозицию. 1 декабря 1992 г. открылся 7-й Съезд народных депутатов России. Председатель Верховного Совета Хасбулатов назвал ситуацию в стране взрывоопасной и предложил программу корректировки реформ, предполагавшую приостановление падения производства путем его кредитования, приоритетное развитие аграрного сектора и т.п. На Съезде была предпринята попытка внести изменения в Конституцию, ограничивающие полномочия исполнительной власти. Одна из поправок объявляла Съезд народных депутатов высшим органом государственной власти Российской Федерации. Съезд был правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации. Другая поправка наделяла Верховный Совет правом «приостанавливать действие указов и распоряжений Президента Российской Федерации, отменять постановления и распоряжения Советов Министров респуб-

лик в составе Российской Федерации в случае их несоответствия законам Российской Федерации». Ельцин назвал действия законодательной власти «ползучим переворотом» и обвинил Хасбулатова в том, что тот стал проводником курса на восстановление коммунистической системы.

20 марта 1993 г. Ельцин в обращении к народу сообщил, что подписал Указ «Об особом порядке управления до преодоления кризиса», в соответствии с которым на 25 апреля назначено голосование о доверии Президенту и вице-президенту, а также по проекту новой Конституции и проекту Закона о выборах. В случае поддержки на референдуме, деятельность Верховного Совета и Съезда приостанавливалась, хотя они и не распускались. Из обращения следовало, что любые действия должностных лиц, направленные на отмену или приостановление действия указов Президента, являлись незаконными.

Собравшийся ночью 22 марта Конституционный суд признал действия Президента не соответствующими сразу 9 статьям действовавшей Конституции. Это позволило народным депутатам, срочно собравшимся 26 марта на 9-й Съезд, назвать действия Президента попыткой государственного переворота, что предусматривало согласно Конституции его отрешение от власти. Кризис власти завершился очередным компромиссом. Президент отказался от своего обращения, а Съезд принял решение о проведении 25 апреля референдума по следующим вопросам: 1. Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Ельцину? 2. Одобряете ли Вы социальную политику, осуществляемую Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации с 1992 года? 3. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации? 4. Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

В голосовании приняли участие 69 млн. чел., или 64 % всех имевших право голоса. Свое доверие Президенту высказали 40 млн. (58,7 %), недоверие – 27, его политику соответственно поддержали 36 млн. (53 %), высказались против – 31 млн. Таким образом, Президент одержал победу, так как согласно принятому решению он получил поддержку больше половины участвовавших в опросе. Из числа участвовавших в рефе-

рендуме за досрочное избрание Президента высказались 34 млн., против – 32 млн., за досрочные выборы депутатов – 47 млн., против – 21 млн. чел.

Референдум не мог полностью удовлетворить ни одну из сторон и позволял тем и другим трактовать его итоги в свою пользу. Ельцин расценил итоги референдума как свою победу. Большое число проголосовавших за досрочные выборы депутатов говорило о низкой популярности народных избранников. В структурах исполнительной власти видели путь разрешения политического кризиса через принятие новой Конституции, которая должна была утвердить в стране президентскую республику. Президент и его окружение приступили к активной ее подготовке. Борьба между исполнительной и законодательной ветвями власти продолжалась все лето, затем Верховный Совет приостановил многие Указы Президента, положил под сукно законодательные инициативы правительства. Кризис власти усилился до последнего предела.

§ 4. Октябрьские события 1993 г.

К осени 1993 г. противостояние Президента и Верховного Совета усилилось. Конфликт между исполнительной и законодательной властями входил в свою завершающую стадию. 1 сентября Президент своим Указом освободил от должности одновременно вице-президента А. Руцкого и вице-премьера правительства РФ В. Шумейко, «в связи с ущербом, который нанесен и наносится государственной власти в результате взаимных обвинений в коррупции». Действия Президента были расценены депутатами Верховного Совета как антиконституционные.

18 сентября участники Всероссийского совещания народных депутатов всех уровней приняли «Обращение к гражданам России» в связи с угрозой конституционному строю. Собравшийся в этот же день Совет Федерации высказался за одновременные досрочные выборы и Президента и парламента. Вечером 21 сентября по телевидению с Обращением к гражданам России выступил Б. Ельцин. Он заявил, что Верховный Совет «утратил способность выполнять главную функцию представительного органа – функцию согласования общественных интересов. Он перестал быть органом народовластия.

Власть в российском Верховном Совете захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции». Поэтому «нынешний законодательный корпус утратил право находиться у важнейших рычагов государственной власти». Обратившись к согражданам за поддержкой, Президент сообщил о принятом решении прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации, назначить на 11–12 декабря 1993 г. выборы в Государственную Думу – нижнюю палату создаваемого на основе проекта новой Конституции Федерального Собрания. До избрания нового парламента в стране фактически вводилось прямое президентское правление. Все органы власти должны были руководствоваться Указами Президента и постановлениями правительства Российской Федерации. В подписанном 21 сентября Указе № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» подчеркивалось, что «безопасность России и ее народов – более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти».

Около 24 час. 21 сентября в Белом доме на экстренную (7-ю) сессию собрался Верховный Совет с единственным вопросом в повестке дня – «О политической ситуации в Российской Федерации, сложившейся в результате государственного переворота». Конституционный суд признал Указ Президента № 1400 и его Обращение к гражданам России не соответствующими целому ряду статей действовавшей Конституции, из чего сделал вывод о том, что эти документы служат основанием для отрешения Ельцина от должности. Сразу же после оглашения Заключения Конституционного суда Верховный Совет, руководствуясь статьей 121 (п. 6) Конституции, гласившей, что полномочия «Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно», принял постановление «О прекращении полномочий Президента Российской Федерации Ельцина Б.». Исполнение обязанностей Президента было возложено на вице-президента А. Руцкого, который в час ночи 23 сентября принял присягу.

24 сентября Съезд принял Постановление о досрочных выборах депутатов и Президента не позднее марта 1994 года, но при условии, что Президент отменит свой указ № 1400. Правительство взяло под свой контроль здание парламентского центра на Цветном бульваре, здание на Новом Арбате, где располагались несколько организаций Верховного Совета и часть аппарата. Вокруг Белого дома были выставлены милицейские заслоны, контролировались все входы и выходы из здания. В свою очередь, служба охраны Белого дома стала раздавать оружие находившимся в здании добровольцам, пришедшим защищать парламент. Из их числа были созданы отряды самообороны. Сторонники Верховного Совета, оказавшиеся за кольцом блокады, стали переходить к акциям протеста на улицах Москвы.

Многое зависело от регионов, от их реакции на происходящее в Москве. К вечеру 23 сентября в 53 из 87 регионов России прошли заседания представительных органов власти. Большинство Советов осудило действия Президента. На Чрезвычайном Съезде от имени 26 краев и областей выступил А. Тулеев с предложениями: отменить Указ № 1400, восстановить конституционную законность по состоянию на 20 час. 00 мин 21 сентября, назначить на 12 декабря 1993 г. одновременные выборы Президента и Верховного Совета, прекратить цензуру в СМИ, возобновить выпуск закрытых газет и журналов, предоставить слово представителям субъектов Федерации. В противном случае, по словам Тулеева, регионы оставляли за собой право принять решительные меры экономического и политического характера, вплоть до организации общероссийской политической забастовки и блокирования поставок нефти и газа, основных транспортных магистралей.

Решающее значение для исполнительной власти имело сохранение контроля над силовыми структурами государства. Видя, что обращения Верховного Совета и назначенных им новых руководителей силовых министерств к личному составу МВД, Службы безопасности, Вооруженных сил не нашли поддержки, Правительство перешло к решительным действиям. Всем находившимся в Белом доме людям был предъявлен ультиматум: покинуть здание в течение двух дней.

2 октября на Смоленской площади в Москве произошло столкновение между милицией и сторонниками Верховного Совета, пытавшимися прорваться сквозь кордоны к «Дому Советов». Пролилась кровь. Это стало началом кровавого разрешения

конфликта. На следующий день 3 октября 1993 г. толпа возбужденных сторонников парламента прорвала милицейские заслоны, прошла от Октябрьской площади до Белого дома и разблокировала его. А. Руцкой призвал собравшихся на площади перед Белым домом штурмовать мэрию, располагавшуюся в здании бывшего СЭВ.

Отряды сторонников Верховного Совета захватили мэрию. Р. Хасбулатов, обращаясь к наэлектризованной толпе, призывал взять Кремль. Вечером того же дня на захваченных грузовиках и автобусах большая группа сторонников Верховного Совета двинулась к телерадиокомплексу «Останкино». Здание телецентра в это время охранялось усиленными нарядами ОМОНа и бойцами специального подразделения внутренних войск МВД «Витязь». Сторонники парламента с помощью грузовика разбили стеклянные двери телецентра. Неизвестный выстрелил из гранатомета в окно телецентра. В результате взрыва погиб один из солдат отряда «Витязь». Раздались ответные выстрелы, быстро рассеявшие толпу.

Указом Президента РФ с 16 час. 3 октября 1993 г. в Москве было введено чрезвычайное положение. В 20 час. 00 мин. было передано Обращение Правительства к москвичам и гражданам России, в котором говорилось о том, что Правительство «вынуждено прибегнуть к силе для обуздания распоясавшихся политических авантюристов». 4 октября в 6 час. 45 мин. начался штурм Белого дома. К 8 час. 00 мин. здание было полностью блокировано войсками. В 9 час. 20 мин. подошедшие танки открыли огонь по зданию. К 17 час. все было кончено. Руководители обороны Белого дома А. Руцкой, Р. Хасбулатов, В. Баранников, В. Ачалов, А. Макашов и другие были арестованы и отправлены в следственный изолятор в Лефортово. По официальным данным 3–4 октября 1993 г. погибли 145 чел. Оппозиционные газеты называли значительно большее число погибших.

§ 5. Россия во внешнем мире

Отношения с ведущими странами Запада	Перед Российской Федерацией как правопреемницей Советского Союза встала задача выработки новой концепции внешней политики с учетом реальности, сложившейся в мире в результате распада СССР. Необходимо было утвердить себя в качестве ядерной

державы, взявшей обязательства по договорам, заключенным СССР, выстроить систему отношений с бывшими союзными республиками, активно строившими свою государственность и искавшими свое место в мировой системе, и наконец, определить свои приоритеты во взаимоотношениях с зарубежными государствами в условиях фактически формирующегося однополюсного мира. В условиях тяжелого экономического положения, в котором оказалась страна, Россия вынуждена была искать финансовую поддержку у США, Германии и других развитых стран, что обуславливало определенную зависимость проводимого внешнеполитического курса от политики этих стран.

В 1992–1995 гг. развитие отношений России с западными странами шло в русле глобальной политики, проводившейся США и НАТО. Влияние страны в мире продолжало падать. Бывшие восточноевропейские союзники заявили о своем стремлении вступить в НАТО. В этот период произошли несколько встреч президентов России и США, подписаны десятки договоров и соглашений, среди которых Договор СНВ-2 (январь 1993 г.). В то же время российско-американские отношения развивались на фоне экономического оживления в США и глубокого кризиса в России. Валовой национальный продукт в США в 1994 г. составлял более 6 трлн. долл., тогда как в России он даже по самым оптимистичным оценкам не превышал 800 млрд. долл. У России не оказалось необходимых ресурсов, чтобы продолжать играть роль сверхдержавы. Это отразилось на отношении к ней США и других развитых стран.

Особое место в двусторонних отношениях занимал вопрос об ограничении ядерных вооружений. В частности о вступлении в силу Договора СНВ-1. Так как после распада СССР ядерное оружие оказалось на территории Украины, Белоруссии и Казахстана, то вступление Договора в силу требовало превратить его в многосторонний. В мае 1993 г. в Лиссабоне был подписан протокол, в котором руководители Казахстана, Украины и Белоруссии гарантировали ликвидацию ядерного оружия на своей территории. Россия, США, Казахстан и Белоруссия ратифицировали Договор, но Украина потребовала гарантий своей безопасности. В январе 1994 г. в Москве президенты США, России и Украины приняли трехстороннее заявление, в котором были даны соответствующие гарантии Украине. После при-

соединения Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия Договор СНВ-1 вступил в силу 5 декабря 1994 г.

Если Договор СНВ-1 был сравнительно легко ратифицирован российским парламентом, то вокруг подписанного Б. Ельциным в 1993 г. Договора СНВ-2 разгорелись споры. Помимо ограничения числа боеголовок, Договор предусматривал радикальное изменение структуры ядерных сил России — он требовал уничтожения межконтинентальных ракет шахтного базирования, составлявших основу ядерной мощи России (тогда как основу мощи США составляли ракеты морского базирования). Кроме того, Договор запрещал использование разделяющихся головных частей индивидуального наведения лишь на наземных ракетах, но не на морских, по которым у США был перевес. Эти односторонние уступки со стороны России привели к радикальному изменению соотношения ядерной мощи двух стран в пользу США. В итоге Договор даже не был вынесен на ратификацию.

Острой проблемой безопасности, обсуждавшейся в 1993–1994 гг. были вопросы пересмотра фланговых ограничений, установленных для России парижским Договором об обычных вооруженных силах в Европе. После распада СССР наиболее боеспособные части остались на Украине или были выведены из Прибалтики. Жесткие ограничения, установленные Договором, не могли удовлетворить Россию в новых геополитических условиях. Поэтому вопросы изменения ограничений стали предметом обсуждений в ходе переговоров о возможном расширении НАТО.

В то же время развитие отношений между странами тормозилось наследием «холодной войны». В США к середине 1993 г. действовало около 300 законодательных ограничений на торговлю с Россией. Россия так и не получила доступ к высоким технологиям, экспорт ее продукции в США и европейские страны ограничивался.

Россия стремилась расширить свое сотрудничество с европейскими государствами и организациями (такими как ОБСЕ и ЕС).

Вопрос о расширении НАТО стоял в Европе еще с 1991 г. Инициаторами его являлись восточноевропейские страны. В 1993 г., находясь с визитом в Варшаве, Президент Б. Ельцин подписал российско-польскую декларацию, в которой «с пониманием» отнесся к намерению Польши вступить в НАТО. В декларации говорилось, что «в перспективе такое решение

суверенной Польши, направленное на общеевропейскую интеграцию, не противоречит интересам других государств, в том числе интересам России». Подобные заявления Ельцин сделал в Чехии и Словакии. В январе 1994 г. Совет НАТО одобрил предложенную США программу «Партнерство ради мира», которую рассматривал как альтернативу расширению НАТО на Восток. В марте 1994 г. российским руководством было принято решение о присоединении к ней. К программе присоединились практически все бывшие республики СССР. Это, однако, не означало отказа НАТО от расширения.

Постепенно Россия преодолевала характерные для переходного периода колебания во внешнеполитическом курсе и все более осознавала свои национальные интересы. Значительно укрепились ее отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, с Китаем, Индией, Южной Кореей. В декабре 1992 г. состоялся визит Президента Б. Ельцина в Пекин, заложивший основу российско-китайских отношений. В ходе визита было подписано 24 документа, важнейшим из которых была декларация об основах взаимоотношений между Россией и КНР.

«Постсоветское пространство»

Развитие отношений с бывшими союзными республиками шло по двум направлениям: в рамках Содружества Независимых Государств и развитие двусторонних отношений. Создание

СНГ помогло предотвратить стихийный распад страны, обеспечило плавное решение вопросов, связанных с разделом имущества и долгов бывшего СССР, решения транспортных и финансовых вопросов, миграции населения.

На Алма-Атинской встрече 21 декабря 1991 г. состав СНГ был расширен. В СНГ вошли одиннадцать из пятнадцати бывших союзных республик. Однако отношения с бывшими союзными республиками складывались непросто. Все они стремились найти свое место в мировой системе, обеспечить наиболее благоприятные для местных элит условия перераспределения бывшей союзной собственности. Экономическая политика, проводившаяся республиками, была различной. В 1993 г. в результате денежной реформы в России из обращения были изъяты денежные знаки образца 1961–1992 гг. Существовавшая до этого времени единая рублевая зона распалась. В течение последующих двух лет все союзные республики обзавелись собственной валютой. В этом же году было ликви-

дировано Главное командование объединенных вооруженных сил СНГ. Вместо него был создан Штаб по координации и военному сотрудничеству государств СНГ. В течение года Россия подписала свыше 90 соглашений со странами СНГ по военному и военно-техническому сотрудничеству. В течение 1993–1994 гг. наряду с существовавшим до этого Советом глав государств СНГ был создан Исполнительный секретариат СНГ, учрежден Совет министров иностранных дел, Совет командующих пограничными войсками и другие органы Содружества. Был введен институт председателя СНГ, избираемого на год, а также принято решение о создании Межгосударственного экономического комитета. В сентябре 1993 г. государства-участники СНГ подписали Договор о создании Экономического союза стран СНГ, предусматривавший поэтапное формирование общего рынка, единого таможенного и валютного пространства.

В течение 1992–1994 гг. состав СНГ был подвижен. В октябре 1992 г. из СНГ вышел Азербайджан и вернулся туда в 1994-м, после прихода к власти Г. Алиева. В 1993 г. в Содружество вошла Грузия. Бывшие союзные республики понимали необходимость тесной координации политики для укрепления своей государственности и избежания конфликтов. Кроме того, за годы независимого существования бывшие союзные республики не нашли источников выхода из кризиса, в итоге стали стремиться искать поддержку у России, сохраняя при этом свой суверенитет. Они стремились ослабить собственный кризис за счет сохранения Россией роли экономического донора. Россия стремилась сохранить свое влияние на постсоветском пространстве путем повышения эффективности механизмов сотрудничества в рамках СНГ, постепенного формирования наднациональных институтов Содружества, укрепления военно-технического сотрудничества, сохранения военного присутствия России в странах СНГ, формирования экономического союза. В военно-политической области Россия стремилась реализовать Договор о коллективной безопасности, подписанный в 1992 г., укрепить практику российско-го миротворчества, установить эффективный совместный контроль внешних границ СНГ.

В странах «ближнего зарубежья» остались 25 млн. русских, в одночасье оказавшихся иностранцами. Практически повсеместно русское население вытеснялось из республик. Милли-

оны русских были вынуждены мигрировать в Российскую Федерацию. Российское руководство, стремясь закрепить русское население в государствах ближнего зарубежья и не допустить его стихийную миграцию, разработало концепцию поддержки русских в бывших союзных республиках с целью их адаптации к новым условиям.

За 1992–1996 гг. в рамках СНГ было заключено свыше 600 договоров и соглашений, однако Содружество пока не сформировалось как прочное межгосударственное образование. Возобладала тенденция развития двусторонних отношений.

§ 6. Политическая жизнь сегодня

Реформирование органов власти

7 октября 1993 г. Указом Президента были распущены Советы в Москве. Спустя два дня Ельцин подписал Указ «О реформе представительных органов власти и органов самоуправления в Российской Федерации», прекращавший деятельность всех районных, городских, поселковых и сельских Советов, полномочия которых передавались главам местных администраций. 22 октября Президент подписал Указ «Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской Федерации». Этим Указом объявлялись выборы в представительные органы власти в регионах в период с декабря 1993 по март 1994 г. и было утверждено «Положение об основных началах организации и деятельности органов государственной власти краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы». Органам представительной власти разрешалось осуществлять правовое регулирование, по представлению глав администрации рассматривать и утверждать бюджет, осуществлять контроль за исполнением принятых нормативных актов, бюджета. Администрация получила право накладывать вето на решения представительной власти, которое, однако, могло быть преодолено большинством в 2/3 голосов. Специально было оговорено право глав администрации формировать администрацию. 24 октября 1993 г. был подписан президентский Указ о выборах в Думы Москвы и Московской области, этим же Указом были одобрены положения об

организации власти и проведении выборов в столичном регионе, а также временное положение о местном государственном управлении и местном самоуправлении в Московской области, предложенное в качестве образца другим областям России. 26 октября 1993 г. Указом «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» деятельность местных советов прекращалась, их функции передавались главам местной администрации. Выборы же новых органов местного самоуправления предполагалось провести с декабря 1993 по июнь 1994 г. Во многих регионах представительные органы власти продолжали существовать, взаимодействуя с администрацией.

Таким образом, в результате целого ряда указов, молниеносно последовавших за подавлением сопротивления Верховного Совета, Советская власть, просуществовавшая 76 лет, была ликвидирована. Исполнительной власти оставалось только закрепить достигнутые успехи принятием новой Конституции и проведением выборов в новый парламент России.

12 декабря 1993 г. одновременно с референдумом по принятию новой Конституции проходили выборы в Государственную Думу. За места в парламенте боролись партии и блоки, которые либо не участвовали в октябрьских событиях, либо возникли позже.

Сторонники продолжения радикального курса в октябре 1993 г. создали блок «Выбор России», в который вошли такие политические организации, как Всероссийская ассоциация приватизируемых и частных предприятий, Демократическая Россия, профсоюзное объединение «Соцпроф» и др. Основным девизом блока стал «Свобода, собственность, законность». Лидером блока был избран вице-премьер правительства Е. Гайдар. Блок поддержал указ № 1400 как предоставивший «уникальный шанс для спокойного перехода к полноценной демократии». В октябре 1993 г. была создана Партия Российского Единства и Согласия (ПРЕС), провозгласившая себя партией государственности, единой России, партией управленцев-профессионалов. Возглавил партию другой вице-премьер правительства С. Шахрай. Крепкие позиции в предвыборной борьбе занимала созданная в феврале 1993 г. Аграрная партия России. Она представляла производителей сельскохозяйственной продукции, занятых в колхозах и совхозах. Партия выступала за равноправие всех форм собствен-

ности, против свободной купли-продажи земли, критиковала методы «шоковой терапии». Лидером партии стал М. Лапшин. Близкой по духу к Аграрной партии была Коммунистическая Партия Российской Федерации (КПРФ), восстановленная в феврале 1993 г. Партия не участвовала в активной борьбе во время октябрьских событий, но осудила действия Президента. Партия была организационно хорошо оформленной, выступала за многоукладную экономику, за повышение роли государства, но против возврата к сверхцентрализованной системе. Лидером партии стал один из руководителей КП РСФСР Г. Зюганов. Вопреки предсказаниям официозных политологов одним из лидеров предвыборной кампании стала Либерально-Демократическая Партия России во главе с ее лидером В. Жириновским. ЛДПР была создана в марте 1990 г. Своей целью поставила возрождение российского государства в границах Советского Союза, с президентской формой правления. Выступала за социально-ориентированную рыночную экономику, единую армию. В августе 1991 г. поддержала ГКЧП, в октябре 1993-го осудила действия Президента, поддержала новую Конституцию, предусматривавшую президентскую форму правления. В. Жириновский, в прошлом юрист, получил широкую известность еще во время выдвижения на пост главы государства на президентских выборах 1991 г.

В целом итоги голосования в Государственную Думу по общефедеральным спискам распределились следующим образом. Из 225 мест, предусмотренных законом для избранных по партийным спискам, 59 мест получила ЛДПР, 40 – «Выбор России», 32 – КПРФ, 21 – Аграрная партия, 21 – «Женщины России», 20 – ЯБЛОко (по имени трех его лидеров: Г. Явлинского, Ю. Болдырева и В. Лукина), 18 – ПРЕС, 14 мест – ДПР. Вместе с избранными в одномандатных округах и вошедшими позднее в соответствующие фракции в Думе, из 450 депутатских мандатов у «Выбора России» оказалось 96, у ЛДПР – 70, КПРФ – 65, у Аграрной партии – 47. Верховная палата Федерального Собрания – Совет Федерации пополнился за счет представителей национальных и региональных элит, он приобрел больший вес и создал предпосылки для будущего перемещения политического влияния из центра на места.

Одновременно с выборами в Государственную Думу прошел всенародный референдум по новой Конституции. По официальным данным за проект Конституции проголосовало 32,9

млн. чел. (58,4 % от числа принявших участие в референдуме и 32,3 % от общего числа избирателей страны). Новая Конституция закрепила ликвидацию советской системы в России. В основу политического устройства страны был положен принцип разделения властей. Президент объявлен главой государства. Он определяет основные направления внутренней и внешней политики. Исполнительную власть осуществляет правительство, обеспечивающее проведение финансовой, кредитной и денежной политики. Оно управляет государственной собственностью, осуществляет меры по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, осуществляет внешнюю политику и т.д.

Представительную власть осуществляет Федеральное Собрание, состоящее из двух палат: Совета Федерации и Государственной Думы. Дума принимает законы, которые передаются на рассмотрение в Совет Федерации, а после его одобрения – Президенту для подписания. Президент может наложить вето на законопроект. Для его преодоления требуется большинство в 2/3 голосов депутатов нижней палаты.

Судебная власть реализуется через Конституционный суд, рассматривающий дела о соответствии Конституции федеральных законов, нормативных актов Президента и правительства, а также субъектов Федерации и др. Высшим судебным органом по уголовным, гражданским и административным делам является Верховный суд РФ. Высший Арбитражный суд РФ разрешает экономические споры. Конституция закрепила политические и гражданские права и свободы человека. Впервые было закреплено право граждан на свободное использование своих способностей и имущества для занятия предпринимательской деятельностью. Ельцин, оценивая факт принятия Конституции, подчеркнул: «подведена окончательная черта под советским коммунистическим режимом».

Выборы Президента России	Начало 1996 г. в политической жизни страны было наполнено ожиданием. Это был год новых президентских выборов, от исхода которых зависело, по какому пути пойдет страна навстречу третьему тысячелетию. Значение выборов определялось местом президентской власти в конституционной системе России. Полнотой власти в стране, согласно действующей Конституции, обладает Президент. Поэтому политические партии готовились к решающему сражению. Большинство

населения было недовольно политикой, проводившейся исполнительной властью в последние годы, и готовилось проголосовать против существующих порядков. Согласно опросам, 55 % жителей страны хотели бы вернуться в доперестроечные времена, более половины желали установления жесткой диктатуры, необходимой для наведения порядка, до 68 % потенциальных избирателей считали, что власть ведет страну в тупик. Начиная избирательную кампанию, Ельцин имел серьезное преимущество перед другими кандидатами, поскольку в российском общественном сознании пост главы государства во многом формирует и образ Президента.

В феврале-марте Ельцин выступил с рядом инициатив, направленных на то, чтобы привлечь избирателей на свою сторону: обещал ликвидировать задолженность по социальным платежам, повысить минимальный размер пенсии, содействовать интеграции в СНГ, предложил план урегулирования конфликта в Чечне. Кроме того, были списаны долги по товарным кредитам для аграрно-промышленного комплекса, обещаны льготы ВПК, обнародована программа поддержки малого бизнеса. В результате этих мер реальные доходы населения в период избирательной кампании выросли на 4 % в феврале и на 5 % в марте. Недовольство политикой правительства в значительной степени отошло на второй план перед альтернативой возвращения к власти коммунистов. Отторжение от прошлого оказалось сильнее недовольства сегодняшним днем. Важной вехой стало принятие по инициативе оппозиции Государственной Думой 15 марта постановления о денонсации Беловежских соглашений. Это решение подтолкнуло колебавшиеся политические организации и избирателей к Ельцину. Сказалось и то, что значительная часть граждан России стала приспосабливаться к изменившимся условиям и уже не хотела резких перемен. Все это способствовало тому, что Ельцину удалось стать центром объединения сил, не желавших победы коммунистов, привлечь на свою сторону большинство избирателей так называемой «партии власти», Демократического выбора России, других организаций демократического толка.

В свою очередь, главный конкурент Б. Ельцина, лидер коммунистов Г. Зюганов, сумел добиться коалиции с левыми партиями, в том числе и с теми, кто критиковал его за оппортунизм. Предвыборную коалицию с КПРФ составили такие

организации, как «Трудовая Россия» (лидер В. Анпилов), «Держава» (А. Рудкой), Аграрная партия (В. Лапшин), «Российский общенародный союз» (С. Бабурин).

Первый тур президентских выборов состоялся 16 июня. За Б. Ельцина проголосовали 35,3 % принявших участие в выборах избирателей, за Г. Зюганова – 32, за А. Лебеда – 14,5, за В. Жириновского – 5,7, за Г. Явлинского – 7,3, за С. Федорова – 0,9, за М. Горбачева – 0,5, за М. Шаккума – 0,4, за Ю. Власова – 0,2 и В. Брынцалова – 0,2 %. Одиннадцатый кандидат А. Тулеев незадолго до выборов снял свою кандидатуру в пользу Г. Зюганова. Во второй тур вышли Ельцин и Зюганов.

Второй тур выборов состоялся 3 июля 1996 г. За Б. Ельцина проголосовали 55 %, за Зюганова – 40,7 %, против обоих кандидатов – 4,9 % избирателей. Победа Б. Ельцина означала неизменность прежнего курса России.

Вопросы и задания

- Проанализируйте экономические и социальные последствия реформ правительства Е. Гайдара.
- Укажите основные черты межнациональных отношений в современной России.
- Охарактеризуйте кризис власти, разразившийся в 1992–1993 гг., способы его преодоления.
- Назовите причины, лежавшие в основе политических событий октября 1993 г.
- Укажите важнейшие достижения российской дипломатии середины – второй половины 90-х годов.
- Назовите основные черты реформирования российской политической системы после осени 1993 г.
- Перечислите факторы, обусловившие победу Ельцина на президентских выборах 1996 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Общий курс

ИСТОЧНИКИ

Архивы России. Москва и Санкт-Петербург: Справочник-обозрение и библиографический указатель. – М., 1997.

Открытый архив: справочник опубликованных документов по истории России XX века. /Сост. И.А. Кондакова. – М., 1997.

Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. /Сост. Г. Штриккер. – М., 1995. – Кн. 1–2.

Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М., 1996.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы – М., 1999.

Хрестоматия по истории СССР. 1917–1945 гг. / Под ред. Э.М. Шагина – М., 1991.

Хрестоматия по отечественной истории. 1914–1945 гг. / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. – М., 1996.

Хрестоматия по отечественной истории. 1946–1994 гг. / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. – М., 1996.

ЛИТЕРАТУРА

Барсенков А.С., Вдовин А.И. Карецкий В.А. Русский народ: Историческая судьба в XX в. – М., 1993.

Боффа Дж. История Советского Союза. – М., 1990. – Т. 1-2.

Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. – М., 1995.

Власть и реформы: От самодержавия к советской России. – СПб., 1996.

История России. XX век. / Отв. ред. В.П. Дмитренко. – М., 1996.

Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е гг. XX в.). – М., 1994.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа Русского Зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971.

Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. – М., 1995.

Миронов В.Н. Социальная история России периода империи. – СПб., 1999. – Т. 1–2.

Население России в 1920–1950 е годы. Численность, потери, миграция. – М., 1994.

Политическая история: Россия–СССР–Российская Федерация. – М., 1996. – Т.1–2.

Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия. – М., 1996.

Российское государство и общество. XX век. – М., 1999.

Россия XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М., 1996.

Россия в XX веке: Судьбы исторической науки / Под общ. ред. А.Н. Сахарова. – М., 1996.

Россия в XX веке: Историки мира спорят. – М., 1994.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. / В.В. Шелохаев, А.К. Сорокин. – М., 1997.

Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. – М., 1997.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1993.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. – М., 1996.

Струве Г. Русская литература в изгнании: Краткий биографический словарь русского зарубежья. Изд. 3-е. / Сост. К.Ю. Лаппо-Динилевский. – Париж-Москва, 1996.

Чернев А.Д. 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК компартии в лицах и цифрах: Справочник. – М., 1996.

Раздел I

ИСТОЧНИКИ

Аграрная реформа П.А. Столыпина в документах и публикациях конца XIX – начала XX века: Аналитический обзор. / Л.Н. Зайцева и др. – М., 1993.

Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т. 1-3.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами. – М., 1991.

Государственные деятели России глазами современников. Николай II: Воспоминания. Дневники. – СПб., 1994.

Государственный строй Российской империи накануне свержения: Сб. законодательных актов. / Сост. О.И. Чистяков. – М., 1995.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. – М., 1995.

Коковцев В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. – М., 1992, Кн. 1-2.

Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 1991.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция: Документы из архива Б.Н. Николаевского в США. / Сост. Ю. Фельштинский. – М., 1990.

Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. – М., 1995.

Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб., 1995.

Россия и мировой бизнес. Дела и судьбы. Альфред Нобель. Адольф Ротштейн. Герман Спитцер. Рудольф Дизель. – М., 1996.

Сборник документов по истории СССР. Период империализма. – М., 1977.

Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. – М., 1991.

Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М., 1990.

Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. – М., 1918.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева И.В. Агония сердечного согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. – Л., 1990.

Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. 1897–1914: Очерки истории финансовых отношений. – Л., 1970.

Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX в. // Вопросы литературы. – 1990. – № 1, 3-7.

Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России: Конец XIX в. – 1908 г. – М., 1984.

Боханов А.Н. Крупная буржуазия России: Конец XIX в. – 1914 г. – М., 1992.

Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община (1905–1917). – М., 2000.

Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): Механизм функционирования. – М., 1996.

Дмитриев С.С. Очерки истории русской культуры начала XX века. – М., 1985.

История политических партий России. / Отв. ред. А.И. Зевелев. – М., 1994.

История русско японской войны: 1904–1905 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. – М., 1986.

Кобылин В. Анатомия Измены: Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. – Спб., 1998.

Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. – М., 1993.

Кризис самодержавия в России. 1895–1917. / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.С. Дякин и др. – Л., 1984.

Лаверычев В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России. – М., 1982.

Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. – М., 1995.

Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II // Репринт. изд. – М., 1992. – Т. 1-3.

Рабочий класс России. 1907 – февраль 1917 г. / Отв. ред. В.Я. Лаверычев. – М., 1982.

Становление российского парламентаризма начала XX века. / Под ред. Н.Б. Селунской – М., 1996.

Степанов С.А. Черная сотня в России: 1905–1914 гг. – М., 1992.

Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России 1900–1910-х годов. – М., 1988.

Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.) – М., 1990.

Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. – М., 1995.

Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. – М., 2001.

Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. – М., 1995.

Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. – М., 1996.

Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии: 1907–1914. – М., 1991.

Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия в России: 1904–1914 гг. – М., 1987.

Раздел II

ИСТОЧНИКИ

Архив русской революции. В 22-х т. – М., 1991. – Т. 1–12.

В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922). – М., 1987.

Воспоминания генерала барона Врангеля. В 2-х ч. – М., 1992.

Государственная Дума. Стенографические отчеты. – СПб., 1906–1914.

Директивы Главного командования Красной Армии. Сборник документов (1917–1920). – М., 1969.

Журналы особого совещания по обороне государства. – 1915 год. – М., 1975; 1916 год – М., 1977. – Вып. I–IV; 1917 год – М., 1978–1979. — Вып. I–IV.

Заброшенные в небытие: Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников. / В.И. Голдин. – Архангельск, 1997.

Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов (1918–1922): В 3-х т. – М., 1960.

Керенский А.Ф. Воспоминания. – М., 1996.

Кооперативно колхозное строительство в СССР: 1917–1922. Документы и материалы. – М., 1990.

Ленин В.И. Военная переписка: 1917–1922. – М., 1966.

Локкарт Р.Б. История изнутри: Мемуары британского агента. / Пер. с англ. – М., 1991.

Меньшевики в 1917 г. В 3-х т. – М., 1994–1997.

Милюков П.Н. Воспоминания. – М., 1991.

Октябрьский переворот. / Сост. Д.С. Анин. – М., 1991.

Октябрьская революция: Мемуары. / С.А. Алексеев. – М., 1990.

Революция и гражданская война в воспоминаниях белогвардейцев. // Репринт. изд. 1926.

Разложение армии в 1917 г. – В кн.: 1917 год в документах и материалах. – М.-Л., 1925.

Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Сост. Л.И. Петрушева, Е.Ф. Теплова. – М., 1995.

Российская Церковь в годы революции. 1917–1918. – М., 1995.

Российские либералы. Кадеты и октябристы: Документы, воспоминания, публицистика. / Сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. – М., 1996.

Российская эмиграция в Маньчжурии. Военно-политическая деятельность (1920–1945 гг.): Сборник документов. – Южно-Сахалинск, 1994.

Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и вооруженных сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. – М., 1997.

Страна гибнет сегодня: Воспоминания о Февральской революции 1917 г. – М., 1991.

Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3-х т. – М., 1991.

Тухачевский М. Поход на Вислу. – М., 1992.

Учредительное собрание. Россия, 1918 г. Стенограмма и другие документы. / Сост. Т.Е. Новицкая. – М., 1991.

Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917–1921 гг. Документы и материалы. – М., 1997.

ЛИТЕРАТУРА

Боханов А. Николай II. – М., 1997.

Волобуев П.В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. – М., 1987.

Гибель царской семьи. – М., 1996. – Т. 1-2.

Гражданская война в России: Перекресток мнений. – М., 1996.

Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг.: Общий стратегический очерк. – М., 1924.

Коновалов В.В. Мелкие промышленники и большевистская диктатура. – Новосибирск, 1995.

Какурин Н.Е. как сражалась революция. – М., 1990. – Т. 1-2.

Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство: Дискуссии 1917–1920 гг. – М., 1991.

Мельгунов С. Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. – Лондон, 1984.

Первое советское правительство: октябрь 1917 – июль 1918 г. – М., 1991.

Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. – Берлин–М., 1923.

Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.

Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. – М., 1976.

Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы I мировой войны. – М., 1973.

Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. – М., 1993.

Шишкин В.А. Власть. Политика. Экономика: Послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). – Спб., 1997.

Штейнберг И.З. От февраля к октябрю 1917 г. – Берлин-Милан, 1923.

Раздел III

ИСТОЧНИКИ

Архив Троцкого: коммунистическая оппозиция в СССР (1923–1927): В 4-х т. – М., 1990.

Большевистское руководство: переписка 1912–1927 гг. / Сост. А.В. Квашонкин и др. – М., 1996.

Валентинов Н.В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время нэпа. Воспоминания. – М., 1991.

В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. / Сост. И.А. Исаев. – М., 1992.

ВКП(б), коминтерн и национально революционное движение в Китае: Документы, 1920–1925 гг. – М., 1994. – Т. 1.

Год кризиса. 1938–1939: Документы и материалы. В 2-х т. – М., 1990.

Готье Ю.В. Мои заметки. – М., 1997.

Дальневосточная политика Советской России (1921–1922 г.): Сборник документов Сиб. бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. – Новосибирск, 1996.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932. – М., 1989.

Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения. 1937 г. – М., 1996.

Индустриализация СССР: Документы и материалы: В 3-х вып. – М., 1969–1971.

Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1923–1927: Документы и материалы. – М., 1994.

Крестьянские восстания в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Антоновщина. Документы и материалы. / Под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. – Тамбов, 1994.

Кронштадт. 1921. / Сост. В.П. Наумов, А.А. Косаковский. – М., 1997.

Неизвестная Карелия: Документы спецорганов о жизни республики. 1921–1940. / Сост. А.В. Климова и др. – Петрозаводск, 1937.

Неуслышанные голоса. Документы Смоленского архива. – Кн. 1: 1929. Кулаки и партейцы. / Сост. С. Максудов. – США, Мичиган, Анн-Арбор, 1987.

Польско-советская война. 1919–1920. Ранее не опубликованные документы и материалы. В 2-х ч. – М., 1994.

Россия-США. Торгово-экономические отношения. 1900–1930 гг.: Сборник документов. / Отв. ред. Севостьянов. – М., 1996.

Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сборник документов. В 2-х т. – М., 1968–1971.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Вып. 1–3. – М., 1998–2001.

Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками. 1917–1922: Документы и материалы. / Сост. М.И. Кулькова и др. – М., 1996.

Юровский Л.Н. денежная политика Советской власти. 1917–1927 гг.: Избр. статьи. / Сост. Ю.М. Голанд. – М., 1996.

ЛИТЕРАТУРА

Байбаков С.А. История образования СССР: итоги и перспективы изучения. – М., 1997.

Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. – М., 1989.

Был ли у России выбор (Н.И. Бухарин и В.М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х гг.) / Б.В. Богданов. – М., 1996.

Вайнштейн А.Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921–1928 гг. – М., 1972.

Виноградов С.В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. – М., 1996.

Власть и общество России. XX век. — М.-Тамбов, 1999.

Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. – М., 1995.

Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. – М., 1991.

Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. – М., 1980.

Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х гг. – М., 1996.

Ивницкий И.А. Коллективизация и раскулачивание (нач. 30-х гг.) – М., 1996.

Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». – М., 1988.

Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. – М., 1996.

Карр Э. История советской России. Кн. 1: Большеви́стская революция. 1917–1923 гг. – М., 1990.

Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа. 1921–1923. – Саратов, 1996.

Махутина И.В. Польско-советская война. – М., 1994.

Мери В. Маннергейм – Маршал Финляндии. / Пер. со швед. – М., 1997.

Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). – М., 1966.

Муранов А.И., Звягинцев В.Е. Досье на маршала: Из истории закрытых судебных процессов. – М., 1996.

Новая экономическая политика: Уроки хозяйственных реформ. / Отв. ред. Ю.Ф. Воробьев. – М., 1989.

Новиков М.В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании. 1936–1939. – Ярославль, 1995. – Кн. 1-2.

Нэп: Приобретения и потери: Сборник статей. / Под ред. В.П. Дмитренко. – М., 1994.

Осокина Е.А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. – М., 1993.

Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. – М., 1994.

Павлюченков С.А. Крестьянский Брест или Предыстория большевистского нэпа. – М., 1996.

Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1931–1941. – М., 1992.

Фейнсоф Мерл. Смоленск под властью Советов. / Пер. с англ. – Смоленск, 1996.

Фишер Л. Жизнь Ленина. / Пер. с англ. – М., 1997. – Т. 1-2.

Чаянов В.А. А.В. Чаянов – человек, ученый, гражданин. – М., 1998.

Черчилль У. Мировой кризис. / Пер. с англ. – М.-Л., 1932.

Раздел IV

ИСТОЧНИКИ

Блокада рассекреченная. – СПб., 1995

Гриф секретности снят: потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. – М., 1993.

Документы внешней политики. 1939. – М., 1992. – Т. XXII. Кн. 1-2.

Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. – М., 1995. – Т. XXIII. Кн. 1-2.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1991. – Т. 1-3.

Кожурин В.С. Народ и власть. 1941–1945: Новые документы. – М., 1995.

«Литературный фронт»: История политической цензуры. 1932–1946 гг.: Сборник документов. / Сост. Д.Л. Бабиченко. – М., 1994.

Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. – М., 1995.

Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР: Секретные речи. Дневники. Воспоминания. / Пер. с нем. и сост. Г.Я. Рудой. – М., 1996.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. – М., 1989. – Т. 1-2.

Полпреды сообщают: Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940. – М., 1990.

Покрышкин А.И. Познать себя в бою. – М., 1986.

Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953); Сборник документов. – М., 1993.

Премьер известный и неизвестный: Воспоминания о А.Н. Косыгине. – М., 1997.

Реабилитация: Политические процессы 30-50-х гг. – М., 1991.

Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и последние записи. – М., 1996.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. – М., 1997.

Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. / Пер. с англ. – М., 1995.

Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР.

Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. – М., 1967.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М., 1950.

Тупельскирх К. История второй мировой войны. – М., 1956.

Черчилль У. Вторая мировая война: в 6-ти т. / Пер. с англ. – М., 1955.

Шпеер А. Воспоминания. / Пер. с нем. – Смоленск. 1997.

ЛИТЕРАТУРА

Адибеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. 1947–1956 гг. – М., 1994.

Анфилов В.А. Грозное лето 1941 г. – М., 1995.

Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х гг. Под политическим контролем ЦК. – М., 1994.

Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990. / Пер. с франц. – М., 1994.

Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. – М., 1993.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. – М., 1995. – Кн. 1.

Верт А. Россия в войне. 1941–1945. / Авториз пер. с англ. – М., 1967.

Всероссийская книга памяти. 1941–1945 гг. Обзорный том. – М., 1995.

Вторая мировая война: Актуальные проблемы. – М., 1995.

Вторая мировая война: Два взгляда. / Пер. с англ. – М., 1995.

Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. / Пер. с нем. – М., 1996.

Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны: Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны. – М., 1995.

Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. – Тверь, 1995.

Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. – М., 2001.

Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Краткий справочник. – М., 1995.

Кулаков Е.Н., Мязгов М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941–1945. Факты и документы / Под ред. О.А. Ржешевского. – М., 2001.

«Ленинградское дело». / Сост. В.И. Демидов, В.А. Кутузов. – Л., 1990.

Лиддел-Гарт Б. Вторая мировая война. / Пер. с англ. – М., 1976.

Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. – М., 1992.

Некрасов В. Тринадцать «железных наркомов». – М., 1995.

Поляк Г.Б. Послевоенное восстановление народного хозяйства. – М., 1986.

Союзники в войне. 1941–1945. – М., 1995.

Спар У. Жуков: Взлет и падение великого полководца. / Пер. с англ. – М., 1995.

Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. / Пер. с нем. – М., 1995.

Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. / Пер. с англ. – М., 1996.

Флайшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. / Пер. с нем. – М., 1991.

Хастингс М. Операция «Оверлорд»: Как был открыт второй фронт. / Пер. с англ. – М., 1989.

Раздел V

ИСТОЧНИКИ

Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. – М., 1993.

Брежнев Л.И. Материалы к биографии. – М., 1991.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. – М., 1996.

Конституция Российской Федерации. – М., 1993.

Хрущев Н.С. Воспоминания: Избранные фрагменты. – М., 1997.

ЛИТЕРАТУРА

Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства. 1985–1991. – М., 2001.

Денисова Л.Н. Исчезающая деревня. Нечерноземье России в 1960–1980 гг. – М., 1996.

Клепикова Е., Соловьев В. Борис Ельцин: Политические метаморфозы. – М., 1992.

Куда идет Россия. / Под ред. В.П. Данилова. – М., 1994. – Вып. 1.

Лельчук В.С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. – М., 1987.

На пороге кризиса: Нарастание застойных явлений в партии и обществе. / Под общ. ред. В.В. Журавлева. – М., 1990.

Опенкин Л.А. Сила, не ставшая революционной: Исторический опыт разработки КПСС политики в сфере науки и технического прогресса. 1917–1982 гг. – Ростов-на-Дону, 1990.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. – М., 1998.

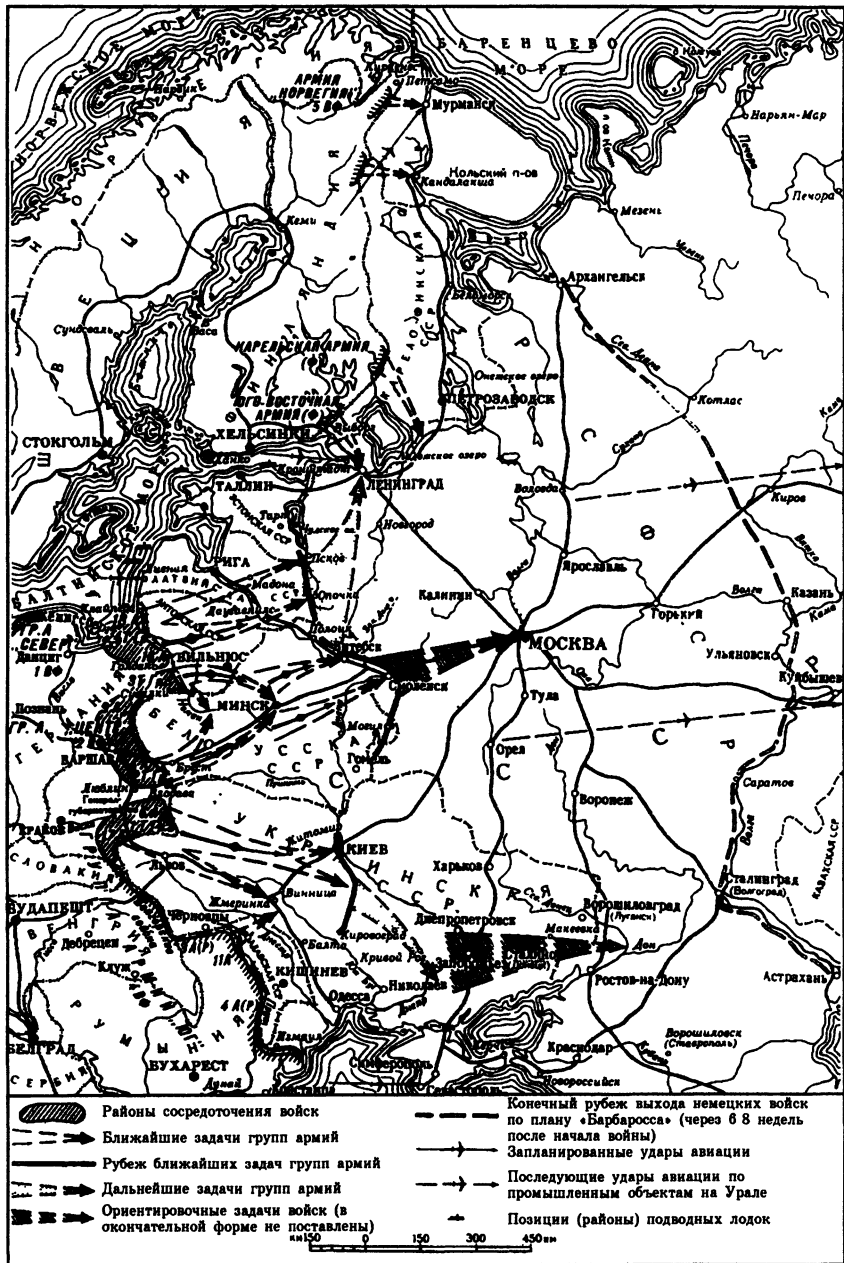
Советская внешняя политика в годы «холодной войны». 1945–1985 гг. Новое прочтение. / Л.Н. Нежинский и др. – М., 1995.

Хрущев Н.С.: Материалы научной конференции. / Горбачев-фонд. – М., 1994.

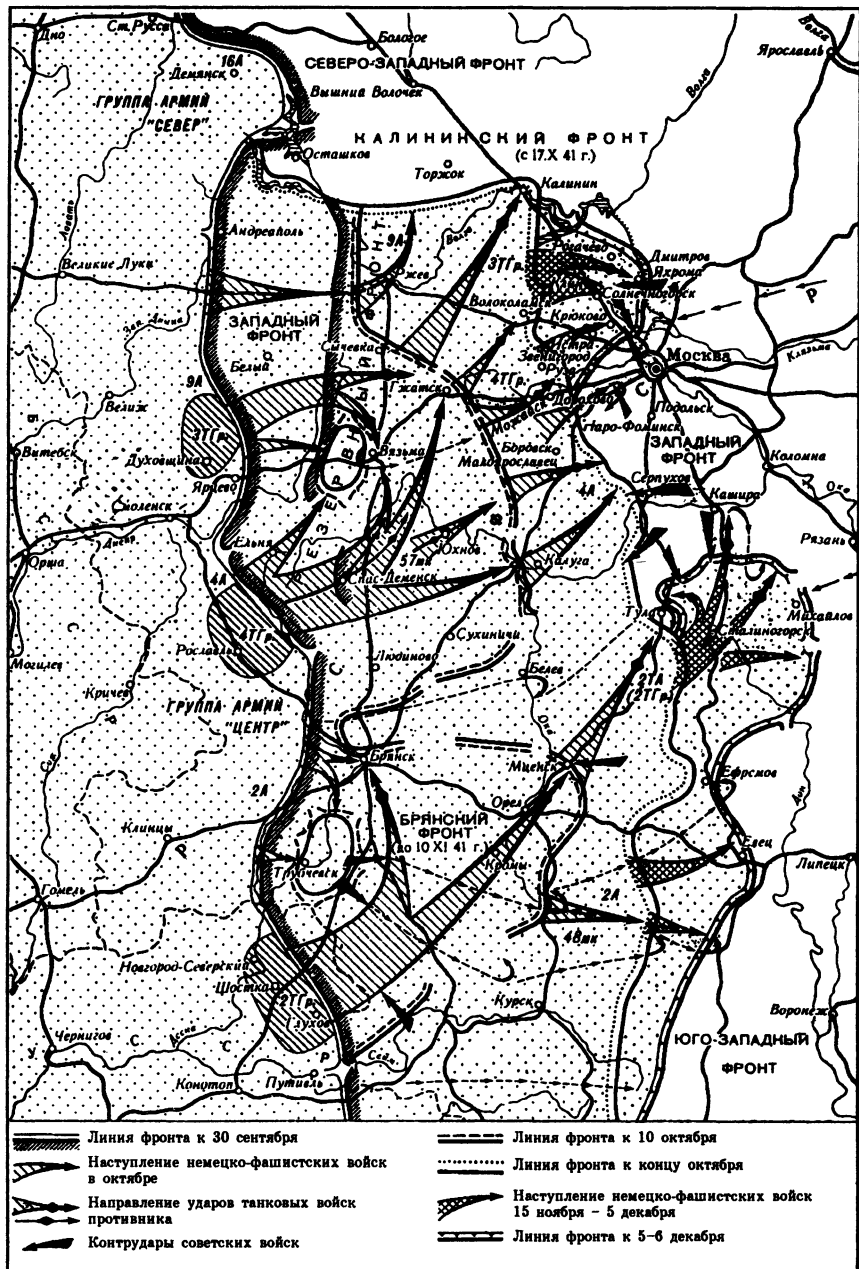
Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1995. – М., 1994.

Чешко С.В. Распад Советского Союза: Этнополитический анализ. – М., 1996.

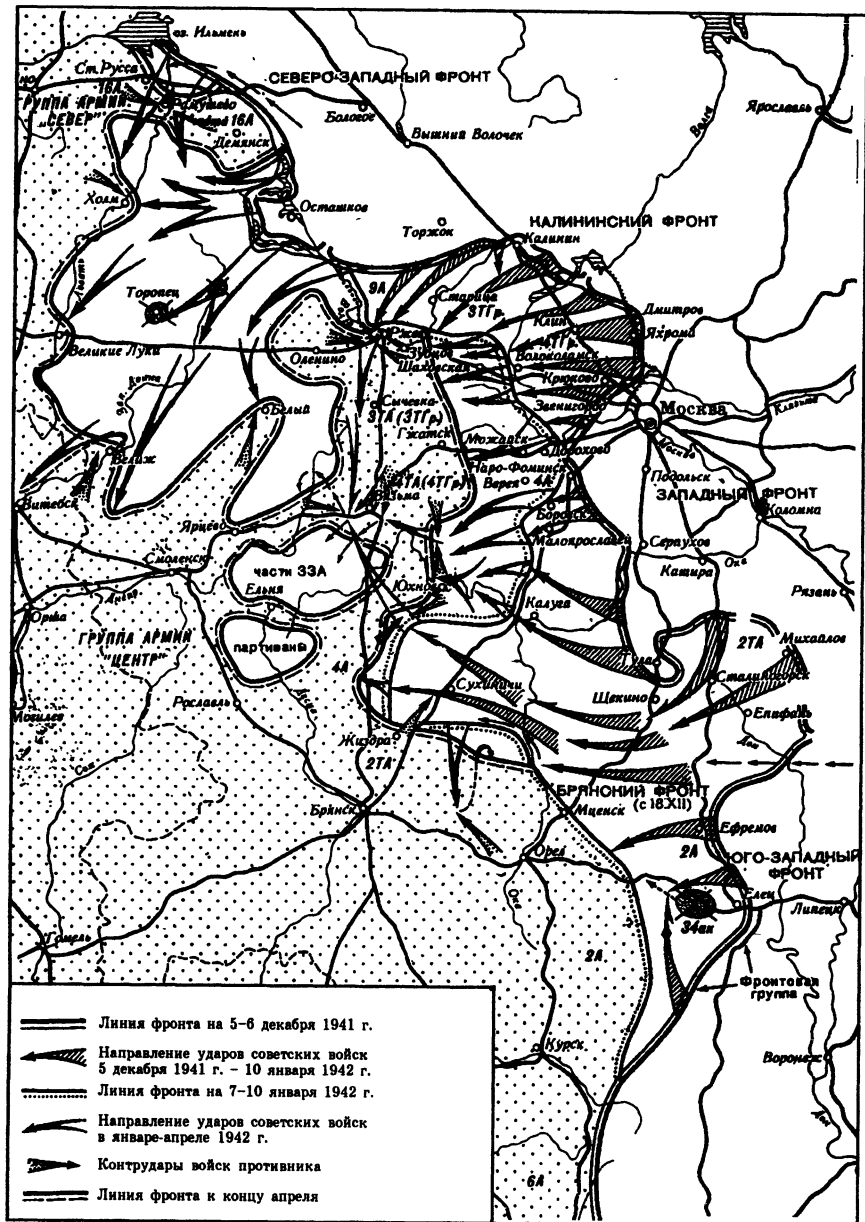
Экономические реформы в России: итоги последних лет. 1991–1996. / Отв. ред. В.П. Логинов и др. – М., 1997.

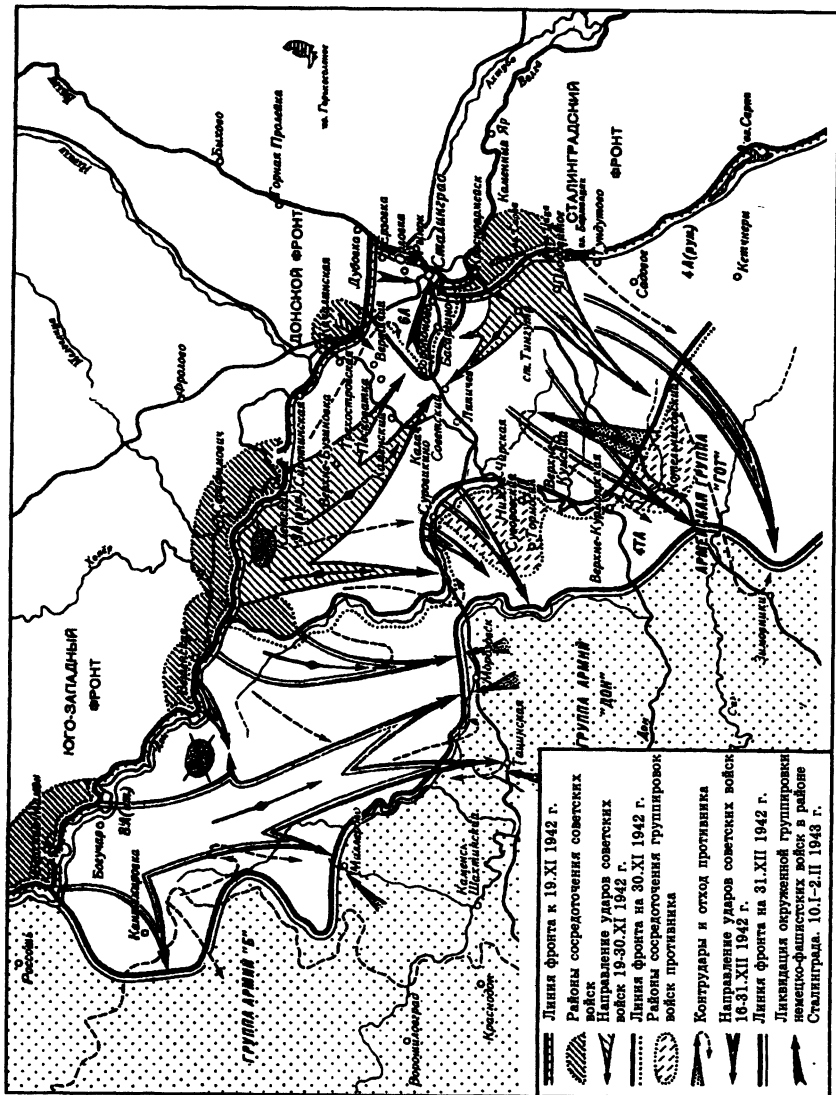
**План войны фашистской Германии против СССР
(план «Барбаросса»)**

**Оборонительное сражение под Москвой
30 сентября – 5 декабря 1941 г.**

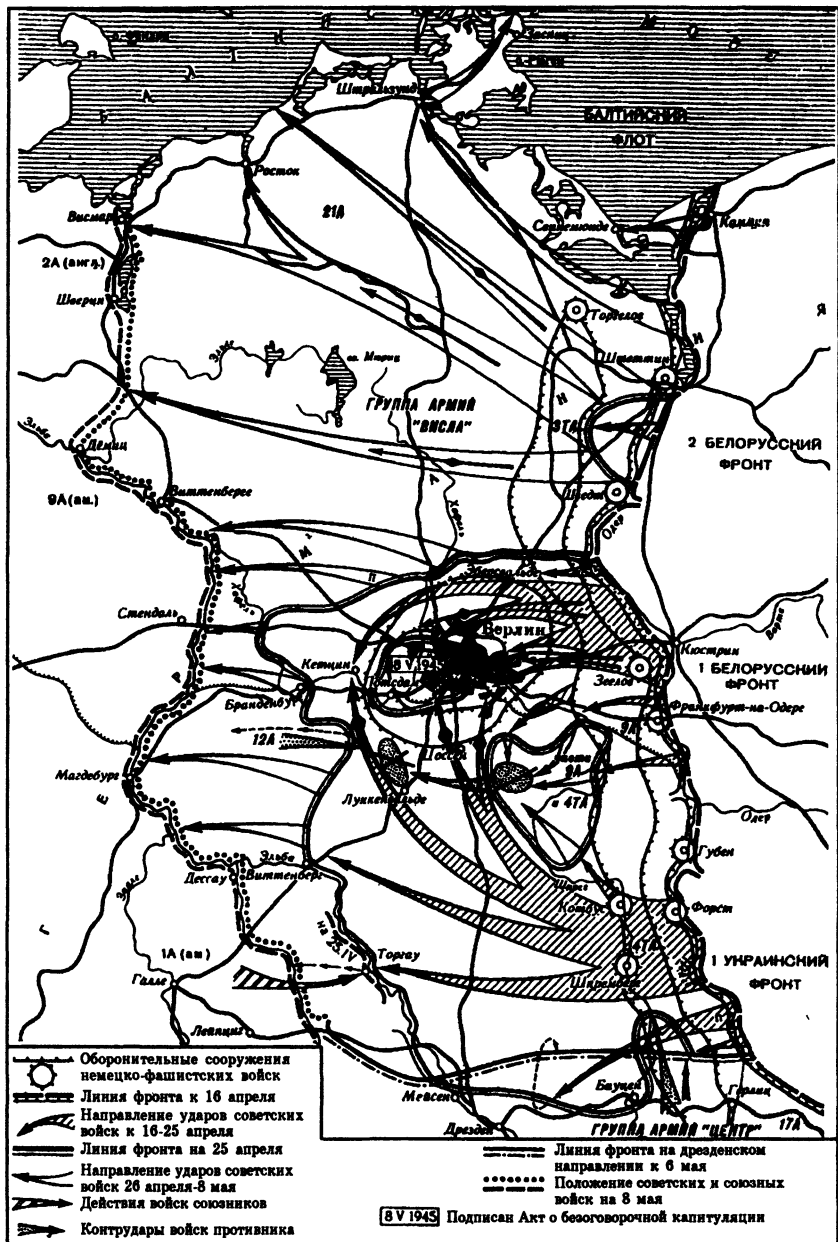
**Контрнаступление под Москвой и общее наступление Красной Армии.
Декабрь 1941 г. - апрель 1942 г.**

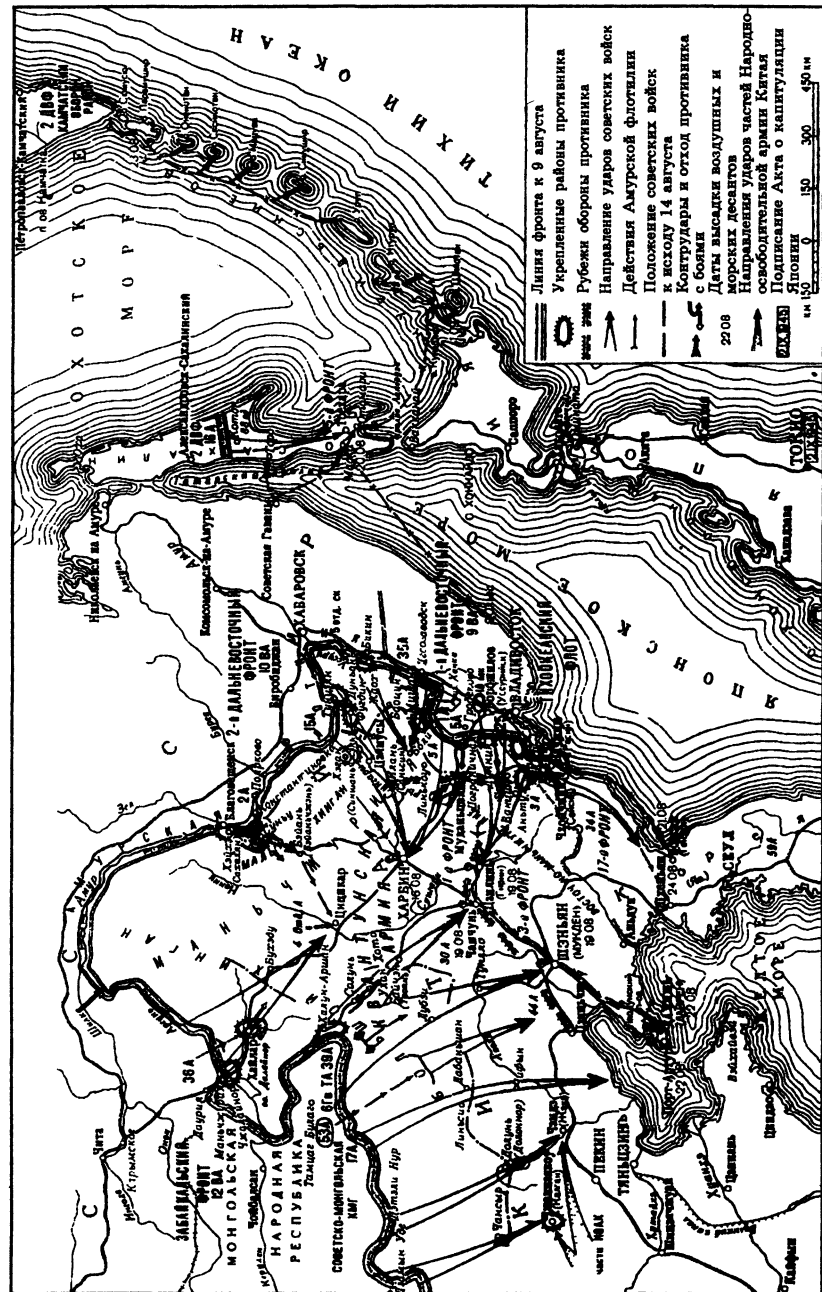
**Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом.
19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.**

Освобождение Белоруссии летом 1944 г.

Берлинская операция. 16 апреля – 8 мая 1945 г.

Разгром империалистической Японии. 9 августа — 2 сентября 1945 г.

РАЗДЕЛ III. ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКО-АВТОРИТАРНОГО ОБЩЕСТВА (часть 2)

Глава 10. Советский Союз на путях модернизации

§ 1. Модернизация промышленности	5
Поиски модели развития страны (5). Первый пятилетний план 1928–1933 гг. (11).	

§ 2. «Революция сверху» в советской деревне	28
Деревня накануне «великого перелома». Хлебозаготовки и чрезвычайные меры 1928–1929 гг. (28). Новый курс социально-экономической политики Советской власти (35). Проблема путей развития крестьянского хозяйства в научной и общественно-экономической мысли 20-х гг. (41). «Даешь сплошную коллективизацию!» (50). Раскулачивание как составная часть коллективизации и метод ее ускорения (54). Маневрирование власти (58). Завершение «революции сверху». Ее итоги и последствия (67).	

§ 3. Политический режим в 30-е годы	71
Завершение формирования аппарата принуждения (71). Искоренение организованной оппозиции (72). Лавирование правящего режима (74). Убийство Кирова (77). Конституция СССР 1936 г. (79). 1937 год (82). Изменения в политической системе (85). Личность Сталина (91).	

§ 4. Накануне войны	92
Мюнхенский сговор и позиция СССР (92). Советские инициативы по предотвращению нацистской агрессии в Европе (95). Англо-франко-советские переговоры в Москве (96). Советско-германский договор о ненападении (97). Позиция западных держав накануне и в начале второй мировой войны (99). Поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию (100). Договор о дружбе и границе между СССР и Германией (103). Договоры СССР с Балтийскими государствами (104). Советско-финляндская война (105). Международное положение в Европе после разгрома Франции (110). Советско-германские отношения в 1940 – весной 1941 г. (112). Укрепление дальневосточных рубежей СССР (113). Репрессии в Красной Армии (116). Укрепление обороноспособности СССР накануне войны (118). Подготовка Германии к войне против СССР (121). Экстренные меры Советского государства по отражению фашистской агрессии (123).	

Вопросы и задания	125

Глава 11. СССР в годы Великой Отечественной войны

§ 1. Начальный этап

(июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) 129

Приграничные сражения (129). Перестройка экономики страны на военный лад (136). Военно-промышленный потенциал страны во второй половине 1941 г. (138). Продовольственное снабжение страны (140). Бои за Киев и Смоленск (142). Блокада Ленинграда (144). Чрезвычайные меры по укреплению боеспособности Красной Армии (147). Оборонительный этап Московской битвы (148). Контрнаступление советских войск под Москвой (153). Военно-политические итоги победы под Москвой, ее международное значение (154). Союзнические отношения и создание антигитлеровской коалиции (155). Советская дипломатия в борьбе за открытие второго фронта в Европе в 1941–1942 гг. (157). Военные действия весной-летом 1942 г. (159). Приказ наркома обороны И. Сталина № 227 (161). Оборона Сталинграда и Кавказа (162). Немецкий оккупационный режим (164). Партизанское движение (165).

§ 2. Коренной перелом

(ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.) 167

Разгром немцев под Сталинградом (167). Международное значение победы под Сталинградом (172). Деятельность национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров» (173). Особенности развития советской военной индустрии (174). Совершенствование организации Красной Армии (176). Советский тыл (176). Советское правительство и Русская Православная Церковь (179). Курская битва (182). Итоги военных действий Красной Армии во второй половине 1943 г. (187). Роспуск Коминтерна (188). Проблема открытия второго фронта в Европе (189). Тегеранская конференция (190).

§ 3. Завершающий период

(1944 г. – сентябрь 1945 г.) 192

Положение воюющих сторон к началу 1944 г. (192). Помощь СССР по ленд-лизу (193). Советские стратегические наступательные операции в 1944 г. (194). О характере Отечественной войны на заключительном этапе (199). Крымская конференция (200). Положение советских военнопленных и репатриация советских граждан (202). Коллаборационизм в СССР. Власов и власовцы (204). Депортация отдельных народов СССР (207). Заключительные операции Красной Армии в Европе. Битва за Берлин (208). Потсдамская конференция (215). Разгром Квантунской армии (217). Культура в годы войны (221). Источники победы (227).

Вопросы и задания 232

Глава 12. Послевоенные годы (1946 г. – март 1953 г.)

§ 1. Экономика страны 234

Итоги войны (234). Послевоенная пятилетка (236). Итоги промышленного развития (240). Трудовые ресурсы и производительность труда (241). Заключение и спецпоселенцы (243). Разработка атомной бомбы (244). Денежная реформа и отмена карточек (245). Снижение цен (247). «Золотой» рубль (249). Голод 1946–1948 гг. (250). Деревня в послевоенные годы (252).

§ 2. Духовная, культурная и общественно-политическая жизнь 259

Церковь в послевоенный период (259). Высшее и среднее образование (260). Развитие послевоенной литературы и государственная политика в области художественного творчества (261). Искусство в послевоенное время (264). Демографическое состояние советского общества (266). Политический режим в последние годы жизни Сталина (267). Идеология и наука (274). Последние работы Сталина (275).

§ 3. Международное положение и внешняя политика Советского Союза 278

Истоки и причины «холодной войны» (278). Разгар «холодной войны» (281). Участие СССР в корейской войне (285). СССР и страны народной демократии (288). СССР и КНР в первые годы сотрудничества (292).

Вопросы и задания 293

РАЗДЕЛ V. ОТ СОВЕТСКОГО СОЮЗА К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Глава 13. Советское общество в 1953–1985 гг.

§ 1. Курсом реформ 297

Начало десталинизации общества (297). Реформирование законодательства (300). Социальные преобразования (301). Причины непоследовательности реформ 1953–1964 гг. (302).

§ 2. Хозяйственное развитие страны в 1953–1965 гг. 304

Целина (305). Кукурузная «лихорадка» (307). Переустройство хозяйственного уклада колхозников (308). Международное экономическое соревнование и развитие сельского хозяйства (311). Поиски эффективного механизма хозяйствования (313). Основные недостатки реформы 1965 г. (315). Создание топливно-энергетического комплекса страны (319). Развитие строительства (322).

§ 3. Социально-экономическое положение страны в 70-е – первой половине 80-х годов.	324

Снижение динамики хозяйственного развития СССР (324).
 Функции теневой экономики (325). Социальные процессы (327). Партия и общественные организации (328).

§ 4. Укрепление международного положения страны	330

Частичное преодоление наследия начального этапа «холодной войны» (330). Отношения со странами народно-демократического блока (331). Политика «кризисной дипломатии» (332). Политика публичной дипломатии (333). Международное положение во второй половине 60-х – начале 80-х годов (334). Отношения с капиталистическими странами (336).

§ 5. Наука, образование, культура и идеологическая практика	338

Развитие науки и техники. Научно-техническая революция (338). Народное образование (345). Развитие культуры (347). Идеологические процессы в обществе (349).

Вопросы и задания	351

Глава 14. Кризис и распад СССР

§ 1. Новый курс Горбачева	352

Апрельские перемены. (352). Экономические изменения (355).

§ 2. Перестройка политической системы и экономические новации	356

Новая стратегия Горбачева (356). Выборы 1989 года (359). Съезды народных депутатов СССР (360). Изменения в КПСС (361). Общественные движения и переход к многопартийности (362). Экономическая борьба с центром (364). Победа Ельцина (365).

§ 3. Распад СССР	366

Углубление межнациональных проблем (366). Союз, Россия и республики (374). Ново-Огаревский процесс (377). Август 1991 г. (379). На пути к беловежскому соглашению (381). Беловежское соглашение (384).

§ 4. Внешнеполитическая деятельность Горбачева и его команды	385

Концепция «нового политического мышления» и ее реализация (385).

Вопросы и задания	389

Глава 15. Современная Россия	
§ 1. Экономические реформы и их последствия	390
Начало реформ. (390). Приватизация (395).	
§ 2. Межнациональные отношения	400
Взаимоотношения России с республиками (400). Чеченская проблема (402).	
§ 3. Кризис власти	408
§ 4. Октябрьские события 1993 г.	410
§ 5. Россия во внешнем мире	413
Отношения с ведущими странами Запада (413). «Постсоветское пространство» (416).	
§ 6. Политическая жизнь сегодня	418
Реформирование органов власти (418). Выборы Президента России (421).	
Вопросы и задания	423
Список источников и литературы	424
Карты	435